

2023 – № 3

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (ГУ «Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

<i>Дампилова Л. С.</i> (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН) Связь обрядового фольклора бурят с наскальными рисунками	9
<i>Ойроткина Н. Р.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Поэтика и историзм жанров трудовой обрядности алтайцев	19
<i>Солдатова Г. Е.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года	34
<i>Исмаилова Е. И.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) <i>Леонова Н. В.</i> (Новосибирск, НГК имени М. И. Глинки) <i>Федотова Е. В.</i> (Чебоксары, ЧРИО) Чувашские песенные тексты Кемеровской области в сравнении с их вариантами из Волго-Уральского региона	48

Литературоведение

<i>Курышева Л. А.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) «Повесть о царе и его дочери» в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков: параллели и возможные источники	65
<i>Константинова Н. В.</i> (Новосибирск, НГПУ) Походные записки русских офицеров о войне 1812 года: проблема авторства	85
<i>Абрамова К. В.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Вещный мир в повести Л. Н. Толстого «Детство»	98
<i>Якимова Л. П.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Образ «женщины с ружьем» в гендерном контексте русской литературы	111
<i>Головчинер В. Е., Бабенко Н. А.</i> (Томск, ТГПУ) Обозрение / кумуляция в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца»	124
<i>Куликова Е. Ю.</i> (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Стихотворная книга Юрия Галича «Орхидея»: экзотическое и традиционное	138
<i>Богумил Т. А.</i> (Барнаул, АлтГПУ) «Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: берёза и пальма	156
<i>Калашикова А. Л., Синегубова К. В.</i> (Кемерово, КемГУ) Детские книги в художественной структуре романа М. Петросян «Дом, в котором...»	169
<i>Жиличева Г. А., Жиличев П. Е.</i> (Новосибирск, НГПУ) Событийная ретардация как основа абсурдистского дискурса (на материале произведений Д. Данилова)	182
<i>Рытова Т. А., Гридин А. О.</i> (Томск, ТГУ) Коммуникация «Я – гипертекст» в сюжете романа В. Пелевина «iPhuck 10»	197
<i>Силантьев А. И.</i> (Новосибирск, НГПУ) Теория дискурса в современном литературоведении	210

Языкознание

- Рыжикова Т. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Перцептивные особенности барабинско-татарских фонем /ø/ и /y/
(результаты комплексного экспериментально-фонетического исследования) 222
- Федина Н. Н., Тимкин Т. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Графическая вариативность при передаче звука [з'] в чалканском языке 238
- Тюнтешева Е. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Метафорические модели движения времени в алтайском языке
(в сравнении с другими тюркскими языками) 255
- Мамедов А. А., Кокоурова Е. А.** (Иркутск, ИГУ)
Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание 270
- Кашкин Е. В.** (Москва, ИРЯ РАН, МГУ)
Семантические функции сложных глагольных комплексов в горномарийском языке 282
- Стексова Т. И.** (Новосибирск, НГПУ)
Системные отношения в сфере тавтологий 299
- Дымарский М. Я.** (Санкт-Петербург, РГПУ, ИЛИ РАН)
К постановке тире в биноминативном предложении: случаи сравнительного союза и отрицания при сказуемом 312
- Ким Л. Г.** (Кемерово, КемГУ)
Множественная вариативность модусных смыслов в высказываниях адресатов как следствие конфликта интерпретаций (на материале «Словаря событийных концептов Кузбасса») 325

Рецензии

- Ким И. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Многоаспектность как принцип описания изъяснительного предложения в русском языке. Рецензия на книгу: Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с. 338

2023 – No. 3

**SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY**

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland;

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

Dampilova L. S.	Unveiling the connection between Buryat ritual folklore and rock paintings	9
Oynotkinova N. R.	Poetics and historicism of the genres of labor rituals of the Altaians	19
Soldatova G. E.	Tromagan Bear Feast: Khanty rite recorded in 2022	34
Ismagilova E. I., Leonova N. V., Fedotova E. V.	Chuvash song texts of the Kemerovo region in comparison with their variants from the Volga-Ural region	48

Literature

Kurysheva L. A.	“Povest’ o tsare i ego docheri” in the context of Russian fiction of the 17th – 18th centuries: parallels and possible sources	65
Konstantinova N. V.	Field notes of Russian officers about the War of 1812: the problem of authorship	85
Abramova K. V.	The material world in the story “Detstvo” by L. N. Tolstoy	98
Yakimova L. P.	The image of “a woman with a gun” in the gender context of Russian literature of the 1920s	111
Golovchiner V. E., Babenko N. A.	<i>Obozrenie / kumulyatsiya</i> in the play “Samoubiytsa” (“The Suicide”) by Nikolai Erdman	124
Kulikova E. Yu.	The poetry book “Orchid” by Yuri Galich: exotic and traditional Bogumil T.A. The “missing” trees in the arboreal image of Siberia: birch and palm	138 156
Kalashnikova A. L., Sinegubova K. V.	Children’s books in the artistic structure of the novel “The Gray House” by M. Petrosyan	169
Zhilicheva G. A., Zhilichev P. E.	Event retardation as the basis of the absurd discourse (a case study of the works of D. Danilov)	182
Rytova T. A., Gridin A. O.	A communication “I am a hypertext” in the plot of V. Pelevin’s novel “iPhuck 10”	197
Silantev A. I.	Discourse theory in modern literary studies	210

Linguistics

- Ryzhikova T. R.**
Perceptual features of the Baraba-Tatar sounds /ø/ and /ɣ/: comprehensive experimental phonetic study results 222
- Fedina N. N., Timkin T. V.**
Graphic variability in the transmission of sound [ʒ'] in the Chalkan language 238
- Tyuntsheva E. V.**
Metaphorical models of time flow in the Altai language: comparison with other Turkic languages 255
- Mamedov A. A., Kokourova E. A.**
Transformation of the combinability of the lexemes *strast'* and *prelest'*: a cultural linguistic analysis 270
- Kashkin E. V.**
Semantic functions of complex verb constructions in the Hill Mari language 282
- Steksova T. I.**
System relations in the sphere of tautologies 299
- Dymarsky M. Ya.**
A dash in a binominative sentence: cases of a comparative conjunction and negation before the predicate 312
- Kim L. G.**
Multiple variability of modus meanings in addressees' statements resultant from the conflict of interpretations (a case study of the "Dictionary of Kuzbass event concepts") 325

Reviews

- Kim I. E.**
Multidimensionality as a principle of describing the explanatory sentence in Russian language. Book review: Steksova T. I., Shmeleva T. V. Russian explanatory sentence in discursive space. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2022, 288 p. 338

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.1; 398.2

DOI 10.17223/18137083/84/1

Связь обрядового фольклора бурят с наскальными рисунками

Людмила Санжибоевна Дампилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

dampilova_luda@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>

Аннотация

Впервые в сравнительном аспекте на междисциплинарном уровне (фольклористика, этнография, археология) анализируется связь обрядовых вербальных материалов с наскальными рисунками. Целью работы является сравнительный анализ четырех писаниц с обрядами, проводимыми на этих горах. Определено, что писаницы совпадают, частично совпадают и не совпадают с обрядовыми действиями. Выявлено, что рисунки, совпадающие по времени с вербальным материалом обрядового действия, были специально нанесены шаманами или мифологизированы под шаманскую историю. Установлено, что древние памятники искусства на почитаемых горах не имеют шаманской семантики, но в обрядовом тексте присутствуют как сакральные знаки или подразумеваются как послания с небес для связи двух миров.

Ключевые слова

фольклор, архив, писаницы, шаманские песнопения, сакральное пространство, археология, обряд, рисунок

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259-6 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»)

Для цитирования

Дампилова Л. С. Связь обрядового фольклора бурят с наскальными рисунками // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 9–18. DOI 10.17223/18137083/84/1

© Дампилова Л. С., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 9–18
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 9–18

Unveiling the connection between Buryat ritual folklore and rock paintings

Liudmila S. Dampilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

dampilova_luda@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>

Abstract

For the first time, a comparative analysis of the correlation between ritual verbal materials and rock paintings has been conducted from an interdisciplinary perspective encompassing folklore studies, ethnography, and archeology. The study focuses on four variants of scribbles and the rites performed in these mountains. The analysis has led to the conclusion that the description of the drawing of a warrior on the mountain completely coincides with the rite dedicated to the mythological shamanic celestial Shargay-noyon. The second monument, dedicated to a real warrior, has also been found to correspond to the ritual devoted to the spirit-guardian Boro-Sharga. Due to the ancient origin of the drawings on Mount Khashkhai, a partial association with the ritual has been established, with the drawings being mentioned in the text of the ritual as a sign of the deity. No correlation has been identified between the earliest drawings from Mount Baitag and the rites conducted in the early 19th century and at present. The drawings matching in time with the verbal material of the ritual proved to have been intentionally drawn by shamans or mythologized under the shamanic story. The ancient monuments of art on the revered mountains have been found to have no shamanic semantics. In the ritual text, however, they serve as sacred signs or are implied as messages from heaven to connect the two worlds.

Keywords

folklore, archive, writings, shamanic chants, sacred space, archaeology, ritual, drawing

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project no. 121031000259-6 “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”)

For citation

Dampilova L. S. Unveiling the connection between Buryat ritual folklore and rock paintings. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/1

Введение

Сибирскими фольклористами, археологами и этнографами собран богатейший материал о культовом почитании гор Забайкалья и Предбайкалья с наскальными рисунками. Природные святые места (священные горы, камни, пещеры) рассматриваются как маркируемые, этнически обозначенные локусы / сакральные объекты с особыми мифологическими и символическими кодами.

На наскальных рисунках этнической Бурятии запечатлены элементы быта, охоты, хозяйственные обряды, шаманские заклинания, некоторые знаки хранят древние знания наших предков, которые предстоит расшифровать. В шаманских легендах и преданиях наскальные и пещерные рисунки имеют своих хозяев, которым ежегодно посвящались специальные ритуальные обряды поклонения. По древней монгольской культовой традиции духи-хозяева письмен (*зурагай эзэн*) с небес посылают священные знаки, которые несут земным людям особую благо-

дать. Небесных богов (*тэнгри*) в монгольских рукописных шаманских песнопениях называют «создателями всего» [Поппе, 1932, с. 162].

Нанесенные на камни и скалы рисунки, зачастую не имеющие шаманской семантики, относят к тайным письменам, в вербальном материале маркируя функции небесных божеств как посланников священных знаков с верхнего мира. Так называемые небесные знаки как ритуальные символические коды обрастают особым смыслом в зависимости от времени и контекста обряда. Сакральные символические знаки, как и материальные предметы ритуала, в вербальном контексте сохраняют известную свободу, а включение в различные обряды придает им семантическую значимость. На горах с писаницами проводятся обрядовые действия, которые могут быть как тесно связаны, так и частично или совершенно не связаны с наскальными рисунками. В работе рассматриваются с фольклорной точки зрения вербальные материалы обрядовых действий, сохранившиеся в архивах, с приблизительной датировкой рисунков по археологическим данным. Основными источниками информации о памятниках открытого типа Предбайкалья и Забайкалья являются работы А. П. Окладникова, В. Д. Запорожской, А. В. Тиваненко и А. И. Мазина по итогам их многолетних полевых исследований. Вербальные материалы обрядов, связанных с Ленскими (Шишкинскими) писаницами, исследованы автором статьи в отдельной работе, поэтому в данной статье этот объект не рассматривается.

Методы анализа

В современной науке актуальным представляется сопоставление вербальных материалов обрядового фольклора с археологическими и этнографическими данными. Междисциплинарный подход позволяет свести данные, полученные в разных отраслях науки, в единую концепцию и обосновать новые выводы. В настоящей статье впервые проводится сравнительный анализ наскальных рисунков со священных гор Предбайкалья с обрядовыми текстами, посвященными этим горам.

Обряды на писаницах Хан Шаргай и Боро Шарга

Крупные бурятские племена эхириты, булагаты и хонгодоры устраивали шаманскому небожителю Хан-Шаргай-нойону как своему покровителю индивидуальные (*хаялга*, *дуһалга*, *заһал* и *хэрэг*) и общественные шаманские обряды (*тайлган*), отдельно проводился большой общественный *тайлган* его писанице. Ритуалы, посвященные горам и писаницам, сопровождалась играми, соревнованиями и огромными расходами. Обряд поклонения писанице Хан-Шаргай-нойона с жертвоприношением коня в 1942 г. подробно записан этнографом и фольклористом С. П. Балдаевым от Бата Зурбанова 72-х лет в улусе Б. Аларь Аларского аймака. По данным Б. Э. Петри, для проведения данного обряда «ежегодно 200–300 дворов выезжали на *тайлган* с одним конем и каждый со своей водкой и едой. В каждом племени существовала своя традиция, которая определяла количество жертвенных животных тем или иным божествам» [Петри, 1924, с. 21].

Писаница Шаргай-нойону (*Шаргайн шулуун зураг*) находится в верховьях реки Уды (Нижней), притоке реки Оки, на которой изображены человек, стоящий с натянутым луком, рядом его конь. М. Н. Хангалов подробно описал портрет Шаргай-нойона по шаманской традиции: «Шаман нарисовал мне Хан Шаргай нойона,

стоящим верхом на лошади на вершине 4-главой горы Халма-ула, сзади его изображено облако, а за ним орел, а пониже должны быть помещены 2 жолоша, 2 держателей поводьев или стремянных, но шаман их не изобразил; Хан Шаргай нойон имел за плечом колчан со стрелами, щит в виде круга с идущими от центра лучами, при бедре саблю, кнут и футляр для лука, который он держит обеими руками натянутым, с наложенной стрелой» [Хангалов, 2004, с. 250].

Можно предположить, что более упрощенный образ Шаргай-нойона как воина был специально нарисован шаманами на скале, и этому памятнику посвятили обряд поклонения. «Небесный Шарга» как мифологический божественный персонаж, спустившийся на землю для помощи людям, семантически близок к образу эпического героя воина-богатыря Гэсэра. Стоит отметить как этническую особенность бурят умение устанавливать родственные связи даже в мифологических историях: «Хан Шаргай-нойон приходится дядей Гэсэру в представлении тункинцев» [Дугаров, 2013, с. 130].

Примечательно, что Шаргай-нойон в шаманских текстах, наравне с развернутой мифологической историей божества солнечного цикла, восхваляется как реальный герой, связанный с историческими событиями: *Манжуу хара дайсанаар / Муяа-мундыгаар тулалайт, / Халхын хара дээрэмшэнээр / Хабархан эдирхэн тулалайт!*¹ 'С маньчжурскими черными воинами / Мужественно сражались вы, / С халхаскими черными разбойниками, / Отважно бились вы'. За свои воинские подвиги Шаргай-нойон получил высокое звание мастера своего дела *дархан*. В бурятском языке слово *дархан* полисеманлично, одно из его значений 'кузнец' связано с небесными божествами кузнечного огненного цикла, также это слово может обозначать мастера высокого класса и человека «вольного, не связанного повинностями» [Черемисов, 1951, с. 206]. В данном контексте в образе Шаргай-нойона прослеживается не столько мифологизация исторических событий, сколько устойчивая контаминация мифологических и исторических кодов.

В вербальных текстах, сопровождающих обряд, записанных С. П. Балдаевым в 1940 и 1942 гг., согласно теме ритуала манифестируется его мифологическая функция как божества, который не только сам спустился на эти горы, но и божественный лик свой проявляет на скале: *Буумал шулуунда / Үзэгэй зураһан бурхан! / Ургамал шулуунда / Үзэгэй хэһэн бурхан!*² 'На спустившемся с неба камне / Изображение свое оставившее божество. / На выросшем камне / Письмена свои оставившее божество!' Вполне вероятно, что именно этому изображению небожителя-воина посвятили специальный обряд, рисунок полностью совпадает с обрядом и его вербальным сопровождением.

Есть еще похожая писаница, посвященная западному небожителю Боро-Шарга. На отвесной скале у реки Белой (приток Ангары) изображен воин с натянутым луком. Имя его Боро-Шарга похоже на Шаргай-нойона, и рисунок идентичный, но без коня. Думается, что это два разных памятника, ибо С. П. Балдаевым записаны два разных текста обрядового действия и им же указаны разные места расположения. Заметим: в данном случае этнограф уточнял, что изображение было посвящено воину, стойко противостоявшему эвенкийским набегам: «На писанице в верховьях реки Белой (Бүлэн), левого притока Ангары, на высокой отвесной скале изображен вождь шошолокского рода силач и мэргэн Боро-Шарга с натя-

¹ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1272.

² Там же. Л. 31.

нутым луком, направленным в сторону врагов – эвенков. Он был убит в сражении с эвенками, и здесь находится его могила» [Балдаев, 1970, с. 181–182]. К этой писанице присоединили шаманскую историю о божестве, защитнике от злых духов: *Боро Шарга ноён / Харташанай хаалга, / Бортошоной боогол*³ ‘Боро-Шарганойон / Для коварных врагов – преграда, / Для злейших врагов – препятствие’. Данный рисунок реального воина, нанесенный на скале, в связи с историческими событиями, мифологизируется и совпадает с образом хозяина писаницы.

Обряд на горе Хашхай

Также С. П. Балдаевым записан обряд поклонения как горе, так и писанице в улусе Хашхай Унгинского ведомства Балаганского уезда Иркутской области в 1910 г., где жили буряты сартульского рода. На писанице, находящейся на горе Хашхай в долине реки Унги (левый приток Ангары), изображены сцены из жизни жителей долины. Нарисованы охотники, повседневный быт людей. На следующем рисунке четко видны верблюды (рис. 1), как и на Шишкинских писаницах. Наличие верблюдов в Западном Прибайкалье подтверждается тем, что верблюды представлены на древних писаницах эпохи курыкан на Верхней Лене [Окладников, Запорожская, 1959, с. 115]. В Западной Бурятии до середины XX в. верблюды были распространены у балаганских и верхоленских бурят.

Рис. 1. Фото верблюда на горе Хашхай
Fig. 1. Photo of a camel on Mount Khashkhai

В шаманской легенде, записанной С. П. Балдаевым в начале XX в., хозяева горы и писаницы Хашхай Толгой-Саган-нойон и Толото-Саган-хатан почитались как покровители пришлого рода сартул. Спустившимся с небес божествам как

³ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1046. Л. 28.

хозяевам горы и писаницы проводился ежегодный общественный обряд жертвоприношения. В вербальном материале обряда присутствует трафаретная формула, единая во многих обрядовых действиях, посвященных горам с рисунками: *Бурхата тэнгэриин байсаран / Байса шулуунда хууридаһан / Хан тэнгэриин байсаран / Хашхай шулуунда хууридаһан*⁴ 'При наличии божественного неба / На скале расположившиеся, / При наличии царственного неба / На Хашхай-горе обосновавшиеся'. Хотя обряд проводится покровителям рода сартулов, и рисунки не имеют отношения к собственно обрядовому действию, они упоминаются как священные знаки. Думается, если письмена нанесены в эпоху курыкан, а бурятский обряд более позднего происхождения, можно констатировать их частичную связь.

Писаницы на горе Байтаг

Гора Байтаг находится в Усть-Ордынском районе Иркутской области, считается священным местом поклонения бурят эхиритского племени. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, гора Байтаг «знаменита тем, что на ее *тайлган* съезжаются до 3–4 тысяч человек, колют до 400–500 баранов, до 40 и более лошадей» [Жамцарано, 2001, с. 333]. По мнению Б. З. Нанзатова и М. М. Содномпиловой, «вполне вероятно, что территория нынешнего Байтога была заселена предками буровцев (буряты эхиритского племени. – *Л. Д.*) на средневековом этапе, в курумчинское время. Наличие же оросительной системы указывает на представителей курумчинской культуры, оставивших огромный след в истории региона» [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 47]. Название горы возводится к тюрк. *бай* – 'священный, богатый, чудодейственный' и *таг* – 'гора', известно оно еще с древнетюркского времени [Мельхеев, 1969, с. 37, 114]. Можно предположить, что название фиксирует сакральную функцию горы, передаваемую с древних времен.

В архивных материалах, относящихся к экспедиции Ц. Ж. Жамцарано по Кудинской долине Иркутской области 1905–1906 гг., особый интерес представляет описание горы Байтаг и рисунков со скал⁵. Сейчас на горе Байтаг не осталось ни одного рисунка, и только благодаря бесценному подвигу ученого-монголоведа, собирателя фольклора Ц. Ж. Жамцарано есть возможность анализировать сделанные от руки рисунки. Ученый отметил, что под рисунками имеется пометка недавнего времени «1814», поздняя запись на скале, и это почти за 90 лет до посещения им данной горы.

По записям Ц. Ж. Жамцарано выясняется, что он одну сцену срисовал с обломка, найденного на горе, о другой сцене сказано: «верхняя половина картины обвалилась, до 50 рисунков нам удалось срисовать, лишь наиболее важную часть»⁶. На схематических рисунках, сделанных исследователем с западной стороны горы, изображены разные элементы бытовой жизни: кибитка, запряженная скорее волком, чем лошастью, ибо явно видны воловьих рога (рис. 2); скачут всадники на конях, подгоняя их кнутом.

Для определения времени создания данных рисунков здесь значимо наличие кибитки, как и на Ленских скалах, ясно показывающее, «что их владельцы были настоящим кочевым племенем, как монголы XI–XIII вв., а не оседлым и полuosедлым народом, подобно тюркам-курыканам. Исчезновение подобных кибиток

⁴ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1275. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. Ц. Ж. Жамцарано № 6. Оп. 1. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 25.

у собственно монголов в Халхе до XV в. дает право полагать, что и на Лене они относятся к весьма раннему времени, очевидно, ко времени распространения там древних монгольских переселенцев» [Окладников, 1959, с. 174].

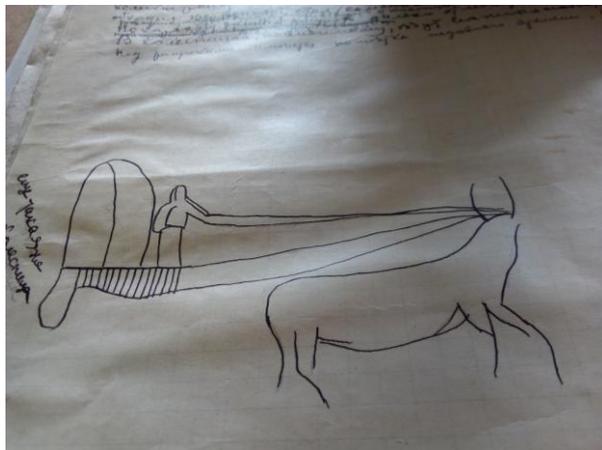

Рис. 2. Кибитка, запряженная волом на горе Байтаг
Fig. 2. A wagon drawn by an ox on Mount Baytog

По выводу Ц. Ж. Жамцарано, на картинах изображены сцены облавной охоты на зверей: «До недавнего времени гора Байтаг служила местом облавы *зэгтэ аба*»⁷. Если рисунки относятся к периоду облавной охоты монголов и кибитки принадлежат древним монголам, то можно предположить, что рисунки относятся к истории монголов и бурят XI–XIII вв. (рис. 3).

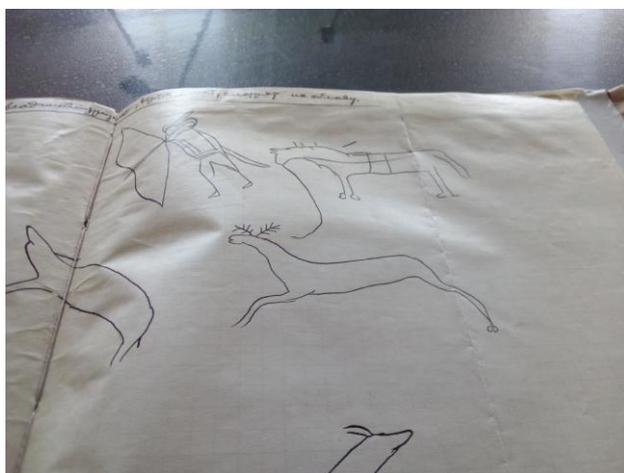

Рис. 3. Сцена охоты на горе Байтаг
Fig. 3. Hunting scene on Mount Baytog

⁷ ЦВРК ИМБТ, ф. Ц. Ж. Жамцарано № 6, оп. 1, л. 25.

Для каждого племени бурят и монголов близлежащие большие горы олицетворяли сакральный центр родовых промысловых угодий. Облавная охота как древний вид жизненно необходимых общественных мероприятий сопровождался обязательными шаманскими ритуалами, способствующими достижению намеченной цели. Шаманы зачастую выполняли функцию предводителей своего клана, и, что примечательно, «начальником зэгэтэ-аба был главный шаман-галши, которому подчинялись все участники облавы. Он управлял зэгэтэ-облавышками с помощью других высших шаманов, которые занимали разные должности в зэгэтэ-аба» [Хангалов, 2004, с. 59]. Поэтому естественной является сакрализация сцен охоты во время *зэгэтэ-аба* на скалах, подчеркивающая священность родовой горы.

Ц. Ж. Жамцарано в упомянутой экспедиции записал обряд, проводимый на горе Байтаг: «Тогда жертвоприношения совершали в честь богини, которая дарует детей. Имя ее Нугулай төөдэй, дочь тэнгрия, снизошедшая по велению богов» [Жамцарано, 2001, с. 333]. Получается, во время записи Ц. Ж. Жамцарано молились так называемой Байтагской бабушке (*Байтагай төөдэй*). В данном случае рисунки не соответствуют шаманской легенде, не имеют мифологической нагрузки, связанной с темой обрядового действия. Рисунки и шаманская легенда о хозяйке горы явно расходятся во времени.

Если Ц. Жамцарано записан обряд поклонения хозяйке горы как покровительнице детей, то, по современным полевым материалам Н. Б. Дашиевой, эхириты, переселившиеся в Кабанский район Бурятии, в своих призываниях трафаретно упоминают гору Байтаг «как священное родовое хранилище: *Даб гэнэн дайда, / Дахид гэнэн долай, / Эхэ сагаан Байтаг!* [Дашиева, 2001, с. 19] ‘Встрепенувшаяся земля, / Всколыхнувшееся море, / Мать белый Байтаг!’. Со временем хозяйка горы Байтаг из особой Байтагской бабушки, покровительницы детей, становится всеобщей матерью, хранительницей большого племени эхирит. Примечательно, что и сегодня сохраняется функция горы как хранительницы души ребенка: «На вершине горы, где располагаются жертвенники, сложены две кучи камней, где каждый камень символизирует собой душу мужчины. Отец ребенка совершает жертвоприношение овцой предкам и духам-хозяевам местности и дополняет кучку камней новым камнем, символизирующим душу новорожденного мальчика» [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 53].

Сегодня буряты эхиритского племени со всей этнической Бурятии ездят поклоняться хозяйке горы Байтаг как хранительнице и защитнице рода. Со временем рождается новая легенда о хозяевах священных гор с более широким семантическим наполнением. В современный период гора является объектом поклонения, где не упоминаются рисунки. Память о рисунках с древних времен, как бы ниспосланных божествами, являются доказательством связи горы с небом и подспудно увеличивают священность почитаемого пространства. Вполне допустимо, что в обрядовых текстах, посвященных горе Байтаг, было трафаретное упоминание о письменах.

Заключение

Итак, нами рассмотрены три разных варианта почитания рисунков на скалах как мифологических, этнически обозначенных кодов. В первом случае писаницы на горе позднего происхождения соответствуют шаманской мифологии, и существуют специальные обряды, посвященные писаницам Шаргай-нойона и Боро-Шарга. В обрядовых действиях на горе Хашхай шаманская легенда обряда не свя-

зана с рисунками древнего периода, но гора почитается за свои рисунки, что сохранилось в вербальной части обряда. В почитании горы Байтаг выявлено, что обряды связаны только с горой, а не с писаницами.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что наскальные рисунки, время нанесения которых установлено приблизительно, переходя из поколения в поколение от одного народа к другому, населяющему данную местность, меняют свою семантику, мифологическую кодировку согласно традиции и верованиям народа. Древние рисунки, связанные с реальными бытовыми сценами, хотя не имеют шаманской мифологической семантики, в обрядовом событии почитаются как отправленные с неба коды, маркируя сакральное этническое пространство. В связи с обожествлением объекта рисунки на скалах священных гор зачастую приобретают легенду, связанную с шаманскими мифами и реальными историями. Они «включены в синкретический текст ритуала или мнемонически связаны с устными текстами, приуроченными к данному месту и времени» [Лотман, 2000, с. 369]. В ходе сравнительного анализа рисунков с гор и вербальных составляющих обряда установлена подмена исторических фактов востребованным данным временем мифологическим кодом. Также выявлено, что сопровождающий обрядовые действия вербальный материал может иметь собственную мифологическую историю, не связанную с наскальными рисунками.

Список литературы

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1. 364 с.

Дашиева Н. Б. Бурятские тайлганы. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 105 с.

Дугаров Б. С. Присяянье – Хубсугул: историко-культурные связи и параллели. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 258 с.

Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 185 с.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Байтог: «Баруун буураһууд». Исследование локальной группы бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 47–54.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 214 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.

Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. ин-та при Иркутском университете. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1924. Т. 1, вып. 2. 24 с.

Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей // Зап. Ин-та востоковедения Академии наук. М.; Л.: [Б. и.], 1932. Т. 1. С. 151–200.

Хангалов М. Н. Собр. соч.: В 3 т. Улан-Удэ: Республ. тип., 2004. Т. 1. 508 с.

Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

References

Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Genealogical stories and legends of Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1970, pt. 1, 364 p.

- Cheremisov K. M. *Buryat-mongol'sko-russkiy slovar'* [Buryat-Mongol-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. Slovary, 1951, 852 p.
- Dashieva N. B. *Buryatskie taylgany* [Buryat tailgans]. Ulan-Ude, ESSIC, 2001, 105 p.
- Dugarov B. S. *Prisayan'e – Khubsugul: istoriko-kul'turnye svyazi i paralleli* [Prisayanye – Khubsugul: historical and cultural ties and parallels]. Ulan-Ude, BCC SB RAS, 2013, 258 p.
- Khangalov M. N. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collection of works: in 3 vols]. Ulan-Ude, Respubl. tip., 2004, 508 p.
- Lotman Ju. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2000, 704 p.
- Mel'kheev M. N. *Toponimika Buryatii* [Toponymy of Buryatia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1969, 185 p.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Baytog: “Baruun buurahuud”. Issledovanie lokal'noy gruppy buryat [Baytog: “Baruun buurahuud”. Research of a local group of Buryats]. In: *Narody i kul'tury Sibiri. Vzaimodeystvie kak faktor formirovaniya i razvitiya* [Peoples and cultures of Siberia. Interaction as a factor of formation and development]. Irkutsk, 2005, iss. 4, pp. 47–54.
- Okladnikov A. P. *Shishkinskie pisanitsy* [Shishkin pisanitsy]. Irkutsk, Irk. kn. izd., 1959, 214 p.
- Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Lenskie pisanitsy. Naskal'nye risunki u derevni Shishkino* [Lena's writings. Rock paintings near the village of Shishkino]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, 144 p.
- Petri B. E. Territorial'noe rodstvo u severnykh buryat [Territorial kinship among the Northern Buryats]. In: *Izv. Biol.-geogr. nauch.-issled. in-ta pri Irkutskom universitete* [Proceedings of the Biol.-Geogr. Scientific Research Institute at the Irkutsk University]. Irkutsk, ISU, 1924, vol. 1, no. 2, 24 p.
- Poppe N. N. Opisanie mongol'skikh “shamanskikh” rukopisey [Description of Mongolian “shamanic” manuscripts]. In: *Zap. In-ta vostokovedeniya Akademii nauk* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad: [B. i.], 1932, vol. 1, pp. 151–200.
- Zhamtsarano C. *Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BCC SB RAS, 2001, 380 p.

Информация об авторе

Людмила Санжибоевна Дампилова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, координатор проекта отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Information about the author

Ludmila S. Dampilova, Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.12.2022;
одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 16.02.2023
The article was submitted on 21.12.2022;
approved after reviewing on 16.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023*

Научная статья

УДК 398.332 (=512.151)

DOI 10.17223/18137083/84/2

Поэтика и историзм жанров трудовой обрядности алтайцев

Надежда Романовна Ойноткинова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Статья посвящена поэтике и историзму жанров трудовой обрядности алтайцев: охотничьих благопожеланий и заклинаний, скотоводческих и земледельческих заговоров и благопожеланий. В современных условиях изменения трудовой жизнедеятельности алтайцев некоторые из жанров почти утратили свое бытование в естественной среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации и публикации текстов обрядового фольклора алтайцев в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новизна исследования заключается в определении жанровых признаков текстов трудового фольклора алтайцев с применением историко-типологического метода.

Ключевые слова

фольклор алтайцев, трудовые обряды алтайцев, семантика и прагматика жанров трудовой обрядности алтайцев, охотничьи благопожелания и заговоры, скотоводческие заговоры, трудовые песни

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Поэтика и историзм жанров трудовой обрядности алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 19–33. DOI 10.17223/18137083/84/2

Poetics and historicism of the genres of labor rituals of the Altaians

Nadezhda R. Oinotkinova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

The study is devoted to the characterization of the genres of labor rituals of the Altaians from the point of view of their historicism: hunting wishes and incantations, cattle-breeding, and agricultural incantations. The various speech genres and rituals surrounding work serve to

© Ойноткинова Н. Р., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 19–33
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 19–33

regulate human behavior, develop labor skills, and provide guidelines for interacting with the environment in everyday life. The study materials included published and unpublished texts on the labor rituals of the Altaians. Combining the historical-typological method with the contextual analysis of ritual texts allowed the specifics of the folklore genres under consideration to be identified. A conclusion is drawn that some genres of labor activity continue to exist in the natural environment and are considered unique phenomena in the modern lifestyle of the Altaians. A feature of hunting and agricultural wishes is their relationship with the animistic cult of nature worship. An important pragmatic component of hunting wishes is expressing a wish in order to obtain what is desired. The essential magical practices of the Southern Altai people include the compulsion to accept a newborn calf in case the uterus refuses to feed it. The Southern Altaians sing incantations to domestic animals, with certain extra-linguistic words-symbols fixed for each animal. The agricultural rituals of the Altaians in the past were associated with grain cultivation since cereals were of paramount importance in their diet.

Keywords

folklore of the Altaians, labor rituals of the Altaians, semantics and pragmatics of the genres of labor rituals of the Altaians, hunting good wishes and incantations, cattle-breeding incantations, labor songs

For citation

Oynotkinova N. R. Poetics and historicism of the genres of labor rituals of the Altaians. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 19–33. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/2

Традиционная народная обрядность алтайцев в процессе своего существования накопила опыт многих поколений. Трудовые обряды были направлены на регулирование поведенческих стереотипов человека в быту и труде, на содействие освоению трудовых навыков, на соблюдение правил взаимодействия индивидуума с окружающей средой. К трудовой обрядности алтайцев относятся охотничьи, скотоводческие и земледельческие обряды, сопровождаемые поэтическими произведениями, благопожеланиями, заговорами, заклинаниями, песнями. Цель данной статьи – выявление особенностей жанров алтайского фольклора, функционирующих в системе трудовой деятельности человека.

Трудовая обрядность алтайцев имеет схожие черты с обрядностью других тюрко-монгольских народов, о чем свидетельствуют исследования по обрядности калмыков Т. Г. Борджановой [2007], тувинской обрядности Ж. М. Юша [2009]. В анализе фольклора мы опирались на фольклорно-этнографическое описание обрядов, связанных с земледелием, охотой и скотоводством у алтайцев, представленных в трудах этнографов: Н. П. Дыренковой [1949], Л. П. Потапова [1929; 1952; 2001], Ф. А. Сатлаева [1970; 1974], К. Е. Укачиной, Е. Е. Ямаевой [1993], С. П. Тюхтеновой [2009; 2017], Э. Г. Торушева [2007а; 2007б; 2013; 2017; 2018; 2019а; 2019б; 2019в].

Материалом исследования послужили опубликованные в сборниках и монографиях тексты по трудовому фольклору алтайцев, а также наши неопубликованные полевые записи по трудовой обрядности алтайцев. Впервые тексты охотничьих, скотоводческих, земледельческих обрядов алтайцев, собранные в XX в., были опубликованы на алтайском языке в сборнике «Алтайские благопожелания» [Укачина, Ямаева, 1993]. В коллективное издание «Обрядность в традиционной культуре алтайцев» [2019] были включены различные благопожелания и песни, исполняющиеся в разных сферах трудовой обрядности алтайцев.

Одним из фундаментальных направлений в изучении отдельных жанров фольклора является историческая типология, целью которой становится выявление различных исторически сменяющихся друг друга форм того или иного жанра

в пределах одной этнокультурной традиции или жанровых форм, существующих на одном синхронном срезе в разных этнических традициях. В нашей работе применялся *историко-типологический метод*, позволяющий исследовать живые исторические процессы, происходящие в жанрах и самих обрядах [Путилов, 1976, с. 16–30]. Историко-типологический метод позволяет рассмотреть национальную обрядовую традицию во множестве ее разнообразных синхронных и диахронных связей. Использовалась *методика контекстуального анализа* текстов в структуре обрядов, их прагматика и семантика. Рассмотрим фольклорные жанры в системе трудовой обрядности алтайцев.

1. Охотничьи обряды алтайцев

Охотничий промысел в прошлом занимал видное место в традиционной культуре алтайцев, поэтому он окружен архаичным религиозно-мифологическим контекстом. Полное описание охотничьего занятия у алтайских тюрков представлено в работе Л. П. Потапова «Охотничьи поверья и обряды у алтайских тюрков [1929]. Ученый отмечал, что «религиозное наполнение этого промысла настолько обширно, что он, в понятиях туземцев, представляется священным» [Там же, с. 123]. Исследователь считал, что многие поведенческие установки и правила охотников восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому всё живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения горных хозяев.

Охота носила сезонный характер. Начиная с сентября охотились на диких козлов, горных баранов. В октябре-ноябре открывалась охота на красных лис и волков. Отстреливали только лис с высококачественными шкурами, они назывались «поспевшими». В это же время производился отлов хорьков и горностаев.

У охотников существовали запреты, направленные на экологичное использование природных ресурсов. Так, нельзя сжигать шерсть и шкуру добытых животных, а также выбрасывать их кости, обычно их закапывают в землю или кладут в дупло дерева. По охотничьей этике запрещается стрелять в глаза, а также в уши животного, считалось, что иначе охотник мог ослепнуть, или у него могли заболеть домашние. Глаза убитых зверей закидывали в тайгу, говоря, что Алтай даст эти глаза другому зверю. По представлениям охотников, многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому они называли их иносказательными именами, и в отношении зверей и птиц они соблюдали определенные речевые и поведенческие ограничения – табу, которые были обусловлены анимистическими воззрениями на окружающий мир.

Охотничьи благопожелания как исторический феномен традиционной культуры алтайцев по своему содержанию и функциональной направленности связаны с культовыми обрядами. В них заложена вера в магическую силу слова и действия, когда восхвалениями и задабриванием духа-хозяина местности (Алтая) возможно получение желаемого. Но по структуре охотничьи благопожелания, в отличие от культовых, более лаконичны и конкретны. Специфика их исполнения и назначение сугубо производственные, связанные с охотничьим промыслом.

Л. П. Потапов писал, что ритуальные действия начинались с приготовления к выезду на охоту. Ехать на промысел необходимо было чистым. Женщина не должна дотрагиваться до ружья или сети для ловли зверей. Охотник должен подготовить своего коня и снаряжение, продукты на несколько дней, а также ритуальные жертвенные угощения для духов-хозяев гор. Охотники, приехав в наме-

ченный район охоты, раскидывают стан вблизи ветвистого непромокаемого дерева, окропляют молоком или молочным чаем, «развешивают шнурки с девятью ленточками на каждом, в количестве от одного до трех, подвешивая их обычно на березу или кедр, соблюдая определенное направление шнурка – на восход солнца. Например, тубалары повязывают ленточки трех цветов: синие, желтые и белые. Между ними привязывают шкуру белого зайца или летнюю белку, иногда хвост и голову глухаря. По объяснению тубаларов, эти существа чистые, потому что живут под землей, кроме того соответствуют указанным цветам. Вслед за этим они обращаются к хозяину тайги» [Потапов, 1929, с. 136]. Кумандинцы перед отправлением на промысел пушного зверя производили кропление покровителю охоты (*шалыг*). Ф. А. Сатлаев писал: «Сначала обычно кропили вином, затем жидкой ячменной кашницей (*шалыг* или *шилиг*). Ее варили из талкана с добавлением ржаного солода (*угут*). Охотник произносил текст заклинания (*алгыш*) и брызгал кашницу из деревянной ложки на изображение духа охоты *Шалыг*, или, по-другому, *Ўрген эзи*» [Сатлаев, 1974, с. 57]. По возвращении домой «охотники делились с родственниками принесенным мясом. Пушнину вешали под изображением покровителя охоты (*шалыг*) в правом переднем углу. Затем совершалось кропление вином, сопровождаемое произнесением заклинания» [Там же, с. 59], в котором обращаются к богу (*кудай*) и духу-покровителю семьи, который «сопровождает и оберегает» охотника в пути и на охоте.

Ал тайгадан ньанганда, Абыр чөр ньандым. Карчы кайын кестирбес Кайыр Солтон, Өрө турган кудайым! Ал тайга чор ньандым. Арынбазан, аас тег! Сары тийинг сагалыг, Сары шакпын тайактыг. Кара чылан камчылыг, Сары чылан тискинниг, Сары ньанын ньанчынак. Кечиглеп суг кечерде, Көллөгиме чөлөк болды. Ал тайганы ажарда, Аргама чөлөк болды.	Когда возвращался с дикой тайги, Благополучно возвратился. Не разрешающий рубить переплетенную березу, Кайыр Солтон, Вверху стоящий мой бог! Из глухой тайги возвратился. Если не сердисься, то выпей! Из желтой белки борода твоя, Из желтой акации посох твой. Черная змея бич твой, Желтая змея повод твой, Хромающий на одну сторону (ногу). Когда через переправу переходили, Моей тени поддержкой был. Когда глухую тайгу переваливали, Моим плечам поддержкой был. [Там же, с. 60].
--	--

Основной целью ритуала жертвоприношения кроплением вином после возвращения с охоты являлась просьба об удачной охоте в будущем, «открытой» дороги.

Современные алтайцы для удачной охоты перед выездом также совершают обряд жертвоприношения духам-покровителям семьи и домашнего очага (*Санды айлына салала, жолын ачынар*). Кроме того, охотник готовит себя морально, соблюдает чистоту тела и помыслов (*бай тудар*), не разглашает никому планов о предстоящей охоте. По рассказу нашего информанта, обязательной составляющей охоты является совершение обряда поклонения Алтаю, угощения духов-хозяев горы:

В данном тексте присутствуют устойчивые поэтические формулы, восхваляющие духа огня: *Тогус башту От-Энем, / Чийди болсо, быжырган, / Тонды болсо, эргискен, / От-Энем, Кайракан!* ‘Девятиголовая Огонь-Мать, / Сырое же испечет, / Мерзлое же оттаит, / Огонь-Мать, Кайракан!’

Важной прагматической составляющей охотничьих благопожеланий является выражение пожелания с целью получения желаемого. Так, после угощения духов-хозяев местности, горы, охотник излагает свою просьбу добыть зверя для пропитания и поддержки своей семьи, родных.

Öрö турган Кудайым	Вверху стоящий Кудай мой,
От-энемле Слер тудуш,	С огнем-матерью Вы связаны,
Тилер жангыс,	Язык у вас один,
Сөзир жангыс,	Слова одни,
Көзбөр жангыс,	Глаза одни,
Көрүп-угуп тураар,	Посмотрите-услышьте,
Je жастырамды таштагар,	Простите мои ошибки,
Жастыргам болсом,	Если ошибся,
Чынымды угар!	То истинное услышьте!

Охотничьи благопожелания до настоящего времени можно было записать у южных алтайцев: алтай кизи и теленгитов. У северных диалектных групп (алтайцев, кумандинцев, тубаларов и чалканцев) этот жанр также бытует, но в меньшей мере, что связано с угасанием их родных языков. Приведем текст, записанный нами у теленгита:

Алтай јерим, албаты-јоным, Мен Алтай јеримдөөн бараадырым. Албаты-јоным амыр јатсын, Алтай-јерим алкыш береер!	Алтай – земля моя, народ мой, Я на свою землю Алтай еду. Народ мой пусть мирно живет, Алтай – земля моя, благословение дайте!
Мен Слерден жангыс ла ан адарга-кырага барбай јадым, Алтай јериме тыштанайын деп,	Я еду не для того, чтобы зверя добыть-истребить, На Алтае, земле своей отдохнуть хочу,
Алтай јеримди көрөйин деп барјадым, – деп, анайып алканала. Бертен немени бойаар береер, Артканын бойоор билеер. Сүтле үрүстеп, айдынар: Адым-бойым арыбазын, Колы-будым сынбазын,	На землю свою Алтай поглядеть хочу, поэтому еду, – так молось. То, что дать можете, сами дайте, Остальное сами знаете. Молоком кропя, проговариваете: Конь и я, пусть мы не устанем, Руки-ноги наши пусть не ломаются,
Таш кертпезин ² .	Камнем не поранимся.

В некоторых текстах мы видим неравномерное количество слогов, нарушение рифмы, что не позволяет считать эти тексты стихотворными произведениями с устойчивыми поэтическими текстами.

² Зап. Н. Р. Ойноктинова и Е. И. Жимулева 17.06.2009 в с. Улаган Улаганского района РА от Н. Л. Юстукова, 1936 г. р., образование начальное, работал табунщиком, строителем. Зап. № 324.

Во всех охотничьих благопожеланиях присутствуют тон умилоствления, просьбы: *Якшы санан келдим, / Комоой санан келбедим. / Андап-куштап келдим. / Баш ползын, баш ползын Алтай кудайыма!* ‘С хорошими помыслами я пришёл, / Не с плохими мыслями я пришёл, / Зверовать-птицевать приехал я. / Голову преклоняю, голову преклоняю Алтай Кудаяу!’ [Обрядность..., 2019, с. 306]; *Кайа-туулардын ээлери, / Ачынбагар, ангыгардан беригер.* ‘Скал-гор хозяева, / Не сердитесь, из зверей ваших дайте’ [Там же, с. 308]; *Очöp-ченеп келбедим, / Ан-кушарды, адышкырымла адарым, – деп сананбадым. / Пергенеерче алайын, / Паш ползын Алтай Кудайыма* ‘Не дразнить-испытывать я пришёл, / Из зверей-птиц метко подстреливать, – я не думал. / Сколько дадите, возьму, / Голову преклоняю Алтай Кудаяу’ [Там же, с. 304].

Если охота была удачной, охотник может совершить ритуал благословения своего ружья, чтобы и впредь сопутствовала ему удача: для этого он смазывает его кровью животного (*Ан атса, теежиси дегени ол мылтыкка канын сүртүп койор. Мылтыктын оосын, каруулына канын сүртүп койор*) и произносит заклинание.

Охотничье заклинание (заговор) является особым жанром, с помощью которого охотник, веря в некую магическую силу своего слова, воздействует на предмет. Его можно сравнить с заклятием богатырем стрелы в эпосе. С помощью заклинаний охотник пытается добиться исполнения желаний:

*Берген быйаны болсун, бу мениг мылтыгыма бергенеер бу болсун. Мылтыгым мынан ары пыйанду болуп, кирелте экел жүрсүн! Айыл-журтума, бала-баркама, алкы-бойыма кирелте берди*³. ‘Пусть [эта кровь,] данной [духами-хозяевами] благодатью будет, пусть это добычей моего ружья будет. Пусть мое ружье и впредь благословенным будет, прибыль приносит! Моему дому, детям-внукам, мне самому прибыль дал’.

Таким образом, охотничьи благопожелания и заклинания у алтайцев являются архаичными формами устного народного творчества, дошедшими до наших дней. В поэтике охотничьих благопожеланий наблюдаются такие обязательные семантические компоненты, как обращение к духу-хозяину огня и духу-хозяину горы, божеству Алтая. Если охота была удачной, охотник может совершить ритуал заклинания своего ружья, чтобы и впредь удача сопутствовала ему.

2. Скотоводческие обряды алтайцев

Скотоводство в жизни алтайцев играет важную роль. Главной идеей и заботой для них являются сохранение скота от стихийных бедствий и болезней, увеличение поголовья. Скотоводческие заговоры – это особый фольклорный жанр с музыкальной формой, исполняются с целью сохранения и приумножения скота. Поющийся заговор непосредственно адресуется животному, с помощью него человек пытается эмоционально воздействовать на животное, чтобы оно приняло своего детеныша, успокоилось или чтобы хорошо росло. Скотоводческие заговоры алтайцев в полном объеме изучены музыковедами и этнографами Н. М. Кондратьевой, Е. И. Исмагиловой, С. П. Тюхтеновой, Э. Г. Торусевым и др. Данный

³ Зап. Н. Р. Ойноктинова и Е. И. Жимулева 17.06.2009 в с. Улаган Улаганского района РА от Н. Л. Юстуква, 1936 г. р., образование начальное, работал табунщиком, строителем. Зап. № 324.

речевой жанр актуален для животноводческих культур. С. П. Тюхтенева отмечает, что «в результате магического воздействия скотовод ожидает вполне реально осязаемых итогов: чтобы количество скота росло, чтобы скот был здоров и упитан, чтобы, в конечном итоге, благоденствовала семья. И потому, наряду с выпасом, поением, уходом и бережным отношением к каждому животному в стаде, скотовод в своей повседневной работе использует традиционные магические приемы» [Тюхтенева, 2017, с. 63].

Магическим свойством наделяют алтайцы первое после отёла молозиво. Э. Г. Торушев описывает обряд, проводимый с молозивом: молозиво-уурак варят и затем им кропят огонь в жилище [Торушев, 2012, с. 187]. Им же намазывают теленка от лба до хвоста. При этом приговаривают *благопожелание*: *Јүгүрүк бол! Тойу бол! Семис бол! Анга-кушка жем болбо! Эненген бийик өс! Эненген семис жүр!* ‘Быстрым будь! Сытым будь! Жирным будь! Зверю-птице добычей не будь! Матери своей выше расти! Матери своей жирнее будь [Матери своей сытнее живи]! Таким образом хозяин желает своему питомцу здоровья и роста’; *Бозум јакишы өссүн, / Энези сүттү болзын. / Бойын јаан бол. / Јакишы семис уй бол. Иркек болзо: Јакишы чар бол. / Јаан бол. / Семис бол*⁴. ‘Теленок мой пусть хорошо растет, / Мать пусть с молоком будет. / Сам ты большим стань. / Хорошей жирной коровой будь. Если бычок родится: «Хорошим бычком стань, / Большим стань, / Жирным стань»’.

В течение семи дней молозиво / молоко нельзя было давать кому бы то ни было из-за опасения убыли скота. Алтайцы считают, что дух-хозяйка огня, охранитель жилища, против этого [Там же]. Точно так же алтайцы соблюдают запрет выносить молоко из жилища вечером, на закате [Тюхтенева, 2009, с. 78]. Таким образом духу-хозяйке огня алтайцы «вверяли» новорожденное животное, аналогично тому, как ей «представляют» нового члена семьи – новорожденного ребенка, или невесту, смазывая им лоб сажей из очага. Молозиво или молоко относится к категории «белой пищи», символизирует счастье-благодать скотовода, и потому им нельзя делиться в течение первых семи дней, чтобы не утратить его. Запрет снимался только после наступления новолуния, в благоприятный период.

Магические представления и практики лежат в основе действий в отношении последа. Современные алтайцы сохраняют архаические представления о последе (*чөн*) как магической субстанции, от которой зависит плодородие и благополучие скота. В соответствии с ними сегодня послед обычно забрасывают на крышу стойла. Особое отношение у алтайцев и к костям скота, забитого на мясо, и к костям зверей, добытых в тайге. Запрет перерубать поперек трубчатые кости с целью извлечения считающегося детским деликатесом костного мозга [Торушев, 2019в, с. 343] имеет в основе представление о рождении из основных костей скелета нового животного. Выбросить целую, не расколотую кость – означает, по мнению информантов, пренебречь даром богов, и потому, во избежание наказания в виде потери скота очищенные [обглоданные] от мяса кости полагается сжечь [Там же]. В данном случае, помимо древнего представления о возрождении / рождении нового животного из костей съеденного, речь идет также о сохранении скотоводческого счастья и благодати у самого владельца. Аналогичные действия алтайцы проделывали в отношении тушек и глаз пушных зверей, оставляя тушки соболей на специально сооруженном возвышении и закидывая ветками, а глаза бросая

⁴ Зап. Н. Р. Ойноктинова и Е. И. Жимулева 12.08.2008 в с. Кара-Кудьур Улаганского района РА от М. И. Конушевой, Зап. № 132.

в тайгу, «чтобы существо Алтай дал их другому зверю. Умножение породы, кроме естественного пути они усматривают в возможности применения магических способов» [Потапов, 1929, с. 131].

К числу важных магических практик относится принуждение к принятию новорожденного детеныша животного в случае отказа матки кормить его. Песни приручения «исполнялись в жалобной манере», а к овце обращались «как к существу, понимающему человеческий язык. Песня приручения – это, прежде всего, песня упрощения, которая усиливается эмоциональными словами, обращенными к животному, – *пёгя, прю, хош*, повторяемыми несколько раз» [Борджанова, 2007, с. 418]. С отказом самки принимать и кормить новорожденного детеныша, или если пала корова, кобыла, овца, заставляли другую матку принять детеныша; если погиб молодняк и корове нужен теленок для полноценной лактации, то алтайцы к корове подпускали теленка до и после доения.

Для каждого вида скота имеются определенные звуко-символические слоги, указывает исследовательница, называя их «внеязыковыми словами-символами». Теленгиты Кош-Агачского района «поют заговоры овце, козе, корове, яку, лошади, верблюдице», причем для каждого животного скотоводческая культура «строго закрепляет определенные внеязыковые слова-символы: *тпро[u]* – за овцой; *ча-чу* – за козой; *кю[u]* – за коровой и яком; *кру* – за лошадью [кобылой]; *оууи* – за верблюдицей» [Кондратьева, 1996, с. 8]. Эти звуки / слова-символы сопровождаются действиями: поглаживанием самки, обращением к ней с устыжением и уговариванием, просьбой принять малыша, вылизать новорожденного и накормить его. Специально собравшиеся женщины поют *заговоры*, разговаривают с самкой, периодически повторяя звуки-символы, строго закрепленные за каждым видом скота. Приведем эти тексты:

Чу-чу-чу-чу-чу-чу-чу!
Эки эмчегин жарылды –
Эмизип салзан, сен эчки
Эрке-торко баланды.
Эрке жала, сен эчки.
Чу-чу-чу-чу-чу-чу!
Яш баланын ол тили
Кургап ла јат, сен эчки
Јайнап јаткан меге килезен де,
сен эчким!⁵

Чу-чу-чу-чу-чу-чу-чу!
Оба вымени твоих растрескались –
Накорми ты, коза,
Своё ласковое, шёлковое дитя,
Ласково оближи ты, коза.
Чу-чу-чу-чу-чу-чу!
У малого дитя-то на языке
Засохло, ты, коза,
Умоляющую меня пожалей ты, коза
моя.

В этих поэтических текстах обязательными компонентами являются звуко-символические слова, адресованные козе «чу-чу» и овце «пто-пто», а также обращения к ним. Некоторые информанты пели лишь звуко-символические слова, объем текста зависит от исполнительских способностей.

Пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто-
пто-пто!
Яш баланды таштазан,
Кемге иженеринг, сен кой?!

Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто-
пто-пто!
Маленького ягнёнка своего
бросишь,
На кого надеешься ты, овца?!

⁵ Зап. Н. Р. Ойноткинова, Е. И. Жимулева в с. Улаган Улаганского района в 2008 г. от М. С. Тадышевой. Аудиозап. № 512. Пер. и расш. Н. Р. Ойноткиновой.

Жаландагы койлордон сен ле жаман
болдын ма?

Пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто!
Өзөгиннең чыккан баланды

Өксиретпе, сен кой!
Пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто!

Жанында баланды жараштыра
көрийсен,

Жаш эмчегин жарылып,
Сен де бойың сананзан!

Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто!
Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто-

пто-пто!⁶

Из овец, что на поле, ты худшая,
оказывается?

Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто!
Дитя своё, из твоей утробы

вышедшее,

Не мучай ты, овца!

Пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто-пто!

Вблизи на своего ягнёнка

хорошенько взгляни,

Молодое твоё вымя потрескалось,

Ты же сама подумай!

Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто!

Пто-пто-пто-пто-пто-пат-пто-пто-

пто-пто!

Заговоры к корове сопровождаются звуко-символами «*ө-ө-ө ө*», при помощи которых успокаивают корову, чтобы она дала теленку сосать вымя:

Ө-ө-ө-ө-ө-ө-ө-ө!

Төрт эмчегим самчыды.

Ө-ө-ө-ө!

Төбө чачым жайылды.

Жайнап отурым ийнегим,

Жаш баланды эмиссен.

Ө-ө-ө-ө!⁷

Ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё-ё!

Четыре вымени

Ё-ё-ё-ё!

Волосы на макушке мои распустились.

Прошу тебя, корова моя,

Маленького своего теленка накорми.

Ё-ё-ё-ё!

Таким образом, существующие в фольклорной традиции скотоводческие благопожелания и заговоры призваны сберечь скот и увеличить его количество. Жанр скотоводческих заговоров до сих пор сохраняет свое бытование лишь у теленгитов Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. В прошлом они исполнялись пением и алтайцами, проживающими в других районах.

3. Земледельческие обряды алтайцев

Земледельческие обряды алтайцев в прошлом были связаны с выращиванием зерна, поскольку в их питании злаковые имели первостепенное значение. Из ячменя готовили толокно (*талкан*), которое заготавливалось на зиму, из перловки и ячневой крупы варили суп; овес шел на корм лошадям, когда много снега и нет возможности выпустить табун на вольный выгон, а также, например кумандинцы, готовили жертвенную брагу для обряда Коча-Кан (см. [Сатлаев, 1970]). Земледелие было хорошо развито в степных районах Алтая, где проживают кумандинцы, телеуты.

В книге Е. П. Кандараковой «Обычаи и традиции чалканцев» описан земледельческий обряд чалканцев, который они совершали после завершения сева, а также при очистке будущего поля от деревьев и кустарников [1999, с. 91]. В мо-

⁶ Зап. Н. Р. Ойроткинова, Е. И. Жимулева в с. Улаган Улаганского района в 2008 г. от М. С. Тадышевой. Аудиозап. № 512. Пер. и расш. Н. Р. Ойроткиновой.

⁷ Зап. Н. Р. Ойроткинова, Е. И. Жимулева в с. Улаган Улаганского района в 2008 г. от М. С. Тадышевой. Зап. № 500228.

нографии Э. Г. Торусева «Традиционное земледелие алтайцев (XIX – первая треть XX в.)» [2017] рассмотрена роль земледелия в традиционной культуре алтайцев, описаны верования и ритуалы, связанные с земледелием.

Весной, когда наступает время посева, прося у духа-хозяина Алтая благословения-благодати, подходят к месту около пашни, повязывают *кыйра*. Благопожелания произносили при посеве зерна и после сбора урожая [Обрядность..., 2019, с. 379–382]. При этом делали кропление молочным чаем или молоком на четыре стороны света, произнося благопожелание. Так, в следующем тексте выражается пожелание, чтобы зерно хорошо росло, чтобы дети были сыты, чтобы в дом, где есть пища, гости заходили, чтобы скота было много.

Јети адыс кыра ажым, Јелбиреп јакшы ѓс, Јеекен-картка једирве, Јайым бисти тойу азыра! Чачкан ўреним тирў, Јўрген балдарым авур,	Семь <i>адысов</i> поле с зерном Развеваясь, хорошо расти, Прожорливым червям не дай себя съесть, Привольно и сытно нас корми! Посеянное зерно живое, Живущие дети мои благополучно [живут],
Анан јакшы аш болзын деп, Анан јакшы бала ѓссин деп, Авадап келдим ак јалага. Салган ажым, јакшы чык, Азыраан малым тойу болзын,	Еще лучше пусть зерно будет, Еще лучше пусть дети растут, С целью пришел на белое поле. Посаженное зерно, хорошо вырастай, Выкармливаемый мною скот сытым будет пусть,
Ѓдеем толтыра бала болзын, Ѓжимде толо улус тшсин,	Под полой пусть детей много будет, У порога моего пусть полно гостей будет,
Аш-тузым јеткил болзын, Аргада малым кыйвырт болзын!	Пищи-соли достаточно пусть будет, Сбереженного скота моего пусть много будет!
Баш болзын! Чѓк! Чѓк!	Склоняю голову! Чѓк! Чѓк! [Обрядность..., 2019, с. 380]

Основными признаками благопожеланий являются явно выраженные в текстах оценочные прилагательные и наречия – *јакшы* ‘хорошо’, ‘хороший’, *анан јакшы* ‘еще лучше’, а также бытийный глагол *болзын* ‘пусть будет’ в сослагательном наклонении.

Благопожелания при посеве в некоторых случаях поются непосредственно при сеянии зерна:

Кыралап салган бу ажын, Корболоп ѓссин јаранып, Кобыдагы малыгар, Јылды јакшы ол чыксын! Абылдап салган ажыгар Анкангыннан ашкай ла.	Вспахав, посеянное зерно твое, Ростки, вырастая, хорошеют, В логу скот ваш, Год пусть хорошо переживет! Мотыгой [работая], посаженное зерно За края [поля] пересыпается.
---	---

По окончании сбора зерна говорили благодарственные благопожелания земле, богу (*кудай*), давшим хороший урожай.

Эзенде жылда эки катап көп бер,	В следующем году в два раза больше дай,
Кудай болужы бар ок эмтир.	Кудая помощь есть, оказывается.
Өлөм-салам, кудайга баш болзын!	Траве-солومه, богу преклоняю голову!
Кудай бир эмеш болуштыр,	<i>Кудай</i> чуть помог,
Кудай тенериде бар ок болтыр,	<i>Кудай</i> на небе есть,
Куру бисти артырбатыр,	Без ничего нас не оставил,
Эзенде онон көп үлештир!	На будущий год еще больше раздели!
Баш болзын!	Голову преклоняю! [Обрядность..., 2019, с. 381]

Поскольку земледелие не являлось основным занятием коренного населения Горного Алтая, то речевые тексты, связанные с этой сферой труда, представлены всего несколькими образцами, записанными в прошлом другими собирателями и исследователями фольклора.

Заключение

Фольклорные жанры, благопожелания и заговоры, сложившиеся в рамках охотничьей, скотоводческой и земледельческой трудовой обрядности, представляют собой исторически сформировавшиеся поэтические формы устного народного творчества алтайцев. С точки зрения историзма эти жанры трудовой деятельности в какой-то мере всё еще сохраняют свое бытование в естественной среде, но стали уникальными феноменами.

Особенностью охотничьих и земледельческих благопожеланий является их взаимосвязь с культовой поэзией и обрядностью. В их поэтике наблюдаются такие обязательные семантические компоненты, как обращение к духу-хозяину огня и духу-хозяину горы, божеству Алтая. Некоторые жанры охотничьих, скотоводческих благопожеланий и заговоров связаны с продуцирующей магией: они направлены на сохранение или увеличение поголовья животных.

Список литературы

- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков. Система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 590 с.
- Дыренкова Н. П.* Охотничьи легенды кумандинцев // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 110–132.
- Кандаракова Е. П.* Обычаи и традиции чалканцев. Горно-Алтайск: Респ. Горно-Алт. тип., 1999. 176 с.
- Кондратьева Н. М.* Скотоводческие заговоры теленгитов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1996. 20 с.
- Обрядность в традиционной культуре алтайцев: Коллективная монография / Под ред. А. А. Конунова, Н. О. Тадышевой. Горно-Алтайск: Азбука, 2019. 704 с.
- Потанов Л. П.* Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 5. С. 123–149.
- Потанов Л. П.* Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 173–198.

Потанов Л. П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2001. 168 с.

Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.

Сатлаев Ф. А. Этнографический очерк развития земледелия у кумандинцев (XIX – начало XX века) // Учен. зап. ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1970. Вып. 9. С. 73–93.

Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 200 с.

Торушев Э. Г. Земледелие в религиозных ритуалах, обрядах и устном народном творчестве алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007а. Вып. 5. С. 154–168.

Торушев Э. Г. Некоторые кости животных в ритуалах алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007б. Вып. 6. С. 127–129.

Торушев Э. Г. Сельскохозяйственная деятельность коренного населения Горного Алтая (кон. 1990-х – нач. 2010-х гг.) // *Studia culturae*. Науч. журн. кафедр культурологии, эстетики и философии культуры. Центра изучения культуры СПбГУ. 2013. Вып. 18. С. 64–85.

Торушев Э. Г. Промысловые культы алтайских охотников (по полевым материалам) // Народы Евразии: История. Культура, Языки. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), М. С. Дедина, Э. В. Енчинов, А. А. Конунов, Н. О. Талдышева, А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2017. С. 176–184.

Торушев Э. Г. Скотоводческие и промысловые культы алтайцев (1990-х – 2000-х гг.) // Исторический вестник: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. С. 92–108.

Торушев Э. Г. Земледельческие обряды // Обрядность в традиционной культуре алтайцев: Коллективная монография. Горно-Алтайск: Азбука, 2019а. С. 368–379.

Торушев Э. Г. Обряды, связанные с охотой и собирательством // Обрядность в традиционной культуре алтайцев: Коллективная монография. Горно-Алтайск: Азбука, 2019б. С. 285–303.

Торушев Э. Г. Скотоводческие обряды // Обрядность в традиционной культуре алтайцев: Коллективная монография. Горно-Алтайск: Азбука, 2019в. С. 321–346.

Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста, 2009. 169 с.

Тюхтенева С. П. О скотоводческой магии у современных алтайцев // *Oriental Studies* (Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исслед. РАН). 2017. Т. 34, № 6. С. 62–70.

Укачина К. Е., Ямаева Е. Е. Алтайские благопожелания (Алтай алкыштар). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 144 с.

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск, 2009. 165 с.

References

Bordzhanova T. G. *Obryadovaya poeziya kalmykov. Sistema zhanrov, poetika* [Ritual poetry of the Kalmyks. The system of genres, poetics]. Elista, Kalm. kn. izd., 2007, 590 p.

Dyrenkova N. P. Okhotnich'i legendy kumandintsev [Hunting legends of the Kumandins]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 11, pp. 110–132.

Kandarakova E. P. *Obychai i traditsii chalkantsev* [Customs and traditions of the Chalkans]. Gorno-Altaysk, Resp. Gorno-Alt. tip., 1999, 176 p.

Kondrat'eva N. M. *Skotovodcheskie zagovory telengitov* [Cattle-breeding conspiracies of the Telengits]. Abstract of Cand. of Arts diss. Novosibirsk, 1996.

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev: Kollektivnaya monografiya [Rites in the traditional culture of the Altai people: Collective monograph]. A. A. Konunov, N. O. Tadyshcheva (Eds.). Gorno-Altaysk. Azbuka, 2019, 704 p.

Potapov L. P. Etnograficheskiy ocherk zemledeliya u altaytsev [Ethnographic sketch of agriculture among the Altaians]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1952, vol. 1, pp. 173–198.

Potapov L. P. Okhotnich'i obryady i pover'ya u altayskikh turkov [Hunting rituals and beliefs among the Altai Turks]. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. [Culture and writing of the East]. Baku, 1929, bk. 5, pp. 123–149.

Potapov L. P. *Okhotnichiy promysel altaytsev (Otrazhenie drevnetyurkskoy kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaytsev)* [Hunting trade of the Altaians (Reflection of the ancient Turkic culture in the traditional hunting trade of the Altaians)]. St. Petersburg, MAE RAS, 2001, 168 p.

Putilov B. N. *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of comparative-historical study of folklore]. Leningrad, Nauka, 1976, 244 p.

Satlaev F. A. *Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskiy ocherk 19 – pervoy chetverti 20 veka)* [Kumandins (Historical and ethnographic essay of the 19th –first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd., 1974, 200 p.

Satlaev F. A. Etnograficheskiy ocherk razvitiya zemledeliya u kumandintsev (19 – nachalo 20 veka) [An ethnographic sketch of the development of agriculture among the Kumandins (19th the beginning of the 20th century)]. In: *Uchenye zapiski Gorno-Altayskogo Nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury* [Scientific notes of the Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature]. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 1970, iss. 9, pp. 73–93.

Torushev E. G. Nekotorye kosti zhivotnykh v ritualakh altaytsev [Some animal bones in the rituals of the Altaians]. In: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altaysk, 2007b, iss. 6, pp. 127–129.

Torushev E. G. Obryady, svyazannye s okhotoy i sobiratel'stvom [Rites associated with hunting and gathering]. In: *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev: Kollektivnaya monografiya* [Rituals in the traditional culture of the Altai people: Collective monograph]. Gorno-Altaysk, Azbuka, 2019b, pp. 285–303.

Torushev E. G. Promyslovye kul'ty altayskikh okhotnikov (po polevym materialam) [Hunting cults of Altai hunters (based on field data)]. In: *Narody Evrazii: Istoriya. Kul'tura, Yazyki. Materialy vsereossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Peoples of Eurasia: History. Culture, Languages. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. N. V. Ekeev (Ed. in Ch.), M. S. Dedina, E. V. Enchinov, A. A. Konunov, N. O. Tadyshcheva, A. E. Chumakaev (Eds.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2017, pp. 176–184.

Torushev E. G. Sel'skokhozyaystvennaya deyatelnost' korennoy naseleniya Gornogo Altaya (kon. 1990-kh – nach. 2010-kh gg.) [Agricultural activity of the indig-

enous population of Gorny Altai (late 1990s – early 2010s)]. *Studia culturae*. 2013, iss. 18, pp. 64–85.

Torushev E. G. Skotovodcheskie i promyslovye kul'ty altaytsev (1990-kh – 2000-kh gg.) [Cattle breeding and fishing cults of the Altaians (1990s – 2000s)]. In: *Istoricheskiy vestnik: Sb. nauch. tr.* [Historical bulletin: Collection of scientific works]. Gorno-Altaysk, BITs GASU, 2018, pp. 92–108.

Torushev E. G. Skotovodcheskie obryady [Cattle breeding rituals]. In: *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev: Kollektivnaya monografiya* [Rituals in the traditional culture of the Altai people: Collective monograph]. Gorno-Altaysk, Azbuka, 2019v, pp. 321–346.

Torushev E. G. Zemledel'cheskie obryady [Agricultural rituals]. In: *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev: Kollektivnaya monografiya* [Rituals in the traditional culture of the Altai people: Collective monograph]. Gorno-Altaysk, Azbuka, 2019a, pp. 368–379.

Torushev E. G. Zemledelie v religioznykh ritualakh, obryadakh i ustnom narodnom tvorchestve altaytsev [Agriculture in religious rituals, rituals and folklore of the Altaians]. In: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altaysk, 2007a, iss. 5, pp. 154–168.

Tyukhteneva S. P. O skotovodcheskoy magii u sovremennykh altaytsev [About cattle-breeding magic among modern Altaians]. *Oriental Studies (Vestn. Kalm. in-ta gumanitar. issled. RAN)*. 2017, vol. 34, no. 6, pp. 62–70.

Tyukhteneva S. P. *Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev v 20 veke* [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altaians in the 20th century]. Elista, 2009, 169 p.

Ukachina K. E., Yamaeva E. E. *Altayskie blagopozhelaniya (Altay alkyshtar)* [Altai Good Wishes]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1993, 144 p.

Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* [Ritual poetry of the Tuvans: structure and semantics]. Novosibirsk, 2009, 165 p.

Информация об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
RSCI Author ID 607299

Information about the author

Nadezhda R. Oynotkinova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 607299

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 04.06.2023
The article was submitted on 10.05.2023;
approved after reviewing on 04.06.2023; accepted for publication on 04.06.2023*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3

Научная статья

УДК 398.54 (=511.142)

DOI 10.17223/18137083/84/3

Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года

Галина Евлампьевна Солдатова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Аннотация

Статья посвящена недавнему событию в обрядовой практике современных хантов. В августе 2022 г. в рамках музейного фестиваля в г. Мегионе состоялся медвежий праздник. Его провели знатоки фольклора восточных (тромаганских, аганских, юганских) и северных хантов. Характеристика медвежьего праздника 2022 г. основана на выявлении его фольклорных, в том числе музыкальных, особенностей в сопоставлении с обрядами 1988 г. (фильм Л. Мери) и 2016 г. (статья Ш. Дудека). Автор приходит к выводу о трوماганском характере этого праздника и считает важным не только документирование живой обрядовой традиции, но и расшифровку, перевод и комментирование записанных текстов с носителями традиции.

Ключевые слова

обряд, фольклор, ханты, медвежий праздник

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Тромаганский медвежий праздник: хантыйский обряд в записи 2022 года // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 34–47. DOI 10.17223/18137083/84/3

Tromagan Bear Feast: Khanty rite recorded in 2022

Galina E. Soldatova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Abstract

In August 2022, a Khanty Bear Feast was held as part of the museum festival program. The festival was organized by experts in the folklore of the Eastern (Tromagan, Agan, and Yugan)

© Солдатова Г. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 34–47

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 34–47

and Northern Khanty groups. This paper aims to describe and analyze this event historically, with consideration given to the Bear Feasts recorded from the Eastern Khanty over the last 40 years. The Bear Feast of 2022 is characterized by determining its folklore and musical peculiarities. The ritual included songs of awakening and putting the bear to sleep, sacred songs of deities sung mainly by singers from the Tromyogan river. The tunes of the Tromagan bear songs were found to be similar to the ritual tunes of the Northern Ob-Ugrians. Scenes on traditional and topical subjects were performed by Northern Khanty artists together with the rest of the Bear-Feast participants, including spectators and researchers. As part of the Bear Feast, a bear-head divination ritual and a reindeer sacrifice ceremony were performed. A comparison of the Feast under consideration with published materials recorded in 1988 (a film by L. Meri) and in 2016 (an article by S. Dudeck), allowed the rite to be identified as Eastern Khanty or rather a Tromagan one. Attention is paid to the importance of documenting the living ritual tradition of the Eastern Khanty. Deciphering the recorded texts, translating, and commenting on them with the help of connoisseurs of the tradition is also crucial. Otherwise, the materials stored in archives could prove to be practically useless.

Keywords

ritual, folklore, Khanty, Bear Feast

For citation

Soldatova G. E. Tromagan Bear Feast: Khanty rite recorded in 2022. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 34–47. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/3

В 2022 г. автору статьи довелось побывать на хантыйском обряде – медвежьим празднике¹, который состоялся благодаря организационной работе Историко-культурного и экологического центра (МАУ «Экоцентр») г. Мегиона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и был включен в программу VII Регионального фестиваля «Хатлы». **Цель** настоящей статьи – описать данное событие с точки зрения фольклористики, идентифицировать обряд в плане этнолокальной принадлежности и оценить его значимость для современной обрядово-фольклорной культуры хантов².

Материал. Обряд проводился в музее-стойбище хантыйского рода Казамкиных, расположенном в 42 км от г. Мегиона в зоне экопарка «Югра» (филиал МАУ «Экоцентр»), 25–28 августа 2022 г. Вместе с коллегой, визуальным антропологом К. А. Сагалаевым, мы были приглашены организаторами фестиваля для записи медвежьего праздника восточных хантов. Приглашение сопровождалось комментарием: хантыйские старейшины хотят провести медвежий праздник *тромаганской*³ традиции, и приглашенные должны быть людьми не случайными, а пони-

¹ Культу медведя и медвежьему празднику – яркому явлению культур обских угров – посвящено много работ, в том числе классические труды А. Каннисто, К. Ф. Карьялайнена, Н. Л. Гондатти, В. Н. Чернецова и др., поэтому нет необходимости перечислять их здесь. Хорошие тематические списки литературы, а также описания основных этапов медвежьего праздника приведены в ряде профильных публикаций, например, [Молданов, 1999; Соколова, 2002; Лукина, Попова, 2020; Гриневич, 2021] и др. См. также сайт, посвященный культуре медведя в циркумполярной зоне: <https://eloka-arctic.org/bears/bear-ceremonialism?language=ru> (дата обращения 15.11.2022).

² Первое описание данного события помещено в материалах этнографического альбома по итогам фестиваля [Сагалаев, Солдатова, 2022].

³ Тромаганские (тромъёганские; в публикациях также: тром-аганские, тром-еганские, тром-ёганские) ханты расселены по берегам рек бассейна р. Тромъёган, правого притока Оби. Они говорят на тромъёганском говоре сургутского диалекта хантыйского языка [Черпег, 2017, с. 15].

мающими, и не атеистами. Слабая изученность темы, редкие фиксации ритуала (об этом см. ниже) говорили о том, что предстоящее событие будет неординарным.

Запись велась нами на две видеокамеры и два аудиоустройства: один рекордер (стационарный) непрерывно фиксировал происходящее, другой (мобильный) служил для записи и обряда, и комментариев. Первая камера работала постоянно, вторая снимала детали, когда нужно. Объем видео составляет в общей сложности 157,5 Гб, фото – 3,93 Гб (452 шт.), сплошной аудиозаписи – 10,2 Гб. Полную видео- и аудиофиксацию обряда осуществили также сотрудники МАУ «Экоцентр»⁴. Короткие фрагменты были сняты журналистами телерадиокомпании «Югра» и телевидения Мегиона для создания репортажей о фестивале.

Задачи. Для адекватной оценки медвежьих игрищ 2022 г., понимания специфики обряда, его этнолокальной принадлежности необходимо увидеть его в контексте других медвежьих праздников, состоявшихся и зафиксированных у восточных, в том числе тромаганских, хантов; описать события данного обряда, охарактеризовать его фольклорное наполнение и выявить особенности – фольклорные, сценарные, музыкальные и др., опираясь на опубликованные материалы. Учитывая изначальную установку на проведение тромаганского обряда, мы будем придерживаться данной локальной традиции.

Суммируя сведения из статьи Т. А. Молдановой [2016] о возрождении медвежьих игрищ в постсоветское время, последних публикаций Ш. Дудека [Dudeck, 2022], Э. Вигета и О. Балалаевой [Wiget, Balalaeva, 2022], личного архива автора данной статьи и интернет-сёрфинга, можно говорить как минимум о девяти состоявшихся и документированных праздниках, соотносимых с восточными хантами (см. таблицу).

По приведенным записям видно, что восточные праздники не имели узкотерриториального характера, в них аккумулирован фольклор всей восточной группы хантов. Обращает на себя внимание тот факт, что в 2010 и 2016 гг. к восточно-хантыйским исполнителям добавляются северо-хантыйские. Если в 1980–1990-е гг. традиции могли сочетаться лишь внутри восточно-хантыйской группы (юганская с аганской, аганская с тромаганской и юганской), а сосуществование северной и восточной традиций в одном празднике было невозможно⁵, то в последующие годы северные и восточные локальные версии стали смешиваться в одной церемонии. Очевидна связь такой ситуации с уходом певцов старшего поколения, с невозможностью для малых групп проводить обряд своими силами, с необходимостью привлечения певческих сил с соседних и даже неблизких территорий, хотя редкие исключения всё же бывают. Праздник на р. Пим в стойбище А. С. Песиковой (2021 г.), упомянутый в статье Э. Вигета и О. Балалаевой [Ibid.], был как раз домашним (на две семьи), традиционным, проведенным по инициативе хозяйки на медведя. На празднике было исполнено порядка 30 песен⁶.

⁴ На основе этих материалов подготовлен видеофильм, размещенный на странице учреждения в социальной сети «ВКонтакте».

⁵ По словам Т. А. Молдановой, обряд 1988 г., проведенный в Ханты-Мансийске, куда привезли певцов из разных районов, «состоял из двух независимых друг от друга частей... Ведущим исполнителем восточных игрищ был П. К. Купландеев, северных – П. И. Юхлымов, С. И. Юхлымов, Д. Н. Тарлин» [Молданова, 2016, с. 119].

⁶ Личное сообщение О. Э. Балалаевой.

Медвежья праздники восточных хантов (конец XX – начало XXI в.)
The Bear Feasts of the Eastern Khanty (end of the 20th – beginning of the 21st century)

Год	Место	Ведущие певцы, принадлежность к этногеографической группе ¹	Сведения о записи и публикации материалов
1984	на р. Аган, с. Тылчино Аганского сельсовета	Г. В. Покачев (А) А. З. Тылчин (А) М. С. Тырлин (А)	Записал на магнитофон Е. Д. Айпин ¹¹
1988-Г ¹³	на р. Аган, стойбище Тылчинных	Д. Р. Айпин (А) И. С. Сопочин (Г) П. К. Купландеев (Ю)	Записала группа эстонских кинематографистов. <i>Публикация:</i> фильм Л. Мери «Сыновья Торума» (1989). https://jupiter.eet.ee/1608732760/loogumi-rojad (на эстонском языке) (дата обращения 05.04.2023); https://youtu.be/-kkJT-iNfHc (на русском языке) (дата обращения 05.04.2023).
1988 ¹⁴	г. Ханты-Мансийск, Этнографический музей под открытым небом «Горум маа»	П. К. Купландеев (Ю)	Записали на видео А. Н. Михалёв, В. В. Шубин (студия «ВизАн») ¹⁵ . <i>Публикация:</i> фильм «Медвежий праздник сургутских хантов». https://www.youtube.com/watch?v=cw5msoZMvCg (дата обращ. 05.04.2023).
1995	на р. Большой Юган, юрты Ларломкины	Н. П. Купландеев (Ю) П. В. Курломкин (Ю) В. А. Тылчин (А)	Записали на видео Т. А. Молданов, Т. А. Молданова. <i>Публикация:</i> фильм «О чём поведат медведь на Югане» [Молданова, 2016, с. 122], доступен в соцсети «ВКонтакте». Видеозапись фрагмента обряда, в том числе песни пробуждения: https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru ¹⁶ (дата обращения 15.11.2022).
2010	на р. Большой Юган, юрты Кинямины	С. В. Кечимов (Г) И. Г. Кантеров (К)	Запись Э. Вигета. Ход обряда ¹⁷ описан в статье О. Э. Балалаевой [2019]. <i>Публикация:</i> видеозапись обрядов 2010 и 2016 гг. https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru (дата обращения 15.11.2022).
2015	на р. Демьянка, стойбище Ярсино	С. И. Ярсин (Ю) П. И. Ярсин (Ю)	Ход обряда описан в статье Л. А. Телегиной [2015].

Год	Место	Ведущие певцы, принадлежность к этнотерриториальной группе	Сведения о записи и публикации материалов
2016-Т	на р. Тромъёган, д. Русскинская	А. А. Ерныхов (К) Т. А. Молданов (К) С. В. Кечимов (Т) С. Г. Рынков (Т)	Ход обряда описан в статье Ш. Дудека [Dudeck, 2022]. См. также [Молданова, 2016, с. 122–123].
2016-Ю	р. Большой Юган, юрты Киямины	С. В. Кечимов (Т) Яков Тайлахов (Ю) Вячеслав Когончин (Ю) ^{vii}	<i>Публикация:</i> видеокompиляция обрядов 2010 и 2016 гг. https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru (дата обращения 15.11.2022).
2021	р. Пим, стойбище А.С. Песиковой	С. Г. Рынков (Т) Д. Н. Покачев (Т) и др. (Пим)	Запись Э. Вигета. Упоминание обряда в статье: [Wiget, Balalaeva, 2022].

ⁱ А – аганская, Т – тромаганская, Ю – юганская, К – казымская.

ⁱⁱ Сведения почерпнуты из черновиков описи (1988) аудифонда Окружного научно-методического центра народного творчества и культурпросветработы (далее – ОНМЦ), хранящихся в личном архиве Г. Е. Солдатовой. Аудиозаписи ОНМЦ (позднее: «Дом творчества народов Севера», «ГО «Культура»»), сохранившиеся к 2010-м гг., были оцифрованы [Молданова, 2016, с. 118, сн. 5].

ⁱⁱⁱ Съёмки проводились в 1985 и 1988 гг.

^{iv} О съёмках этого фильма Т. А. Молданов записал видеолекцию: <https://youtu.be/sGUCvOLhXUc> (дата обращения 13.04.2023).

^v Сведения см.: [Шубин, 2019].

^{vi} Песня, исполненная Н. П. Купландеевым (Компландеевым), представлена также в расшифровке и переводе на русский и английский языки (файл pdf по внутритекстовой ссылке). С этой же видеозаписи Г. Е. Солдатова выполнила нотную расшифровку, фрагмент которой опубликован в статье [Сагалаев, Солдатова, 2022, с. 82]

^{vii} На этом празднике прибегли к обычаю, «согласно которому, если нет домашних исполнителей, то их приглашали со стороны. <...> Один из исполнителей (И. Г. Кантеров) и был носителем северной традиции. Когда он исполнил длинные обрядовые песни, его аудитория, не владеющая северным диалектом и фонетическим знанием традиции, рассредотачивалась, однако когда возвращался исполнитель, владеющий восточнохантыйским вариантом традиции (С. В. Кечимов), возвращался и активно-коллективный характер действия» [Балалаева, 2019, с. 206].

^{viii} По сведениям Э. Вигета и О. Балалаевой, на этот праздник были приглашены ханты с реки Демьянка [Wiget, Balalaeva, 2022, р. 29]; URL: <https://eloka-arctic.org/bears/eastern-khanty?language=ru> (дата обращения 15.11.2022).

Кроме документированных праздников, существуют также **отдельные записи** медвежьего репертуара восточных хантов, сделанные в разные годы по просьбе исследователей и не связанные с проведением целостного обряда. В 1979 и 1982 гг. хантыйский писатель Е. Д. Айпин, будучи сотрудником ОНМЦ, выполнил многочисленные записи песен медвежьего праздника от аганских хантов: Е. А. Покачевой, М. С. Тырлина, Е. А. Айпина, Г. В. Покачева⁷. В конце 1980-х гг. в экспедициях Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, проведенных совместно с ОНМЦ, собран богатый фольклорный материал у тромаганских хантов⁸, в частности большая коллекция песен И. С. Сопочина, его «медвежий» репертуар. Среди образцов: песня пробуждения медведя; песня о Младшем сыне верховного бога, давшем людям богатство; о спуске с неба медведицы, становлении ее матерью всех медведей и встрече ее сына с Городским князем, который убивает его и устраивает медвежий праздник; о соревновании Аганской богини с хозяином Тромагана Эвут-ики и создании водного ландшафта; о распределении обязанностей между детьми Торума⁹ и др. В результате экспедиции 1988 г. получены аудиозаписи фольклора юганских хантов¹⁰, в основном песен медвежьего праздника, от выдающегося носителя традиции П. К. Купландеева, которого можно увидеть в упомянутом фильме «Медвежий праздник сургутских хантов» (1988).

Как видим, среди перечисленных в таблице обрядов есть такие, где ведущие исполнители – тромаганцы: И. С. Сопочин (1988), С. В. Кечимов (2010, 2016-Ю), Д. Н. Покачев (2016-Т, 2021) и С. Г. Рынков (2016-Т, 2021). Из всех фиксаций таких обрядов в открытом доступе находится лишь фильм Л. Мери (1989), есть также обстоятельная статья Ш. Дудека [Dudeck, 2022], посвященная обряду 2016 г. в д. Русскинская. По этим материалам можно составить некоторое представление о тромаганской традиции медвежьего праздника, и к этим источникам мы будем обращаться при **характеристике обряда 2022 г.**

От организаторов нам было известно, что люди с Тромъёгана не только хотели провести «свой» праздник, без вмешательства певцов других традиций, но и высказали пожелание, чтобы аудитория была подготовленной, а женщины были в юбках и платках. О стремлении к сепарации сообщает и Ш. Дудек: «два наших собеседника из числа восточных хантов... хотели бы избежать такого компромисса (сочетания восточного и северного в обряде. – Г. С.) в будущем» [Dudeck, 2022, p. 56–57]. Также был запрос на видеозапись. Очевидна направленность носителей традиции на ее документирование, на серьезное отношение к предпринимаемому действию. Тем не менее, фестиваль привлек и исполнителей северо-хантыйской (казымской) версии медвежьих игрищ, доминирующей в настоящее время в хантыйской культуре. В итоге обряд в честь медведя провели пять знатоков фольклора локальных групп восточных хантов – тромаганских (С. В. Кечимов и Д. Н. Покачев, ведущие исполнители обряда 2016-Т), аганских (С. А. Айпин и Л. Н. Айпина),

⁷ См. сн. II к таблице.

⁸ 1986 – Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко, переводчик Е. Д. Айпин; 1987 – Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко, В. И. Киле, переводчик Е. Д. Айпин; 1989 – Р. Б. Назаренко, О. Э. Добжанская, лингвист Н. Б. Кошкарева.

⁹ Информация приведена по дневнику участницы экспедиции В. И. Киле. Фонозаписи хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской консерватории (колл. А0046, А0047, А0055).

¹⁰ Н. М. Вахитова, Т. В. Павлова, переводчик Е. Д. Айпин. Материалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской консерватории (колл. А0054).

юганских (А. Н. Ачимов) и два казымских мастера (Т. А. Молданов и Я. Н. Тарлин).

Структура обряда определялась старейшинами традиционным способом – с помощью гадания на голове медведя, но учитывались также и другие, внешние факторы. Гадание на голове медведя¹¹ [Рудь, 2013, с. 197–198], выражающее, по представлению хантов, его волю, помогает определить важные моменты обряда. Оно было совершено дважды: вечером накануне праздника и в его последний день. Во время гадания голову с лапами и шкурой приподнимают, и в зависимости от того, легко или тяжело это сделать, ответ медведя интерпретируется как «да» или «нет». Накануне праздника 2022 г. гадали по старшинству (от младшего), ни у кого из поднимавших ответа медведя не было, и тут подошел черед автора настоящих строк. Поскольку приглашение было настойчивым, пришлось пойти. При третьем подъеме голова действительно очень легко поднялась, и старейшины стали задавать вопросы, их было много. Обращения к медведю по-хантыйски иноязычному исследователю были непонятны, но заклинательные формулы во 2-м лице «лесной зверь, когтистый зверь» и др., многократно повторяемые, были отчетливо слышны. В этот вечер медведица (медведь был женского пола) «не захотела» никаких песен и игрищ, она «ответила» только, что пришла в образе Тромаганской лесной богини, и что проголодалась. После этого все засмеялись: и правда, ведь все ходили на ужин, а ей подношение не поставили. Тут же оплошность была исправлена: сооружен стол и поставлено угощение (орехи, печенье, конфеты, чай). А. Рудь, наблюдавший обряд гадания на медвежьем празднике у юганских хантов в 2010 г., приводит пример важности ответа медведя для совершающих обряд: «несмотря на то, что большинство участников были уже настроены на завершение медвежьего праздника, он был продолжен» [Там же, с. 197]. Во время гаданий последнего дня описываемого обряда был получен неожиданный наказ медведицы завершить праздник без особых торжеств, просто усыпляющей песней. Медвежья голова и шкура, вместо того, чтобы отправиться в культовое место (священный лабаз), была завещана организаторам – мегионскому музею, где уже есть подобный экспонат. Повторение ситуации, имевшей место на празднике 2016 г., когда медведица тоже «решила» отправиться к организаторам (в музей д. Русскинская) [Dudeck, 2022, p. 61], наводит на мысль о возможности субъективного, вариативного истолкования ответов медведя под воздействием обстоятельств. В данном случае прослеживается связь между организационно-финансовым обеспечением и получением своего рода «дивидендов».

Поскольку обряд был одним из фестивальных событий, которое должно пройти в заранее определенное время, то этот внешний фактор повлиял на продолжительность обряда. Предписанные обско-угорской традицией четыре дня праздника в честь медведя женского пола нужно было вместить в отведенные для этого три дня программы фестиваля. Ведущие нашли выход в условном разделении одного реального дня на два ритуальных: перед обедом в первый день праздника была исполнена песня усыпления медведя, а послеобеденная часть началась пробуждающей песней, как будто это был новый день. Опыт такого подсчета дней праздника у тремаганских певцов уже был [Dudeck, 2022, p. 60].

¹¹ «...*mələqsəta* – «гадать, ворожить» – обряд, во время которого общение с божествами и духами происходит посредством приподнимания... предметов» [Рудь, 2013, с. 196].

Ведущие исполнители песен в обряде 2022 г. – известные, хоть и в разной степени, знатоки ритуалов С. В. Кечимов и Д. Н. Покачев¹². Именно в их трансляции прозвучала большая часть священных песен. Много исполнил также Т. А. Молданов, хантыйский ученый и активный участник медвежьих праздников. Если его не ограничивать, то можно было бы услышать полный казымский вариант: его фольклорные знания, энергия, жажда творческого высказывания и лидерские качества помогли бы это сделать. Чтобы праздник не стал очередным казымским, автору этих строк пришлось периодически вмешиваться, увещевая Тимофея дать возможность людям с Тромъёгана проявить себя, а нам – записать редкий материал. Медвежий праздник в Русскинской (2016-Т) уже показал сильную позицию северной версии обряда: двумя казымскими хантами тогда было исполнено 94 эпизода, в то время как намного большая группа участников из восточных хантов, включая трех ведущих исполнителей и нескольких женщин, спела всего 75 песен [Dudeck, 2022, p. 57]. В 2022 г. соотношение получилось иным.

Существенными моментами сценария данного медвежьего праздника, связанными с трансляцией фольклора, являются: гадание на голове медведя – здесь есть формулы-вопросы; четырехкратный обход дома и внос головы медведя через окно в дом – со стуками и криками *човьё-човьё!*; жертвенная церемония (заклание оленя) на третий день обряда – с молитвами, прочитанными тремя ведущими исполнителями, и коллективными ритуальными возгласами; исполнение священных и несвященных песен и сценок на протяжении всего праздника.

В течение четырех ритуальных дней перед медведицей звучали *дйүдтэп* – священные песни, пробуждающие ее (*пути килтыты дйүдтэп*) и усыпляющие (*пути одтыты дйүдтэп*)¹³. С помощью этих песен устанавливаются временные рамки: начало и конец каждого ритуального дня. Другие *дйүдтэп* – песни богов, прибывающих на праздник. В тромаганской традиции они исполняются сольно, певец облачен в халат с длинными рукавами, на голове берестяная маска, в руке деревянный посох. На празднике прозвучали 24 священные песни, 17 из них исполнили носители тромаганской традиции (С. В. Кечимов, Д. Н. Покачев), 3 – аганской (С. А. Айпин). Казымские священные песни духов-покровителей (4) прозвучали из уст Т. А. Молданова. Сакральная часть программы, без сомнения, сформирована по восточному (тромаганскому) сценарию.

Фольклор сургутских хантов представлен также несвященными песнями (4) и двумя сказками в исполнении аганской носительницы фольклора Л. Н. Айпиной, а также сказкой и тремя песнями юганского ханта А. Н. Ачимова. Последний прекрасно вписался в исполнительский коллектив, хотя приехал с намерением поучиться, сделать запись обрядовых песен, поделиться ими с сородичами для восстановления праздника у себя дома.

В сценках, наоборот, ведущими стали казымские участники – Т. А. Молданов и Я. Н. Тарлин. Обладая врожденным актерским талантом, они поражали артистизмом, обилием творческих идей, вовлекая зрителя в свою игру.

К сожалению, аудитория была совсем немногочисленной и лишь отчасти традиционной: присутствовали несколько женщин (2–4), включая жен певцов, и 1–2 сотрудника музея. Временами в доме медвежьего праздника оставались только

¹² О проведении ими обряда поклонения духу воды перед началом окружных соревнований по гребле на обласах: <https://ugra-news.ru/article/05072018/69835> (дата обращения 15.11.2022).

¹³ Термины приводятся по черновикам описи аудиофонда ОНМЦ (см. сн. II к таблице).

исполнители и мы – те, кто записывал... А ведь зрители должны не просто сидеть, а быть включенными в происходящее! Не было тех заинтересованных и понимающих слушателей, в том числе готовых перенять опыт поклонения медведю через устройство игрищ. Люди, которые ненадолго заходили в дом посмотреть на экзотику, и даже ханты другой группы, не стремящиеся включаться в данную культуру, – это только наблюдатели, а не активная обрядовая аудитория. Не происходит партисипации, которая делает ритуал настоящим, коллективным, традиционным. Именно тоской по традиционной аудитории, которая является не просто слушателем, но активным участником обряда, как раз и объясняется просьба старейшин к организаторам пригласить тех, кто понимает медвежий праздник.

Недостаток «правильной» аудитории вынудил артистов активно взаимодействовать с присутствующими учеными, а последним пришлось включаться в обрядовое действие. Так, в одной из сценок не хватало участников-мужчин, и тогда К. А. Сагалаев, снимавший обряд на видео, оставил камеру коллеге, облачился в суконный халат и маску и прошелся вместе с остальными семьей «зырянами», сюжет о которых звучал в песне Т. А. Молданова. В другой раз москвичку-социолога позвали в сценку «Сенокос», где ей пришлось изобразить танец косаря, взмахивая руками в хантыйском платье.

Актуализация тем, ситуативное сотворчество компенсировало нехватку подготовленной публики. Все исполнители, независимо от авторитета и локальной принадлежности, придумывали, какую сценку можно сейчас сыграть, обсуждали, делились идеями и дружно высказывались из избы, чтобы переодеться и договориться о деталях.

Когда возникла пауза в пении священных песен и кто-то не смог вспомнить напев, появилась сценка «Песня потерялась». Артист обходил всех присутствующих, тыча посохом куда попало (особенно активно в лиц женского пола), осматривая все места, где может быть спрятана песня. Когда дошла очередь до С. В. Кечимова, он встал, спустил верхние штаны, показывая, что у него тоже песни нет! А Л. Н. Айпина придумала сценку с метлой: подпрыгивая, обметала ею присутствующих, будто бы выгоняя болезни.

Обычная для медвежьих праздников эротическая составляющая с подачи Т. А. Молданова неожиданно воплотилась в инсценировку научной работы. Оказывается, ханты с интересом читали статью Е. В. Переваловой «Эротика в культуре хантов» [1992], «она всех научила, как правильно *этим* заниматься». Под общий хохот быстро составила сценку «Дедушка учит священному делу» с участием одного ведущего (Т. А. Молданова), излагавшего историю с комментариями, и трех «иллюстраторов», среди которых был ученый-археолог из Ханты-Мансийска.

Танцев на этом обряде не было, за исключением песни-танца, изображающего волны на озере (Л. Н. Айпина). Коллективные танцы, мужские и женские, характерные для праздников северных хантов и манси, отсутствовали вовсе. Танцевальные движения выполнялись только при окончании священных песен божеств (это обязательный элемент) и в сценках-представлениях, если требовалось по сюжету. Ситуацию можно связать как с малым числом присутствующих, знающих хантыйские танцы, так и со значительным смысловым перевесом (приоритетом) песнопений в восточно-хантыйской традиции.

В медвежьем празднике есть ряд общих для всех хантов явлений, по которым можно проследить специфичность любой локальной традиции. Наблюдаемый

нами праздник в сравнении с двумя восточными обрядами, в которых ведущими исполнителями были тромаганские певцы (1988-Т и 2016-Т), и с северными играми обнаруживает следующее.

- Песни пробуждения и усыпления медведя исполняются с колокольчиком ежедневно в начале и в конце каждого дня, как и во всех других традициях.

- Окончание сценки или песни отмечается звуком колокольчика либо перебором струн музыкального инструмента *нарс-юх*. Хотя инструмент лежал в должном месте, рядом с клетью медведицы, наигрыши на нем не звучали. На празднике 2016-Т тоже был музыкальный инструмент [Dudeck, 2022, p. 53], но об игре на нем не упоминается. А вот в более раннем празднике (1988-Т) принимали участие блестящие музыканты Т. И. Кечимов (арфа *тор-сапль-юх*) и С. Т. Кечимов (лютня *нин-юх*).

- Коллективное исполнение мифозпических песен, свойственное северохантыйской и мансийской версиям праздника, здесь отсутствовало вовсе. Все священные песни исполнялись соло. В северной практике один знаток ведет мелодию, а остальные, сцепившись мизинцами друг с другом, негромко подпевают, поднимая и опуская руки в такт пению. В фильме Л. Мери (1988-Т) запечатлен другой вариант коллективного духовного посыла: мы слышим песню отправления души медведя в исполнении И. С. Сопочина и видим, как все присутствующие стоят полукругом, взяв друг друга за мизинцы и слегка покачиваясь.

- Непременная маскировка голоса – произнесение реплик фальцетом в шуточных сценках – слышалась только от казымских участников.

- Актеры облачались в специально сшитые суконные халаты, платки / шали и маски. Шапок, отороченных мехом, и рукавиц для закрывания рук по время исполнения священных песен, как на севере, не было.

О музыкальной стороне обрядового пения надо сказать особо. В архаическом эпосе, к которому, безусловно, относится мифозпическое пение на медвеьем празднике, первичным является слово, помещенное в рамку мелодии. Таким способом слово «консервируется» для лучшего запоминания, тем самым обеспечивается возможность передачи через него важных знаний о мире. Принципиальная значимость вербального слоя делает безуспешной нотную запись в отсутствие расшифрованного текста. Материал, записанный в 2022 г., пока не обработан, словесная транскрипция его не выполнена. Поэтому на данном этапе автором сделана схематичная нотировка ряда песен, что позволило получить предварительные данные о характере обрядовых напевов.

В пробуждающих и усыпляющих медведя песнях функционируют политекстовые напевы. Так, три из четырех пробуждающих песен имеют одну и ту же мелодию; четвертая же поначалу поется на другой напев (возможно, певец не сразу в него «попал»), а затем становится очень похожей на остальные. Далее, две из четырех усыпляющих песен тоже исполнены на «пробуждающий» напев. Мало того, его контуры напева напоминают пробуждающие песни казымской и северо-мансийской традиции [Vasylenko, 2016; Солдатова, 2015]. Универсальная сочетаемость напева с текстами ритуальных песен разных локальных традиций говорит о его прочной позиции и давности использования в обрядовой практике. Вполне допустимо предположить, что напев пробуждающих / усыпляющих медведя песен является обрядовым *пранепевом*.

Интересно сопоставление музыкального стиля священных песен двух ведущих исполнителей праздника – С. В. Кечимова и Д. Н. Покачева. Кечимов более свободно обращается с ритмом и высотой, а у Покачева мелодии оформлены более

строго. Похожее соотношение замечено в пении двух корифеев казымского обрядового пения – П. И. Сенгепова и С. Е. Тарлина, совместно лидировавших на медвежьем празднике 2002 г. С. В. Кечимов, который тоже был приглашен на тот обряд, поделился своим восприятием их пения: «Семен Егорович поет такие мелодии, что легко запоминаются... А у Петра Ивановича трудная мелодия». Тогда же, как напоминает полевой дневник, С. В. Кечимов попросил Тимофея Молданова выслать ему кассеты с записью С. Е. Тарлина и П. И. Юхлымова, еще одного знатока медвежьего репертуара северных хантов. Нетрудно догадаться, что прослушивание северных медвежьих песен не прошло бесследно и в какой-то степени повлияло на сегодняшнее пение Кечимова. Теперь он поет менее стабильно, заметно варьируя ритм и высоту звука.

Напевы Д. Н. Покачева, напротив, хорошо организованы, его текст пропеваётся не долго и распевно, как у северных хантов, а скоро: каждая мелострока связана с плотной словесной информацией. Этот параметр, а также ритмический остов напевов очень напоминают обрядовое пение манси [Солдатова, 2015].

Схождения напевов тромаганских медвежьих песен с северными обско-угорскими должны быть тщательно исследованы, тем более что многие тромаганские и аганские ханты имеют предков – выходцев с казымских территорий [Wiget, Balalaeva, 2022, p. 44]. Вопрос о сходстве с напевами манси требует серьезной проработки.

Проведенный в 2022 г. медвежий праздник, безусловно, имеет признаки гибридности (см. об этом [Dudeck, 2022]), поскольку в нем смешаны черты разных локальных традиций хантйской фольклорно-обрядовой культуры. Однако если ответить на вопросы о локальной принадлежности ведущих певцов, о количественном соотношении исполненных ими песен и эпизодов, прежде всего сакральных, о том, кто определяет ход обряда и его ключевые моменты, то можно прийти к выводу о восточно-хантйском, точнее, тромаганском характере этого праздника.

Совместное проведение обряда силами разных групп сургутских хантов (см. таблицу) практикуется давно и, по-видимому, является одним из вариантов нормы. Сейчас, на фоне стремительного угасания обрядовой практики, смешение становится неизбежным, причем не только с территориально близкими сородичами, но и с северными хантами. Гибридные праздники оказались в тренде, став новой формой существования обряда.

Несмотря на изменения в практике проведения медвежьего праздника, поэтико-мелодический фонд его тромаганской версии сохраняется: традиция ритуального пения жива, ее еще можно слышать, записывать, передавать молодому поколению. Несомненно, полевая работа с носителями тромаганского фольклора очень актуальна. Не менее важна обработка уже записанного материала. К сожалению, тексты восточно-хантйских медвежьих праздников в большинстве своем до сих пор не расшифрованы и не опубликованы. Юганские тексты только начинают появляться (см. сн. VI к таблице). Изданных песен тромаганского медвежьего праздника, насколько нам известно, нет, хотя работа по расшифровке и анализу песен, записанных в 2016 г., ведется совместно с носителями языка [Dudeck, 2022, p. 75]. Сейчас, пока традиция жива, крайне необходимо расшифровывать и переводить тексты с информантами, знатоками фольклора, комментировать сложные для понимания места, чтобы обеспечить возможность адекватной и полной публикации медвежьих песен, иначе уникальные записи наследия хантов могут остаться в архивах непонятыми и практически ненужными.

Список литературы

- Балалаева О. Э.* Технология, перформанс и сохранение культурного наследия, или медвежий праздник и медиасентр юганских ханты: сибирский вариант // Вестник Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 204–209. DOI 10.17223/22220836/36/19
- Гриневиц А. А.* Поэтические константы песен медвежьего праздника казымских хантов. Новосибирск: Наука, 2021. 123 с.
- Лукина Н. В., Попова С. А.* Об историческом соотношении видов медвежьего праздника у обских угров // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 718–727. DOI 10.30624/2220-4156-2020-10-4-718-727
- Молданов Т.* Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 139 с.
- Молданова Т. А.* Из истории возрождения хантыйского медвежьего праздника в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 117–125.
- Перевалова Е. В.* Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85–97.
- Рудь А.* Обряды гадания восточных хантов в начале XXI века // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (27). С. 194–204.
- Сазалаев К. А., Солдатова Г. Е.* Медвежий праздник восточных хантов на фестивале // Кятлели. Этнографический альбом. Мегион; Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2022. С. 76–82.
- Соколова З. П.* Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 121–130.
- Солдатова Г. Е.* Опыт анализа временной организации мансийских обрядовых напевов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1 (28). С. 91–96.
- Телегина Л. А.* Медвежья вечерка // Уватские известия: сетевое издание. 24.06.2015. Вып. 51 (9524). URL: <http://uvatskie.ru/article/76216/> (дата обращения 28.06.2017).
- Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
- Шубин В. В.* Роль киностудии «ТГУ-фильм» и студии «Визан» в становлении отечественной визуальной антропологии // Зеркала культур: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 162–170.
- Dudeck S.* Hybridity in a Western Siberian bear ceremony // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2022. No. 16 (2). P. 43–85. DOI 10.2478/jef-2022-0013
- Vasylenko (Mazur) O. V.* Style and Genre Aspects of Kazym Khanty Bear Festival Songs // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Vol. 55, iss. 1. P. 22–40. DOI 10.1080/10611959.2016.1263489
- Wiget A., Balalaeva O.* Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians // Sibirica. 2022. No. 21 (1). P. 25–52. DOI 10.3167/sib.2022.210103

References

Balalaeva O. E. Tekhnologiya, performans i sokhranenie kul'turnogo naslediya, ili medvezhiy prazdnik i mediatsentr yuganskikh khanty: sibirskiy variant [Technology, Performance, and the Preservation of Cultural Heritage, or the Bear Festival and the

Yugan Khanty Digital Media Center: A Siberian Example]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no. 36, pp. 204–209. DOI 10.17223/22220836/36/19

Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. N. B. Koshkareva (Ed.). Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Dudeck S. Hybridity in a Western Siberian bear ceremony. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2022, no. 16 (2), pp. 43–85. DOI 10.2478/jef-2022-0013

Grinevich A. A. *Poeticheskie konstanty pesen medvez'ego prazdnika kazymskikh khantov* [Poetic constants of songs of bear festivals of Kazym Khanty]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 123 p.

Lukina N. V., Popova S. A. Ob istoricheskom sootnoshenii vidov medvezh'ego prazdnika u obskikh ugrov [On the historical correlation of types of bear festivals among the Ob Ugrians]. *Bulletin of Ugric studies*. 2020, vol. 10, no. 4, pp. 718–727. DOI 10.30624/2220-4156-2020-10-4-718-727

Moldanova T. A. Iz istorii vrozhdeniya khantyyskogo medvezh'ego prazdnika v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre [From the history of the revival of the Khanty bear holiday in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (31), pp. 117–125.

Moldanov T. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khanty* [The picture of the world in the chants of bear games of the northern Khanty]. Tomsk, TSU, 1999, 139 p.

Perevalova E. V. Erotika v kul'ture khantov [Eroticism in the Culture of Khanty]. In: *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa: Sb. nauch. tr.* [Model in the cultural studies of Siberia and the North: Coll. of sci. art.]. Ekaterinburg, Ural Branch of the RAS, 1992, pp. 85–97.

Rud' A. Obryady gadaniya vostochnykh khantov v nachale 21 veka [Divination rites of the Eastern Khanty in the early 21st century]. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no. 6 (27), pp. 194–204.

Sagalaev K. A., Soldatova G. E. Medvezhiy prazdnik vostochnykh khantov na festivale [Bear-Feast of the Eastern Khanty at the festival]. In: *Kätjeli. Etnograficheskiy al'bom* [Kätjeli. Ethnographic album]. Megion, Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir, 2022, pp. 76–82.

Shubin V. V. Rol' kinostudii “TGU-fil'm” i studii “Vizan” v stanovlenii otechestvennoy vizual'noy antropologii [The role of the TSU-film studio and the studio “Visan” in the formation of Russian visual anthropology]. In: *Zerkala kul'tur: Pamyati A. M. Sagalaeva* [Mirrors of cultures: In memory of A. M. Sagalaev]. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2019, pp. 162–170.

Sokolova Z. P. Kul't medvedya [Bear cult]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2002, no. 2, pp. 121–130.

Soldatova G. E. Opyt analiza vremennoy organizatsii mansiyskikh obryadovykh napevov [The experiments of the results of analysis of the temporal organization of Mansi ritual tunes]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2015, no. 1 (28), pp. 91–96.

Telegina L. A. Medvezh'ya vecherka [Bear's party]. *Uvatskie izvestiya: setevoe izdanie*. 24.06.2015, iss. 51 (9524). URL: <http://uvatskie.ru/article/76216/> (accessed 28.06.2017)

Vasylenko (Mazur) O. V. Style and Genre Aspects of Kazym Khanty Bear Festival Songs. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2016, vol. 55, iss. 1, pp. 22–40. <https://doi.org/10.1080/10611959.2016.1263489>

Wiget A., Balalaeva O. Valuing Difference: Bear Ceremonialism, the Eastern Khanty, and Cultural Variation among Ob-Ugrians. *Sibirica*. 2022. no. 21 (1), pp. 25–52. DOI 10.3167/sib.2022.210103

Информация об авторе

Галина Евлампьевна Солдатова, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

Information about the author

Galina E. Soldatova, Candidate of Arts, Leading Researcher of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

*Статья поступила в редакцию 25.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 25.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*

Научная статья

УДК 398.83

DOI 10.17223/18137083/84/4

**Чувашские песенные тексты Кемеровской области
в сравнении с их вариантами из Волго-Уральского региона**

Екатерина Игоревна Исмагилова¹

Наталья Владимировна Леонова²

Елена Владимировна Федотова³

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

³ Чувашский республиканский институт образования
Чебоксары, Россия

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Аннотация

Статья посвящена характеристике песенных текстов, записанных от чувашско-сибирских переселенцев в сравнении с образцами, зафиксированными на материнских территориях бытования переселенческой традиции. Анализ привел к выводу об устойчивой взаимосвязи между материнскими и переселенческой фольклорными традициями. Обнаружены текстовые связи на разных уровнях, от устойчивых словосочетаний (образов, содержащих определенную символическую нагрузку) и тематики песен (наиболее часто встречающиеся темы: разлука с родственниками, встреча родственников, добрые взаимоотношения с ними, тема внутреннего состояния героя песни) до уровня прямых текстовых соответствий (от строки до двух-трех строф). Во многих сибирских образцах происходит переосмысление жанровой принадлежности песен: из ритуально-обрядовой (поминальные, гостевые песни) она становится лирической (процесс, свойственный и материковой традиции).

Ключевые слова

народные песни чувашей Сибири, анализ песенных текстов, фольклор сибирских переселенцев, сравнительный анализ автохтонных и переселенческих традиций

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10113, <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

Для цитирования

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В. Чувашские песенные тексты Кемеровской области в сравнении с их вариантами из Волго-Уральского региона // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 48–64. DOI 10.17223/18137083/84/4

© Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 48–64

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 48–64

Chuvash song texts of the Kemerovo region in comparison with their variants from the Volga-Ural region

Ekaterina I. Ismagilova¹, Natalya V. Leonova²
Elena V. Fedotova³

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Glinka Novosibirsk State Conservatoire
Novosibirsk, Russian Federation

³ Chuvash Republican Institute of Education
Cheboksary, Russian Federation

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Abstract

In 1951, the Chuvash composer and folklorist S. M. Maksimov made recordings of folk songs from the Chuvash settlers in the Prokopyevsk district of the Kemerovo region. In 2022, the authors of this paper conducted fieldwork to collect samples of Chuvash folklore in the same places. The folklore recordings were also found that were made in different areas of the Volga-Ural region, the territories of the “exit” of the Chuvash-Siberian settlers. All the above recordings made up the material of the present study. The comparative analysis of the texts of autochthonous and migration traditions has shown their variability to be manifested at different levels, including common stable word combinations carrying a specific symbolic load, song themes, and structure-level matches. The stable images include high mountains, swallows, a dove, a running red fox, a river, a black and a ladle, all of them loading the song texts with a symbolic, in some cases sacred, meaning. The song themes are quite diverse, with those of separation, good relationships with relatives, the hero’s inner state, and reflections on the transience of life prevailing. In terms of structure, the texts compared can be related differently: from a single-line match to the similarity in the content of two or three song stanzas. The analysis has revealed a stable continuity between the Siberian and the Volga region’s local traditions. Moreover, many Siberian samples involve rethinking the genre of songs, from ritual and ceremonial to lyrical.

Keywords

folk songs of the Chuvash of Siberia, analysis of song texts, folklore of Siberian settlers, comparative analysis of autochthonous and settlers traditions

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the project “Folklore of autochthonous and resettlement traditions of the peoples of the Volga region in modern records and historical dynamics: an interactive atlas of sounding texts” at the expense of the Russian Science Foundation grant no. 19-78-10113 <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

For citation

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Fedotova E. V. Chuvash song texts of the Kemerovo region in comparison with their variants from the Volga-Ural region. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 48–64. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/4

Введение

В течение первой половины XX в. на территорию современной Кемеровской области, так же как и на другие территории Сибирского региона, переселялись тысячи чувашей с Волго-Уральского региона. При том, что чувашская традиционная культура в течение многих десятилетий продолжила свое активное бытование на сибирской земле, запись чувашского фольклора в Сибири вплоть до начала XXI в. практически не велась. Исключение составляют поистине уникальные записи выдающегося чувашского композитора и фольклориста С. М. Максимова, выполненные им в 1951 г. в Кисилевском (ныне Прокопьевском) районе Кемеровской области.

Рукопись С. М. Максимова как источник сравнительных исследований

Степан Максимович Максимов приезжал в Кемеровскую область вместе с поэтом Петром Петровичем Хузангаем в мае-июне 1951 г. Основная цель поездки для композитора – встреча с родственниками, переселившимися в Сибирь из села Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковский район Чувашской Республики) еще в 1908 г. Известно также, что С. М. Максимов незадолго до своей поездки в Кемеровскую область тоже принял решение переехать в сибирскую сельскую глубинку и заниматься там преподаванием, как когда-то в годы своей молодости [Кондратьев, 2002, с. 299]. Этим планам, однако, не суждено было сбыться: композитор скончался 26 августа 1951 г.

Результатом этой, последней в жизни композитора, поездки явилась рукопись, содержащая чувашские народные песни¹. По свидетельству Максимова, им был зафиксирован весь местный репертуар – 43 песни [Там же, с. 297]. Из них 16 образцов записаны в чувашском селе Михайловка, 12 – в соседней с Михайловкой деревне Оселки, еще 15 песен композитор зафиксировал в Кемерово от чувашей, переехавших жить в город. Песни, в том числе их мелодии, фиксировались в процессе исполнения – «на слух».

Рукопись с сибирскими материалами на протяжении более 70-ти лет хранится в семейном архиве потомков композитора, в настоящее время – у его внучки А. Л. Максимовой. В 2021 г. новосибирскими фольклористами в ходе работы над проектом, в рамках которого подготовлена настоящая статья, была получена копия рукописи и разрешение наследницы изучать содержащиеся в ней материалы.

Согласно информации об исполнителях, сопровождающей некоторые из нотировок, С. М. Максимов записывал фольклор преимущественно от чувашей, приехавших из Стерлитамакского (ныне Зилаирский район Башкирии) и Чистопольского (ныне Аксубаевский, Алексеевский, Билярский, Новошешминский, Ок-

¹ Рукопись включает в себя три тетради: две нотные с записями мелодий и текстов песен, сделанными непосредственно во время исполнения (I, 1–40 с., нумерация страниц сквозная для двух нотных тетрадей), и одну простую с текстами песен (II, 1–40 с.). Тексты песен 1–3 записаны в нотной тетради, вместе с нотировками. Тексты песен 4–43 записаны следующим образом: первая строфа в нотной тетради (как подтекстовка к нотировке), остальные строфы в тетради для текстов. Поэтому к текстам 4–43 будут даны ссылки на нотную и простую тетради.

тябрьский (ныне Нурлатский), Первомайский и Чистопольский районы Татарстана) уездов Казанской губернии, а также от уроженцев нынешнего Янтиковского района Чувашии.

В отношении жанрового состава укажем на преобладание гостевых песен (18 образцов), повествующих о родственниках и родственных отношениях, и исполняющихся, как правило, во время застолий. Широко представлен и пласт традиционной чувашской лирики: композитором было зафиксировано 16 образцов краткосюжетных песен (*çавра юрă*). Кроме того, в рукописи присутствуют пять рекрутских песен, а также единичные образцы других жанров (свадебная, хороводная, шуточная песни, повествовательный текст с балладным содержанием – *баит*).

В конце тетради с текстами имеется очень краткий этнографический комментарий: *Ёлĕк Сибирьте туй тунă. Хусанĕн Хусанла, çавăн пекех вайлă туман. Вайй тăваççĕ. (Раньше в Сибири свадьбы играли. Казанские по-казански, но такую дорогу [свадьбу] не справляли. Хороводы проводят)*². Однако, отмечая живую традицию бытования обрядовых и календарно-приуроченных жанров, песенных образцов, сопровождающих свадьбу и хороводы, С. М. Максимов практически не фиксировал. Возможно, композитора не привлекала этнографическая составляющая музыкальной фольклористики или же были еще какие-то причины, например незаинтересованность самих носителей традиции в исполнении календарного или семейного фольклора вне обрядового контекста. Для нас ценны и эти несколько строк, поскольку они в целом совпадают с нашими наблюдениями над традиционной культурой сибирских чувашей.

В августе 2022 г. была предпринята экспедиционная поездка в Прокопьевский район Кемеровской области с целью фиксации фольклора «по следам» С. М. Максимова³. В ходе работы с носителями традиции было зафиксировано пять вариантов к текстам из рукописного сборника Максимова.

Ко многим текстам рукописи удалось также подобрать варианты, вплоть до настоящего времени бытующие на материковых территориях переселенцев, с которыми работал Максимов, – в чувашских поселениях Татарстана (расположенный на территории бывшего Чистопольского уезда Октябрьский (ныне Нурлатский) район) и Башкортостана (Федоровский, Стерлитамакский районы; бассейн реки Белой). Варианты к песням были также обнаружены в материалах, записанных в Янтиковском и Ядринском районах Чувашской Республики. Перечисленные записи из Волго-Уральского региона относятся к разным временным периодам: от 1910–1930-х до 1990–2023 гг.⁴

² Рукопись Максимова (далее – РМ), II, с. 40.

³ Участники экспедиции Н. В. Леонова, Е. И. Исмагилова, А. С. Яковлева. Материалы экспедиции хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и в Архиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. Подробнее о полевой работе 2022 г. в Кемеровской области см. в [Исмагилова и др., 2022].

⁴ Рукописные источники и аудиоматериалы хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН), в Архиве отделения сольного и хорового народного пения Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова, личных архивах Е. В. Федотовой, С. Г. Лаврентьевой, А. А. Щетиной.

Устойчивые образы в текстах чувашских песен

Сравнительный анализ текстов автохтонных и переселенческой традиций показал, что присутствующая в них вариантность проявляется на разных уровнях, от употребления общих устойчивых словосочетаний, несущих определенную символическую нагрузку, до почти точного совпадения одной или нескольких строф. Далее рассмотрим эти устойчивые образы. Среди них образ *высокой горы* (*сӱл ту*), отражающий архаичные, еще прачувашские мифологические представления [Кондратьев, 2007, с. 40–42]. Развитие этого образа весьма разнообразно: на высоких горах стоят *три березы / ветряная мельница / высокая клеть* или же *бегают олень / змей свистит*. В тексте лирической песни из рукописи Максимова на вершине горы ветряная мельница без остановки мелет пшеницу, т. е. происходит нечто необыкновенное, выходящее за рамки обыденного:

<i>Сӱл ту сӳнче сӳл армань</i> ⁵ <i>Куллен туӓ авӓрать.</i>	На высокой горе ветряная мельница Все мелет пшеницу.
---	---

В корильной свадебной песне из Башкирии мельница, в соответствии с содержанием второго звена двухзвенной поэтической структуры, напротив, молоть не может:

<i>Сӱллӓ ту сӳнчи сӳл арман</i> ⁶ <i>Авраймасӓр ларать-ске.</i> <i>Лешӓ кассен хӓрӓсем</i> <i>Йӓреймесӓр ларас-ске.</i>	Ветряная мельница, что на высокой горе Стоит же, не может молоть. Девушки с других улиц Сидят, не могут исполнить плач невесты.
---	--

Во многих песнях, записанных Максимовым, присутствует образ *ласточки* (*черной ласточки*) – *чӓкӓс* (*хура чӓкӓс*). В чувашской традиционной культуре образ ласточки несет в себе добрую семантику, отождествляется с человеком, жизнью, счастьем. Если эта птица лепит свое гнездо рядом с человеческим жильем, считается, что это добрый знак. В гостевых песнях из рукописи нередко проводится параллель *ласточки* – *любимые родственники*:

<i>Шурта шуркут йӓви, ай, пит</i> <i>нумай</i> ⁷ ,	На болоте гнезд стрижей, ай, очень много,
<i>Чӓкӓс йӓвисене те сӳтес сук.</i>	Но меньше, чем гнезд ласточек- береговушек.
<i>Ялта ыӓ сынсем те, ай, пит</i> <i>нумай,</i>	В деревне добрых людей да, ай, очень много,
<i>Хамӓр тӓвансене те сӳтни сук.</i>	Но до наших родственников да им далеко.

Практически такой же текст был зафиксирован во время обряда гадания на кольцах в ночь с 13 на 14 января 2009 г. в д. Абыркино Нурлатского района

⁵ РМ, I, с. 3. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.). Сходный текст о ветряной мельнице, записанный С. М. Максимовым еще в Чувашии, приведен в книге [Кондратьев, 2007, с. 42].

⁶ Записано в 1990 г. в с. Новоселка Федоровского района Республики Башкортостан от З. П. Яковлевой (1938 г. р.). (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1167. Инв. № 7359. Л. 31).

⁷ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.). Приехал в 1907 г. из д. Яманзас Стерлитамакского уезда (ныне с. Яманзас Зилаирского района Республики Башкортостан). *Сукӓр* (слепой).

Республики Татарстан⁸. В этой локальной традиции песня сопровождает выполнение обрядового действия.

В некоторых песнях, обозначенных композиторами как гостевые, говорится о сложности встречи с родственниками:

<i>Чёкеç йăви сўлте мар⁹,</i>	Гнездо ласточки не наверху,
<i>Алă ситес сёрте мар.</i>	И не там, чтобы достать рукой.
<i>Пирён т[ă]вансем инсе мар,</i>	Наши родственники не далеко,
<i>Куллен курас сёрте мар.</i>	И не там, чтоб часто их видеть.

Примечательно, что песня с подобным содержанием записана от некрещеных чувашей, проживающих в с. Чувашская Менча Нурлатского района Республики Татарстан. В их традиции подобные образцы исполняются во время проведения поминального обряда *юпа юрри*. В отличие от гостевых песен, в приведенном ниже примере подчеркивается, что ласточка – черная, что указывает на ее принадлежность к иному, загробному миру:

<i>Хура вярман витёр тухнă чухне¹⁰</i>	Когда проходил через черный лес,
<i>Хура чёкеç йăви тёл пултăм.</i>	Увидел гнездо черной ласточки.
<i>Аялта та мар, сўлте те мар –</i>	И не внизу, и не наверху –
<i>Сын пёвёсем ситес сёрте мар.</i>	Не в том месте, где человеческий рост может достать.
<i>Пирён тăван инсе те мар,</i>	Наш родственник и не далеко,
<i>Ир те, каç та курас сёрте мар.</i>	И не в месте, где можно видеть его и утром, и вечером.

В рукописи Максимова есть еще один текст об улетающей под дождем ласточке и уходящем родственнике. В данном случае это лирическая песня, по своему содержанию – переселенческая. В Чувашии же эта повсеместно распространенная песня бытует преимущественно как гостевая, поющая во время прощания с родственниками, возвращающимися домой¹¹. Ее переход в сферу лирических (конкретно – переселенческих) песен происходит благодаря появлению припева со словами о жизни в Сибири, появляющемуся после каждой двустрочной строфы:

<i>Аçта каян, чёкеç, сăмăр витёр¹²</i>	Куда летишь, ласточка, сквозь дождь,
<i>Ик сунатту вёçне йёпетсе?</i>	Кончики двух крыльев заставляя мокнуть?
<i>Эй, хир хăви аслă шыв хёрринче,</i>	Эй, степная ива на берегу большой реки,
<i>Иртет ёмёр Сибирь сёрёнче.</i>	Проходит жизнь на земле Сибири.

⁸ См. об этом подробнее в [Федотова, 2009].

⁹ РМ, I, с. 2. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.).

¹⁰ Текст опубликован в статье Е. В. Федотовой [2020, с. 59–60].

¹¹ Известно, что начальные строки двух первых строф в локальных традициях Татарстана и Башкортостана, как и в приведенном ранее тексте, присутствуют в ритуальных поминальных песнях *юпа юрри* [Кондратьев, 2018, с. 257].

¹² РМ, I, с. 30; II, с. 35. Записано от А. Н. Ивановой.

<i>Аста каян, таван, мана пӑрахса,</i>	Куда уходишь, родственник, меня
<i>Ик куҫӑнтан куҫсуль юхтарса?</i>	бросая, Из своих обоих глаз слезы заставляя
<i>Эй, хир хӑви аслӑ шыв хӗрринче</i>	течь? Эй, степная ива на берегу большой
<i>Иртет ёмӑр Сибирь сӗрӗнче.</i>	реки, Проходит жизнь на земле Сибири.

Близкий к этому варианту текст был записан в Михайловке в 2022 г. В образце, исполненном современными песенницами Г. А. Костоломовой (1946 г. р.) и В. М. Спиридоновой (1958 г. р.), эта песня звучит именно как гостевая, без припева о жизни в Сибири. В остальном же текст воспроизводится практически без изменений (кроме его сокращения до двух строф вместо пяти, как в рукописи), при этом каждая строка повторяется дважды. Можно предположить, что вариант, зафиксированный Максимовым в городе Кемерово от А. Н. Ивановой, не был напрямую связан с песенным репертуаром с. Михайловка. Возможно также, что нынешние исполнительницы познакомились с этой песней не через свою локальную традицию, а путем освоения общечувашского репертуара с помощью опубликованных текстов. На примере различных вариантов этого текста можно проследить его жанровую трансформацию: из поминальной в гостевую, а также в лирическую переселенческую песню.

Еще один образ символизирует собой родственника (или же умершего родственника), это *голубь (кӑвакарчӑн)*, прилетевший навестить своих родных¹³. Этот образ часто встречается в гостевых песнях рукописи:

<i>Эпирех килтёмӑр, ай, асӑнса</i> ¹⁴ ,	Мы да пришли, ай, помня,
<i>Тӑвантан т[ӑ]вансене шыраса.</i>	Стараясь отыскать самых близких родственников.
Хушса юрламалли:	Припев:
<i>Кӑвакарчӑн шур пӑрт маччинче.</i>	Голубь на чердаке дома по-белому.

Присутствует он и в текстах, записанных в Урало-Поволжье, употребляясь при сравнении с родственником:

<i>Кӑвик кӑвакарчӑн эп</i>	Голубем воркующим мне не быть,
<i>пулаймӑн</i> ¹⁵ ,	
<i>Карлӑк сине ларса юрлаймӑн.</i>	Сев на перила, не спеть.
<i>Сирӗн сывах таван эп пулам-и,</i>	Вашим близким родственником мне быть ли,
<i>Сирӗн умра тӑрса юрлам-и?</i>	Перед вами встав, спеть ли?

Образ голубя можно обнаружить и в более поздних песнях, созданных уже в XX в. Так, песня военного времени, повествующая об убитом на войне муже, начинается с обращения к голубю:

¹³ Согласно чувашским народным представлениям, голубя нельзя убивать и есть его мясо, так как его плоть наполовину человеческая.

¹⁴ РМ, I, с. 16; II, с. 13. Записано от Прасковии из Чистопольского уезда (1893 г. р.).

¹⁵ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан от Ю. Н. Ендираковой, 1941 г. р. (Личный архив Е. В. Федотовой).

*Кăвик-кăвик кăвакарчăн*¹⁶,
Ма вĕсетĕн эс пĕччен?
Мĕн шыратăн ирĕн-каçăн
Кăвак пĕлет тўпинче?

Ах, вĕсетĕп, эп йĕретĕп –
Вут çунать ман йишăмра.
Хурчăка тытса аркатрĕ
Манăн савнă мăшăра.

*Къвик-къвик*¹⁷ голубь,
Почему ты летаешь один?
Что ищешь по утрам и вечерам
В тучах неба голубого?

Ах, летаю, я плачу –
Огнем горит у меня внутри.
Ястреб поймал, разорвал
Моего любимого.

В текстах рекрутских песен, содержащихся в рукописи, нередко встречается образ *бегущей рыжей лисы* (*хĕрлĕ тилĕ юртать*). Вероятно, здесь присутствует следующий образный параллелизм: бегущая (возможно, убегающая от охотника) лиса подвергается опасности (неизвестно, успеет ли она убежать, спрятаться). Так же подвергается опасности и будущий солдат: неизвестно, вернется он домой живым или нет. Приведем строфу из текста рукописи Максимова:

*Хĕрлĕ тилĕ юртать хир-хир урлă*¹⁸
Аслă вăрмансене те шыраса.
Аслă вăрмансене çитсе кĕрсен
Вон ик пурсуй ярсан та тупас çук.

Рыжая лиса бежит рысью через поля,
В поисках больших да лесов.
Если добежит до больших лесов,
И двенадцати борзым ее не найти.

В старинной рекрутской песне, записанной в д. Тенеево (Теняль) Янтиковской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне эта деревня относится к Янтиковскому району Чувашской Республики) в 1910 г., образ бегущей лисы также присутствует¹⁹:

Аслă улăхра тилĕ юртать,
Çул çине тухасси инçе мар, инçе мар.
Ах, атте те, ах-ах, анне,
Пирĕн каяс кунсем инçе мар,
инçе мар.

По широкому лугу лиса бежит,
До дороги недалеко, недалеко.
Ах, бабушка да, ах-ах, матушка,
До дня нашего отъезда недолго,
недолго [осталось].

Еще в одном тексте, записанном в 1927 г. в Поволжье, образ бегущей лисы встречается в лирической песне. Однако в этом случае его смысловое значение иное: молодость прошла так же быстро, как пробежала лиса:

*Мăн çул тăрăх тил юртать*²⁰ –
Бр ут чупса çитес çук,
Пирĕн яш ёмĕр иртнине
Кайăк вĕссе çитес çук.

По широкой дороге лиса бежит –
Доброму коню не догнать.
Тому, как проходит наша молодость,
Птице не долететь, не догнать.

В песенных текстах присутствуют также и другие образцы, несущие определенную символическую нагрузку. Это образ *реки* (*шыв*), символизирующий границу между своей и чужой территорией, своим и чужим миром, а также связан

¹⁶ Записано в 2022 г. в с. Михайловка от Г. А. Костоломовой (1946 г. р.).

¹⁷ *Къвик* – подражание воркованию голубя.

¹⁸ РМ, I, с. 29; II, с. 33. Записано от А. Н. Ивановой.

¹⁹ Текст опубликован в антологии чувашских рекрутских песен [Анат енчипе тури..., 2021, с. 120–121].

²⁰ Точное место записи этого текста неизвестно. Он содержится в рукописи 1927 г. «Записи учителя четырехклассной школы д. Пашка Ушкань Петра Архипова» (НА ЧГИГН. I, с. 42. Инв. № 3249. С. 81/118).

ный с ним мотив *спуститься к реке (антём шыв хёррине)*, означающий, что герой песни приблизился к этой границе и находится в переходном состоянии, в необычной, критической ситуации. К категориям сакрального пространства относится и образ *черного леса (хуръ вёрман)* – символ чужого, некультуренного человеком пространства, возможно, загробного мира. Символом соединения двух миров (мира живых – мира мертвых или же родины – Сибири) служит мост (*кёпер* или *карма* – переход для пешего человека). В приведенном выше сибирском тексте о ласточке, летящей сквозь дождь²¹, далее присутствуют следующие строки:

<i>Эс леш енче, таван, ай, эп ку енче –</i>	Ты на той стороне, родственник, я на этой стороне –
<i>Хушиямара карма хывар-и?</i>	Не проложить ли нам переход между собой?

Подобные строки нередко встречаются и в текстах, зафиксированных в Волго-Уральском регионе:

<i>Эс леш енче, таван, эп ку енче</i> ²² –	Ты на той стороне, родственник, я на этой стороне –
<i>Хушиямара карма хывар-и?</i>	Не проложить ли нам переход между собой?
<i>Саврём сире, юратрём сире – Килтём ханана.</i>	Понравились вы мне, полюбила вас – Пришла в гости.

Из предметных реалий обращает на себя внимание встречающийся в текстах *ковш (курка) / полный ковш (тулли курка) / ковш воды (шыв курки) / заздравная чаша (тав курки)*. Вероятно, упоминание этих *ковша* и *чаши* связано со специальной ритуальной посудой, используемой при проведении общинных родовых праздников, ритуальных застолий.

Перечисленные устойчиво употребляемые образы сообщают песенным текстам явную символическую, нередко сакральную нагрузку. Зачастую их корни восходят к дохристианским представлениям, к древней обрядовой сфере. Даже неосознаваемые в полной мере исполнителями XX в. и современными носителями традиции, эти образы заметно углубляют содержание песен, делая его объемным и многослойным.

Тематика песен

Одной из тем, объединяющей целый ряд образцов гостевых, рекрутских и лирических песен, явилась тема разлуки и горестного расставания, тоски по оставленным родственникам. Вероятно, подобные переживания были особенно актуальны для чувашских переселенцев непосредственно вскоре после их отъезда с родины в связи с коллективизацией, Великой Отечественной войной и другими потрясениями первой половины XX в.²³

²¹ РМ, I, с. 30; II, с. 35. Записано от А. Н. Ивановой.

²² Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Аксумла Нурлатского района Республики Татарстан от Ю. Н. Ендиряковой, 1941 г. р. (Личный архив Е. В. Федотовой).

²³ Тема разлуки подробно рассмотрена в нашей более ранней работе [Исмагилова, Федотова, 2022].

В гостевых песнях постоянной темой является радость от встречи с любимыми родственниками, добрые чувства по отношению к ним, желание общения с ними: *родственники хороши, речи приятны (тáвансем лайáх, чéлхи çемçe), добрая речь (ыр чéлхеме), ваша речь уж очень мягка (сирён чéлхёр ёнтё пите çемçe), приятные речи (çемçe чéлхёр)*. Однако в текстах, записанных от кемеровских переселенцев, присутствует некая неуверенность в проявлении теплых чувств по отношению к родственникам²⁴; возможно, причиной тому является понимание, что родня в большинстве своем находится очень далеко:

<i>Хураях та чёкеç эп пулам-и?</i> ²⁵	1. Черной ли ласточкой быть ли мне?
<i>Хуралтáрсем тавра эп яв[á]нам-и?</i>	Вокруг ваших строений виться ли мне?
<i>Савня́х та т[á]ваня́р эп пулам-и?</i>	2. Любимым да родственником вашим быть ли мне?
<i>Умáрсенче улма нек эп вылям-и?</i>	Пред вами как яблоко играть ли мне?
<i>Тутлá й улма сирём, ай, пётмерё.</i>	3. Вкусное яблоко поел, ай, не доел
<i>Юлашкине áста энё хурам-ши?</i>	Оставшееся куда же мне положить?
<i>Çак тáвансем ума килнё чухне</i>	4. Когда эти родственники предстают предо мной,
<i>Бíр чéлхеме áçтан энё илем-ши?</i>	Добрую речь откуда же мне взять?

Неомраченные горечью разлуки тексты, включающие также мотив *радостного общения родственников*, значительно чаще фиксировались на материковых территориях чувашской фольклорной традиции, чем в Сибири:

<i>Вун иккё те чёкеç – пёр кашта</i> ²⁶ ,	Двенадцать да ласточек – целый шест,
<i>Юрласа пётмест юррисем.</i>	Поют, да не кончаются их песни.
<i>Тáванёне тáванё пёрле килсен</i>	Родственник с родственником когда встречаются,
<i>Калаçса та пётмест сáмахёсем.</i>	Разговаривают, да не кончаются их слова.
<i>Куркисем сарá, сáри хáла – Халь ёçессём килсе тáрать-çке.</i>	Ковши желты, пиво саврасово[го цвета] – Сейчас хочется да взять и испить.
<i>Тáвансем лайáх, чéлхи çемçe – Калаçассáм килсе тáрать-çке.</i>	Родственники хороши, речи приятны – Хочется да поговорить.

В гостевых песнях также подчеркивается важность родственных отношений, желание всегда быть вместе:

<i>Тавай тарáн шыва, ай, чáмар-и?</i> ²⁷	Давай в глубокую воду, ай, нырнем ли?
<i>Сывлáшпа çаврáнса та тухар-и?</i>	С помощью воздуха обратно да выйдем ли?

²⁴ Это проявляется прежде всего в обилии вопросительных предложений в тексте.

²⁵ РМ, I, с. 5; II, с. 3. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

²⁶ Записано А. П. Михайловым в 1990 г. в г. Салават от уроженок Стерлитамакского района Башкирии Т. Ф. Евдокимовой (1924 г. р.) и Н. Н. Васильевой (1902 г. р.) (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1167. Инв. № 7359–7360).

²⁷ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова.

<i>Тавай ёмёр пёрле те, ай, пурнар-и?</i>	Давай век вместе да, ай, жить ли?
<i>Вилсесён те пёрле те, ай,</i>	И после смерти вместе да, ай, будем
<i>выртар-и?</i>	лежать ли?

О тесной связи между родственниками более пространно повествуется в образце из Нурлатского района Татарстана:

<i>Тавай таран шыва, ай,</i>	Давай в глубокую воду, ай, нырнем ли?
<i>чймар-и?</i> ²⁸	
<i>Сывляйна савранса тухар-и?</i>	С помощью воздуха обратно
	да выйдем ли?
<i>Кёскеех те куна, вярём ём[ё]ре</i>	Да короткие дни, длинный век
<i>Брляйна ирттерсе ярар-и?</i>	С добром проведем ли?
<i>Ах, пёлместён нимён, ай,</i>	Ах, не знаю, ни о чем, ай, говорить,
<i>калазма,</i>	
<i>Шухайшлатён пёрле пуранма.</i>	Думаю, жить вместе.
<i>Шухайшлан чухне шухайшма</i>	Когда не думаю, в мыслях нет,
<i>сук,</i>	
<i>Шухайшласан пусям савранать.</i>	Если думать, то голова кружится.
<i>Эс ан пйрах, тйван, эп усиччен,</i>	Ты не бросай меня, родственник, пока
	я не вырасту,
<i>Эп пйрахман сана виличчен.</i>	Я не брошу тебя до смерти.
<i>Виличченех пёрле пуранатйр,</i>	До самой смерти будем жить вместе,
<i>Вилсен пуслй-вёслё выртаййр.</i>	Когда умрем, будем лежать голова
	к голове.

Тексты некоторых гостевых песен содержат внимательное отношение к строению, душевному состоянию героя песни. Это внимание к эмоциональному состоянию поющего или слушающего проявляется в песне «Килем-ши» из рукописи Максимова:

<i>Килем-ши, килем мар-ши?</i> ²⁹	Прийти ли мне или не прийти?
<i>Эп килнйён куллямастйп,</i>	Я не переживаю, оттого что пришел,
<i>Килеймениён шутсар куллянап.</i>	Оттого что не смог прийти, очень
	сильно переживаю.

К этой песне в 2022 г. в Михайловке был записан его практически точный вариант³⁰, таким образом, текст песни продемонстрировал свою устойчивость и хорошую сохранность в этой локальной традиции.

К обозначенной теме внутреннего состояния героя относятся также следующие словесные обороты из кемеровских образцов: *Теперь будем ходить, душу успокаивать* (*Халь сурёнёр чуна та ййпатса*)³¹; *Не могу огорчить родственника* (*Хйвараймас[тй]п тйван кймйлне*)³². В подобных словах, на наш взгляд, прояв-

²⁸ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от К. С. Николаевой, 1937 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

²⁹ РМ, I, с. 20; II, с. 4. Записано от Ф. Ф. Ивановой (1910 г. р.).

³⁰ Примечательно, что этот вариант был записан от Г. А. Костоломовой – дочери исполнительницы образца, зафиксированного в рукописи.

³¹ РМ, I, с. 9; II, с. 6. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

³² РМ, I, с. 30; II, с. 36. Записано в г. Кемерово от А. Н. Ивановой.

ляется своеобразная психорегулирующая функция, воздействующая на эмоциональное состояние как исполнителя, так и слушателя песни.

Изредка встречаются песни иные по своему содержанию и структуре. В них преобладают перечисление действий, описание внешней реальности. Среди них текст, повествующий об ильме:

<i>Елма касрӑм, йӗлтӗр турӑм</i> ³³ <i>Аххутана сӳреме й, сӳреме.</i> <i>Тураттинчен туя турӑм</i> <i>Туяланса сӳреме й, сӳреме.</i> <i>Турпассинчен тура турӑм</i> <i>Кӑтра сӳç[ӗ]ме турама й, турама.</i>	Ильм срубил, лыжи смастерил На охоту ходить, ходить. Из ветки сделал посох, [чтобы] Ходить, опираясь на посох. Из щепки сделал гребень Свои кудрявые волосы расчесывать, расчесывать.
<i>Кӑтра сӳç[ӗ]ме эп тураса</i>	Свои кудрявые волосы, если мне и расчесать
<i>Тин ыр курас сук ёнтӗ манӑн пуç.</i>	Лишь сейчас не увидать уж счастья моей голове.

Лишь в самом конце этого текста его содержание модулирует в план размышлений о жизни, что позволяет отнести этот образец к жанрам лирической направленности. Приведем также более краткий вариант текста, записанный в Чувашии:

<i>Йӗлме касрӑм</i> ³⁴ , <i>Йӗлтӗр турӑм</i> <i>Мӑн çул тӑрӑх сӳреме.</i> <i>Пире апи, ай, суратнӑ,</i> <i>Тӗнче тӑрӑх сӳреме.</i> <i>Тураттинчен тура турӑм</i> <i>Сар хӗрсене турама.</i>	Ильм срубил, Лыжи смастерил, По большой дороге ходить. Нас мать, ай, родила, Ходить по белу свету. Из ветки гребень смастерил, Русым девушкам расчесываться.
--	--

В целом же можно сказать, что тематика песен рукописи достаточно разнообразна. При этом преобладают тема разлуки и расставания, тема встречи родственников и добрых взаимоотношений с ними, тема внутреннего состояния героя, а также традиционная для чувашской народной поэзии тема размышлений о быстротечности жизни.

Соотношение вариантов песенных текстов на уровне структуры

Далее рассмотрим степень сходства сибирских песенных текстов с их вариантами из Урало-Поволжья, проявляющуюся на уровне композиционной структуры. Нередки случаи, когда сравниваемые тексты связаны между собой лишь одной строкой, чаще всего инципитом песен, имеющим затем разное продолжение. Так, например, приведенные ниже тексты начинаются одинаково, продолжение же и жанровая принадлежность у них разные (любовная лирическая песня в первом случае и гостевая во втором):

³³ РМ, I, с. 10; II, с. 7. Записано от Н. П. Филиппова (1873 г. р.).

³⁴ Записано во время посиделок (*улах*) И. Т. Трофимовым в 1925 г. в Аликовском районе Чувашской АССР (НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 965. Инв. № 6937. Л. 53–54).

Сирён урамърна виççё иртрём³⁵

Майшър кавак утсене, ай,
ташлатса.
Эс лараттӑн, т[ӑ]ванӑм, крыльца
çинче
Майшър кавак куçна та, ай, вылятса.

Сирён урамърна виççё иртрём³⁶,

Виççё иртүçён те каç иртрём,
Юлашки иртүçён шик иӑхӑртӑм –
Вӑрантӑр пуль тутлӑ ыйхӑртан,
Чӑрмантӑр пуль яшкӑр-çӑкрӑртан.

По вашей улице проехал я

три раза

С парой сивых коней, ай,
пританцовывая шедших.
Ты сидела, родная, на крыльце,
Парой голубых да глаз, ай, играя.

По вашей улице проехал я три

раза,

Все три раза проехал я вечером,
Когда в последний раз проходил,
шик! я свистнул –
Проснулись, наверное,
от сладкого сна,
Утрудили себя, наверное,
[приготовлением] угощений.

Текстовые переключки (и даже точные совпадения) вариантов часто проявляются на уровне отдельной строфы – структурной единицы чувашской традиционной краткосюжетной песни *çавра юрӑ*. Близкими вариантами являются следующие строфы из лирической переселенческой песни и лирической по содержанию песни, приуроченной к обряду гадания:

Хёвел анать тесе те эс ан кулян³⁷ –

Хёвел ансан уйӑхён çути пур.
Пит çын хурлат тесе эс ан хурлан –

Çын хурласан пуçра сывлӑх пур,
çӑлте Турӑ пур.

Хёвел анать тесе хурланас мар³⁸,

Хёвел ансан уйӑх çути пур.

Çын хурлат тесе хурланас мар

Çын хурласан çӑлте Турӑ пур.

Ты не переживай от того, что
солнце садится –
Если солнце сядет, есть свет луны.
Ты не переживай от того, что
люди тебя сильно хаот –
Если люди и хаот, есть голова
здравомыслящая, наверху есть
Бог.

Не надо горевать от того, что
солнце садится,
Если солнце сядет – есть свет
луны.
Не надо горевать от того, что
люди хаот,
Если люди хаот – наверху
есть Бог.

³⁵ РМ, I, с. 4. Записано от И. С. Ястребова (1896 г. р.).

³⁶ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от К. С. Николаевой, 1937 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

³⁷ РМ, I, с. 25; II, с. 29а. Записано от П. И. Наумовой.

³⁸ Записано Е. В. Федотовой в 2009 в д. Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан от М. Ф. Александровой, 1936 г. р. (личный архив Е. В. Федотовой).

К самому высокому уровню близости вариантов и сохранности традиции относятся совпадения двух-трех строф. Пожалуй, именно такие тексты можно назвать вариантами в классическом понимании этого термина. Столь высокий уровень сохранности свидетельствует о том, что этот песенный текст устойчиво закрепился в традиции именно в таком виде. Далее приведем сибирский и поволжский текстовые варианты лирической песни, исполняемой, вероятно, во время молодежных собраний, посиделок (*улах*) поочередно парнями и девушками:

<i>Çеҫке тӑрӑх шыв юхатъ</i> ³⁹ , <i>Пит-куҫ сума юрамасть.</i> <i>Пит-куҫ сума юрасасӑн</i> <i>Каймӑттӑмчӗ сӑрманна.</i>	По цветам вода течет, Нельзя умыть лицо. Если б можно было бы умыться, Не ходила бы [за водой] к реке.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ кӗрметлӗх,</i> <i>Кил-йыш тума юрамасть.</i> <i>Кил-йыш тума юрасан</i>	Соседская дочь славная, Но нельзя с ней создать семью. Если б можно было бы создать [с ней] семью, Не ходил бы в чужую деревню.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ кӗрметлӗх –</i> <i>Тухса каймин юрӗчӗ.</i> <i>Тухса кайин кайӗ-ха:</i> <i>Амӗш хӗрӗ тата пур,</i> <i>Ашиӗ хӗрӗ тата пур.</i>	Соседская дочь славная – Только бы не ушла [замуж]. Если и уйдет, то пусть: Матери дочь еще есть, Отца дочь еще есть.
<i>Шӑвӑслӑх тӑрӑх шыв юхатъ</i> ⁴⁰ – <i>Алӑ сума юрӗ-ши?</i> <i>Алӑ сума юрасан</i> <i>Каймӑттӑмчӗ шыв хӗр[ри]не.</i>	По водосточному желобу вода течёт – Подойдет ли она руки мыть? Если бы подошла руки мыть, То не пошел бы [по воду] на берег реки.
<i>Кӱриӗ хӗрӗ – сарӑ хӗр –</i> <i>Ана илме юрасан</i> <i>Илмӗттӗмчӗ ют ялтан.</i>	Девушка соседка – русоволосая. Если бы ее можно было взять [замуж], То не стал бы брать из чужой деревни.
<i>Кӱриӗ ачи – сар ача.</i> <i>Ана кайма юрасан</i> <i>Каймӑттӑмчӗ ют яла.</i>	Соседский парень – русоволосый парень. Если бы можно было за него идти [замуж], То не пошла бы в чужую деревню.

Заключение

Сравнительный анализ песенных текстов, зафиксированных в локальной фольклорной традиции чувашских переселенцев и на материнских территориях проживания поволжского этноса, привел к выводу об устойчивой преемственности

³⁹ РМ, I, с. 23; II, с. 23. Записано от Т. И. Павлова (1906 г. р.).

⁴⁰ Записано Л. Н. Ермиловой в 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от З. С. Николаевой (1937 г. р.).

между этими традициями. Обнаружены текстовые связи на разных уровнях: на уровне устойчивых образов (высокой горы, ласточки, голубя, бегущей рыжей лисы, реки, черного леса, моста, ковша / чаши), словно «рассыпанных» по текстам и несущих определенную символическую нагрузку, на уровне тематики песен, наконец, на уровне прямых текстовых соответствий, выраженных в более или менее протяженных структурах (от одной строки до двух-трех строф).

Можно заметить, что большинство текстов не являются вариантами в прямом смысле этого слова, т. е. не имеют сходства на протяжении всей текстовой структуры. Чаще здесь можно говорить о переключках на уровне отдельных образов и тем. Зачастую в вариантах одного фольклорного произведения сохраняется его смысл, но передается он при помощи разных слов. В некоторых же случаях смысл и содержание текстов различные, хотя начинаются они с одинаковых строк.

Часть рассмотренных нами песен, зафиксированных в Кемеровской области, сохранили свою жанровую принадлежность, во многих же образцах происходит переосмысление жанра. Так, например, песни поминального обряда *юпа*, бытующие в локальных традициях некрещеных чувашей Татарстана и Башкортостана, в Сибири звучали как песни переселенцев, полные горечи разлуки с дорогими сердцу родственниками, оставшимися на родине. Гостевые песни, исполнение которых приурочено к моментам собраний родственников (отголоскам древних родовых ритуалов), также часто воспринимаются носителями традиции именно как образцы лирического излияния чувств. Таким образом, происходят жанровые трансформации фольклорных произведений, из обрядовой сферы в неприуроченную лирику. Сохраняющиеся же при этом в текстах слова-символы напоминают об их былом ритуальном контексте, создают многозначность и глубину их смыслов.

Дальнейшее сопоставление фольклорных текстов, бытующих у чувашских переселенцев и в их локальных материнских традициях, с привлечением нового, более обширного материала, позволит подтвердить, углубить, скорректировать сформулированные в статье выводы.

Список литературы

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Яковлева А. С. За чувашскими песнями в Кузбасс // Сельская новь. 2022. № 74 (9283), 11 окт. С. 7.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Кондратьев М. Г. Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2002. 334 с., ил., нот.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.

Федотова Е. В. Обряд *сёрё яни* и обрядовые песни *сёрё янй чухнехи юрӑсем*: (по материалам экспедиции 2009 г. в д. Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан) // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. науч. конф. «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвящ. 90-летию со дня рождения М. Р. Федотова и 60-летию

со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.): В 2 ч. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Ч. 2. С. 165–168.

Федотова Е. В. Особенности песен *виле а́сатнӑ чухнехи юрӑсем* поминальной традиции некрещеных чувашей Закамья (по материалам полевых исследований) // Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 14 августа 2020 года). Чебоксары: Новое время, 2020. С. 55–62.

Anat enchipe turi chăvashsen nikrut yurrisem = Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей. Тексты. II том / Подгот. текстов, сост., предисл., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 495 с.

References

Anat enchipe turi chăvashsen nikrut yurrisem. Teksty. 2 tom [Recruiting songs of the middle-low and riding Chuvashs. Texts. Volume 2]. T. I. Semenova (Texts prep., comp., foreword, comm., index.), A. P. Leontiev (philol. transl. and notes), G. G. Ilyina (Sci. ed). Cheboksary, 2021, 495 p.

Fedotova E. V. Obryad çerë yani i obryadovye pesni çerë yană chukhnekhi yurăsem: (po materialam ekspeditsii 2009 g. v d. Abryskino Nurlatskogo rayona Respubliki Tatarstan) [Ritual çerë yani and ritual songs çerë yană chukhnekhi yurăsem: (based on the materials of the 2009 expedition to the village of Abryskino, Nurlatsky district of the Republic of Tatarstan)]. In: *Chuvashskiy yazyk i sovremennye problemy altaistiki: Sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. "Chuvashskiy yazyk i sovremennye problemy altaistiki," posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya M. R. Fedotova i 60-letiyu so dnya rozhdeniya N. I. Egorova* (Cheboksary, 27–28 fevralya 2009 g.): V 2 ch. [Chuvash language and modern problems of Altaic studies: Proceedings of the International scientific conference "The Chuvash language and modern problems of Altaistics," dedicated to the 90th anniversary of the birth of M. R. Fedotov and the 60th anniversary of the birth of N. I. Egorov (Cheboksary, February 27–28, 2009): In 2 pts. Cheboksary, 2009, part 2, pp. 165–168.

Fedotova E. V. Osobennosti pesen vile ásатnӑ chukhnekhi yurăsem pominal'noy traditsii nekreshchenykh chuvashhey Zakam'ya (po materialam polevykh issledovaniy) [Peculiarities of Songs Vile ásатnӑ Chukhnekhi yurăsem of the Memorial Tradition of the Unbaptized Chuvashs of Zakamye (Based on Field Research Materials)]. In: *Narodnye traditsii: preemstvennost' pokoleniy i organichnost' bytovaniya: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 14 avgusta 2020 goda)* [Folk traditions: continuity of generations and organic existence: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Cheboksary, August 2020)]. Cheboksary, Novoe Vremya, 2020, pp. 55–62.

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Tema razluki v pesennom fol'klore chuvashskikh pereselentsev Kemerovskoy oblasti [The theme of separation in the song folklore of the Chuvash settlers of the Kemerovo region]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 247–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Yakovleva A. S. Za chuvashskimi pesnyami v Kuzbass [For Chuvash songs in Kuzbass]. *Sel'skaya nov'*. 2022, no. 74 (9283), p. 7.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka v zerkale paralleley: k probleme Volgo-Ural'skoy muzykal'noy tsivilizatsii* [Chuvash music in the mirror of parallels: to the

problem of the Volga-Ural musical civilization]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2018, 447 p.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007, 288 p.

Kondrat'ev M. G. *Stepan Maksimov. Vremya. Tvorchestvo. Masshtab lichnosti* [Stepan Maksimov. Time. Creation. Personality Scale]. Cheboksary, Fond istoriko-kul'turologicheskikh issledovaniy im. K. V. Ivanova, 2002, 334 p., ill., notes.

Информация об авторах

Екатерина Игоревна Исмаилова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки (Новосибирск, Россия)

Елена Владимировна Федотова, кандидат филологических наук методист Учебно-методического центра Чувашского республиканского института образования Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (Чебоксары, Россия)

Information about the authors

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Arts History, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Natalya V. Leonova, Candidate of Arts History, Professor, Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena V. Fedotova, Candidate of Philology, Methodologist, Educational and Methodological Center of the Chuvash Republican Institute of Education of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 02.07.2023; принята к публикации 02.07.2023
The article was submitted on 10.05.2023;
approved after reviewing on 02.07.2023; accepted for publication on 02.07.2023*

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 82-391, 82-91, 398-21, 398-51

DOI 10.17223/18137083/84/5

«Повесть о царе и его дочери» в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков: параллели и возможные источники

Любовь Александровна Курышева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Аннотация

Сравнительно недавняя находка рукописной «Повести о царе и его дочери», в основе которой лежит сюжет о мертвой царевне, привела к пересмотру принятой датировки «полной сборки» международного сказочного сюжета АТУ 709. Обнаружение русского манускрипта, относящегося к концу 1710-х – 1730-м гг., сдвигает фиксацию сюжета по меньшей мере на столетие. В статье прослежены связи «Повесть о царе и его дочери» с сюжетно-мотивным фондом рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. Высказана версия о возникновении «Повести о царе и его дочери» под влиянием двух беллетристических произведений – «Повести о царевне Персике» (рубеж XVII–XVIII вв.) и «Повести об Аполлонии Тирском» (до 1670-х гг.).

Ключевые слова

русская литература XVII–XVIII вв., фольклор и литература, рукописная беллетристика, волшебная сказка, АТУ 709 (Мертвая царевна, или Волшебное зеркало)

Для цитирования

Курышева Л. А. «Повесть о царе и его дочери» в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков: параллели и возможные источники // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 65–84. DOI 10.17223/18137083/84/5

© Курышева Л. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 65–84
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 65–84

“Povest’ o tsare i ego docheri” in the context of Russian fiction of the 17th – 18th centuries: parallels and possible sources

Lyubov A. Kurysheva

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

Abstract

Recently, the handwritten “Povest’ o tsare i ego docheri” (“The Tale of the Tsar and his Daughter”) was discovered. Since this tale was found to be based on the Snow White plot, the discovery has led researchers to revise the accepted dating of the “complete assembly” of the international fairy tale plot ATU 709. Until now, the Snow White plot has been considered to have appeared at the end of the 18th century. The Russian manuscript was identified to date to the late 1710s–1730s, shifting the fixation of the entire plot by at least a century. The question of the origin of the monument remains open. The article traces the connections between “Povest’ o tsare i ego docheri” and the plot-motive fund of the 17th – 18th-centuries Russian handwritten fiction. The most remarkable structural and plot-motif similarity of the literary monument concerned was revealed with The Tale of the Princess Persika (the turn of the 17th–18th centuries) and some episodes of The Apollonius of Tiresias Tale (until the 1670s). Several textual similarities have also been found. Moreover, some seemingly unmotivated episodes of new-found tale can be explained only through these monuments. The brevity of the narrative in “Povest’ o tsare i ego docheri” compared to its sources is similar to how “Povest’ o tsaritse i l’vitse” (The Tale of the Tsarina and the Lioness) correlates with its source “Istoriya o tsesare Otone” (The Story of Caesar Oton). The above fact raises the question of whether these Russian treatments of popular stories belong to one scribe or one creative school.

Keywords

Russian literature of 17th – 18th centuries, handwritten fiction, folklore and literature, fairy-tale, ATU 709 (Snow-White)

For citation

Kurysheva L. A. “Povest’ o tsare i ego docheri” in the context of Russian fiction of the 17th – 18th centuries: parallels and possible sources. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 65–84. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/5

Сравнительно недавняя находка «Повести о царе и его дочери»¹, в основе которой лежит сюжет о мертвой царевне, привела к пересмотру принятой датировки «полной сборки» международного сказочного сюжета АТУ 709². До сегодняшнего дня исследователи связывали его возникновение с концом XVIII в. [Kawan, 2008]. Обнаружение русского манускрипта, датируемого концом 1710-х – 1730-ми гг., сдвигает фиксацию полного сюжета по меньшей мере на столетие³.

¹ Единственный известный список этого памятника озаглавлен «Повесть о некоем царе и о дочери его», для большего удобства мы упростили название.

² АТУ – Aarne A., Thompson St., Uther H.-J. Index of international folktales. URL: <https://www.duchas.ie/en/aath> (дата обращения 16.07.2023).

³ Освещение этого вопроса представлено в специальной статье: Кuryшева Л. А. Сказочный сюжет о мертвой царевне в русской беллетристике XVIII в. (в печати).

Литературные традиции, в которых написана повесть, связывают этот памятник с русской словесностью второй половины XVII – начала XVIII в.⁴ Однако вопрос о происхождении памятника остается открытым. С одной стороны, в нем нет никаких черт языковых заимствований, что могло бы указать на его инокультурное происхождение. С другой – нам известны русские адаптации иноязычных литературных памятников, в которых нет и следа их источника⁵.

В настоящей статье мы попытаемся понять, насколько «Повесть о царе и его дочери» связана с сюжетно-мотивным фондом русской рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. и есть ли в нем произведения особенно близкие к новонайденному литературному памятнику.

Мы уже указывали на то, что «Повесть о царе и его дочери» соответствует популярному в русской словесности с конца XVII в. целому классу беллетристических произведений о невинно гонимых героинях [Курышева, 2017, с. 256–257]⁶. Двигателем сюжета в этих произведениях служит преследование злой женой (мачехой, свекровью) добродетельной невинной жены (падчерицы, невестки)⁷. В первую очередь в этот круг литературных памятников входят переводной роман о цесаре Отоне (1677) и возникшие на его основе оригинальные русские переработки – «Повесть о царице и львице» и относимая к Петровскому времени «Повесть о римском цесаре Антонии»⁸, а также датируемая рубежом XVII–XVIII вв. «Повесть о царевне Персике»⁹. Кроме того, сюжет о преследовании красивой и добродетельной девицы имеется в «Повести об Аполлонии Тирском», а именно в истории о дочери Аполлония – Тарсисе¹⁰.

Исследователь европейских и американских сказок о Белоснежке (ATU 709), сюжетному типу которого соответствует наша «Повесть о царе и его дочери», С. С. Джонс выделил обязательные этапы этого сюжета: преследование мачехой красавицы-падчерицы, неудачное покушение на девушку и ее спасение, повторное покушение, ее смерть и оживление, свадьба и наказание злодейки [Jones, 1979]. Далее мы пойдем по узловым моментам сюжета и деталям «Повести о царе и его дочери», отмечая параллельные мотивы из популярных произведений того времени.

Экспозиция действия: злая мачеха и красавица-падчерица. Завязкой в «Повести о царе и его дочери» является смерть царицы, которая оставляет супругу маленькую дочь, столь же красивую, как она. Несмотря на предостережение умирающей, царь женится повторно.

Наибольшую сюжетную близость выявляет сопоставление «Повести о царе и его дочери» с «Повестью о царевне Персике». Совпадают начала обоих памят-

⁴ Публикация и исследование списка: [Курышева, 2017].

⁵ К таким произведениям относится «Повесть о Флорине», адаптированный перевод французской сказки о Голубой птице М.-К. д’Онуа, в котором нет отступлений от авторского сюжета, и в то же время произведена полная перелицовка в соответствии с «московским» укладом: [Курышева, Карева, 2022].

⁶ Мысль о популярности двух типов сюжетов – о разборчивой невесте и о невинно гонимой героине – была высказана Е. К. Ромодановской [1994, с. 154–159].

⁷ К этому классу повестей относится также упомянутая «Повесть о Флорине».

⁸ Исследование памятников: [Чалкова, 1985; 2011; 2012; Małek, 2021].

⁹ Исследование памятника: [Мальшев, 1961; Кузьмина, 1958; 1968].

¹⁰ Перевод с польского получил распространение в России с середины XVII в., затем, не позднее 1670-х гг., возникла русская дидактическая редакция произведения. Исследование памятника: [Соколова, 1977; 1979; 1980; 1982].

ников: женитьба на красивой и добродетельной женщине, рождение дочери-красавицы, которая впоследствии также является примером доброго христианского поведения, предостережение находящейся на смертном одре царицы, адресованное супругу, от повторной женитьбы, ее смерть, горе царя и поиск новой царицы по настоянию окружения, столь же красивой, как прежняя. Перечисленные мотивы хотя и присутствуют в обеих повестях, но «Повесть о царе и его дочери» обнаруживает более краткое изложение событий по сравнению с «Повестью о царевне Персике».

Кроме того, сличение повестей в деталях обнаруживает незначительные расхождения, которые можно отнести к авторским решениям. Так, сходствует наказ умирающей, но ситуация отсутствия наследника мужского пола и выход из нее намечены по-разному. В «Повести о царе и его дочери» царица убеждает мужа выдать замуж дочь, чтобы царству был наследник (Повесть о царе и его дочери, с. 259). В «Повести о царевне Персике» наказ матери более развернутый: дочери – не удаляться от Богородицы и почитать мать, болгарскому царю Михаилу – не жениться повторно, а если жениться, то иметь попечение о дочери (Повесть о царевне Персике, с. 256).

В обеих повестях звучит тема возможной гибели царства без наследника мужского пола, на чем настаивает ближнее окружение царя: «Царь Михаил Болгарский вдовствовал и в печали велицей пребываше о смерти царицы своея Александры... „...Царство наше аки крин процветаше тогда, егда премудрая царица жена твоя Александра здравствовала; ныне же воистину потемне, едина ти сущу. И ныне возможно ти есть паки и второму браку приобщитися”» (Повесть о царевне Персике, с. 257); «Государю наш, что ты сердце свое изнуряеш и долгое время не пойш себе царицы, а нам, государь, после себя правителя не оставляеш? *И все наше царство тщетно будет*» (Повесть о царе и его дочери, с. 259).

Поиски достойной невесты описаны в сходных выражениях:

Повесть о царевне Персике

Царь Михаил повелевает *«подицятися изыскати в красоте подобну бывшей царице Александре!»* «Тогда министры поидоша спешно повеленнаго дела исполняти и проидоша многие страны своего царства. И не обретоша. Также поидоша и во инья государства искати. И в некоем государстве от африкийских стран обретоша некую великую княжню, зело прекрасну, именем Люцию» (с. 257).

Повесть о царе и его дочери

«И царь, забыв заповедь жены своея, повелевает им *прибрать девицу такову, яко и прежняя его царица была прекрасна*. Князи же и вельможи *начаша избирати и изыскивати такову девицу*. И егда же обретоша, пришедше царю и сказаша яко: *«Приискали тебе, государь, прекрасну девицу, а иные не могли обрести»*. Посла же царь корету по нея и привезоша ю ко царю. Царь же поня ю себе царицею и живяше» (с. 260).

Утрата красавицы-жены, которая оставила по себе красавицу-дочь, и поиск царем новой невесты, обладающей равносильной красотой, знакома нам также по «Повести об Аполлонии Тирском», а именно по истории о греческом царе Антиохе. Обращает на себя внимание сходство между двумя повестями в выражениях и общей лаконичности повествования. Сравним:

Повесть об Аполлонии Тирском

Повесть о царе и его дочери

...да обрящут ему в жену *подобну первой прекрасную девицу* (с. 407).

...царь... повелевает им прибрать *девицу* такову, *яко и прежняя его царица была прекрасна* (с. 259).

При этом развитие истории в «Повести об Аполлонии Тирском» идет в другом русле. Не найдя красавицы, подобной первой жене, цесарь, поскольку «бе тогда безбожное время», побуждаемый дьяволом, влюбляется в свою дочь и принуждает ее жить с ним блудно.

Из других произведений, популярных в России еще в допетровское время, указанные мотивы – смерть матери, ее предостережение отцу ребенка, поиск достойной и красивой невесты по настоянию ближних советников и женитьба на красивой, но злой женщине – известны по рамочной повести о цесаре Елеазаре и его сыне Диоклетиане из многосоставной «Повести о семи мудрецах»¹¹.

Кроме названных повестей, мотивы утраты героиней (героем) матери и повторной женитьбы отца на красивой злодейке, встречаются в произведениях Петровской эпохи – русской адаптации французской сказки о Голубой птице и оригинальном памятнике «Гистория о Фенарсе и Феантере»¹². Однако, как мы могли видеть, наибольшую близость по отношению к «Повести о царе и его дочери» демонстрируют два памятника – «Повесть о царевне Персике» и «Повесть об Аполлонии Тирском». Совпадение завязок действия побуждает нас и в дальнейшем искать связи прежде всего с этими произведениями.

Преследование и неудачное покушение на жизнь падчерицы. Как во всех мировых сказках этого типа, так и в русских повестях обозначенного периода, преследование возникает из-за зависти мачехи к красоте падчерицы. При этом в «Повести о царе и его дочери», как и в «Повести о царевне Персике», злодейство замышляется мачехой под воздействием дьявола, ненавидящего добродетель. Сравним:

Повесть о царевне Персике

Повесть о царе и его дочери

Егда же узре ю мачеха ея Люция и абие *подивися красоте ея*; и от того часа *вложи в ню диавол ненависть на царевну Персику*. По прешествии же брака нача Люция завистию на царевну

Лютый же враг, искони ненависник творящим милостыни, *вложи в мысль царице*. По некоем времени призва к себе царица единого нищаго... Глагола царица к нищему: «Вы ходите по

¹¹ Отличием в двух произведениях выступает суть наказания умирающей: в «Повести о семи мудрецах» она просит супруга при женитьбе на другой женщине удалить сына в другую страну и не дать власти новой жене над пасынком (Повесть о семи мудрецах, с. 175).

¹² «Повесть о Флорине» (русская адаптация сказки М.-К. д'Онуа) дошла до нашего времени в единственном списке с незначительной утратой начала, поэтому выявление этого сходства основывается на французском оригинале. Найденная недавно «Гистория о Фенарсе и Феантере», список которой содержится в сборнике 30-х гг. XVIII в. и возникновение которой связано с Петровским временем, готовится в настоящее время к публикации.

Близкий АТУ 709 сюжет о преследовании мачехой красавицы-падчерицы содержит «Гистория о Фларенте и Георгии» (см.: *Курьшева Л. А.* Сказочный сюжет о мертвой царевне в русской беллетристике XVIII в. (в печати)), найденная Ю. К. Бегуновым в сборнике конца 50-х гг. XVIII в. [Бегунов, 1993].

снелатися, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждыши ея быти. И, яко змия, скрываши яд свой, аки бы любяши ю; внутрь же, аки копием, завистию хотяше ю збости (с. 258).

всему нашему царьству и по иным странам и государьствам. И где видал такову прекрасную девицу, что я, царица?» И нищий рече: «Государыня наша, царица прекрасная, аз бывал во многих государьствах и странах и во градах и негде, государыня, не видал такой прекрасной девицы, что здесь у нашего царя дочь царевна, и тою несть краснее» (с. 260).

Мотив преследования добродетельной жены по воле дьявола встречается в других беллетристических произведениях – в «Повести о царице и львице»¹³, в «Повести об Ульянии Осорьиной» (Повесть об Ульянии..., с. 101)¹⁴. Кроме того, сходство с последним произведением и новонайденной повестью проявляется в том, что героиню отличает нищелюбие и странноприимство. Тема христианской заботы о нищих при характеристике царевны и роль нищих в сюжете являются весьма значимыми для «Повести о царе и его дочери». Необычной деталью сюжета выступает то, что усомниться в своей совершенной красоте царицу заставляет странствующий нищий, который говорит, что нигде не встречал такой красивой девушки, как царская дочь (см. цитату выше). И далее, по сюжету, подозрение, что ненавистная падчерица жива, у царицы возникает также из разговора с нищим. Эта яркая деталь не только имеет отношение к духу и реалиям эпохи, но поддерживается традициями словесности. Например, калики переходные выступают в роли вестников в былинах [Путилов, 1977].

Вернемся к мотиву преследования падчерицы из-за красоты. Такого рода преследование имеется также в «Повести об Аполлонии Тирском»: дочь короля Тарсиса живет в доме своих воспитателей, ее приемная мать Дионизия замышляет погубить Тарсису, потому что девушка затмевает красотой ее собственную дочь: «Прилучи же ся Дионизии некогда идти из божницы. Дщи же ея Филамацея пред нею в драгом одеянии грядаше, Тарсиса же за ними, яко служебница, идяше. Видевше же людие, начаша глаголати: “Сия, аще и не zde родися, но зело учтива и благообразна, а она, аще и предшествует, и украшена, обаче несть достойна тоя чести”. Услыша сия Дионизия, зело опустне и опечалися, слыша безчестие своея дщери, и нача помышляти, како бы кралеву Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестия не слышати» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 418).

В других памятниках рукописной беллетристики допетровского времени встречаются мотивы преследования героя и стремления его умертвить, но они построены на других парах, нежели мачеха и падчерица, а именно: мать-изменница и сын, цесарь и сын вассала, богатый купец и слуга. Это повести о Бове королевиче и о рождении и похождениях царя Соломона, «Приклад о цесаре Кон-

¹³ См. об этом: [Курьшева, 2017, с. 257].

¹⁴ Этот же мотив присутствует в «Повести о некоей купеческой дочери», единственный список которой был обнаружен в старообрядческом сборнике, датированном 80–90-ми гг. XVIII в. Памятник был опубликован и исследован М. Н. Климовой [1995; 2003; 2007; 2011]. Ср.: «Человеконенавистник же рода человеческого диавол, видя девицу в таковых в похвальных и добрых делах пребывающую, и поскреже на ню зубы своими, и нача ю возмушати на злое похотение... Видев же окаянный диавол, яко сам возмутити ея не возмог, нача возмушати... дому ея управителя» (История о некоей купеческой дочери..., с. 291).

раде и рыцаревом сыне» (из переводного сборника «Римские Деяния») и его русская обработка – «Сказание о богатом купце». В двух первых мать пытается избыть сына потому, что он узнает о ее неверности отцу. В двух других преследование связано с желанием преследователя избежать предсказанной судьбы.

В сюжетном узле о преследовании нередко появляется милостивый палач, который отпускает жертву и предоставляет преследователю подложные доказательства смерти. Это могут быть внутренности животного, отрубленные руки, палец жертвы и т. п.¹⁵ Милостивый палач нам известен по уже упомянутым повестям о Бове королевиче и о рождении царя Соломона, о цесаре Конраде и о богатом купце. В трех последних произведениях имеется мотив подмены: в качестве доказательства смерти жертвы милостивый палач приносит внутренности животного.

На этом этапе сюжетного развития опять же наибольшую близость к «Повести о царе и его дочери» обнаруживает «Повесть о царевне Персике». Сходство проявляется в заманивании царевны на прогулку в нелюдимые места и отсечении конечностей. В данном случае руки Персики и отъятый у царевны мизинный палец с перстнем, очевидно, выступают инвариантами:

Повесть о царевне Персике

Единою же прииде Люция к царевне Персике, скрывши яд свой змеин и глаголя ей: «Что zde, любезнейшая дщи моя, аки птица, в заключении сидиши? *Изыди ныне со мною на место прекрасное и тамо едины прохладимся!*» Царевна же рече ей: «Любезная мати моя! николиже навыхом вне стен полат наших исходити еще при матери моей. *Ныне же ни отцу моему суцу zde и како восхоцу изыти? Отец бо мой, аще увестъ мя исходящу, всячески гнев на мя воздвигнет!*» Люция же рече к ней: «Не ужасайся, возлюбленная дщи моя, никак отец твой сего не увестъ, едины бо токмо изыдем! ... и прохладившися со мною, паки тайно возвратиши!» ... Наложник же ея по научению прииде к чертогам царевны и даде ей вестъ. *Она же, тайно изшедши, седе в корету, никому же ведящу. Наложник же царицын нача гнати зело быстро. Она же, озревшися, видит себе токмо едину, в пустая места везому,* рече ему: «Камо везеши мя?» Он же рече ей: «По-

Повесть о царе и его дочери

Царица же шед скоро к царевне и позва ея в поле гулять. Она же не отречеся, но глаголя: «Добре, поедем, государыня моя». *И прослезися о здравии царя, отца своего. Царица же седе в корету, а царевну повеле посадити в другую корету. И поехала из царства вон.* Царица же путем своим поеде, царевну же повеле вести во ину страну ради смертнаго убийства. *И завезоша ея на некия дикия леса и непроходимыя и повелеша ея ис кореты изыти* и сказала ей повеленная от царицы, что повелено ей сотворити, скорой смерти предати ... Она же рече к ним: «Господие мои, аще хочете мя живу пустити, и вы отрежете мизинный перст и с перстнем от руки моя и отнесите царице и возвестите, что “повеленная тобою сотворили, царевну убихом и знак ея являем в правду”». Они же, слышавше сие, рекоша: «Буди, госпоже наша, по твоей воли». И отъяша

¹⁵ Милостивый палач и подмена внутренностями животного имеются в двух рукописных повестях XVIII в. – «Гистории об италианском купце Феодоне и о дочери его Освилберде и о гишпанском министре Ордоне» (сердце свиньи) и «Истории о некоей купеческой дочери...» (печень и сердце вепря). Первое произведение до сих пор не издано, мы знаем его по пересказу С. Ф. Елеонского [1959].

веленное мне от царицы творю». Царевна же позна бедство свое, нача горько плакати и призывати Пресвятую Богородицу ... *Наложник же царицын, привезши ю в пустая места, ко границам кралевства Пефлагонскаго, и изведе из кареты. И взял нож, отреза ей руки по локти; и остави ю ту на земли, аки мертву. Сам же, взял с собою руце ея, во уверение царицы, и погна паки к царицы»* (с. 258–259).

от руки ея мизинный перст и с перстнем и *оставиша ея в пусте месте, а сами возвратишася во царство к царице»* (с. 260).

Как мы можем видеть из приведенных цитат, казалось бы немотивированные в «Повести о царе и его дочери» слова о том, что сразу после согласия отправиться на прогулку царевна вспоминает об отце, молится о его здравии, могут быть объяснены именно через «Повесть о царевне Персике», поскольку там имеется развернутый диалог между мачехой и падчерицей, из которого становится ясно, что поначалу царевна не решается покинуть дворец в отсутствие отца.

Кроме того, в обеих повестях покушение на убийство совершается по отъезде царя на войну: царь Михаил вместе с королем Киром «отыде... на брань противу ратующих ему» (Повесть о царевне Персике, с. 258); «Время же малу минувшу пойде царь с силою ратию на некую дальнюю страну» (Повесть о царе и его дочери, с. 260)¹⁶.

При этом, строго говоря, в процитированном отрывке из «Повести о царевне Персике», описывающем первое покушение на царевну, нет милостивого палача (он появляется при повторном покушении). У слуги из первого эпизода нет моральных колебаний: он отрубает руки, оставляет царевну на смерть и только заступничество Богородицы спасает девушку. В этом моменте «Повесть о царе и его дочери» имеет большее сходство с другими произведениями рукописной беллетристики. Описание того, как угрозами преследователь вынуждает слуг участвовать в злодейском деле, мы находим в «Повести о царице и львице» и в «Повести об Аполлонии Тирском»¹⁷.

В некоторых популярных в России литературных памятниках в описаниях покушения уделено внимание тому, как назначенные на совершение убийства слуги находятся в растерянности, льют слезы и не знают, что предпринять, и только жертва преследования проявляет мудрость и смирение. Сравним:

Повесть о царевне Персике

Персика же, видевши их, восплакася горько и рече: «Воля Божия да будет! Твори вскоре, еже ти повеленно есть. Аще бы аз была праведна пред Богом, не бы тако изволилося влады-

Повесть о царе и его дочери

И сия им изрекшим, зряше на царевну и вельми плачуще и неведуще, что сотворити ей. Царевна же рече им с плачем горьким: «Господие мои, воля ваша буди и со мною, токмо прошу не

¹⁶ В «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» (распространенная редакция) злодейство совершается также по отъезде отца, который отбыл «в весь некую ради потешения» (Повесть о рождении царя Соломона, с. 347).

¹⁷ Ср.: (Повесть о царе и его дочери, с. 260; Повесть о царице и львице, с. 427–428; Повесть об Аполлонии Тирском, с. 418).

кам моим о мне помыслити. Твори вскоре!» Кралева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персике что злое сотворити. Но та надлежаше, да сотворит повеленное» (с. 264).

попомните грубости моей к вам да не оскверните тела моего». Они же зряще на ню, плачуще и не ведуще, что сотворити ей» (с. 260–261).

Из других литературных памятников схожие мотивы обнаруживаются в «Повести о рождении царя Соломона»: оба – царевич Соломон и безымянная царевна – покоряются своей судьбе, слуги, которым приказано совершить убийство, страдают и льют слезы, обеим жертвам приходит мысль о спасении, и они просят отпустить их (ср.: Повесть о рождении царя Соломона, с. 347).

Эпизод с палачом из «Повести об Аполлонии Тирском», несмотря на то что в нем нет помилования жертвы, представляет для нас интерес. Посланный на убийство слуга тоже плачет над участью Тарсисы, однако не щадит ее и от смерти царевну избавляет внезапный приезд разбойников:

Феофил же рече: «Плачи и веждь: аз убо сия творю неволю моею». Егда же Тирсиса нача плакати неутешными и горкими слезами, тогда по прилучию подъехаша разбойницы по морю, и вышедше на брег, и сидяще. Увидевше же мужа стояща и меч держаща, крикнуша, скочивше. Феофил же, узрев человек, побеже и утече. И притече в дом, сказа злей своей господине, яко уби Тарсису. Разбойницы же взявше ю, привезоша ко некоему граду ... и между иными куплями посадиша ю продати» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 419).

Отзвук истории об увозе девушки разбойниками, которая таким образом избежала смерти, есть в «Повести о царе и его дочери»: мачеха узнает о том, что царевна жива, и призывает к ответу слуг, которым она поручила умертвить падчерицу. Они рассказывают, что якобы приехали неизвестные люди и увезли ее:

Царица же возьярися диавольским навождением и вскоре призва к себе ближних рабов, которые тою царевну возили ко убийству. Они же пришедше поклонишася царице, она же их нача вопрошати с великим пристрастием о царевне. Они же ей сказаха: «Государыня наша царица, егда мы у царевны мизинный перст от руки ея с перстнем отъяли, тогда не вем с кую страну наехали незнаемые люди и ея, царевну, у нас отняли. И тебе, царице, того мы сказать не смели, бояся смерти» (Повесть о царе и его дочери, с. 263).

Избежав смерти, безымянная царевна из «Повести о царе и его дочери» остается в пустынном месте: «Царевна же Божиими судьбами ходаше много непроходимыми лесами никому знаема и не видех ни зверей, ни птиц. *Пища же ея бяше от земли былие*» (Повесть о царе и его дочери, с. 261). Этот же мотив пустого места и собирания травинки в качестве пищи мы встречаем в «Повести о царевне Персике». Отвезенная милостивым палачом в лес, безрукая красавица засыпает в молитве. Во сне к ней является Богородица и прикладывает отсеченные руки, от чего царевна становится здорова. Персика пробуждается от сна, благодарит

Богородицу: «воставши, нача по лесу прохождати. *И собираше зелие пустынное и тем питашеся*» (Повесть о царевне Персике, с. 265)¹⁸.

Приют, повторное покушение и временная смерть (подобие смерти). Избегнув опасности, героиня «Повести о царе и его дочери» обретает пристанище в доме девяти братьев, становится им названной сестрой. Мачеха узнает о том, что царевна жива, и вновь покушается на нее – посылает отравленную сорочку, надев которую царевна обмирает. Обустроив гробницу, братья закалываются. Во время охоты королевич находит мертвую девушку, которая при этом выглядит живой. Он влюбляется в мертвое тело, увозит к себе. Когда сорочку снимают, царевна оживает и выходит замуж за своего спасителя. Они приезжают в дом девяти братьев, вынимают копья из тел погибших и братья оживают. Все прославляют всещедрого Бога. Спасенная девушка и ее жених приезжают в дом ее отца, который считал дочь погибшей. Повесть заканчивается описанием того, как была наказана мачеха-злодейка.

Несмотря на другое построение эпизодов, именно «Повесть о царевне Персике» вновь оказывается самой близкой к исследуемому нами произведению. Кратко перескажем соответствующую часть: королевич Евгений, будучи в лесу на охоте, находит безрукую царевну Персику, влюбляется и женится на ней; она рождает ему двух детей, но скрывает свое происхождение; царь Михаил, отец Персики, делает Евгения своим наследником, а злая царица Люция пытается соблазнить, при этом догадывается, что он женат на ее ненавистной падчерице, и покушается на жизнь царевны повторно (подменяет письма, в которых от имени отца и сына велит казнить Персику и ее сыновей). Получив указ, дворецкий решает его послушаться: пощадив Персику, увозит ее на прежнее место, где когда-то она была найдена в лесу, и оставляет там с детьми. Узнав о злодействе, муж Персики и ее свекор вначале от отчаяния хотят заколоть себя. Затем Евгений отравляется в лес на ее поиски и не надеется застать живой, однако обретает совершенно здоровой, с руками, которые ей вернула Богородица. Финал с возвращением дочери к отцу и наказанием злодейки в общих чертах подобен «Повести о царе и его дочери» (детали разнятся).

Сопоставление описанных фрагментов приводит нас к выводу о сходстве двух повестей в эпизодах, но не в их последовательности. Говоря предельно обобщенно, зеркально соотносятся повторное покушение мачехи на царевну и встреча царевны с королевичем. Далее мы рассмотрим детализацию сходных эпизодов в этих произведениях и попытаемся найти параллельные места необычным моти-

¹⁸ Эти же мотивы пребывания в густом лесу, в диком месте, и «былия», которым питается героиня, повторены в «Истории о некоей купеческой дочери». Завезенная братом в дикое место, избежав смерти от его рук, девушка «пошла в прегустейший лес и тамо пребываше... а питалася былием и травую пустынную во многия лета» (История о некоей купеческой дочери..., с. 295–297). Кроме того, в ней же встречаем мнимые похороны с использованием куклы. В «Повести о царе и его дочери» мачеха устраивает ложное погребение, велев изготовить «болван деревян», а в «Истории о некоей купеческой дочери» свекровь велела закупить «несколько пудов ярова белаго воску... изыскать добрых шуко-туров и приказа из того воску во подобие человеческого корпусу болванов сделать, потом изыскала мудрых малерови велела на тех статуях намалевать прямым существом яко тела, убрала их в погребальне платье, и повелела сделать большую гробницу» (История о некоей купеческой дочери..., с. 306). Сам мотив подмены куклой известен по «Повести о семи мудрецах».

вам «Повести о царе и его дочери» в других произведениях русской беллетристики.

В «Повести о царевне Персике» королевич обретает красавицу в лесу дважды и каждый раз после покушений мачехи на ее жизнь: в первый раз с отсеченными руками, во второй раз на том же месте, но с чудесно возвращенными руками. В «Повести о царе и его дочери» королевич находит красавицу в лесу единожды. Рассмотрим подробнее.

В обеих повестях встреча происходит благодаря тому, что королевич отправляется на охоту и, разлучившись со слугами, оказывается в отдаленном месте. Королевич Евгений из «Повести о царевне Персике», находит царевну без рук, истекающую кровью, при смерти, и, влюбившись в нее, забирает во дворец. Ведомый неким зверем, безмянный королевич из «Повести о царе и его дочери» находит в лесу гробницу с прекрасной девушкой, по возвращении не может забыть о ней и тайно переносит тело в свой дворец¹⁹. В описании царевен одинаково подчеркнута неугасимая красота, которую не может победить даже смерть. Сравним:

Повесть о царевне Персике

И узрев ю, прекрасну сушу, и в златом одеянии; аще бо и кровию истощица, обаче красота ее не увяде ... Егда же кралевич узре ю, воззревшую на него, паче уязвися сердечною» (с. 260).

Повесть о царе и его дочери

...видеша гробницу и узре в ней прекрасную девицу аки сном уснувиу. И обья его печаль велия о девице ... И королевич нача во уме своем держати про умершую девицу и часто поминати красоту ея (с. 265).

В уже упомянутой «Повести об Аполлонии Тирском» также есть якобы мертвая красавица. Король Аполлоний берет с собою на корабль жену, королеву Лучницу, которая находится на сносях. Тяготы морского пути приводят к тому, что после рождения дочери королева впадает в подобие смерти: «Егда же породит, бысть яко мертва, никоим же удом подвижна, ниже дыхание в ней обретется, и вси ю нещцеваху мертву» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 415). Корабельщики, опасаясь гнева моря и погибели всем за мертвеца на судне, уговаривают горюющего царя расстаться с мертвым телом. Аполлоний Тирский велит устроить лодку, украсить ее, облечь тело супруги в дорогое одеяние, кладет в лодку деньги и письмо с тем, чтобы нашедший тело сделал погребение «по царскому достоинству» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 415). Через три дня лодка пристает к Эфесу, ее находит доктор: «Егда же ю откры, узре честную госпожю в драгоценном одеянии лежащу, повеле ю изяти и в дом свой с честью нести». Тело готовят к погребению, в это время приходит ученик доктора Силемон, посмотрев на тело, говорит: «Таковаго мертвеца, яко же сей, никогда же видел: лице не отменися, красота не пременися, очи не впадоша, но не обострися, плоть не отерпе. Истинно есть живот в ней, но некая ю лютая немощь омертвила». Далее в повести описываются медицинские манипуляции – отворение крови, согревание тела теплом и мазями. Постепенно царица приходит в себя. Наконец, ученик док-

¹⁹ Мотив зверя, который приводит героя Божьим соизволением в нужное место, мы встречаем в нескольких популярных беллетристических произведениях XVII в. – в «Повести о царе Аггее», в «Прикладе о Евстахии Плакиде» из сборника «Римские Деяния».

тора «воздвиге ю, подав ей легкое внутреннее лекарство, и быть велми красна и здрава» (Повесть об Аполлонии Тирском, с. 416).

Описание в «Повести об Аполлонии Тирском», как мы могли видеть, отличается от двух других произведений физиологическими и медицинскими подробностями. При этом в повестях о царице Персике и об Аполлонии Тирском звучит мотив дорогой, богатой, золотой одежды, в которую облачена никому не известная мертвая (почти мертвая) красавица. Богатая одежда присутствует и в «Повести о царе и его дочери». Более того, она – именно тот волшебный предмет, с помощью которого мачеха наносит вред царице: «Царица же повеле нищему прийти к себе в удобное время и диавольским коварством сотвори сорочьку вельми прекрасну, златом и серебром и жемчугом учрежденну. И повеле ея натерти лютым зелием. И призва к себе ницаго и даде ему другую сорочьку и повеле ему отнести прекрасной девиче <...> поиде во особую полату и взя с собою срацицу и надела на себя и умре от нея» (Повесть о царе и его дочери, с. 261–262).

К обязательным звеньям сюжета АТУ 709 С. С. Джонс относит попытки изжить падчерицу при помощи отравленных предметов, выставление гроба на обозрение и кражу мертвого тела, которое остается свежим и сохраняет красоту, обречение приюта в далеком доме (приводим перечень не в хронологическом порядке). Перейдем к поиску параллелей к ним в рукописной традиции.

Такой сюжетной детали, как отравленная сорочка, мы не нашли никаких параллелей в русской беллетристике за исключением более поздней по происхождению «Истории о Фларенте и Георгии»²⁰. Однако некоторые детали были знакомы русским читателям по другим произведениям. Сейчас мы их рассмотрим.

По «Повести об увозе Соломоновой жены» нам известно волшебное зелье, которое вызывает подобие смерти. В «Поровской» и «Кипрской» редакциях этой повести при помощи такого зелья царица-изменница бежит к недругу царя Соломона – царю Пору. В этом же произведении есть помещение во гроб якобы мертвого тела царицы, а также кража тела из гробницы [Ярошенко-Титова, 1974, с. 267–269].

Покушение на жизнь через отравление мы встречаем в «Повести о Бове королевиче». Желая известить сына, мать посылает Бове хлебцы, замешанные на змеином сале, и только предостережение девки-служанки избавляет Бову от смерти²¹.

Еще один популярный мотив – утрата красоты от печали и слёз. В «Повести о царе и его дочери» королевич горюет над мертвой царицей: «Сам же на всякое время прихождаше к ней и открываше гробницу и плакася горко, на красоту ея смотря. *И лице его красоты своя изменися*. Мати же его, королевича, смотря на сына своего *красоту погибшую*» (Повесть о царе и его дочери, с. 265). Подобный мотив утраты красоты (и ее возвращения) играет сюжетобразующую роль в «Повести о королевиче Валтасаре»; его происхождение исследователи возводят к линии Астульфа из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд» [Новицкая, Ромодановская, 1998, с. 195].

Эпизод проживания царицы в лесу в доме «девяти братьев» не находит аналогов в рукописной беллетристике XVII–XVIII вв., но известен по более поздним фольклорным записям сказок в виде эпизода о проживании названной сестры

²⁰ Подробнее об этом: *Курышева Л. А.* Сказочный сюжет о мертвой царице в русской беллетристике XVIII в. (в печати).

²¹ Ср. с мотивом приворотного зелья в более позднем памятнике: «обаяния же и отравы в яствах и питиях многажды ей подаше», однако девушку защищают Господь и отцовское благословение (История о некоей купеческой дочери..., с. 292).

у лесных разбойников [Курышева, 2018, с. 145]²². Упомянем лишь о сюжетной коллизии в «Гистории о российском матросе Василии Кариотском» – пленении королевы Ираклии на острове у разбойников, которую спасает главный герой.

Еще один сюжетный поворот «Повести о царе и его дочери» не имеет прямых параллелей с сюжетным фондом рукописной беллетристики рассматриваемого периода; он же не является обязательным для сказочного сюжета АТУ 709. Это встреча царевны со змеем и победа над ним с помощью хитрости²³. Однако сама тема сожительства со змеем – в нашей повести змей предлагает царевне, если она убьет братьев, выйти за него замуж или любое другое вознаграждение – имеет традиции в беллетристике этого периода. В «Повести о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем» (начало XVIII в.) герой спасает свою жизнь и освобождает царевну от связи со змеем²⁴. Царевна в нашей повести притворяется согласной и приносит змею отравленное зелье – «вареные цветы», от чего злодея рвет на мелкие части. В «Повести о купце, купившем мертвое тело...» герой справляется со змеем и его гнездом, дробя их на части клешнями. В сходных выражениях описана в обеих повестях эта победа над змеем:

Повесть о царе и его дочери

Она же посади его за стол и принесе ему вареные цветы и вля в челюсти его. Он же, триглавый, нача зияти, и потом *нача его рвати на малыя части ...* Тогда возбудися болий брат и *нача вопити велиим гласом ...* Братия же шедше в полату вскоре и *видеша лютаго змия убита* и лежаща мертва и *возрадовашася радостию великою зело* и прославиша всещедраго Бога и лобызаша царевну (с. 262).

Повесть о купце,
купившем мертвое тело...

Слуга же ... взя клещи, ста у кровати, и виде исходящее изо уст ея змия велика, взя клещами за шею и удва его и, *раздробя в мелкие части*, спрята <...> Потом утру же светающу, царь же послаше друшку: «Поиди, выкини кости, чаю, давно уже змий заел» <...> Слуга же отвеща: «В добром здравии и лиходея нашего, змия, уходили!» Друшка же *возопи великим гласом к царю ...* Царь же *велми возрадовася ...* и виде молодых в добром здравии, а *змия убита, возрадовашеся радостию великою зело*, а слугу почти и одари дарами честно (с. 77–78).

Дополнительно отметим, что в беллетристике этого периода результат отравления нередко описывается как разъятие на мелкие части. Так, в «Повести о Бове королевиче» Милитриса Кирбитьевна готовит отравленные хлебцы для своего сына. Предупрежденный служанкой, Бова бросает хлеб собакам: «И сколь скоро

²² Мотивные варианты сюжетной ситуации «человек в чужом доме» исследованы в статье [Неклюдов, 2016]; о пребывании девушки в лесном доме в фольклоре см.: [Неклюдов, 2011].

²³ При этом в виде инварианта этот эпизод встречается в фольклорных записях, например в конспекте сказки, сделанной А. С. Пушкиным: [Курышева, 2018].

²⁴ Тема любовной связи со змеем встречается в русском эпосе, например в былинах о Потыке и Авдотье Лиходеевне – Добрыня и Маринка.

выжлецы хлебцы съели, и скоряя тово их розрвало по макову зерну» (Повесть о Бове королевиче, с. 278–279).

Перейдем к выводам. Сопоставление «Повести о царе и его дочери» с сюжетно-мотивным фондом русской рукописной беллетристики XVII–XVIII вв. демонстрирует ее укорененность в русской словесности. Более того, текстовые совпадения с такими сюжетно близкими памятниками, как «Повесть об Аполлонии Тирском» (русская обработка польского источника, возникшая не позднее 1670-х гг.) и «Повесть о царевне Персике» (рубеж XVII–XVIII вв.), приводят нас к версии о рождении русского варианта сказочного сюжета АТУ 709 именно из этих произведений. Краткость, стянутость повествования в «Повести о царе и его дочери» по отношению к своим источникам, аналогичная по своим приемам тому, как соотносится «Повесть о царице и львице» и ее источник – «История о цесаре Отоне», ставит вопрос о принадлежности русских обработок одному книжнику или одной творческой школе. Последнее предположение является предварительным и нуждается в более детальном изучении.

Список литературы

Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века о Георгии и Фларенте // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 383–386.

Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах. II. Повесть и сказки об оклеветанной дочери // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 44, вып. 8: Русская литература. С. 19–34.

Климова М. Н. «История о некоей купеческой дочери» – неизвестный памятник поздней рукописной традиции // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. С. 33–37.

Климова М. Н. «История о некоей купеческой дочери и о ее злострании, како много претерпе от зависти любовной» // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 287–289.

Климова М. Н. О двух беллетристических текстах из старообрядческого сборника конца XVIII в. (В-777) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 80–89.

Климова М. Н. Авторская обработка международного сюжета в сибирском сборнике конца XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 8: Филология. С. 159–164.

Кузьмина В. Д. Источник повести о царевне Персике // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 449–452.

Кузьмина В. Д. Вопросы сравнительно-исторического изучения сюжета в восточнославянской и южнославянской литературной традиции (Невинногонимая безрукая падчерица) // VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Славянские литературы. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 166–186.

Курьшева Л. А. О новонайденной «Повести о некоем царе и о дщери его» (РО РНБ, фонд И. А. Шляпкина, сборник повестей XVIII в.) // XVIII в. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII в. / Отв. ред.: Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 252–267.

Курьшева Л. А. Еще раз о пушкинской записи сказки о мертвой царевне // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 140–151.

Курьшова Л. А., Карева Н. В. Русские версии французской галантной сказки // *Курьшова Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю.* Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 158–200.

Мальшев В. И. Усть-Цильмская обработка «Повести о царевне Персике» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 326–337.

Неклюдов С. Ю. Голая невеста на дереве // Славянский и балканский фольклор / Отв. ред. А. В. Гура. М., 2011. Вып. 11: «Виноградье». С. 195–204.

Неклюдов С. Ю. Человек в чужом доме // *Свое среди чужого, чужое среди своего*: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Е. Е. Жигарина, Ю. Н. Наумова. М.: Форум, 2016. С. 235–258.

Новицкая М. Ю., Ромодановская Е. К. Об источниках и структуре Повести о королевиче Валтасаре // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск: Наука, 1998. С. 191–209.

Путилов Б. Н. Комментарий к духовному стиху «Сорок калик со каликою» // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 443–444.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.

Соколова Л. В. Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 342–355.

Соколова Л. В. Две русские редакции XVII в. Повести об Аполлонии Тирском // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 313–322.

Соколова Л. В. Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 279–291.

Соколова Л. В. Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике «Повести о царице и львице» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 98–113.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице: особенности художественной структуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 2: Филология. С. 108–115.

Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице: вторичные варианты и редакции // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 27–35.

Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 257–273.

Jones S. S. The Construction of Folktale “Snow White”. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English and Folklore in the Graduate Division of the University of California, Davis, 1979.

Kawan Ch. S. A Brief Literary History of Snow White // *Fabula*. 2008. No. 49 (3–4). P. 325–342.

Malek E. «История о цесаре Отоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки. (Исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с.

Список источников

Гистория о Фларенте и Георгии – Гистория о французской королевне Фларенте и о королевиче Георгии италианском и о прочих малтийских ковалерах / Подгот. Ю. К. Бегуновым // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 386–397.

История о некоей купеческой дочери и о ея злострадании, како много претерпе от зависти любовной / Подгот. М. Н. Климовой // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 290–308.

Повесть о Бове королевиче / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 275–300.

Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 71–78.

Повесть о рождении царя Соломона – Повесть о рождении и похождениях царя Соломона / Подгот. Л. В. Титовой // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 344–363.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. текста и коммент. И. Д. Казовской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15 (XVII век). С. 175–227.

Повесть о Флорине / Подгот. Л. А. Курьшевой // Курьшева Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю. Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 327–350.

Повесть о царе и его дочери – Повесть о некоем царе и о дщери его / Подгот. Л. А. Курьшевой // XVIII в. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII в. М.; СПб., 2017. С. 259–267.

Повесть о царевне Персике / Подгот. В. В. Сиповским // Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 254–267.

Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 427–441.

Повесть об Аполлонии Тирском / Подгот. текста и коммент. Л. В. Соколовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 407–426.

Повесть об Ульянии Осорбиной / Подгот. текста и коммент. Т. Р. Руди // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 98–104.

References

Begunov Yu. K. Neizvestnaya rukopisnaya povest' pervoy poloviny 18 veka o Georgii i Flarente [Unknown handwritten story of the first half of the 18th century about George and Flarent]. In: *18 vek. Sb.* [18th century. Coll.]. St. Petersburg, Nauka, 1993, vol. 18, pp. 383–386.

Chalkova T. F. O strukture i zhanrovoy spetsifike “Povesti o tsaritse i l’vitse” [On the structure and genre specifics of the tale of the queen and the lioness]. In: *Памятники литературы и обшчественой mysli epokhi feodalizma* [Monuments of literature and social thought of the era of feudalism]. Novosibirsk, 1985, pp. 98–113.

Chalkova T. F. Povest' o tsaritse i l'vitse: osobennosti khudozhestvennoy struktury [The tale of the queen and the lioness: features of the artistic structure]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, iss. 2: Filologiya [Philology]. pp. 108–115.

Chalkova T. F. Povest' o tsaritse i l'vitse: vtorichnye varianty i redaksii [The tale of the queen and the lioness: secondary versions and editions]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 2, pp. 27–35.

Eleonskiy S. F. Starinnye perevodnye povesti v russkikh narodnykh pereskazakh. 2. Povest' i skazki ob oklevetannoy docheri [Old translated stories in Russian folk tellings. 2. The tale and tales of the slandered daughter]. *Uchen. zap. Mosk. gor. ped. in-ta im. V. P. Potemkina*. 1959, vol. 44, iss. 8: Russkaya literatura [Russian Literature]. pp. 19–34.

Jones S. S. *The Construction of Folktale "Snow White"*. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English and Folklore in the Graduate Division of the University of California, Davis. 1979, 226 p.

Kawan Ch. S. A brief literary history of Snow White. *Fabula*. 2008. no. 49 (3–4), pp. 325–342.

Klimova M. N. Avtorskaya obrabotka mezhdunarodnogo syuzheta v sibirskom sbornike kontsa 18 veka [Author's processing of the international plot in the Siberian collection of the end of the 18th century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10: Filologiya [Philology]. iss. 8, pp. 159–164.

Klimova M. N. "Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri i o eya zlostradanii, kako mnogo preterpe ot zavisti lyubovnoy" ["The story of a certain merchant's daughter and her suffering, how much she suffered from love envy"]. In: *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki "vysokoy" i "nizovoy" kul'tury v Rossii 16–20 vv.* [Historical and literary monuments of "high" and "lower" culture in Russia in the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 2003, pp. 287–289.

Klimova M. N. "Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri" – neizvestnyy pamyatnik pozdney rukopisnoy traditsii ["The story of a certain merchant's daughter" – an unknown monument of the late manuscript tradition]. In: *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of book collections of the Tomsk University Library]. Tomsk, 1995, pp. 33–37.

Klimova M. N. O dvukh belletristicheskikh tekstakh iz staroobryadcheskogo sbornika kontsa 18 v. (V-777) [On two fictional texts from the Old Believer collection of the late 18th century. (B-777)]. In: *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of Russian book literature: new texts, new interpretations]. Novosibirsk, 2007, pp. 80–89.

Kuryшева L. A. Eshche raz o pushkinskoy zapisi skazki o mertvoy tsarevne [Once again about Pushkin's recording of the dead princess's tale]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 4, pp. 140–151.

Kuryшева L. A. O novonaydennoy "Povesti o nekoem tsare i o dshcheri ego" (RO RNB, fond I. A. Shlyapkina, sbornik povestey 18 v.) [About the newly found "The tale of a certain king and his daughter" (RO RNB, I. A. Shlyapkin's fund, collection of novels of the 18th century)]. In: *18 v. Sb. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii 18 v.* [18th century. Coll. 29: Literary life of Russia in the 18 century]. N. D. Kochetkova, S. I. Nikolaev (Eds.). Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2017, vol. 29, pp. 252–259.

Kuryшева L. A., Kareva N. V. Russkie versii frantsuzskoy galantnoy skazki [Russian versions of the French gallant tale]. In: Kuryшева L. A., Kareva N. V., Feduykin I. I.,

Solomein A. Yu. *Kul'turnyy import "politichnykh obkhozheniy": Russko-evropeyskie kontakty i perevodnaya belletristika v Petrovskuyu epokhu* [Cultural import of "polite manners": Russian-European contacts and translated fiction in the Petrine time]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2022, pp. 158–200.

Kuz'mina V. D. *Istochnik povesti o tsarevne Persike* [The source of the story about Princess Persika]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1958, vol. 14, pp. 449–452.

Kuz'mina V. D. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya syuzheta v vostochnoslavlyanskoy i yuzhnoslavlyanskoy literaturnoy traditsii: (Nevinnogonimaya bezrukaya padcheritsa [Issues of comparative historical study of the plot in the East Slavic and South Slavic literary tradition: (Innocent, mute, armless stepdaughter)]*. In: *6 Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968): Slavyanskaya literaturnaya doklady sovetskoj delegatsii* [6 International Congress of Slavists (Prague, August 1968): Slavic Literature. Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 166–186.

Małek E. *"Istoriya o tsesare Otone" v drevnerusskom perevode i ee pozdneyshie obrabotki. (Issledovanie i izdanie tekstov)* ["The story of Caesar Otton" in Old Russian translation and its later adaptations. (Research and publication of texts)]. Warszawa, BEL Studio, 2021, 825 p.

Malyshev V. I. *Ust'-Tsil'mskaya obrabotka "Povesti o tsarevne Persike"* [Ust-Tsilma adaptation of "The tale of Princess Persika"]. In: *Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Research and materials on ancient Russian literature]. Moscow, 1961, AN SSSR, pp. 326–337.

Neklyudov S. Yu. *Chelovek v chuzhom dome* [Man in a strange house]. In: *Svoe sredi chuzhogo, chuzhoe sredi svoego: Sb. nauch. st.* [Our own among strangers, strangers among our own: Coll. of sci. art.]. E. Neklyudov, E. E. Zhigarina, Y. N. Naumova (Eds.). Moscow, 2016, Forum, pp. 235–258.

Neklyudov S. Yu. *Golaya nevesta na dereve* [Naked bride on a tree]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan folklore]. A. V. Gura (Ed.), 2011, iss. 11: "Vinograd'e". pp. 195–204.

Novitskaya M. Yu., Romodanovskaya E. K. *Ob istochnikakh i strukture Povesti o koroleviche Valtasare* [On the sources and structure of the tale of King Belshazzar]. In: *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii 16–20 vv.* [The history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 191–209.

Putilov B. N. *Kommentariy k dukhovnomu stikhu "Sorok kalik so kalikoyu"* [Commentary on the spiritual verse "Forty kaliks with kaliks"]. In: *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirshe Danilov]. A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov (Comps.). 2nd ed. Moscow, Nauka, 1977, pp. 443–444.

Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni: puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda* [Russian literature on the threshold of a new age: ways of formation of Russian fiction of the transitional period]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 232 p.

Sokolova L. V. *Dve russkie redaktsii 17 v. Povesti ob Apollonii Tirskom* [Two Russian redactions of the 17th century. The tales of Apollonius of Tiresias]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1979, vol. 34, pp. 313–322.

Sokolova L. V. *Literaturnaya istoriya Povesti ob Apollonii Tirskom* [Literary history of the Apollonius of Tyre's tale]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1982.

Sokolova L. V. Literaturnye obrabotki 18 v. Povesti ob Apollonii Tirskom [Literary adaptations of the 18th century. The tales of Apollonius of Tyre]. In: *Istochnikovedenie literatury Drevney Rusi* [Source study of the literature of Ancient Rus]. Leningrad, 1980, pp. 279–291.

Sokolova L. V. Ob istochnike perevoda Povesti ob Apollonii Tirskom [On the source of the translation of the tale of Apollonius of Tyre]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1977, vol. 32, pp. 342–355.

Yaroshenko-Titova L. V. “Povest’ ob uvoze Solomonovoy zheny” v russkoy rukopisnoy traditsii 17–18 vv. (Kharakteristika redaktsiy) [“The tale of the taking away of Solomon's wife” in the Russian manuscript tradition of the 17th–18th centuries. (Characteristics of the editions)]. In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1974, vol. 29, pp. 257–273.

List of sources

Gistoriya o Flarente i Georgii – Gistoriya o frantsuskoy korolevne Flarente i o koroleviche Georgii italianskom i o prochikh maltiyskikh kovalerakh [The story of Flarente and George – The story about the French queen Flarente and the queen George Italian and other Maltese kovalers]. Yu. K. Begunovym (Comp.). In: *18 vek. Sb. 18* [18th century. Coll.]. St. Petersburg, Nauka, 1993, pp. 386–397.

Istoriya o nekoey kupecheskoy docheri i o eya zlostradanii, kako mnogo preterpe ot zavisti lyubovnoy [The story about a certain merchant's daughter and about her suffering, how much she suffered from the envy of love]. M. N. Klimova (Comp.). In: *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki “vysokoy” i “nizovoy” kul'tury v Rossii 16–20 vv.* [Historical and literary monuments of “high” and “grassroots” culture in Russia 16–20 centuries]. Novosibirsk, 2003, pp. 290–308.

Povest’ ob Apollonii Tirskom [The tale of Apollonius of Tyre]. L. V. Sokolova (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 407–426.

Povest’ o Bove koroleviche [The tale of Bovo Korolevich]. A. M. Panchenko (Text prep. and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 275–300.

Povest’ ob Ul'yanii Osor'inoy [The tale of Ulyania Osoryina]. T. R. Rudi (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 98–104.

Povest’ o Florine [The tale of Florina]. L. A. Kuryshcheva (Prep.). In: Kuryshcheva L. A., Kareva N. V., Feduykin I. I., Solomein A. Yu. *Kul'turnyy import “politichnykh obkhozhdeniy”*: *Rusko-evropeyskie kontakty i perevodnaya belletristika v Petrovskuyu epokhu* [Cultural import of “political circumlocutions”: Russian-European contacts and translated fiction in the Petrine Epoch]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2022, pp. 327–350.

Povest’ o kuptse, kupivshem mertvoe telo i stavshem tsarem [The tale of a merchant who bought a dead body and became a tsar]. N. S. Demkova (Text prep. and comm.).

In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 71–78.

Povest' o rozhdenii tsarya Solomona – Povest' o rozhdenii i pokhozheniyakh tsarya Solomona [The tale of the birth of King Solomon]. L. V. Titova (Prep.) In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1977, vol. 33, pp. 344–363.

Povest' o semi mudretsakh [The tale of the seven wise men]. I. D. Kazovskaya (Text prep. and comm.). In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, Nauka, 2006, vol. 15 (17 vek) [the 17th century], pp. 175–227.

Povest' o tsare i ego docheri – Povest' o nekoem tsare i o dshcheri ego [The tale of the tsar and his daughter – The tale of a certain tsar and his daughter]. L. A. Kuryshcheva (Prep.). In: *18 v. Sb. 29: Literaturnaya zhizn' Rossii 18 v* [The 18th century. Coll. 29: Literary Life of Russia in the 18th c]. Moscow, St. Petersburg, 2017, pp. 259–267.

Povest' o tsarevne Persike [The tale of tsarevna Persik]. V. V. Sipovskim (Prep.). In: Sipovskiy V. V. *Russkie povesti 17–18 vv.* [Russian stories of the 17th–18th centuries]. St. Petersburg, 1905, pp. 254–267.

Povest' o tsaritse i l'vitse [The tale of the queen and the lioness]. T. F. Chalkova (Text prep. and comment.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 427–441.

Информация об авторе

Любовь Александровна Курьшева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-9651-2018

Information about the author

Lyubov A. Kuryshcheva, Candidate of Philology, Leading Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-9651-2018

*Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 21.07.2023
The article was submitted on 10.06.2023;
approved after reviewing on 21.07.2023; accepted for publication on 21.07.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/6

Походные записки русских офицеров о войне 1812 года: проблема авторства

Наталья Владимировна Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Аннотация

Характеризуются военные травелоги о войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. в аспекте проблемы автора. Выявляются способы авторского присутствия в тексте травелога, анализируется соотношение «биографического автора» и субъекта повествования. Определяется специфика нового типа рассказчика – «русского офицера» в сопоставлении с популярным типом «русского чувствительного путешественника», характерного для «карамзинского канона». Выделяется и характеризуется типология субъектов повествования в военных травелогах 10–20-х гг. XIX в., представленная следующими вариантами: «сентиментальный русский офицер», патриот, восторженно описывающий подвиги воинов; «сторонний военный наблюдатель», фиксирующий свое внимание в большей степени на путешествии, реакции мирных людей на военные события, на собственных чувствах и впечатлениях; «частный человек на войне», рефлексирующий о том, как меняет человека историческое событие, как сам человек воздействует своими поступками на ход истории, какое влияние оказывает на человека путешествие в другую страну в роли военного.

Ключевые слова

автор, травелог, русский офицер, повествование, тип рассказчика

Для цитирования

Константинова Н. В. Походные записки русских офицеров о войне 1812 года: проблема авторства // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 85–97. DOI 10.17223/18137083/84/6

Field notes of Russian officers about the War of 1812: the problem of authorship

Natalia V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Abstract

The paper characterizes military travelogues about the War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814 in the aspect of the authorship problem. The focus

© Константинова Н. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 85–97
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 85–97

is on three texts that provide a better representation of various ways of describing military events by narrators. These are “Pohodnye zapiski artillerista (Field notes of an artilleryman), 1812–1816” by I. T. Radozhitsky, “Pisma russkogo ofitsera (Letters of a Russian officer)” by F. N. Glinka, and “Pokhodnye zapiski russkogo ofitsera, izdannye I. Lazhechnikovym (Field notes of a Russian officer published by I. I. Lazhechnikov)” by I. I. Lazhechnikov. The analysis evaluates the ratio of the “biographical author” and the subject of the narrative. A new type of narrator, the “Russian officer,” is specified versus the popular type of the “Russian sensitive traveler” characteristic of the “Karamzin canon.” The types of the subjects of the military travelogue narrative of the 10–20ies of the 19th century are identified and characterized. These are: “sentimental Russian officer,” a patriot, “an outside military observer,” and “a private man at war.” A detailed description of these types is provided. On the one hand, they are defined as variants of the type presented in the “Karamzin canon.” On the other hand, they are regarded as fundamental innovations of the authors of travelogues, demonstrating the specificity of the evolution of the genre in the 19th century.

Keywords

author, travelogue, Russian officer, narrative, type of narrator

For citation

Konstantinova N. V. Field notes of Russian officers about the War of 1812: the problem of authorship. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 85–97. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/6

На фоне безусловной популярности в начале XIX в. травелогов о путешествии в Европу выделяются произведения, посвященные важнейшему историческому событию – войне с Наполеоном. Путевые записки русских офицеров, в которых освещались военные действия 1812 года, заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., стали значительным явлением в эволюции литературы путешествий этого периода, повлияли на возникновение нового типа – военного травелога. В них отражается совершенно иной взгляд и на само событие путешествия, на способ его описания, и на характеристику европейских стран. Именно в этот период появляется множество военных травелогов, авторами которых были непосредственные участники военных действий, очевидцы. Их произведения, как правило, в своей основе содержали реальные «подневные записки» или дорожный дневник, с точным описанием не только событий, но и впечатлений, чувств, мыслей автора. В качестве жанровых номинаций, обозначенных в названии, использовались следующие варианты: походные записки, письма, воспоминания, журнал. К наиболее устойчивому компоненту военного травелога можно отнести и выделение новой фигуры рассказчика – субъекта повествования как русского офицера. Такая номинация демонстрировала, во-первых, очевидный патриотический настрой «биографического автора» травелога, выражала специфику его национального самосознания, во-вторых, определяла существенное отличие от популярного в то время типа рассказчика – «русского путешественника» («чувствительного путешественника»), представленного в «карамзинском каноне», в-третьих, представляла установку на документальность, стремление выразить в структуре повествования о военных событиях точку зрения очевидца, непосредственного участника, воина, что воплощалось в указании статуса – офицер, артиллерист, адъютант. Публиковались такие травелоги обычно частями в журналах «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Военный журнал», а впоследствии авторы печатали свои походные записки отдельным из-

данием. Наиболее репрезентативными ¹ примерами таких травелогов являются «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год» И. Т. Радожицкого (1835) ², «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки (1870) ³, «Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым» И. И. Лажечникова (1836). В аспекте проблемы автора эти тексты представляют разные установки рассказчика на описание военных событий.

«Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки становятся в последующей традиции развития военного травелога своеобразным «прецедентным текстом», на который, так или иначе, ориентируются авторы. Сразу обращает на себя внимание выбор формы – письма, а также номинация субъекта повествования – «русский офицер». Фактически название дублирует вариант травелога Карамзина, меняется лишь одно слово – путешественник превращается в офицера. В этой номинации сохраняется очевидная установка на достоверность, близость субъекта повествования к «биографическому автору». Действительно, как и в случае с Карамзиным, травелог Глинки имеет биографическую основу. В 1805–1806 гг. Глинка состоял адъютантом при генерале М. А. Милорадовиче, участвовал в сражении «трех императоров» при Аустерлице 2 декабря 1805 г. Выйдя в отставку, в 1808 г. опубликовал «Письма русского офицера» – записки о военных кампаниях 1805–1806 гг. В 1812 г. опять поступил в армию адъютантом к Милорадовичу и находился в походах до конца 1814 г. Участвовал в боях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Баутцене. Вернувшись в Россию, в 1815 г. переиздал военные записки с дополнениями – «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год». Уже в Предуведомлении к «Письмам русского офицера» Глинка помещает диалог, в котором ведется дискуссия о том, надо ли что-то редактировать в записках, созданных непосредственно во время реальных военных действий «биографическим автором» – участником сражений, русским офицером. В этом разговоре нарочито выделяется мнение, которое и выражает в большей степени специфику повествования в тексте Глинки: «Оставьте нетронутым все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать!» (Глинка, 1870, ч. 1, с. 2). Высказывание очевидно моделиру-

¹ Военные травелоги, которые представляют собой подробное (в нескольких частях) описание военных событий не только 1812 года, но и заграничных походов 1813–1816 гг.

² Записки, изданные в 1835 г., ранее печатались в журнале «Отечественные записки» 1823, 1824 и 1826 гг., а также в «Московском Телеграфе» 1831 г.

³ Первое полное издание: Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою. В типографии С. Селивановского. М., 1815–1816. Ч. 1–8. Подробнее см.: *Тартаковский А. Г.* К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // *Источниковедение отечественной истории*: 1981. М.: Наука, 1982. С. 190–208. В этой работе также указано, что до издания 1815–1816 гг. фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки печатал в журналах: «Русский вестник» (1814. № 10. С. 51–57); «Вестник Европы» (1815. № 14. С. 126–130); «Сын Отечества» (1815. № 24. С. 163–181; № 27. С. 30–37; № 50. С. 161–178; 1816. № 25. С. 209–218).

ет авторскую установку⁴ на создание определенного типа / варианта субъекта повествования: рассказчик – «фронтальной офицер» – противопоставлен «историку», «сухое официальное изложение» – тому, «как виделось, мыслилось, чувствовалось». «Спонтанность» записей («все, что написано у вас, где случилось, как пришлось») принципиальна, так как выражает причастность рассказчика описанным событиям, характеризует его также как патриота, способного на самопожертвование.

Возникает иной тип путешественника – «русский офицер», действующий не по своей воле, но сохраняющий задачу показать свои чувства, впечатления, а не только передать сведения, зафиксировать информацию. В процессе фиксации впечатлений субъект повествования пользуется разными точками зрения, меняет фокус изображения событий – от внешнего наблюдения до точки зрения участника событий, включенного в общее «видение»: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. *Смерть* (курсив – Ф. Г.) все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут *целыми обществами* переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом!» (Глинка, 1870, ч. 1, с. 68). В этом показательном фрагменте переход от формы повествования Я к МЫ подчеркивает двойственность сознания субъекта описания – непосредственного участника событий и наблюдателя, способного философски размышлять о страшных перипетиях в судьбах людей, что позволяет автору создать эффект «многомерной» оптики восприятия события через включенность индивидуального во всеобщее, коллективное. Образ «русского офицера» показан, с одной стороны, как частное индивидуальное лицо («сегодня смеемся с другом»), с другой стороны, как часть целого («целыми обществами»), в котором нивелируется индивидуальное в контексте глобальных исторических событий.

Стоит обратить внимание и на фрагмент описания слияния двух рек Буга и Наревы, в котором способ изображения ситуации моделируется с точки зрения разных ролей пишущего субъекта, обозначенных им в тексте: стихотворец, воин, историк, путешественник. Позиция стихотворца выражает мифопоэтическое восприятие ситуации – слияние двух рек и их дальнейшее поглощение более мощной рекой описано как воссоединение двух влюбленных и их скорая погибель, для воина реки – это два друга-витязя, бойца, которые вместе погибают, оказываются в одной могиле, что характеризует их верность дружбе, способность к самопожертвованию на поле боя; в интерпретации историка в этом быстром разрушении единства, скором изменении целостности природного явления символически воплощается недолговечность торжества славы Наполеона; путешественник же объясняет всё предельно объективно, выделяя в качестве причины особенности почвы. Таким образом, выделенный эпизод становится примером «творческой лаборатории» автора, который в своем повествовании, с одной стороны, соотно-

⁴ О том, что это моделируется автором «Писем русского офицера» становится понятно из указаний Е. Р. Пономарева по поводу достоверности записок: «Как показал А. Г. Тартаковский, в основе “Писем русского офицера” действительно лежит современный событиям дневник, однако в дальнейшем дневник подвергся серьезной ретроспективной обработке, окончательной редакцией которой и стало издание 1815–1816 гг.» [Пономарев, 2011, с. 163].

сит разные модели описания одного и того же объекта действительности, с другой стороны, показывает, как влияет выбранный тип рассказчика, его точка зрения на интерпретацию объективной реальности в травелоге. Кроме того, можно предположить, что в этом фрагменте продемонстрированы основные (отрефлексированные автором) составляющие элементы структуры образа субъекта повествования, формы авторского самовыражения.

На усложнение функций автора-путешественника указывает в своем исследовании и Д. Р. Гоперхоева при описании «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки как военного травелога: «В его задачу теперь входит не столько познакомить читателя с реалиями другой страны, сколько передать события с различных точек зрения. Поэтому Глинка преподносит свои наблюдения и как непосредственный очевидец событий, и как военный историк <...> он передает свои впечатления о бытовых сторонах жизни в других странах <...> Но даже самые обыденные события рассматриваются им со стороны военного путешественника» [Гоперхоева, 2019, с. 31]. Обращает на себя внимание и указание на принципиальное доминирование позиции военного, офицера в его путевых записках.

На существенное изменение повествования «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки после обработки записей, представленных в походном дневнике, указывает А. Г. Тартаковский. По его мнению, автор травелога не только использует модную в то время эпистолярную форму, но превращает «отрывочно-конспективные» заметки в «литературно отделанное повествование». Воспользуемся указанным в его работе примером подобного сопоставления с целью выявления способов авторского самовыражения. Фрагмент из записной книжки: «Рига. Приезд в Ригу (Митавская дорога вся наводнена: лужи как озера). Обед у маркиза. Подвиги Г. Котляровского; образ войны в Персии. Куз. Вас. Васильев. Клуб Ресурс: человек живого характера сошел бы там с ума от скуки. Ник. Львов. Нефедов» (ЦГАЛИ, ф. 141, д. 19, л. 15). Публикация в журнале «Сын Отечества»: «Рига (поздно к вечеру). Я расстался с любезным спутником моим И. М. Б. в Митаве, и едва дотащился или, лучше сказать, доплыл до наводненной от проливных дождей дороге до Риги. Час за полночь; усталость валит с ног, сон смыкает глаза; едва могу писать на листе: кто я, откуда, зачем и надолго приехал? Это здешний порядок. Днем посмотрю на город, теперь прощай!» (Глинка, 1815, с. 123–124)⁵. В приведенном примере важно обратить внимание не только на очевидную (привнесенную намеренно) диалоговую манеру рассказчика, придуманную им фигуру адресата письма, но и на предельную концентрацию документальной информации (точное указание времени, географического положения, особенностей климата, реальных спутников) в контексте описания личностных переживаний субъекта повествования, доминирование Я рассказчика, его точки зрения в процессе описания объективной реальности. Сопоставление двух текстов наглядно показывает, как «внешняя» информация (объективная, документальная) превращается автором во «внутреннюю» историю существования Я рассказчика. Фрагмент описания состояния путешественника (русского офицера) в Риге содержит показательный риторический вопрос: «кто я, откуда, зачем и надолго приехал?» Такая фигура речи может быть прочитана и как способ авторского самовыражения: как дань сентиментальной традиции (шаблонный литературный прием) и как форма саморефлексии пишущего субъекта.

⁵ Оба фрагмента цит. по: [Тартаковский, 1982].

Типологически к такого рода повествовательной модели, как у Ф. Н. Глинки, относятся многочисленные травелоги, появившиеся в начале XIX в. вследствие участия автора в военных событиях. «Чувствительный путешественник» как наиболее популярный вариант субъекта повествования «подражательных» травелогов «карамзинского канона» уступает место офицеру, воину, выражающему свой субъективный взгляд на событие путешествия, в котором участвовал по службе («не для удовольствия и самопознания»).

Показательным вариантом травелога Ф. Н. Глинки являются, на наш взгляд, «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова. Как и в случае с «Письмами русского офицера», травелог И. И. Лажечникова представляет собой ретроспективно обработанный дневник⁶. В научных исследованиях, каким-либо образом затрагивающих проблему авторства в этих ранних текстах будущего известного романиста, представлены противоречивые комментарии. С одной стороны, его упрекают в излишней литературности (даже шаблонности, подражательности), с другой – утверждается установка на предельную документальность, объективность в передаче информации, что выражается в представлении о полном слиянии «биографического автора» и субъекта повествования. В частности, в работе С. М. Исуповой указан краткий обзор разных оценочных суждений о специфике авторской позиции в «Походных записках русского офицера» И. И. Лажечникова: от номинации «сентиментальный путешественник», ярко выраженной зависимости от сентиментальной традиции [Базанов, 1953] до выделения позиции, близкой писателям преддекабристской литературы [Ильинская, 1969]. В статье С. М. Исуповой также проводится сравнение с «карамзинским канонам» и делается вывод о том, что влияние «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина весьма заметно на протяжении всего повествования записок. В качестве же главного отличия она указывает следующую особенность: «Но если у Карамзина автор и герой не идентичны, то у Лажечникова автор и русский офицер – это одно лицо» [Исупова, 2015, с. 95].

В то же время уже в предисловии к своему травелогу И. И. Лажечников, явно ориентируясь на «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, уточняет специфику точки зрения субъекта повествования: «Автор не посвящал себя совершенно военному делу и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя, описывавшего единственно то, что было близко к нему, что он видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах русского гражданина и воина» (Лажечников, 1836, с. 2). Предисловие содержит и подробный комментарий об источниках информации, представленной в записках, о последовательности публикаций: «...большая часть моих записок помещена была в известнейших наших журналах и что они заслужили одобрение многих почтенных литераторов. Осталось мне сожалеть (может быть, одному мне) о невозвратной потере, которую я сделал, лишившись, во время курьерской поездки 1817 года, целой огромной тетради с походными записками. Ныне издаю только уцелевшие от этого кораблекрушения, и потому с 16 мая 1813 года предлагаются они отрывками. Сначала думал я заменить мою потерю, предприняв написать новые записки в кабинете моем; но память мне изменяла,

⁶ Такой вывод делает А. Г. Тартаковский, включая записки И. И. Лажечникова в группу произведений, совмещающих в себе черты дневника и мемуаров [Тартаковский, 1982, с. 207-208].

и для того вынужден я был расстаться с начатым трудом» (Лажечников, 1836, с. 2). В автокомментариях обращает на себя внимание нежелание автора как субъекта повествования «написать новые записки в кабинете», что свидетельствует о принципиальной установке на достоверность, на моделирование ситуации письма «здесь и сейчас». Таким образом, принципиальным (осознанным, прокомментированным в тексте) новаторством И. И. Лажечникова становится выбор точки зрения «простого походного наблюдателя», который, с одной стороны, является непосредственным участником описываемых событий, с другой стороны, пытается их описать и оценить извне, дистанцируясь от общей массы.

Интересно, что «Походные записки русского офицера» как опубликованный тревелог имеют свой вариант, представляющий биографический материал о событиях 1812 года – автобиографические записки «Новобранец 1812 года» с подзаголовком «Из моих памятных записок», которые были опубликованы в 1858 г. в полном собрании сочинений автора (Лажечников, 1858). Анализ этого текста дает возможность обнаружить разницу между биографическим автором «Походных записок русского офицера» и русским офицером как субъектом повествования. Выбранная (смоделированная) позиция стороннего наблюдателя записок очевидно контрастирует с точкой зрения рассказчика – автобиографического лица в тексте «Новобранец 1812 года». Это чрезвычайно эмоциональное повествование о личных переживаниях юноши, стремящегося попасть на фронт любой ценой, чтобы быть причастным «роковым событиям» 1812 года. В связи с этим он подробно описывает как раз свою «включенность» в эти события, «внутреннюю» точку зрения, а не внешнюю, участника, противопоставленного наблюдателю. Собственно, нежелание быть только наблюдателем этих событий и заставляет его совершать очень отчаянные поступки: «“Чего бы ни стоило, – сказал я сам себе, – я буду военным, хоть бы солдатом”» (Лажечников, 1858, с. 25). С этим связана и номинация в названии «памятных записок» – «новобранец», которая выражает самоощущение автора, предмет мечты. История о том, как он стал русским офицером, определяет специфику повествования в автобиографических записках И. И. Лажечникова. Финальная их часть фиксирует на документальном уровне получение статуса «новобранца» и его места в военном сообществе: «Счастье мне улыбнулось: начальник 2-й гренадерской дивизии, принц Макленбургский Карл, взял меня к себе в адъютанты. Вот как 12-й великий год завербовал меня в свои новобранцы» (Лажечников, 1858, с. 50).

Уже в предисловии к «Походным запискам русского офицера» номинации «автор, сочинитель» характеризуются И. И. Лажечниковым как особые категории, феномен которых комментируется в тексте: «Издавая ныне мои записки, стал бы я напрасно, в извинение их неисправностей, представлять, что я писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом со мной войска. Все это могло служить оправданием тем сочинителям, которые, так сказать, на горячем следу прошедшей войны издавали свои походные замечания. В четыре мирные года должен я был иметь время исправить погрешности моего творения; и если читатели сделают над ним строгий приговор, то виноват один автор, а не обстоятельства» (Лажечников, 1836, с. 2). С указаний в предисловии начинает фиксироваться в структуре повествования тревелога процесс моделирования авторской установки, что и позволяет обнаружить дистанцию между «биографическим автором» – реальным участником (новобранцем) военных событий 1812 года, русским офицером, адъютантом принца Карла, и рассказчиком – сторонним наблюдателем, автором путевых записок, пишущим субъек-

том и рассуждающим о том, какие события он будет описывать, с какой точки зрения («не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка»), в какой форме.

Таким образом, травелог И. И. Лажечникова представляет иной вариант типа повествования о военном походе в сопоставлении с «Письмами русского офицера» Ф. Н. Глинки. Элементы «сентиментального канона» выявляют в сознании субъекта повествования совокупность разных точек зрения на военное / историческое событие: в большей степени рассказчик как русский офицер занимает позицию стороннего наблюдателя, не описывает подробности военных баталей (как это было представлено в травелог Ф. Н. Глинки), что позволяет выделить иной взгляд на военную ситуацию – мирного жителя, частного человека-путешественника, просвещенного интеллектуала, примеряющего к жизненным ситуациям литературные шаблоны. Маска «сентиментального путешественника», которой активно пользуется рассказчик – русский офицер, позволяет дифференцировать субъекта повествования и биографического автора. Кроме того, точка зрения извне на военные события принципиально меняет и фокус изображения, и логику описания явлений. А сопоставление с автобиографическими записками «Новобранец 1812 года» дает основание утверждать, что в травелог «биографический автор» и рассказчик не совпадают, приемы беллетризации демонстрируют процесс моделирования субъекта повествования.

Особым примером ретроспективно обработанного путевого дневника являются, на наш взгляд, «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год» И. Т. Радожицкого (1835). Выделенная в названии номинация «артиллерист» свидетельствует, с одной стороны, об особом статусе рассказчика походных записок – младший офицер, подпоручик, человек, приближенный к простым солдатам в большей степени, понимающий все тяготы и проблемы войны, находящийся на передовой, внутри активных боевых действий, с другой стороны, об особом внимании рассказчика к повседневной жизни на войне, к бытовым деталям, «внутренней» точке зрения непосредственного участника события, а не стороннего наблюдателя. И в предисловии рассказчик особое внимание уделяет тому, как нужно описывать военные события, о чем сообщать читателю, с какой целью. Свое авторское «слово» он пытается встроить в общую традицию, соотносит с другими примерами описаний: «Много издано записок, писем, историй о современных происшествиях, и, однако, ещё не всё сказано»; «...могли бы быть полезным материалом для историка и философа»; «воспоминания... дают важные уроки для будущего» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 1–2). Авторские размышления выражают определенную точку зрения на специфику повествования о военных событиях. По мнению рассказчика, надо стремиться к объективности, создавать «истинную историю», беспристрастную, что возможно сделать, только будучи участником описываемых событий: «Но только очевидцы могут излагать достоверно всякие события; и так, известия очевидцев и участников минувшей войны, более или менее, приносят пользу для истории» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 2). Напомним, что подобные рассуждения, выражающие очевидную установку на достоверность описываемых событий, являлись скорее «общим местом» в травелогах начала XIX в. Важно выделить индивидуальный вариант установки пишущего субъекта, который указан в предисловии. Обращает на себя внимание следующее утверждение: «Между тем пусть, в счастливый час, являются записки участников. Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 3). Отмечая цен-

ность каждой точки зрения, рассказчик определяет то, что, по его мнению, в большей степени может быть важным для истории: «Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объяснят характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность целого народа? Не они ли открывают черты, драгоценные для истории?» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 3). Комментарий о подробностях частной жизни фактически и определяет тот фокус изображения военных событий, который выделяет походные записки Радожицкого из общей массы военных травелогов. Важно указать, что характеристика «частный» встречается и в определении статуса субъекта повествования, что существенно влияет на способ описания и его характер, на отбор материала для изображения собственной точки зрения: «Частному офицеру нельзя распространяться далее своего горизонта; а потому и я касался только предметов, смежных с действием того сильного вихря, в котором сам составлял хотя малейшую пылинку...» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 4). Кроме того, в качестве своеобразного авторского самоопределения можно выделить и рассуждение, в котором объясняется, почему были сделаны записки о военных походах, с какой целью и как потом были изданы. Интересно, что рассказчик как участник военных событий, с одной стороны, рефлексивен процесс создания записок – дневниковых записей, которые он делал в походе, с другой – поясняет, зачем и как издает их, публикует. Для ответов на свои же вопросы он сравнивает себя как пишущего субъекта, автора записок, с другими участниками сражений: «Никто из нас не ожидал... никто не приготовлял тетрадей, чтобы записывать все чрезвычайное на походе; но сделавши привычку от ранних лет писать все замечательное, встречающееся в жизни, я обязан тем материалам, которые ныне послужили мне для начертания четырех достопамятных годов моей жизни» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 4). Таким образом, походные записки Радожицкого позиционируются как повествование от частного лица, отражают повседневные подробности частной жизни на войне. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в записках нивелируется разница между статусом участников сражений («людей всяких званий»), а моделируется автором точка зрения более универсальная, общечеловеческая, авторский голос становится выражением некоего общего голоса, представления о войне как бесчеловечном событии⁷.

Важно отметить, что в записках в большей степени показаны будни военных событий с позиции артиллериста, эта точка зрения выражается с помощью описания войны как работы, как повседневного рутинного дела, снижается героический романтический пафос, характерный для большинства военных травелогов периода 1812 года. В первой части записок рассказчик показан молодым офицером, который осознает сущность военного дела с помощью советов более опытных сослуживцев: в описании возникает контраст между разными точками зрения на войну – мудрого служилого солдата, командира и молодого, часто восторженного, патриотически настроенного офицера, который воспринимает войну через призму шаблонных романтических представлений⁸. Так, в сцене описания первого сражения выделяется образ командира артиллерийской бригады, который, заметив молодого офицера, сидевшего на лафете пушки, добродушно замечает: «Отдыхай, брат, скоро начнется работа» (Радожицкий, 1835, ч. 1, с. 53). Через несколько ми-

⁷ Известно, что Л. Н. Толстой в процессе работы над романом «Война и мир» использовал военный травелог И. Т. Радожицкого. Возможно, именно эта особенность походных записок Радожицкого привлекла внимание Л. Н. Толстого и выразилась в структуре образа капитана Тушина (в антиномии «война / мир», концепции «мира» на войне).

⁸ Оппозиция, очень характерная и для ранних военных рассказов Л. Н. Толстого.

нут раскаленное неприятельское ядро насмерть сразит бригадного командира и растопит червонцы в его боковом кармане.

Меняется представление и о российской действительности в сопоставлении с европейским укладом жизни. Общепринятое восхищение Европой, характерное для травелогов начала века, сменяется другой установкой рассказчика в повествовании записок Радожицкого: размышлениями о возможностях своей страны, о необходимости развивать национальное, а не заимствовать чужое. Путешествие в Европу воспринимается молодым дворянином с позиции завоевателя, покорителя, победителя, что выражается в фиксации своего вклада в общее дело.

Эволюционирует и точка зрения рассказчика как пишущего субъекта: если в предисловии он поясняет, что его (очевидца важных исторических событий) частные наблюдения о повседневной жизни будут полезны для истории, то в финале, в заключении, он переходит на другой уровень генерализации. Молодой офицер фиксирует процесс уединения, возвращения к себе: «Но эти шесть недель, после четырехлетнего странствования по Европе, проведенные мной в чулане у кулачного бойца, обратили меня к самому себе. В беседе с музами и науками я не замечал полета времени: книги, литература, рисованье, музыка занимали меня попеременно <...> Я не избегал вечеринок, ни к кому не ходил с визитами, и меня никто не знал. Через это сберег время, мундир и себя» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 373–374). Такое состояние позволяет ему не только рефлексировать над итогом собственного преобразования, но и делать выводы о необходимости передать свой опыт другим, описать важность и ценность личного, частного для общего. Финальные рассуждения включают как комментарии о содержании записок («что видел, мыслил и чувствовал»), так и описание способа изображения явлений («писал наскоро без приготовления»). Рассказчик намеренно возвращает своего читателя к предисловию, чтобы указать повторы и изменения в позиции пишущего субъекта: «Повторю сказанное мною в начале и подтвержденное опытом, что частная жизнь людей всякого звания открывает современный характер, образ мыслей, степень просвещения и нравы народов. Это полезно для истории. Прощедши два раза вдоль Европы, я участвовал в знаменитых сражениях и видел разные народы; и старался замечать военные происшествия и вникать в нравы людей. Замечания мои передаю соотечественникам без всякого преувеличения хорошего и дурного» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 374–375).

Такой фокус изображения глобального исторического события позволяет выразить общее и важное для каждого человека, передать универсальное понимание жизни. Об этом свидетельствует итоговая фраза рассказчика: «Мы все странники в здешнем мире. Замечая всё, нас окружающее, научаемся познавать людей и самих себя для приобретения опыта. Этой науки не преподают ни на каких кафедрах – а она необходима для счастья в жизни» (Радожицкий, 1835, ч. 4, с. 375). Экзистенциальный финал превращает всё повествование артиллериста о конкретных военных походах в общечеловеческое философское размышление автора о сущности человека, о роли личности в истории, о месте человека в мире.

Таким образом, военный травелог И. Т. Радожицкого является примером особого типа повествования о военных событиях. Всё «военное» в травелогe становится фактологическим материалом для актуализации ценности «мирного», общечеловеческого, а рутинная «военная работа» обнажает основные недостатки, достоинства, противоречия в характере человека, его представлениях о своей роли в истории, о мире в целом, о себе в этом мире. Масштабное описание жизненного пути героя – участника всех сражений с Наполеоном – позволяет автору за-

писок показать процесс эволюции личности на фоне исторических событий. В аспекте проблемы автора «Походные записки артиллериста» И. Т. Радожицкого, с одной стороны, производят впечатление автобиографического текста, демонстрируют полное слияние «биографического автора» и рассказчика (обилие биографических подробностей, фактов, упоминание реальных исторических лиц – сослуживцев), с другой стороны, представляют модель структуры повествования, в которой пишущий субъект не равен автору. Несмотря на то что рассказчик в предисловии и заключении утверждает о необработанности своих записей, в структуре повествования наблюдаются признаки ретроспективно обработанного текста. Во-первых, пишущий субъект постоянно рассуждает о способе описания событий, его волнуют вопросы, связанные с писательской рефлексией; во-вторых, в структуре повествования выражается смена разных точек зрения на объект описания – опытного военного / молодого офицера, участника событий / стороннего наблюдателя, военного человека / мирного человека; в-третьих, ключевой прием – переход от частного к общему, от повседневного к экзистенциальному – демонстрирует установку не военного только человека, а скорее мыслителя, философа, способного к универсальным обобщениям, желающего зафиксировать свои мысли для читателей.

Обобщая характеристику самых значительных военных тревелогов начала XIX в., следует отметить, что русский офицер как тип рассказчика фигурирует в названиях разных форм путевых записок о войне 1812 года. Совмещающая в себе разные роли – автора, историка, воина, путешественника, разнонаправленные точки зрения на военное событие – внутреннюю (со-участника) и внешнюю (наблюдателя, частного человека), рассказчик «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки в дальнейшем воплощается в разных типах. Так, возникает в военных тревелогах определенная типология субъектов повествования: «сентиментальный русский офицер», патриот, восторженно описывающий подвиги воинов, сражения, торжество русской армии над Наполеоном; «сторонний военный наблюдатель», фиксирующий свое внимание в большей степени на путешествии, реакции мирных людей на военные события, на собственных чувствах и впечатлениях; «частный человек на войне», рефлексирующий о том, как меняет человека историческое событие, как сам человек воздействует своими поступками на ход истории, какое влияние оказывает на человека путешествие в другую страну в роли военного.

Список литературы

Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. 546 с.

Гоперхоева Д. Р. Военный тревелог и его роль в самоопределении русского автора в европейском культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 7. С. 29–34.

Ильинская Н. Г. Творчество И. И. Лажечникова и проблема русского исторического романа 1830-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 25 с.

Исупова С. М. Особенности метода, жанра и историзма «Походных записок русского офицера» И. И. Лажечникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 32 (44), ч. 2. С. 94–96.

Пономарев Е. Р. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад» // История русской литературы. 2011. № 6. С. 160–190.

Тартаковский А. Г. К изучению текста «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки // Источниковедение отечественной истории: 1981. М.: Наука, 1982. С. 199–207.

Список источников

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера // Сын Отечества. 1815. № 2. С. 123–124.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции: с подроб. описанием Отеч. и загранич. войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. М.: Тип. «Русского», 1870. 500 с.

Лажечников И. И. Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. 286 с.

Лажечников И. И. Новобранец 1812 года // Лажечников И. И. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1858. Т. 1. С. 25–50.

Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год / Артиллерии подполк. И... Р... [Ч. 1–4]. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1835. Ч. 1. 296 с.; Ч. 4. 376 с.

ЦГАЛИ. Ф. 141. Д. 19. Л. 15.

References

Bazanov V. G. *Ocherki dekabristskoy literatury* [Essays of Decembrist literature]. Moscow, Khudozh. lit., 1953, 546 p.

Goperkhoeva D. R. *Voennyy travelog i ego rol' v samoopredelenii russkogo avtora v evropeyskom kul'turnom prostranstve* [Military travelogue and its role in the self-determination of the Russian author in the European cultural space]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, iss. 7, pp. 29–34.

Il'inskaya N. G. *Tvorchestvo I. I. Lazhechnikova i problema russkogo istoricheskogo romana 1830-kh godov* [Creativity of I. I. Lazhechnikov and the problem of the Russian historical novel of the 1830s]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1969, 25 p.

Isupova S. M. Osobennosti metoda, zhanra i istorizma “Pokhodnykh zapisok russkogo ofitsera” I. I. Lazhechnikova [Features of method, genre, and historicism of “Field notes of a Russian officer” I. I. Lazhechnikova]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, 32 (44): in 2 pt. II, pp. 94–96.

Ponomarev E. R. “Pis'ma russkogo ofitsera” Fedora Glinki kak “Puteshestvie na Zapad” [“Letters of a Russian officer” by Fyodor Glinka as a “Journey to the West”]. *Istoriya russkoy literatury*. 2011, no. 6, pp. 160–190.

Tartakovskiy A. G. K izucheniyu teksta “Pisem russkogo ofitsera” F. N. Glinki [To study the text of the “Letters of a Russian officer” by F. N. Glinka]. In: *Istochnikovovedenie otechestvennoy istorii: 1981* [Source studies of national History: 1981]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 199–207.

List of sources

Glinka F. N. Pis'ma russkogo ofitsera [Letters of a Russian officer]. *Syn Otechestva*. 1815, no. 2, pp. 123–124.

Glinka F. N. *Pis'ma russkogo ofitsera o Pol'she, avstriyskikh vladeniyyakh, Prussii i Frantsii: s podrob. opisaniem Otech. i zagranich. voyny s 1812 po 1815 g.: V 5 ch.*

[Letters of a Russian officer about Poland, Austrian possessions, Prussia and France: with a detailed description of the Patriotic and foreign war from 1812 to 1815]. Moscow, Tip. "Russkogo", 1870, 500 p.

Lazhechnikov I. I. Novobranets 1812 goda [Rookie of 1812]. In: *Lazhechnikov I. I. Poln. sobr. soch.: V 8 t.* [Complete collected works: In 8 vols.]. Moscow, 1858, vol. 1, pp. 25–50.

Lazhechnikov I. I. *Pokhodnye zapiski russkogo ofitsera, izdannye I. Lazhechnikovym* [Field notes of a Russian officer, published by I. Lazhechnikov]. Moscow, Tip. N. Stepanova, 1836, 286 p.

Radozhitskiy I. T. *Pokhodnye zapiski artillerista s 1812 po 1816 god. Artillerii podpolk. I... R... (Ch. 1–4)*. [Field notes of an artilleryman from 1812 to 1816. Artillery Lt. Col. I... R... (Pts. 1–4)]. Moscow, Tip. Lazarevykh Int. vost. yaz., 1835, pt. 1, 296 p.; pt. 4, 376 p.

Tsentrал'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Central State Archive of Literature and Art]. Fund 141, d. 19, l. 15.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Константинова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Natalia V. Konstantinova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 20.07.2023
The article was submitted on 02.05.2023;
approved after reviewing on 20.07.2023; accepted for publication on 20.07.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.091

DOI 10.17223/18137083/84/7

Вещный мир в повести Л. Н. Толстого «Детство»

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вещного мира повести Л. Н. Толстого «Детство». Повествование от лица ребенка строится на огромном количестве упоминаемых предметов, которые наполняют и организуют художественное пространство и время произведения и создают особый мир ребенка. Мы останавливаемся на анализе вещей в повести, в том числе на одежде, обуви и предметах, которые созданы героями. Мы рассматриваем неоднозначность оценки и смыслового содержания вещей. Различные способы их прочтения и понимания приводят к тому, что они становятся движущей силой сюжета повести о взрослении, помогают создать ведущие образы и ввести важнейшие темы и мотивы, такие как противопоставление низменного и возвышенного, «взрослого» и детского», а также одну из основных тем – тему смерти матери.

Ключевые слова

повесть взросления, детство, вещный мир, Л. Н. Толстой, образ ребенка, вещь, пространство, «Детство»

Для цитирования

Абрамова К. В. Вещный мир в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 98–110. DOI 10.17223/18137083/84/7

The material world in the story “Detstvo” by L. N. Tolstoy

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

The paper is devoted to the consideration of the material world of the story “Detstvo” (“Childhood”) by L. N. Tolstoy. The narration on behalf of the child involves a huge number of objects, filling and organizing the artistic space and time of the work and creating a unique

© Абрамова К. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 98–110
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 98–110

world of the child. The things appear in an unusual form, seen by a child from an unusual angle. The analysis focuses on the things in the story, including clothes, shoes, and objects created by the characters. The “making” of things is found to be their most important feature. Attention is paid to the ambiguity of the evaluation and meaning of things. They are described in such a way as to generate different ways of reading and understanding them. It is in this way that a profound understanding of the child’s world in the story of growing up becomes possible. The multiple meanings of objects, the possibility of using one thing named in the text to introduce the characteristics of different characters, and the connection and opposition of things in the text lead to these objects becoming the starting point for memories and reflections on childhood. They serve as the driving force of the story of growing up, helping to create the leading images and introduce the most important themes and motifs, such as the opposition between the lowly and the sublime, “adult” and “child,” as well as one of the main themes of the story “Detstvo,” i.e., the theme of the death of the mother.

Keywords

story of growing up, childhood, L. N. Tolstoy, image of a child, thing, space, “Childhood”

For citation

Abramova K. V. The material world in the story “Detstvo” by L. N. Tolstoy. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 98–110. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/7

Предметный, вещный мир – одна из важнейших составляющих художественного мира произведения, разнообразные предметы, появляющиеся в тексте наполняют и организуют пространство и время, в которых действуют герои. Несмотря на это, вещь в литературном произведении нечасто становится самостоятельным объектом научного интереса, хотя нужно отметить, что существуют работы, посвященные данной научной проблеме как в теоретическом плане, так и с точки зрения особенностей отражения вещного мира в произведениях отдельных писателей (см., например, соответствующий раздел в [Фарино, 2004], работы А. П. Чудакова [1992] и В. Н. Топорова [1995], Н. И. Романовой [2012], сборник [Концепт вещи..., 2012] и др. исследования).

Понятие вещи и взаимоотношения человека с нею – это еще и один из важнейших вопросов, которые традиционно рассматриваются философией. Не останавливаясь на этом подробно, упомянем лишь, что вещь рассматривается и с точки зрения ее «вещественности», материального значения, и в «идеальном» значении, а само художественное произведение тоже может восприниматься как «вещь» (см., например, [Ужаревич, 2012]). В литературном произведении вещи, конечно, предстают в качестве знаков, символов: «вещь перерастает свою “вещность” и начинает жить, действовать, “веществовать” в духовном пространстве» [Топоров, 1995, с. 21]. Здесь нужно сказать о том, что в литературоведении вещь рассматривается, как атрибут человека, героя, с помощью вещи раскрываются его важнейшие характеристики. По замечанию В. Е. Хализева, «один из лейтмотивов литературы XIX–XX вв. – вещь, сродная человеку, как бы сросшаяся с его жизнью, домом, повседневностью» [2005, с. 222]. Эта концепция перекликается со взглядом на вещь, выраженным М. Хайдеггером, который рассуждал о вещи через категорию близости: «Близко к нам то, что мы обычно называем вещами» [1993, с. 317]. В. Подорога отмечает, что близость – это необходимость существования вещи и основное ее определение, но «это близость не расположения, а делания. Вещь – то, что делается руками...» [2016, с. 31]. К этой мысли мы еще вернемся.

В повести «Детство» Л. Н. Толстой описывает особый мир – мир, представленный глазами ребенка, а значит, наделенный необычными, непривычными

свойствами, заполненный предметами, которые воспринимаются каким-либо отличным от общепринятого образом¹. Образ ребенка как специфического субъекта, который наделен особым поэтическим восприятием времени и пространства, играет важнейшую роль в модернистском² и авангардном искусстве, в литературе XX³ и начала XXI в. (можно вспомнить такие произведения, как «Котик Летаев» А. Белого, «Младенчество» Вяч. Иванова, «Детство Люверс» Б. Пастернака, «Другие берега» В. Набокова, «Шведские перчатки» Ю. Юркуна, «Катя китайская» Д. Пригова и мн. др.). Однако разнообразные формы повествования от лица ребенка, введение в текст точки зрения ребенка и, что еще важнее, игра на соотносительности «детского» и «взрослого» в видении тех или иных картины, предмета, вещи разрабатывались и в литературе XIX в. Целью нашей статьи является описание особенностей вещного мира и детского взгляда на него в русской повести о взрослении на примере их проявлений в повести Л. Н. Толстого «Детство».

Повествование от лица ребенка в «Детстве» Толстого строится на огромном количестве упоминаемых предметов, вещи при этом предстают в необычном виде, с необычного ракурса. С точки зрения Б. Эйхенбаума, возвращение к «самым простым элементам – к разработке деталей, к “мелочности”, к описанию и изображению людей и вещей» – одна из основных черт творчества молодого Толстого [Эйхенбаум, 1922, с. 58]⁴. Уже первая сцена, открывающая повесть, сосредотачивает наше внимание на мелких деталях:

12-го августа 18.., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло 10 лет и в который я получил такие чудесные подарки,

¹ А. П. Чудаков отмечает, что прием «остранения», т. е. изображение предмета под необычным углом зрения, в «странном» восприятии, связан с раскрытием не только неожиданных сторон вещи, но и самого необычного сознания [1992, с. 33]. В данном случае мы рассматриваем сознание ребенка, отличное от обыденного сознания, и это отличие предстает именно в восприятии вещного мира. В. Подорога говорил о том, что вещь, без которой нет вещи и которая раскрывает саму ее суть, может существовать в сновидении, воспоминаниях детства, привычках, отношениях с другими, решающих «событиях» и трагических «историях» [2016, с. 21]. В этом перечне наше внимание привлекают, конечно, воспоминания о детстве, поскольку повествование в произведениях о взрослении строится именно как воспоминание о детстве, вещный мир существует в этом воспоминании.

² Н. Т. Рымарь рассматривает ряд стихотворений Рильке с точки зрения воплощения центральных в творчестве поэта концептов вещи и фигуры, и при анализе стихотворения «Детство» (“Kindheit”), главная тема которого – недоступность для взрослого человека интенсивности и глубины детского восприятия, исследователь отмечает, что «детские переживания и игры разворачиваются в стихотворении как превращение конкретных вещей во внутреннее, невидимое, в формы поэтической рефлексии» [Рымарь, 2022, с. 160–161]. См. также о проявлении образа детства на страницах журнала «Мир искусства»: [Абдуллина, 2022].

³ См., например: [Лекманов, 2023].

⁴ Отметим также цитату из дневника Л. Н. Толстого, которую приводит Б. Эйхенбаум: «Людам, которые смотрят на вещи с целью записывать, вещи представляются в превратном виде; я это на себе испытал» (цит. по: [Эйхенбаум, 1922, с. 58]). Нам интересно это высказывание Л. Н. Толстого, поскольку в нем подчеркивается возможность искажения взгляда на вещи, которое писатель испытал на себе сам. Описание деталей, описание вещей для Толстого, при всем его внимании к ним, не является целью, это лишь инструмент для самонаблюдения, а также для отображения результатов этого самонаблюдения. Таким образом, описание предметов и явлений с точки зрения детского сознания становится способом отражения этого сознания.

в семь часов утра Карл Иванович разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопнушкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову. Я высунул нос из-под одеяла, остановил рукой образок, который продолжал качаться, скинул убитую муху на пол и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Ивановича. Он же, в пестром ваточном халате, подпоясанном поясом из той же материи, в красной вязаной ермолке с кисточкой и в мягких козловых сапогах, продолжал ходить около стен, прицеливаться и хлопать (Толстой, 1935, т. 1, с. 3).

Первыми же предметами, упоминаемыми в повести, становятся «чудесные подарки», которые получил Николенька в день рождения «три дня назад» и которые в дальнейшем никак не фигурируют в повествовании. Таким образом в тексте сразу задается установка на детский взгляд на мир, детское восприятие, в котором отправной точкой становится значимое для ребенка событие – день рождения и получение в связи с этим подарков⁵.

Описание же пространства в этом отрывке оказывается нетривиальным. Сначала появляется своеобразный крупный план: возникает муха, убитая с помощью хлопнушки Карлом Ивановичем, и раскачивающийся вследствие этих действий образок. Обратим еще внимание на то, что герой, скорее всего, не может видеть всего описанного, поскольку он спит и «вытаскивает нос из-под одеяла» уже после осуществления этих действий. Описание картин и событий в повести то глазами мальчика, то глазами уже взрослого человека, вспоминающего о своем детстве, то от лица всезнающего рассказчика – отдельная тема, которой мы сейчас не будем касаться, лишь упомянем, что такая особенность присутствует в рассматриваемом тексте⁶. Мы же отметим, что в указанном отрывке появляется неожиданное соединение двух противоположностей: рядом в тексте оказываются муха, олицетворяющая низменное и греховное, и образок ангела, символ возвышенного, духовного. По замечанию Е. Фарина, значение предмета устанавливается при сопоставлении с другими предметами и явлениями, обладающими тем же или противоположным смыслом [2004, с. 279]. В строках, начинающих повесть «Детство», сталкиваются предметы, не только имеющие противоположный смысл, но и сближающиеся в том, что и муха, и ангел – существа, ассоциирующиеся со способностью летать. Соединение указанных образов, их контакт в самом начале произведения порождают одну из важнейших для Л. Н. Толстого тем – темы сосуществования в человеке высокого и низкого начал, борьбы доброго, положительного с низменным в человеческой натуре⁷. Кроме того, из этого сопоставления предметов возникает мир Николеньки Иртеньева, поскольку эти предметы (муха, образок и хлопнушка, которая задевает и то, и другое) являются отправной точкой повествования, как будто запускают сюжет, и они же становят-

⁵ Любопытно, что в своих рассуждениях В. Подорога, ссылаясь на М. Мосса, приводит пример одного из важных аспектов правовой этимологии слова *res* – «вещь»: «Вероятно, наилучшая ее этимология – та, что сравнивает ее с санскритским словом *rah, ratin* – “дар”, “подарок”, “приятная вещь”. *Res* должна была быть прежде всего тем, что доставляет удовольствие кому-нибудь другому» (цит. по: [Подорога, 2016, с. 21]).

⁶ См., об этом, например: [Романова, 2008].

⁷ Об этом много писали в исследовательской литературе. См., например: [Мартынова, 2016].

ся причиной пробуждения героя, а заодно вызывают его досаду, которая затем приводит к размышлениям об учителе, Карле Иваныче. Внутренний монолог, в котором выражаются первые чувства к нему, заканчивается перечислением уже других предметов, связанных с образом Карла Иваныча: «И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!»⁸.

К ним мы еще вернемся, прежде же скажем, что из первоначальной сцены постепенно вырастает всё пространство, оно расширяется, обретает свои очертания: появляется описание комнаты, других деталей, пробуждения и распорядка дня главного героя и его брата. Но выделяется среди этого в первую очередь описание предметов и книг, связанных с учителем (напомним, что первая глава называется «Учитель Карл Иваныч»):

В числе предметов, лежавших на полочке Карла Иваныча, был один, который больше всего мне его напоминает. Это – кружок из картона, вставленный в деревянную ножку, в которой кружок этот подвигался посредством шпенок. На кружке была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карл Иваныч очень хорошо клеил и кружок этот сам изобрел и сделал для того, чтобы защищать свои слабые глаза от яркого света.

Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, на котором стоит кружок с парикмахером, бросившим тень на его лицо; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка, зеленый футляр для очков, щипцы на лоточке. Всё это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна (Толстой, 1935, т. 1, с. 5–6).

Описание разнообразных мелочей, таких как упомянутый здесь кружок из картона, сделанный самим учителем, вещи, которые принадлежат ему, как и появляющееся несколько раз в небольшой главке описание утреннего одевания Карла Иваныча – халата и шапочки с кисточкой, несомненно, служат для создания образа учителя. Предметы, которые расположены близко к человеку, как, например, те, которыми владеет человек, и тем более предметы, которые создает человек, как упомянутый кружок из картона, становятся своеобразным продолжением личности. «Вещь, – как пишет В. Н. Топоров, – творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца – человека» [1995, с. 28]. О важности темы сотворения, создания в определении вещи мы упоминали в начале нашей работы, кроме того, можно отметить, что для Л. Н. Толстого во-

⁸ В «Отрочестве» перед воспроизведением истории жизни Карла Иваныча упоминается то же самое его одевание: «Поздно вечером накануне того дня, в который Карл Иваныч должен был навсегда уехать от нас, он стоял в своем ваточном халате и красной шапочке подле кровати и, нагнувшись над чемоданом, тщательно укладывал в него свои вещи» (Толстой, 1935, т. 2, с. 24). Можно привести здесь рассуждения В. А. Конева о «социальном теле» человека, которое возникает тогда, когда человек, «работая со своим физическим телом, дополняет и окружает его различными аксессуарами. И первым “органом” социального тела становится одежда...» [2010, с. 34–35]. Одевание Карла Иваныча становится его неотъемлемой частью, его основной характеристикой в повестях Толстого.

обще характерен «“ремесленный” подход к вещам» (см. об этом: [Гюнтер, 2012, с. 158]⁹).

В повести Толстого взрослые, описываемые с точки зрения Николеньки, часто окружены принадлежащими им предметами, которые представлены подробно, детально. В этой детальности проявляется специфика описаний вещного мира у Л. Н. Толстого, которая, по замечанию А. П. Чудакова, предполагает наличие «некоей собственной, нетривиальной, индивидуально-авторской точки зрения на изображаемое» [Чудаков, 1992, с. 137]. Но в то же время такая подробность в изображении предметов создает мир ребенка, наполненный подробностями, которые недоступны или безразличны взрослому взгляду. Приведем здесь еще один небольшой пример: Наталья Савишна, еще один важный для Николеньки персонаж, очень тесно связана с предметным миром – она заведует всем бельем и провизией в доме, и отдельно сообщается, что «в сундуках, которыми была наполнена ее комната, было решительно всё. <...> В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме ее, не знал и не заботился» (Толстой, 1935, т. 1, с. 38). Приводится также описание одного, по всей видимости, личного сундука Натальи Савишны, на крышке которого «были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи» (Толстой, 1935, т. 1, с. 37).

На наш взгляд, в описании разнообразных предметов, как будто существующих в воспоминаниях героя, проявляется характеристика не только тех людей, с которыми связаны эти разнообразные вещи. Здесь мы можем опираться на следующие рассуждения В. Н. Топорова: «Вещь обращена к нам своими “полезными” функциями (своим назначением) и своими признаками – материалом, фактурой, формой, цветом, своей геометрией – составностью, расчлененностью, композицией, своими температурой, запахами, звуками и т. п. Воспринимается лишь то, что может быть принято человеком в силу возможностей его восприятия. Поэтому в признаках вещи-объекта человек в известной степени, как в затуманенном зеркале, узнает и самого себя, субъекта восприятия признаков вещи» [Топоров, 1995, с. 28–29]. И те же самые предметы и вещи, а особенно их описания как отражение их восприятия ребенком¹⁰, служат для создания образа воспринимающего субъекта – главного героя повести Николеньки Иртеньева. Именно его внимание останавливается на этих предметах, именно его глазами читатель видит их, поэтому в описании предметов отражается его, детский, взгляд на мир. Возможно, поэтому мы замечаем большое количество картинок, таких как на кружочке, изготовленном Карлом Иванычем, или на сундуке Натальи Савишны, появляющихся в описаниях.

О самом главном герое повести мы практически ничего не узнаём в первой главе, на которой мы сосредоточили внимание в нашем исследовании. Единственная предметная деталь, связанная непосредственно с Николенькой, которая здесь упоминается, – это его обувь: «Вошел дядька Николай... Он нес наше платье

⁹ Исследователь в связи с этим упоминает также известный факт из биографии писателя, который сам изготавливал обувь [Гюнтер, 2012, с. 158].

¹⁰ Й. Ужаревич упоминает, что детское сознание – одно из состояний, в котором «вещи и слова тесно переплетаются или даже считаются тождественными» [2012, с. 15]. См. также: [Лосев, 2008].

и обувь: Володе сапоги, а мне покуда еще несносные башмаки с бантиками»¹¹. Подчеркивается положение Николеньки как младшего. Володя старше, что упоминается в самом начале, когда герой возмущен, что учитель убивает мух над его кроватью, и поэтому получает то, что пока недоступно для главного героя (а далее в главе «Охота» Володя получает в свое распоряжение охотничью лошадь, вызывающую восхищение и некоторую зависть у Николеньки). Кроме того, упоминание этих ботинок с бантами как будто предвещает эпизод в главе «До мазурки», где Николенька бросается разыскивать перчатки (заметим, что импульсом служит замечание о танцах брата Володи, у которого при этом есть новая пара лайковых перчаток):

Но хотя я перерыл все комоды, я нашел только в одном – наши дорожные зеленые рукавицы, а в другом – одну лайковую перчатку, которая никак не могла годиться мне: во-первых, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторых, потому, что была для меня слишком велика, а главное потому, что на ней недоставало среднего пальца, отрезанного, должно быть, еще очень давно Карлом Ивановичем для больной руки. Я надел, однако, на руку этот остаток перчатки и пристально рассматривал то место среднего пальца, которое всегда было замазано чернилами (Толстой, 1935, т. 1, с. 67).

Во время поисков герой восклицает: «Вот если бы здесь была Наталья Савишна: у нее, верно бы, нашлись и перчатки» (Толстой, 1935, т. 1, с. 67), что опять подчеркивает тесную связь этой героини с вещным миром. Неподобающий вид перчатки, надетой Николенькой, приводит к тому, что он становится предметом насмешек, и в этом также проявляется противопоставление мира ребенка и мира взрослого, частью которого являются правила приличия и требования общества, в том числе и к внешнему виду и одежде, а Николенька, с детской непосредственностью надевший такую странную перчатку и забывший об этом, очень старается соответствовать этим общественным нормам, но попадает в неловкое положение.

В описании перчатки есть деталь, которая связывает этот предмет с Карлом Ивановичем: именно он прикладывает к старой перчатке свое созидательное усилие – отрезает палец для своих нужд, т. е. один и тот же предмет оказывается связанным с несколькими героями: с Николенькой, Натальей Савишной, Карлом Ивановичем. Вещь как будто передает авторскую оценку героя, к которому она относится в первую очередь (в данном случае Николеньки), но и обладает другими внутренними свойствами, которые ведут за собой ее развертывание, раскрытие в других смыслах¹².

¹¹ Теме одежды, о которой мы уже упоминали, отводится важное место в художественном мире Л. Н. Толстого, но пример значимости мотива обуви, в частности сапог, см. в работе [Гюнтер, 2012, с. 161].

¹² Здесь мы не можем не согласиться с А. П. Чудаковым, который писал: «Мир Толстого авторски явлен. Но одновременно – с другой точки зрения – он и самоявлен. Только оба утверждения вместе способны дать картину, рисующую определяющие свойства его художественной системы, одной из самых оригинальных в мировой литературе» [Чудаков, 1992, с. 144–145]. Н. Е. Разумова также подчеркивает, что «Толстой вступает в литературу с принципиальным отказом от однозначности суждений и мнимой простоты критериев, которая грозила бы свернуть это движение во имя утверждения некоего бесспорного идеала» [Разумова, 2010, с. 32]. Таким образом, и вещи, и герои в художественном мире повести «Детства» Л. Н. Толстого не получают одной-единственной оценки, а, наоборот, описы-

Если вернуться к образу Карла Ивановича, то его характеристика в повести дополняется описанием ситуации, когда учитель, в услугах которого перестают нуждаться, просит возмещения его расходов на подарки детям¹³, и в тексте появляется воспроизведение записки, которую он подал отцу Николеньки:

Вот содержание этой записки:

«Для детей два удочка – 70 копек.

Цветной бумага, золотой коемочка, клестир и болван для коробочка, в подарках – 6 р. 55 к.

Книга и лук, подарка детям – 8 р. 16 к.

Панталон Николаю – 4 рубли.

Обещаны Петром Александрович из Москву в 18... году золотые часы в 140 рублей.

Итого следует получить Карлу Мауеру, кроме жалованию – 159 рублей 79 копек» (Толстой, 1935, т. 1, с. 32).

Этот список вещей представляется в виде юмористической характеристики учителя Карла Ивановича: напомним, что, расчувствовавшись, герой говорит, что готов служить без жалования, чтобы не расставаться с детьми, и одновременно подает указанный перечень отцу Николеньки, даже сам рассказчик подчеркивает это: «...но каким образом согласовался счет с его словами, остается для меня тайной». Такому восприятию способствует и воспроизведение в записке особенностей использования русского языка учителем-немцем¹⁴. Но в то же время этот отрывок становится пусть и небольшим, но своеобразным литературным каталогом, в котором «перечислительность мутирует в занимательный нарратив, документальность приобретает черты виртуальности и вымысла, горизонталь вертикализуется, а чистая информативность текстуализуется, так что деловая идентификация лиц и предметов оборачивается коллекцией экзотических наименований» [Жолковский, 2014, с. 592–593]. Та же самая специфика в наименовании перечисленных Карлом Ивановичем предметов создает восприятие их действительно в качестве экзотических предметов и заставляет читателя мысленно достраивать неизвестные ему обстоятельства, при которых возникли такие расходы учителя, а также напоминает о тех неназванных подарках, с которых начинается повесть.

Заметим еще, что в работе «Il catalogo e questo...» А. К. Жолковский приводит пример другого перечня подарков, который появляется также в тексте о детстве – в повести «Детство Никиты» А. Н. Толстого [Жолковский, 2014, с. 641–642]. Возможно, подобные каталоги и воспроизведение списков подаренных предметов как

ны так, чтобы они порождали способы их прочтения и понимания, и именно в этом становится возможным достижение глубины понимания мира ребенка в повести о взрослении.

¹³ Отметим здесь перекличку с неназванными в начале повести подарками Николеньки. Кроме того, можно вспомнить еще один подарок, который Карл Иванович сделает своими руками – коробочка, которую он преподносит бабушке Николеньки. Другими словами, тема подарков, как и вещей, изготовленных самостоятельно (напомним, что Николенька и Володя тоже дарят самодельные подарки – рисунок и стихи), появляется в повести не один раз.

¹⁴ О внимании Л. Н. Толстого к языку, в том числе и иностранному, и о влиянии особенностей его использования, лексики и синтаксиса на создание образов в его произведениях см.: [Виноградов, 1939].

особого вида предметного каталога характерны для повести взросления, но данное утверждение требует подтверждения, а этот мотив – дальнейшего изучения.

Если вернуться к описанию пространства в первой главе повести, то нужно сказать, что к концу главы границы мира расширяются, появляется описание не только комнаты, но и внешнего мира:

Последняя стена была занята тремя окошками. Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой – стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный часток; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа (Толстой, 1935, т. 1, с. 7).

Мы видим, как в первой главе повести пространство, сначала сосредоточенное в одной точке, в мухе, которая становится причиной пробуждения героя, постепенно расширяется и в конце концов становится практически безграничным. Но мир домашний противопоставлен миру внешнему – повествование сразу же возвращается к «близкому» кругу, и появляется упоминание одного из центральных образов в повести – матери героя: «Бывало, покуда поправляет Карл Иванович лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говор и смех» (Толстой, 1935, т. 1, с. 7).

Здесь нужно сказать, что в отличие от других взрослых персонажей мать остается практически безликой, ее описание крайне размыто, даже предметы, которые ее окружают, описаны крайне скудно, в главе «Разлука» подчеркивается: «Странно то, что я как теперь вижу все лица дворовых и мог бы нарисовать их со всеми мельчайшими подробностями; но лицо и положение татап решительно ускользают из моего воображения» (Толстой, 1935, т. 1, с. 41).

На наш взгляд, это первое упоминание матери, в котором называется ее «черная головка», виднеющаяся вдалеке, как будто отсылает к той мухе, которая появляется в начале повести. И это, как нам кажется, не случайно, поскольку образ матери как бы вписывается в мир тех вещей, которые окружают Николеньку Иртеньева и становятся отправной точкой для проявления героем чувств и сентиментальных рассуждений рассказчика¹⁵. И такая перекличка головки матери с образом мухи в первой главе повести как будто предвосхищает будущую ее гибель, о которой также уже в этой главе говорится прямо – Николенька для оправдания своих слез сочиняет, что видел плохой сон о смерти и похоронах матери¹⁶.

Таким образом, мы проанализировали отдельные эпизоды повести Толстого «Детство», остановились подробно лишь на одной, первой, главе, но на ее примере постарались показать, что произведение Л. Н. Толстого о взрослении заполнено огромным количеством вещей, которые, с одной стороны, организуют про-

¹⁵ О влиянии на стиль и язык Л. Н. Толстого в повестях «Детство», «Отрочество», «Юность» произведений Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Диккенса также написано немало, приведем лишь основные исследования, которые рассматривают этот аспект произведений о детстве и взрослении Л. Н. Толстого: [Апостолов, 1924; Попов, 1939; Атарова, 1974].

¹⁶ О выдуманных героем снах, из-за чего можно сказать, что персонаж присваивает себе роль автора, см.: [Жолковский, 2014, с. 504]. Этот фактор тоже играет свою роль в той нераздельности-неслиянности автора и героя в повести Л. Н. Толстого, о которой мы упоминали выше.

странство, в котором действует герой-ребенок, и поэтому они показаны его глазами, а с другой стороны, эти предметы являются отправной точкой для воспоминаний и рассуждений о детстве, становятся движущей силой сюжета повести о взрослении, помогают создать ведущие образы и ввести важнейшие темы и мотивы, такие как противопоставление низменного и возвышенного, «взрослого» и «детского», а также одну из основных тем повести «Детство» – тему смерти матери.

Список литературы

- Абдуллина Д. А.* Детский мир на страницах журнала «Мир искусства» (1898–1904) // *Academia*. 2022. № 1. С. 106–120.
- Апостолов Н. Н.* Толстой и Диккенс // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Толстовский музей. М., 1924. С. 104–123.
- Атарова К. Н.* Лев Толстой и Лоренс Стерн // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1974. Т. 33, вып. 6. С. 508–515.
- Виноградов В.* О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. 1. С. 117–220.
- Гюнтер Х.* Полезные, лишние и ложные вещи. Ж.-Ж. Руссо и концепция вещи у Л. Н. Толстого // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 157–166.
- Жолковский А. К.* Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: НЛЮ, 2014. 824 с.
- Конев В. А.* Тела человека // *Mixtura verborum'* 2010: тело и слово. Философский ежегодник / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: СГА, 2010. С. 33–41.
- Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. 385 с.
- Лекманов О.* Мир глазами ребенка в рассказах русских писателей второй половины XX века // *Знамя*. 2023. № 7. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8722> (дата обращения 07.07.2023).
- Лосев А. Ф.* Вещь и имя; Самое само / Подгот. текста и общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого; вступ. ст. А. Л. Доброхотова; коммент. С. В. Яковлева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 573 с.
- Мартынова А. А.* Специфика хронотопа в повести «Детство» Л. Н. Толстого // Вестник непрерывного образования. 2016. № 1. С. 26–34.
- Подорога В.* Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Изд-во Грюндриссе, 2016. 348 с.
- Попов П.* Стиль ранних повестей Толстого: («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. 1939. Т. 35. С. 78–116.
- Разумова Н. Е.* Добрый Карл Иванович // Яснополянский сборник 2010: Статьи, материалы, публикации. Тула: Ясная Поляна, 2010. С. 28–35.
- Романова Н. И.* Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л. Н. Толстого «Детство» // *Русская речь*. 2008. № 1. С. 19–22.
- Романова Н. И.* Мир вещей в художественно-автобиографических повестях о детстве середины XIX века // Яснополянский сборник 2012. Тула: Ясная Поляна, 2012. С. 12–19.
- Рымарь Н. Т.* О творческих истоках рильковских концептов «вещь» и «фигура» // *Культура и текст*. 2022. № 1 (48). С. 152–165.

Топоров В. Н. Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 7–111.

Ужаревич Й. Порождение вещи // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 8–20.

Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. 405 с.

Чудаков А. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.

Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Петербург; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 156 с.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Серия первая «Произведения». М.: Худож. лит., 1935. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 355 с.; Т. 2: Отрочество. Юность. 417 с.

References

Abdullina D. A. Detskiy mir na stranitsakh zhurnala “Mir iskusstva” (1898–1904) [Children’s world on the pages of the magazine “World of Art” (1898–1904)]. *Academia*. 2022, no. 1, pp. 106–120.

Apostolov N. N. Tolstoy i Dikens [Tolstoy and Dickens]. In: *Tolstoy i o Tolstom: Novye materialy. Tolstovskiy muzey* [Tolstoy and about Tolstoy: New materials. Tolstoy Museum]. Moscow, 1924, pp. 104–123.

Atarova K. N. Lev Tolstoy i Lorens Stern [Leo Tolstoy and Lawrence Stern]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Moscow, AN SSSR, 1974, vol. 33, iss. 6, pp. 508–515.

Chudakov A. *Slovo – veshch’ – mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [The word – the thing – the world. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow, *Sovremennyy pisatel’*, 1992, 320 p.

Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Peterburg, Berlin, *Izd. Z. I. Grzhebina*, 1922, 156 p.

Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. St. Petersburg, RSPU im. A. I. Gertsena, 2004, 639 p.

Gyunter Kh. Poleznye, lishnie i lozhnye veshchi. Zh.-Zh. Russo i kontsepsiya veshchi u L. N. Tolstogo [Useful, superfluous and false things. J.-J. Rousseau and L. N. Tolstoy]. In: *Kontsept veshchi v slavyanskikh kul’turakh* [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, 2012, pp. 157–166.

Heidegger M. Veshch’ [Thing]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, *Respublika*, 1993, pp. 316–326.

Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Literary theory]. Moscow, *Vyssh. shk.*, 2005, 405 p.

Konev V. A. Tela cheloveka [Human bodies]. In: *Mixtura verborum’ 2010: telo i slovo. Filosofskiy ezhegodnik* [Mixtura verborum’ 2010: body and word. Philosophical Yearbook]. S. A. Lishaev (Ed.). Samara, SSA, 2010, pp. 33–41.

Kontsept veshchi v slavyanskikh kul’turakh [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012, 385 p.

Lekmanov O. Mir glazami rebenka v rasskazakh russkikh pisateley vtoroy poloviny 20 veka [The world through the eyes of a child in the stories of Russian writers of the second half of the 20th century]. *Znamya*. 2023, no. 7. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8722> (accessed 07.07.2023).

Losev A. F. *Veshch' i imya; Samoe samo* [The thing and the name; The most itself]. A. A. Takho-Godi and V. P. Troitsky (Text prep. and ed.), A. L. Dobrokhotov (Intr. art.); S. V. Yakovlev (Comment.). St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ. House, 2008, 573 p.

Martynova A. A. Spetsifika khronotopa v povesti "Detstvo" L. N. Tolstogo [The specificity of the chronotope in the story "Childhood" by L. N. Tolstoy]. *Vestnik nepreryvnogo obrazovaniya*. 2016, no. 1, pp. 26–34.

Podoroga V. *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [Question about a thing. Essay in Analytical Anthropology]. Moscow, Izd. Gryundrisse, 2016, 348 p.

Popov P. Stil' rannikh povestey Tolstogo: ("Detstvo" i "Otrochestvo") [The style of Tolstoy's early stories: ("Childhood" and "Adolescence")]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1939, vol. 35, pp. 78–116.

Razumova N. E. Dobryy Karl Ivanych [Good Karl Ivanovich]. In: *Yasnopolyanskiy sbornik 2010: Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana collection 2010: Articles, materials, publications]. Tula, Yasnaya Polyana, 2010, pp. 28–35.

Romanova N. I. Malen'kiy i vzroslyy Irten'ev v povesti L. N. Tolstogo "Detstvo" [Small and adult Irteniev in L. N. Tolstoy "Childhood"]. *Russkaya rech'*. 2008, no. 1, pp. 19–22.

Romanova N. I. Mir veshchey v khudozhestvenno-avtobiograficheskikh povestyakh o detstve serediny 19 veka [The world of things in artistic and autobiographical stories about childhood in the middle of the 19th century]. In: *Yasnopolyanskiy sbornik. 2012* [Yasnaya Polyana collection. 2012]. Tula, Yasnaya Polyana, 2012, pp. 12–19.

Rymar' N. T. O tvorcheskikh istokakh ril'kovskikh kontseptov "veshch'" i "figura" [On the creative origins of Rilke's concepts "thing" and "figure"]. *Culture and text*. 2022, no. 1 (48), pp. 152–165.

Toporov V. N. Veshch' v antropologicheskoy perspektive (Apologiya Plyushkina) [The Thing in Anthropological Perspective (Plyushkin's Apology)]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Mif. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, Progress – Kul'tura, 1995, pp. 7–111.

Uzharevich Y. Porozhdenie veshchi [Creation of a thing]. In: *Kontsept veshchi v slavyanskikh kul'turakh* [The concept of a thing in Slavic cultures]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012, pp. 8–20.

Vinogradov V. O yazyke Tolstogo: (50–60-e gody) [About the language of Tolstoy: (50–60s)]. In: *L. N. Tolstoy* [L. N. Tolstoy]. Moscow, 1939, bk. 1, pp. 117–220.

Zholkovskiy A. K. *Poetika za chaynym stolom i drugie razbory* [Poetics at the tea table and other analyzes]. Moscow, NLO, 2014, 824 p.

List of sources

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch. Seriya pervaya "Proizvedeniya"* [Complete collection of works. Series one "Works"]. Moscow, Khudozh. lit., 1935, vol. 1: Detstvo. Yunosheskie opyty [Childhood. Youthful Experiments]. 355 p.; vol. 2: Otrochestvo. Yunost' [Adolescence. Youth]. 417 p.

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

Information about author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57767830500
WoS Researcher ID K-6526-2017

*Статья поступила в редакцию 30.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 30.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/84/8

Образ «женщины с ружьем» в гендерном контексте русской литературы 20-х годов

Людмила Павловна Якимова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Аннотация

Автор статьи рассматривает один из важных аспектов гендерной проблематики русской литературы 1920–1930-х гг. – мотивной ситуации маскулинизации женского образа как идейно-эстетического отклика литературы на послереволюционный процесс установления равноправия мужчины и женщины. Рассматривается широкая распространенность образа «женщины с ружьем» и его поэтико-смыслового варианта – «атаманши» и «комиссарши» в произведениях Л. Леонова «Барсуки», А. Толстого «Гадюка», Б. Лавренева «Сорок первый» и И. Гольдберга «Бабыя печаль», чем определяется сосредоточенность исследовательского внимания на поэтико-стилевых сдвигах в структуре художественного текста советской литературы тех лет. В творчестве названных авторов особую актуальность приобретает конфликт социального и природного начал, выраженный в деформации женской природы в условиях сдвинувшегося времени.

Ключевые слова

русская литература 1920-х гг., гендерный аспект, особенности текстообразования, образ «женщины с ружьем», конфликт социального и природного начал, поэтика мотивного напряжения

Для цитирования

Якимова Л. П. Образ «женщины с ружьем» в гендерном контексте русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 111–123. DOI 10.17223/18137083/84/8

The image of “a woman with a gun” in the gender context of Russian literature of the 1920s

Ludmila P. Yakimova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Abstract

The paper examines a significant aspect of the gender problem in Russian literature during the 1920s and 1930s. Specifically, it explores the motivational situation behind the masculinization of female characters in response to the post-revolutionary push for gender equality, both

© Якимова Л. П., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 111–123
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 111–123

ideologically and aesthetically. The wide prevalence of the image of “a woman with a gun” is considered, with attention also paid to the poetic and semantic variants, such as “atamansha” and “commissarsha.” The analysis covers the following works: “Barsuki” (“The Badgers”) by L. Leonov, “Gadyuka” (“The Viper”) by A. Tolstoy, “Sorok pervyy” (“The Forty-first”) by B. Lavrenev, and “Bab’ya pechal’” (“Women’s Sadness”) “by I. Goldberg. The choice of material determines the focus of research attention on poetic and stylistic shifts in the structure of the artistic text of Soviet literature of the years under study. The conflict between social and natural principles, manifested in the deformation of women’s nature in the conditions of the shifted time, is of particular relevance in the works of the authors in question.

Keywords

Russian literature of the 20s, gender aspect, features of text formation, the image of “a woman with a gun,” the conflict of social and natural principles, the poetics of motive tension

For citation

Yakimova L. P. The image of “a woman with a gun” in the gender context of Russian literature of the 1920s. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 111–123. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/8

Зачем нам в литературе скрывать, что люди
в природе разделены на мужчин и женщин?

Виктор Шкловский

По значимости, силе и глубине воздействия на ход мировой истории Л. Леонов связывал Великую Октябрьскую революцию с явлением Христа: мало того, что «до основанья» были разрушены вековечно существовавшие принципы экономического и государственного устройства и рухнуло казавшееся незыблемым старое здание общественного правопорядка и религиозной веры, перестроечная воля революции решительно распространилась и на ту сферу человеческих отношений, нерушимость которой предопределялась природой и глубинным чувством национального самосохранения.

Достоин удивления, с какой оперативностью откликнулась на событие революции национальная литература, каким непостижимой глубины источником познания и осмысления исторических событий мировой значимости предстала она и в сознании своего современника, и в последующие времена, включая и день сегодняшний.

Характерной особенностью литературного стиля эпохи становится стремление писателя найти способ каким-то запоминающимся образом – программно-формульно передать преобразующе-обновленный дух наступившего времени. В рассказе «Старый дом» Б. Пильняк отмечает: «В семнадцатом году пошли в переселения все правды и все народы, и манеры жить россиян. Гроза прошла по России, все размела, всех, кто жил в старом доме, все развеяла, всех переморозила и перегрела в старом доме, все развеяла, всех переморозила и перегрела в жарах и гололедицах» (Пильняк, 1990, с. 20). В повести «Ветер» Б. Лавренев использует прием такой высокой лексической концентрации, что читатель не может не ощутить небывалого напряжения революционного времени: «Прошлое отошло в свинцовый туман, закрылось вуалью, а на смену ему – голосования, вопросы, фракции, восьмичасовой день, аграрный вопрос, учредилка, меньшевики, большевики, эсеры, загадочный Ленин, ноты, аннексии, контрибуции, братство народов, митинги, демонстрации...» (Лавренев, 1958, с. 111).

Неохватная безграничность веры в обновляющую суть революции сказалась и на номинативном уровне произведений: наглядно обозначилась тенденция к использованию лексем со смыслом природной экстенсивности, даже катастрофы: огня, пожара, метели, ветра, наводнения, вулкана. Показательно, например, что близко друг к другу по времени выходят в свет «Ветер» Б. Лавренева (1924), «Человеческий ветер» Б. Пильняка (1925), «Обычай ветра» В. Лидина (1927); «Наводнение» Б. Замятина, «Ледоход» Б. Пильняка и т. д.

В силу особенностей веры вершителей революции в безграничность ее преобразующей воли невиданные ранее масштабы приобретает внимание к природной сути самого человека – проблемам пола, отношений мужчины и женщины, любви, семьи, брака, и эта острота внимания молодой советской литературы к гендерной проблематике, явившись ее неотъемлемой чертой и признаком, сама по себе выдвигается в качестве самостоятельного объекта исследования. Сегодня, когда причудливые, но не лишённые опасности эксперименты толерантного Запада над человеческой природой грозят распространиться на весь мир и принять силу законного укоренения, гендерная проблематика советской литературы 1920–1930-х гг., выжившись как ее характерная особенность, обретает новую актуальность, поворачиваясь к современности многими не только поучительно и практически значимыми сторонами, но и глубиной, яркостью, неповторимостью эстетического опыта.

В соответствии со стремительным ходом исторического времени в период революции, когда, по выражению Е. Замятина, «земля вертится в сто раз быстрее» (Замятин, 1989, с. 413), небывало острую динамичность перемен – и в идеологическом, и в правовом, и в бытовом отношении претерпел и гендерный концепт, зеркально отразившись в литературе на всех ее уровнях – жанровой системы, проблематики, мотивно-сюжетной и образной структуры.

Если в 1920-е гг. на первый план выходило провозглашение социального равенства мужчин и женщин, установление свободы половых отношений, насаждение системы коммунального быта, то 1930-е ознаменовались уже тенденцией к укреплению семьи, строгой регламентации поведения в браке наряду с вовлечением женщины в сферу общественного производства и призывом к овладению мужскими профессиями.

Провозглашенное в ходе революции правовое равенство мужчин и женщин, законодательно закрепленное Конституцией, в реальной жизни превратным образом автоматически оказалось переведенным в план их природного уравнивания, что в экстремальных условиях военного времени обернулось бурным процессом маскулинизации всего образа жизни женщин, как социального, так и бытового их поведения.

В этом контексте, когда казалось, что революции подвластно *всё*, особую остроту актуальности как в конкретном социально-историческом, так и в общем философско-онтологическом аспекте приобретает проблема пределов вторжения преобразовательной воли человека в природой predetermined сферу человеческих отношений, возникновения грозящей миру опасности низведения их понимания с высоты Бытия до быта.

В молодую советскую литературу незамедлительно вошел образ женщины с ружьем, сознающей равное с мужчиной право участвовать в боевых походах и сражениях, добровольно отказываясь от дарованных ей природой способности к рождению детей, исполнению роли хранительницы семейного очага. Героиня повести Б. Лавренева «Сорок первый» своим товарищам по оружию дает даже

«подписку об отказе от бабьего образа жизни и, между прочим, деторождения до окончательной победы труда над капиталом» (Лавренев, 1958, с. 179).

Смещение социальных ролей мужчины и женщины синхронно сопровождается переменой внешнего облика героини путем уподобления его мужскому. Картины и сцены преобразования женщины в мужчину, когда, «надев мужской наряд», героиня является читателю в другой, не свойственной ей от рождения ипостаси, входят в художественный текст ранней советской литературы как важный структурный элемент, интенсивно работающий на читательское восприятие ее поэтико-смысловой цельности. Старательно создает образ своего вестового из бывшей купеческой дочери и гимназистки Ольги Зотовой эскадронный командир Дмитрий Емельянов в повести А. Толстого «Гадюка»: «Волосы вам обстригем, сапожки достану легонькие, у меня припасены с убитого гимназиста; на первое время, конечно, к коню ремнем будем привязывать, чтоб не свалились...» (Толстой, 1990, с. 333). Волосы «она обстригла». Потом «Емельянов доставил ей короткий кавалерийский полушубок, синие с красным кантом штаны и, как обещал, козловые щегольские сапожки» (Толстой, 1990, с. 334). Позднее он «преподал ей первые законы кавалерийской посадки и обращения с конем», она «обучилась владеть и клинком», пришло время и в деле показать свою боевую выучку, когда, уходя от казачьей погони, она, «баба, угробила двух мужиков» (Толстой, 1990, с. 338).

Если героиню А. Толстого делает участником революции сплетение роковых и во многом случайных обстоятельств, то появление – тоже купеческой дочери – Нasti Секретовой из романа Л. Леонова «Барсуки» в отряде восставших против советской власти мужиков из села Воры и возглавленных бывшим красноармейцем Семеном Рахлеевым, глубоко осознанно и исходит из классовой, «большого размера мести» за разорение родительского гнезда в Зарядье, из намерения и Семена тоже «оплодотворить на подвиг ненависти, чтоб взорвался, губя все кругом» (Леонов, 1982, с. 213). Представленный по природе избранного жанра в большом эпическом развороте этот женский образ вбирает целый комплекс животрепещущих актуальностью проблем революционной эпохи, но их гендерный аспект выведен писателем на первый план. По условиям жизни в лагере «барсуков», как прозвали закопавшихся в земляные норы ушедших в лес крестьян, Насте приходится скрыть свою женскую суть и превратиться в статного паренька лет двадцати: «Широкая Семенова гимнастерка, ловко перехваченная уздечным ремешком, скрывала женские отличья. Фуражка сидела глубоко на голове, из-под козырька смеялись глаза... – Хорош? – кивнула она Семену» (Леонов, 1982, с. 202).

Свой «подвиг ненависти» она совершает, оказавшись за пулеметом, смертоносно направленным в сторону безоружной толпы мужиков. «...Настька, сволочь! – надрывно и хрипло кричал Семен и бежал к пулемету... Не стреляй, зарежу... Не было другого ответа, кроме как отстукивания пулемета» (Леонов, 1982, с. 237). При этом под прикрытием мужского образа в своих далеко идущих планах Настя расчетливо пользуется своей феминностью, стравливая мужчин в ревнивом стремлении обладать ею.

Героине повести Б. Лавренева «Сорок первый» мало что приходится добавит к своему обычному облику рыбачки в «брезентовых негнущихся штанах», разве только то, что теперь, став красногвардейкой, «рыжие косы заплетает венком под текинскую бурую папаху» (Лавренев, 1958, с. 179). Но в деле уничтожения классового врага посредством мастерского владения винтовкой она мужчине не усту-

пает: на боевом счету Марютки значатся сорок убитых белогвардейцев, когда поручают ей сопровождать в штаб пленного поручика Говоруху-Отрока.

Заметный след, отмеченный специфическими чертами регионального колорита, внесли в гендерную проблематику молодой советской литературы сибирские писатели: Вс. Иванов, («Лога», «Тайное тайных»), Л. Сейфуллина («Виринея»), В. Заzubрин («Общежитие»), И. Гольдберг («Бабыя печаль») и др. Если внешнее преобразование городских героинь Л. Леонова, А. Толстого и рыбачки Марютки происходит вследствие их внутренней убежденности в равноправии с мужчинами и ружье в их руках значимо как подтверждение их абсолютного равенства с мужчиной, то героиню И. Гольдберга единственной женщиной в партизанском отряде делают непоправимые обстоятельства: после того как родную деревню сожгли казаки, деться ей, как только упросить мужиков взять с собой, больше некуда.

«Женщину звали Парунькой», – отдельной строкой сообщает читателю автор, и по неписанным законам художественного текста новой литературы далее сибирский писатель тоже не обходится без подробного описания маскулинизации внешнего облика и всего образа жизни таежной сибирячки. Процесс перевоплощения в мужскую ипостась происходит под руководством одиноко живущего на таежной заимке старика Семена:

...сама лезешь не в бабье дело – ступай... Только перво-наперво одевай штаны.

– Шта-а-ны? – изумилась Парунька.

– Да, молодуха, штаны!.. Дам я тебе мои, залазь!..

– Срамно будто, в мужичьих штанах...

– Срамно! – вскипел Семен, – а с парнями в пекло лезть не срамно? По-малкивай лучше!

– Ну ладно, – вздохнула Парунька. – Одну штаны...

– Стрелять умеешь?

– Из дробовика баловалась по чиркам.

– Коли из дробовика умеешь, стало быть, и винтовка у тебя сладится...

Ну, ступай в путь... Тамо-ко я тебе штаны припас, рубаху, опояску...

Ушла Парунька в избу. Переделалась там. А потом, неловко ступая носками внутрь, вышла, смущенная, смешная, широкозадая (Гольдберг, 1990, с. 196).

Из этого, тщательно прописанного диалога видно, что в отношении таежницы Паруньки к своему внешнему преобразению нет той готовности, которую проявляют героини Л. Леонова, А. Толстого, Б. Лавренева. Изменив внешний образ, она не изменяет специфически «бабыим» делам, заботам, переживаниям, в соответствии со своей бабьей природой кормит и обстирывает мужиков, способна даже «по-бабьи» жалеть и сочувствовать их вынужденному плотскому воздержанию. Только в этом смысле и следует воспринимать рискованное ее предложение командиру партизанского отряда: «Тяжело тебе, поди, без женщины? Сильный ты, молодой... Хоть, приди к тебе после?» (Гольдберг, 1990, с. 202). В ответ на его жесткую отповедь не обижается и объясняет: «Жалко мне вас... Ребята крепкие, в смертное дело пошли, а утехы никакой» (Гольдберг, 1990, с. 202).

Превратно воспринятый концепт равенства-равноправия приводит в одном случае, как у Марютки, к полному отказу от «бабьего образа жизни», вплоть до окончательной победы труда над капиталом, а в другом, как у Паруньки, к готовности жертвенного подчинения своей «бабьей» сути общей пользе: «Я и с ребята-

ми бы не противилась, да боюсь свары... Знаешь, как из-за нашей сестры промеж вас, мужиков, неладное выходит...» (Гольдберг, 1990, с. 203).

По тому, с какой настойчивостью повторяется в рассказе И. Гольдберга специфическое сочетание «бабий» с другими обиходными понятиями – «бабья одежда», «не бабье дело», «свой бабий ум» и т. д., и как часто акцентируется при этом особенность мужского и женского поведения, гендерный аспект грозового времени Революции и Гражданской войны глубоко волновал сибирского писателя, не изымая его творческих исканий из общего русла развития советской литературы и в полной мере способствуя ощущению цельности и единства ее художественного текста. Не в малой степени подтверждением этому являлась и частотность мотива переодевания женщины в мужской наряд. Вот и Парунька, отправляясь по поручению партизан в разведку, «оправила на себе бабью одежду (снова переоделась в привычную лопоть, снова почувствовала себя ловкой) и зашагала» (Гольдберг, 1990, с. 199). И специально следует отметить, что скобки являются здесь авторским знаком и служат средством подчеркивания важности используемой художественной детали.

Тяжкая бабья доля настигает Паруньку и в разведке: изнасилованная белочехом, возвращается она с выполненным заданием – важной вестью – в отряд, «пасмурная, серая, невеселая» (Гольдберг, 1990, с. 211), и на вопрос «А ты пошто, Парасковья, не переоблакаешься?» зло отвечает: «Пропадите вы с одеждой-то этой!.. Не буду переоблакаться. Как есть баба – в бабьей лопоти и пойду» (Гольдберг, 1990, с. 211).

«Но что-то дрогнуло в бабе», опять отдельной строкой отмечает автор. «Когда никого кругом нет – прислушивается она к чему-то. Прислушивается к смутному, неясному, но неотвратимому, что растет в ней, что переплетает свою жизнь с ее жизнью» (Гольдберг, 1990, с. 203). И от того, что зреющее в ней дитя – от «окаянного, чужого, насильника», печаль ее переходит в отчаяние. Отряд готовится к решительному бою, не собирается уходить от участия в нем и Парунька, и на исход его возлагает судьбу и свою, и растущего в ней ребенка: «Ждет последнего кровавого крещенья. Чтoб утешить безграничную тоску...» (Гольдберг, 1990, с. 205).

Отсутствие определенности в развязке сюжета «Бабьей печали», о чем свидетельствует и завершающее текст многоточие, говорит в данном случае не об авторской растерянности, а о намерении обозначить поэтико-смысловую неизведенность гендерной проблематики в новой литературе.

Многоаспектность ее проявления подтверждает обогащение типажного ряда женщины с ружьем: известный по литературе модерна тип инфернальной героини находит теперь воплощение в образе атаманши, комиссарши, анархистки, эсерки и т. д., прототипами которых часто становятся реальные участницы Революции и Гражданской войны – от известной своими революционными подвигами Марии Никифоровой [Симонова, 2022, с. 365] до Ларисы Рейснер. О зыбкой относительности границ, отделяющих судьбу, так сказать, рядовой «женщины с ружьем» в революции от превращения ее в атаманшу, не случайно рассуждает герой повести Б. Лавренева «Сорок первый»: «Атаманом будешь! Тебе же одна дорога – в атаманы разбойничьи» (Лавренев, 1958, с. 223). Одинаковая притягательность этого образа как для эстетического осмысления, так и для читательского восприятия послужила сильной мотивацией к его воплощению в разных художественных жанрах – прозе, поэзии, даже оперы, достаточно вспомнить эпопею И. Сель-

винского «Улялаевщина» с податаманшей Маруськой или либретто оперы «Думы про Опанаса» Э. Багрицкого с анархистской Раисой Николаевной.

Внимание к такого рода женским образам, обусловленное стремлением писателей как можно полнее воспроизвести ветровую стихию революционной эпохи, способствовало обогащению новыми акцентами и ее гендерной проблематики, что в структурных элементах художественного текста нашло заметное отражение. И поскольку в изображении такого рода женщин, как атаманша, момент маскулинизации ее облика, связанный с переодеванием в мужской костюм и освоением манер мужского поведения, особенно важен, то и появление в этом текстовом сегменте новых поворотов бесследно для читательской рецепции не проходит. Так, героиня повести Б. Лавренев «Ветер» атаманша Лёлька при своем появлении производит потрясающее впечатление то ли «царицы персицкой», то ли сказочной павы: «Пава – не пава, жар-птица, а в общем – баба красоты писаной... А на бабе серый кожаный новехонький, штаны-галифе нежно-розового цвета, сапоги лакированные со шпорами, сбоку шашка висит, вся в серебре, на другой стороне парабеллум в чехле, на голове папаха черная с красным бантом» (Лавренев, 1958, с. 129). Это впечатление эклектической сбивчивости всего облика, начиная с наряда героини (галифе, но «нежно-розового цвета», папахы, но «с красным бантом»), не случайно, писатель усиливает его и дальше, когда, укладываясь спать, «атаманша со двора выюк пригатила, на полу разостлала, одеяло вынула шелковое, цветное, все в кружевах» (Лавренев, 1958, с. 130).

То же раздвоение-расслоение гендерного образа сквозит и в героине рассказа Б. Пильняка «Ледоход» (1924): сброшенная перед сном одежда полностью соответствует представлению о мужском обмундировании анархистки Маруси: «...на полу около нее валялись ее галифе, гимнастерка и сапоги, а из-под подушки свешивались ремешки от кольта» (Пильняк, 1924, с. 66), но манера сидеть за столом «ноги на стул» и сентиментальная склонность к привычке собирать брандуши – «эти первые весенние веточки» (Пильняк, 1924, с. 77), с присвоением маскулинной ипостаси глубоко диссонируют. Показательно и то, что присвоение особенностей внешнего облика и поведения мужчин уживается в этих героях с охотой демонстрировать свои женские достоинства: «Села атаманша на полу, косу заплела, гимнастерку стащила. Руки нежные, розовые, круглые. Груды птицей под рубахой трепещутся» (Лавренев, 1958, с. 130).

В отличие от таких героинь – «женщин с ружьем», как Ольга Зотова, Настя, Марютка, Парунька, о социальном происхождении которых читателю становится известно с первых строк, родословие героини инфернального типа темно и загадочно: как атаманша Лёлька у Б. Лавренева – то ли бывшая проститутка («с мальчишками гуляла»), то ли дочь купеческая («папина дочка», словом, «пришла баба, черт ее знает какая, откуда» (Лавренев, 1958, с. 130)), так ничего, кроме имени, не известно в отряде Батьки и об анархистке Марусе: «...подобралась, прибилась к отряду неделю назад, страшная женщина, красавица...» (Пильняк, 1924, с. 77). Она пришла перед боем, попросила коня и была в строю первой, а потом расстреливала пленных спокойно, не спеша, деловито, как и не каждый мужчина» (Пильняк, 1924, с. 77).

Если в некрасовской женщине, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», черты мужественности оттеняют ее героическую жертвенность и сострадательное отношение нуждающимся в помощи, то черты маскулинности в облике Маруси или Лёльки выявляют скорее чуждость их доходящей до садизма

жестокости не только мужскому поведению, но и вообще нормам человеческого образа жизни.

Как закономерный исход бурной жизни в ледоходно-ветровое время революции воспринимается смертельный конец жизни героинь Лавренина и Пильняка: на глазах революционного полка расстреляна Лёлька, «в бою была убита» Маруся. И как бы в подтверждение их принадлежности к породе нелюдей бросает Гулявин Лёльке: «Убью, гадюка», и образ этот приобретает в литературе 1920–1930-х гг. мотивный характер. Образ героини романа В. Вересаева «Сестры» (1931), кстати, тоже по имени Лёлька, возникает в атмосфере других социальных реалий, но в том же идеологическом пространстве, когда стремление женщины к абсолютному – «во всём» – равенству с мужчиной оборачивается искажением ее человеческой природы вплоть до уподобления гадюке.

Общим моментом изображения судьбы героинь вышеназванных произведений Л. Леонова, А. Толстого, Б. Лавренина, И. Гольдберга является открытость их финала: сохраняя им жизнь в экстремальных условиях Революции и Гражданской войны, авторы оставляют читателя в догадках и размышлениях о том, как сложится их дальнейшая судьба, и этот фактор сюжетостроения оказывается принципиально важным в определении и понимании характера их поэтико-смысловой стратегии – и, прежде всего, в аспекте общего осмысления гендерной проблематики литературы тех лет.

В жанровой структуре молодой советской литературы безусловное первенство принадлежало малым жанрам – рассказу и повести, и тем более оказалась значим вклад Л. Леонова в гендерную проблематику, что связан был с жанровыми возможностями романа – его эпическим дыханием, стремлением к созданию художественных образов большой социально-психологической наполненности. Важно и то, что внимание к гендерной проблеме оказалось акцентированным благодаря специфически сложившемуся составу действующих лиц по принципу «сто мужчин и одна женщина»: среди главных героев романа Настя Секретова – персонаж доминирующий. Оказавшись в отряде мужиков, восставших против советской власти, коренная москвичка из Зарядья Настя окрыляет себя мыслью о способности подвигнуть влюбленного в нее мужчину на подвиг всепокрушающей мести за отторгнутое у нее наследство, и в этом смысле объяснимы ее метания между упрямо ищущим правды Семеном Рахлеевым и жадным искателем приключений, как «вихрь бесплодный», Мишкой Жибандой. И хотя в ее отношении к Семену больше живого, искреннего чувства, чем к Мишке, ради своих глубоко скрытых целей она спокойно идет на уступки, и влюбленный в нее Жибанда охотно подчиняется ее сильной – мужской – воле, тогда как именно эти черты маскулинности явились тем порогом, который окончательно разделил ее с Семеном. Не уходит из памяти Семена тот бой, в котором проявилась необузданная жестокость Насти: «Все бывает в драке, – отдельно и полупрезрительно, чтоб навсегда запомнилось, заговорил Семен, – но и разбойник до гроба помнит павших от его кистеня. А ты... сколько ты в ту ночь, в Гусаках, зря положила... и вот каешься в измене, на которую мне наплевать, слышишь?... а ни словом не обмолвилась о тех» (Леонов, 1982, с. 253).

Был момент, когда, хитро маневрируя с женской привлекательностью и предоставленным революционным временем равенством с мужчинами, она с особой остротой ощутила какой-то равный с самой природой приток сил и возможностей, и как кульминационный пункт ее судьбы воспринимается картина грозы, наступившей их с Жибандой во время погони: «Шла гроза... А двое мчались, не замедляя

скорости. Уже хлестало их крупным ливнем, и ветер, как огромная метла, заметал с поля и мелкий сор, и тяжелые обрывки травы. Одновременно шел сплошной дождь из молний» (Леонов, 1982, с. 315). Исследователи справедливо отмечают символическое значение этой картины: «Здесь даже появляется образ метлы, сопровождающий в русском фольклоре образ зловещей Бабы-Яги или другой ведьмы, раскаты грома, непрекращающийся блеск молний, всегда свидетельствующий о нечистой силе» [Вахитова, 2014, с. 102]. Но едва кончилась гроза, как спустилась Настя с коня на землю, «вдруг замерла и прислушалась к чему-то, пугливыми глазами в синих кругах глядя себе на живот... и заплакала» (Леонов, 1982, с. 315). Заплакала, поняв, что красивая, злая, волевая, способная повелевать волей мужчин, в игре с природой она проиграла, подтвердив лишь неопровержимость смысла той притчи о неистовом Калафате, которую обсуждали восставшие мужики в третью ночь у костра: «Закон природы! Его не переступишь» (Леонов, 1982, с. 221).

Столь же безоружными перед проявлением законов природы оказались и другие «женщины с ружьем», ставшие типичными героинями ранней советской литературы. Это и героиня И. Гольдберга Парунька, как в мирной жизни владеющая дробовиком, так и на войне готовая здоровой рукой нести винтовку и «гореть вместе со всеми злобой борьбы» (Гольдберг, 1980, с. 204), но впавшая в отчаянную горечь, узнав о своей постыдно-позорной беременности. Это и Ольга Вячеславовна Зотова – героиня повести А. Толстого «Гадюка», владевшая и карабином, и шашкой, проявившая равное с мужчиной мужество в боевых походах, но испытывавшая полное бессилие перед вызовами мирной жизни, бытом и внезапно охватившей ее любовью – к чиновнику новой формации, «хозяйственному директору»: «Несколько раз она сбегала вслед за ним по лестнице, чтобы здесь же, на улице, схватить его за рукав: “Я люблю вас, я погибаю...” Но каждый раз он садился в автомобиль, не замечая Зотовой среди других служащих...» (Толстой, 1990, с. 350). И трагически кончилась попытка устранить соперницу силою оружия – «маленького револьвера», сжимая который в посиневшем кулаке, пришла Ольга Зотова сдаваться в отделение милиции.

Об исключительной остроте гендерной проблематики в русской литературе 1920–1930-х гг. свидетельствует и тот факт, что некоторые произведения этого рода вошли в фонд хрестоматийных, стали предметом кинематографического искусства, что таких произведений, как повести «Гадюка» А. Толстого и «Сорок первый» Б. Лавренева касается безоговорочно.

Свой спор с природным предназначением, зафиксированный к тому же в «подписке об отказе от бабьего образа жизни», Марютка проиграла незримо, неожиданно, как говорится, «нечаянно». Оказавшись вместе с сопровождаемым ею пленным Говорухой-Отроком на необитаемом острове, где необходимо было пройти через совместные испытания холодом, голодом, смертельной болезнью пленника, она невольно проникается мыслью о том, что в мире больше того, что объединяет людей, чем того, что их разъединяет. Исполнен глубокого смысла тот диалог, который происходит между ними после выздоровления пленного офицера:

– Спасибо тебе, голубушка!

Марютка покраснела и отвела его руку. – Не благодари!.. Не стоит спасибо. Что ж, по-твоему, дать человеку помирать? Зверюка я лесная или человек?

– Но ведь я кадет... Враг. Чего было со мной возиться? Сама еле дышишь.

Марютка остановилась на мгновение, недоуменно дернулась. Махнула рукой и засмеялась.

– Где уж враг? Руки поднять не можешь, какой тут враг? Судьба моя с тобой такая. Не пристрелила сразу, промахнулась, впервой отроду, ну, и возиться мне с тобой до скончания (Лавренев, 1958, с. 212).

Ситуацию «голый человек на голой земле» писатель воссоздает посредством и акцентированного внимания к метасюжету «Робинзон и Пятница», и использования эпитета «голый», когда осязаемым становится авторское соприкосновение с интертекстом ближнего ряда, ассоциативно приводя на память «Голой год» Б. Пильняка.

Экстремальные условия физиологического выживания неизбежно способствовали стиранию кричащих различий в уровне культурного развития героев, в обоих по-разному обнажая черты, свойственные человеку вообще, человеку как таковому, и предопределяя неизбежность обоюдного влечения друг к другу: «Из одного мяса сделаны», – говорит Марютка, убеждая своего пленника не стесняться голого тела при возникшей необходимости обсушиться у общего костра. Но всю глубину победительности овладевшего ее чувства Марютка ощутила только тогда, когда в мгновенном ослеплении памятью о социальном долге вспомнился ей наказ командира: «На белых нарветесь, живым не сдавай». Метким выстрелом из винтовки настигла она пленника, в то же самое мгновение поняв, что, убив его, убила и себя: «Родненький мой! Что же я наделала? Очнись, болезный мой! Синегла-а-азенький!» (Лавренев, 1958, с. 226).

Текстообразующий процесс литературы 1920-х гг. оказался в тесной зависимости от форм организации творческой жизни писателей, характера литературного быта, когда общая тенденция к обобществлению разных сторон человеческой жизни в литературе отозвалась тягой к созданию разного рода литературных объединений – артелей, цехов, братств, товариществ... С особой силой выявилось стремление к литературной учебе, обмену творческим опытом, что в результате сказалось на формировании такого феномена, как невиданная ранее мотивная концентрация, частотность интертекстуальных переключек и пересечений. Возникла как бы единая база, общий банк исходного материала для творческого претворения, арсенал кочующих тем, сюжетов, образов, мотивов, своего рода мотивный «общак», когда трудно стало определить степень художественного первоисточника, установить меру новаторства, разве что исходя из времени создания и издания произведения, менее значимым стало понятие вторичности. Примером может служить «Дитё» Вс. Иванова (1921) и «Шибалково семя» М. Шолохова (1924).

В похожей творческой ситуации оказалась и повесть Б. Лавренева «Сорок первый». Произведений, где во имя социального долга убивают близкого человека, в литературе тех лет оказалось немало. В повести самого Б. Лавренева «Ветер» показательным примером раскаяния за неосмотрительную любовную связь с атаманшей Лёлькой воспринимается ее расстрел по личному приказу самого Гулявина: «Сволочь ты... – говорит она перед смертью, – на кровати со мной валялся, а теперь...» (Лавренев, 1958, с. 142). В рассказе С. Семенова «Убийца» (1924) герой – комиссар, коммунист, человек железной воли и несгибаемых убеждений – убивает близкую ему женщину, исходя из четкого осознания социального долга, абсолютный приоритет которого перед личным чувством не вызывает у него со-

мнения, как вера в незыблемость «геометрических формул», как непреложность «алгебраического закона».

Интертекстуально созвучны повесть Б. Лавренева «Сорок первый» и рассказ В. Бахметьева «Фроська» (1923), герои которого – он и она – радость взаимного чувства тоже испытали в грозовой атмосфере Гражданской войны, и здесь тоже позывным знаком женской любви послужила «растревоживающая» душу синева глаз мужчины, те, по определению одной героини, «синие лужицы» (Бахметьев, 1924, с. 85), в которых, по убеждению другой, «аж утонуть... можно» (Лавренив, 1958, с. 213). Довершает сюжетно-мотивное сходство произведений Б. Лавренева и В. Бахметьева и то, что, распознав в своем возлюбленном классового врага – белого офицера, Фроська убивает его. Но именно с этого момента открывается глубокое различие произведений, несовпадение авторских взглядов на мир, общество, человека. Убив того, в «синих лужицах» глаз которого нашли ответ ее девичьи грезы, она не впала, подобно Марютке, в отчаянное раскаяние, не испытала равного ей душевного потрясения, а деловито отдалась поискам путей воссоединения со своим отрядом.

И если никаких перемен ни в душе Фроськи, ни в ее отношении к миру не происходит, и в этом смысле финал рассказа отмечен полным совпадением его сюжета с фабулой, то меткий выстрел в голову Говорухи-Отрока рикошетом бьет и по душе Марютки: именно с этого сюжетного поворота обостряются фабульные перспективы повести, возникает интерес читателя к дальнейшей судьбе героини, которой – по определению – прокрустовым ложем покажется данная когда-то расписка о полной подчиненности своей жизни законам мировой революции: «Родненький мой! Что же я наделала? Очнись, болезный мой! Синегла-азенький!»

В принципиальном несовпадении финалов рассказа В. Бахметьева и повести Б. Лавренева скрывается глубокое различие их поэтико-смысловых структур, одна из которых исходит из не предпосланных заранее целей художественного исследования, другая – из жестких постулатов социологического мышления. И это был не единственный заслон к созданию цельной картины гендерных отношений в молодой советской литературе, не меньшую опасность представляло и массовое увлечение писателей разного рода модными тогда теориями интуитивного, бессознательного поведения человека, следствием чего явилась так называемая «половая литература», заметный след в которой оставили «Собачий переулок» Л. Гумилевсколго, «Луна с правой стороны» С. Малашкина, «Рынок любви» Н. Никандрова, «Мавритания» М. Барсукова, рассказы П. Романова и т. д.

Что касается образа «женщины с ружьем», то ответ связанной с ним мотивной ситуации сохранится и на новых поворотах литературной истории, в частности и тогда, когда в центре писательского внимания окажется так называемая производственная проза – романы Ф. Gladкова «Цемент», Л. Леонова «Соть», М. Шагинян «Гидроцентральный» и др. В романе Ф. Gladкова «Цемент» гендерная проблема – личные, любовные, семейные связи героев – предстает в неразрывности с производственными отношениями нового времени – новой экономической политики, но и во внешности, и в поведении главной героини всё еще проглядывают черты героинь военных лет: они сказываются и в ее пристрастии к одежде мужского кроя – «мужской косоворотке», и в отношении к ребенку, воспринимаемому как помеха к осуществлению планов персонального самоосуществления, в результате чего дочка Нюрка оказывается сданной в детдом и умирает там от истощения: «Ты – отец, – говорит героиня Глебу. – Ухаживать за ней не могу –

некогда. А если хочешь быть нянькой – сиди с ней. Буду очень рада» (Гладков, 1986, с. 25). И при встрече с Глебом после трехлетней разлуки она хочет видеть в нем не только мужа, но прежде всего «товарища»: «Ах, Глеб... ах, товарищ!.. совсем стал другой – новый... и родной, и чужой» (Гладков, 1986, с. 24). И что особенно важно, в Даше Чумаловой, самозабвенно отдающейся общественной работе, окружающие видят атаманшу, готовую любой ценой достигать социально значимой цели: «Ну вот, пришла наша атаманша...» (Гладков, 1986, с. 32). И заслуженность этой номинации героиней подтверждает сцена реквизирувания излишков собственности богатых горожан, когда предметом изъятия становится кукла плачущей девочки.

Неостановимый ход времени, запечатленный в последовательности историко-литературных этапов, продолжает и сегодня потрясать неожиданностью своих поворотов, и в этом смысле особенно важны и интересны бывают точки соприкосновения далеко отстоящих друг от друга периодов исторического развития. Сегодня нельзя не заметить, как гендерная проблематика послереволюционных лет во многом пересекается и перекликается с социально-этическими исканиями наших дней, в особенности с гендерной политикой толерантного Запада, и этот фактор новой актуальности русской литературы 1920–1930-х гг. предстает как призыв к ее перепрочтению.

Список литературы

Вахитова Т. М. Инфернальные героини Леонида Леонова перед бездной // Русская литература XIX–XX вв. Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2014. С. 98–132.

Симонова О. А. Образ атаманши Маруси в литературе 20–30-х годов // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов. М.: НЛО, 2022. С. 363–381.

Список источников

Бахметьев В. Маленькие рассказы о большой жизни. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. 120 с.

Гладков Ф. Цемент. М.: Современник, 1986. 240 с.

Гольдберг И. Бабыя печаль // Окрыленные временем: Рассказ 1920-х годов. М.: ГИХЛ, 1990. С. 192–206.

Замятин Е. Избранные произведения. М.: Сов. писатель, 1989. 766 с.

Лавренев Б. Избранные произведения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 1.

Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1982. Т. 1.

Пильняк Б. Романы, повести, рассказы. М.: Сов. писатель, 1990. 607 с.

Пильняк Б. Ледоход // Русский современник. 1924. № 3. С. 76–99.

Толстой А. Гадюка // Окрыленные временем: Рассказ 1920-х годов. М.: ГИХЛ, 1990. С. 323–357.

References

Simonova O. A. Obraz atamanshi Marusi v literature 20–30-kh godov [The image of the atamansha Marusya in the literature of the 20–30s]. In: *Zhenshchina moderna. Gen-*

der v russkoy kul'ture 1890–1930-kh godov [Woman of modernity. Gender in Russian culture of the 1890s–1930s]. Moscow, New Literary Observer, 2022, pp. 363–381.

Vakhitova T. M. Infernal'nyye geroini Leonida Leonova pered bezdnoy [Leonid Leonov's infernal heroines before the abyss]. In: *Russkaya literatura 19–20 vv. Poetika motiva i aspekty literaturnogo analiza* [Russian literature of the 19th–20th centuries. Poetics of motive and aspects of literary analysis]. Novosibirsk, SB RAS, 2014, pp. 98–132.

List of sources

Bakhmet'ev V. *Malen'kie rasskazy o bol'shoy zhizni* [Small stories about the big life]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1924, 120 p.

Gladkov F. *Tsement* [Cement]. Moscow, Sovremennik, 1986, 240 p.

Gol'dberg I. Bab'ya pechal' [Woman's sorrow]. In: *Okrylennye vremenem: Rasskaz 1920-kh godov* [Embraced by time. A short story of the 1920s]. Moscow, Khudozh. lit., 1990, pp. 192–206.

Lavrenev B. *Izbrannye proizvedeniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1958, vol. 1.

Leonov L. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1982. T. 1.

Pil'nyak B. Ledokhod [Ice drifting]. *Russkiy sovremennik*. 1924, no. 3, pp. 76–99.

Pil'nyak B. *Romany, povesti, rasskazy* [Novels, tales, stories]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 607 p.

Tolstoy A. Gadyuka [The viper]. In: *Okrylennye vremenem: Rasskaz 1920-kh godov* [Embraced by time. A short story of the 1920s]. Moscow, Khudozh. lit., 1990, pp. 323–357.

Zamyatin E. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Sov. pisatel', 1989, 766 p.

Информация об авторе

Людмила Павловна Якимова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Ludmila P. Yakimova, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 03.06.2023;

одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 19.06.2023

The article was submitted on 03.06.2023;

approved after reviewing on 19.06.2023; accepted for publication on 19.06.2023

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/9

**Обозрение / кумуляция
в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца»**

**Валентина Егоровна Головчинер¹
Наталья Алексеевна Бабенко²**

^{1,2} Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ vgolovchiner@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2965-0563>

² na75@mail.ru

Аннотация

Обозрения весьма заметны в перечне произведений Н. Эрдмана. Это слово широко использовалось в отечественной театрально-зрелищной культуре 1920-х гг. для обозначения самых разных явлений на профессиональной и самодеятельной сцене, но пониманием, определением его, по существу, до сих пор никто не занимался. Изучение материала по этой проблеме привело к осознанию того, что постановке на сцене предшествует литературный текст; обозрение для сценического воплощения в русской практике времен Н. Эрдмана писали, как правило, люди, обладающие литературным даром; следовательно, оно может и должно изучаться в аспектах его словесной организации. Второе направление работы, связанное с поисками прецедентов *обозрения* и теоретическим его обоснованием, привело к трудам по исторической поэтике. Фундаментальным для понимания исследуемого материала оказался раздел о кумулятивной сказке в размышлениях о «Специфике фольклора» В. Я. Проппа: на его основе были обнаружены древние истоки современной формы. И третьим, существенным для понимания творчества Н. Эрдмана, стало открытие того, что природа, принципиальные для обозрения возможности архаической, кумулятивной организации материала использованы драматургом в пьесе «Самоубийца» – одном из самых значительных явлений отечественной драмы XX в.

Ключевые слова

Н. Эрдман, В. Я. Пропп, «Самоубийца», обозрение, драма, действие, кумуляция, сказка

Для цитирования

Головчинер В. Е., Бабенко Н. А. *Обозрение / кумуляция в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца»* // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 124–137. DOI 10.17223/18137083/84/9

© Головчинер В. Е., Бабенко Н. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 124–137

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 124–137

Obozrenie / kumulyatsiya
in the play “Samoubiytsa” (“The Suicide”) by Nikolai Erdman

Valentina E. Golovchiner¹, Natalia A. Babenko²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ vgolovchiner@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2965-0563>

² na75@mail.ru

Abstract

The creative path of Nikolai Erdman commenced with poetry and extended to encompass works for the stage, reviews, scripts for the cinema, and plays for the drama theater recognized by the most talented directors of his time. Not a single Russian play had such success as “Mandat” (“The Mandate”), staged by V. Meyerhold in 1925. His play “Samoubiytsa” (“The Suicide”) (1929) was banned in 1932, along with everything he had written before. Erdman’s plays were translated and staged in different languages during the 1970s, but unfortunately, he did not live long enough to see his works achieve global recognition. The comprehension of Erdman’s plays started with a discussion of the subject of satire. It proceeded in terms of the trends established in the literature on other material, the farcical paradigm of the Russian theater of the early twentieth century, carnivalization, and artistic axiology. For the first time, this paper aims to reveal the unique nature of the organization of the central part of the play under study. For this purpose, the content of the word *obozrenie* (review) is clarified, and its correlation with the phenomenon and the term *kumulyatsiya* (cumulation) is identified. The organizing principles revealed in the central part of the play, developed by the most ancient cumulative fairy tale, allow showing the danger of the actions of a prosperous multitude in achieving their selfish goals, the threat to the life of an individual and humanity on the eve of the European cataclysms of the 1930s.

Keywords

N. Erdman, V. Ya. Propp, “The Suicide,” review, drama, action, cumulation, fairy tale

For citation

Golovchiner V. E., Babenko N. A. *Obozrenie / kumulyatsiya* in the play “Samoubiytsa” (“The Suicide”) by Nikolai Erdman. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 124–137. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/9

В момент первого появления на сцене пьесы «Мандат» в середине 1920-х гг. критики, спасая ее и спектакль по ней, писали о том, что сатира авторов направлена на мещан, сопротивлявшихся революционному преобразованию страны. Волна интереса к двум пьесам Н. Эрмана после их публикации в конце 1980-х гг. начиналась с выяснения вопроса, «против» кого выступал драматург. В новых исторических условиях решали его подчас «от противного» – считали выступлением автора против советской власти (см. [Велехов, 1990, с. 92] и др.).

В изучении творчества Н. Эрмана первых десятилетий XXI в. отчетливо обозначилось стремление осмыслить разные группы его произведений, и прежде всего две большие пьесы, в русле заметных тенденций времени. Первым отечественным литературоведом, включившим еще неопубликованную пьесу Эрмана «Самоубийца» в сферу научного изучения, был томский ученый Н. Н. Киселев¹.

¹ Через сорок лет после создания и запрещения пьесы, за двадцать лет до ее публикации, в 1969 г. была «арестована» первая научная статья о ней – вырезана из тома Ученых

Его интересовало мастерство Эрдмана-сатирика, и эта линия анализа была подхвачена многими после издания пьесы в 1988–1990 гг. Е. С. Шевченко в двух монографиях (2006, 2010) и докторской диссертации (2008) представила пьесы как явление в контексте балаганной парадигмы русского театра первых десятилетий XX в. Ю. Б. Селиванов обозначил следы творческого восприятия Н. Эрдманом текстов Н. Гоголя; К. В. Барина писала о карнавализации в его произведениях; З. К. Сафаргаллина обратилась к проблемам художественной аксиологии в контексте драматургии 1920–1930-х гг. А. О. Ковалова открыла новую линию в изучении творчества художника – издала большой том «Кинодраматургия Н. Эрдмана» и защитила на этом материале кандидатскую диссертацию (2011).

Изучение произведений Н. Эрдмана в контексте известных, утвержденных на другом материале тенденций развития литературы представляет его, по существу, одним из участников литературного процесса. В статье впервые предпринята попытка выяснения природы *обозрения* в поэтике пьесы «Самоубийца» на материале ее центральной части.

Цели статьи – выявить содержание слова «обозрение», широко принятого в русской зрелищной культуре 1920-х гг., определить соотношение явлений *обозрения* и кумуляции, установить природу поэтики центрального фрагмента пьесы «Самоубийца».

Широко представленным в творчестве Н. Эрдмана *обозрением* как явлением драмы, по сути, никто «особенно» не занимался. Даже большие формы – многоактные *обозрения* 1920-х гг. как явления времени «остались за пределами внимания театроведов, тем более филологов, как не имеющие отношения ни к театру, ни к драматургии», – пишет публикатор текстов эстрадной драматургии и автор очерков об их создателях Е. Д. Уварова [1991, с. 5]. Но во времена творческой активности Н. Эрдмана оно использовалось очень широко. Достаточно сказать, что слово *обозрение* появилось в книге о революции и литературе такого авторитетного политического деятеля тех лет, как Л. Д. Троцкий: «...нашему театру до зарезу необходим свежий революционно-бытовой репертуар и в первую голову советская комедия. Нам нужны свой “Недоросль”, свое “Горе от ума”, свой “Ревизор” <...> если не доросли мы еще до комедии, создали бы хоть общественно-бытовое обозрение!» [Троцкий, 1923, с. 184, 185] Обратим внимание: в интуитивно-прагматическом понимании Л. Д. Троцкого высшие достижения русской драматургической классики и *обозрение* упоминаются в одном контексте. Это явно поднимает в значении *обозрение* и по-своему свидетельствует о том, что оно изначально определяется литературной основой².

записок Томского государственного университета (об этом см. [Головчинер, 2019]). Она опубликована в 2019 г. [Киселев, 2019].

² Показателен еще один пример причастности к созданию *обозрения* художников, получивших в будущем мировое признание и начинавших работу над ним с литературного основания. М. Штраух вспоминает о спектакле С. Эйзенштейна «Мудрец» на основе переработки пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», который наделал в 1923 г. «много шума в Москве»: «Это было блестящее политобозрение, поставленное с неистощимой выдумкой, с великолепным по хлесткости текстом Третьякова <...> Поистине драгоценна была готовность и способность Третьякова быстро откликаться на наиболее значительные события времени. В этом он был сродни Маяковскому» [Штраух, 1966, с. 182]

В 1924 г. в Москве отрылся Театр сатиры. Целью его организаторов на первых порах была постановка политических, бытовых и пародийных *обозрений*. В создании литературной основы первого из них, написанного для открытия театра, наряду с тремя другими авторами принимал участие Н. Эрдман. И до появления пьесы «Самоубийца», и после нее он был причастен к созданию целого ряда произведений, определяемых словом *обозрение*³. Закономерно возникает вопрос: не проявляется ли опыт этих созданий в поэтике его больших пьес, уже первая из которых позволила В. Мейерхольду поставить молодого драматурга в один ряд с Гоголем и Сухово-Кобылиным?⁴

Актуальность пьесы «Самоубийца» для современников была заявлена сразу местом действия. Она начиналась в буквально «безграничном», пронизаемом пространстве коммунальной квартиры, представлением внешне бытовых, печально-смешных, домашних неприятностей в семье безработного Подсекальникова. Но актуальность и масштаб представленного возрастала многократно с появлением ряда новых для этого места лиц из разных сфер деятельности. Не имеющего возможности даже утолить голод жильца они хотят вовлечь в общественную (политическую!) деятельность. Незванные являются один за другим, обнаруживая в своих речах за слоем высоких слов, призывов-лозунгов сугубо личную корысть, с одной стороны, и общую на этом участке действия пьесы его обозрительскую (в понятиях времени) природу.

Мы оставляем в стороне самую очевидную и наиболее ценную в общем и профессиональном сознании комическую природу текста Н. Эрдмана⁵, чтобы сосредоточиться на тех аспектах, которые не были специальным предметом анализа, – на организации центрального в пьесе *обозрительского* в терминологии времени создания фрагмента.

В первом явлении второго действия безработный герой пьесы испытывается чудом. У него в руках оказывается тайно и давно мечтаемый геликон как способ «нажития денег». Но он убеждается, что научиться играть на нем не может, и понимает, что для него «всё кончено». Он повторяет⁶ эти слова в монологе, не в силах поверить в неотвратимость осознаваемого их смысла: «Это что же такое? Это кончено, значит? Значит, конечно. Значит... Я сквозь эту трубу различал свое будущее... Как же мы будем жить?» [Эрдман, 1990, с. 105]⁷. Глубинный, экзистенциальный смысл вопроса, еще не вполне понимаемый самим героем, отчетливо ощутим на уровне автора: он почти дословно повторил в словах Подсекальникова финальную реплику Гулячкина из своей пьесы «Мандат»⁸.

³ «Москва с точки зрения» (1924), «Житьишко человеческое» (1926), «Одиссея» (1929), «Божественная комедия» (1930), «Перестройка на ходу», «Музыкальный магазин» (1932). [Гутерц, Фридман, 1990]

⁴ «...Основная линия русской драматургии – Гоголь – Сухово-Кобылин – найдет свое блестящее продолжение в творчестве Николая Эрдмана» [Мейерхольд, 1968, с. 95].

⁵ Это особенность всех текстов Н. Эрдмана, на редкость одаренного чувством комического. По подсчетам театра им. Мейерхольда, смех в зале во время спектакля «Мандат» раздавался более 300 раз [Рудницкий, 1969, с. 339].

⁶ Повторение слов в разных ситуациях в разных функциях – особенность эрдмановских текстов; чаще всего она проявляется в целях создания комического эффекта. В цитируемом случае, напротив, повторение слов выражает осознание героем безысходности положения.

⁷ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

⁸ После отмеченной драматургом паузы, Гулячкин, практически обратившись к залу, вопрошает: «...чем же нам жить, мамаша? Чем же нам жить?» (с. 80).

Устроенный бой посуды предстает как импульсивное физическое выражение внутреннего состояния. Комический эффект речи Подсекальников слабеет, предложения становятся короче, наконец он уже не может существовать в диалоге с домашними. Он просит, требует оставить его одного. Мысль пульсирует в безысходности отдельных слов, замирает в нисходящей интонации, в паузах-многооточиях: «Всё разбито... Все чашечки... блюбочки... жизнь... человеческая... Жизнь разбита, а плакать некому... Мир... Вселенная... Человечество... Гроб... и два человека за гробом, вот и всё человечество...» (с. 106).

Всё происходящее до этого: ночная «деятельность» героя, поднявшая его с супружеской постели на поиски оставшейся от обеда ливерной колбасы, попытка обучения игре на геликоне как способе изменить свое существование, сама нелепая мечта о геликоне – всё это было забавно, смешно, но **никому не приносило вреда**. Начало слова в названии пьесы «Самоубийца» акцентирует внимание на причинении вреда себе. Мысль о самоубийстве мелькнула в сознании героя в отчаянном состоянии. Но к самому акту, к совершению этого действия склоняют его – каждый в своих собственных, корыстных целях – образованные, несопоставимо более устроенные в жизни незваные посетители («самозванцы»).

Почередное их появление во втором явлении второго действия – своеобразный «парад героев», сообщает пьесе Н. Эрдмана выразительность организации, характерной не только для широко представленного в театральной культуре 1920-х гг. *обозрения*, но и для древнейших сказок типа «Репки», «Колобка», «Теремка» и др. Это предопределило наше обращение к исследованиям ранних форм культуры В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, научные идеи которых начинали оформляться в то время, когда Н. Эрдман писал свои большие пьесы.

В контексте их работ, а также с учетом публикаций о театральной практике послереволюционной эпохи у нас сформировалось рабочее представление о соотношении понятий *обозрение* и *кумуляция*. В текстах, относящихся к театральной сфере 1920-х гг. (в том числе и в театральной критике), широко использовалось русское слово *обозрение* (от корня *-зр-*: обзор, зрелище, зрение) как представление *зрителям* номеров-фрагментов, объединенных общей темой. Терминология научной литературы создается, как правило, с опорой на латынь. Образованное от латинского слова *cumulare* понятие кумуляции⁹ у В. Я. Проппа и его зарубежных предшественников, во-первых, соответствует языку научного описания явления и, во-вторых, что важнее, определяет объект наблюдения в аспектах организации его компонентов в своеобразное целое. Кумуляция проявляется в многократном повторении одних и тех же синтаксических компонентов как принцип / прием их соединения. Таким образом, слово *обозрение* в широком употреблении акцентирует внимание на предлагаемом воспринимающему сознанию зрелище, составленном из относительно самостоятельных номеров – «аттракционов»¹⁰; а термин *кумуляция* сосредоточивает внимание на приемах, принципах связывания синтаксически однородных компонентов в произведениях разных видов творчества

⁹ «Латинское слово *cumulare* – накапливать, нагромождать, а также усиливать», – считает нужным пояснить В. Я. Пропп [1998, с. 253].

¹⁰ Термин «монтаж аттракционов» и статья с таким названием появились у С. М. Эйзенштейна в процессе совместной работы с С. Третьяковым над упоминавшимся спектаклем – политобозрением «Мудрец» по пьесе А. Н. Островского – в 1923 г. Главной заботой создателей был поиск выразительных средств для ударного агитационно направленного воздействия на зрителя каждого выделенного ими эпизода – «свободный монтаж... воздействий (аттракционов)» [Эйзенштейн, 1964, с. 271].

и разных родовых форм. Мы сосредоточимся на анализе важного участка действия пьесы Н. Эрдмана – на появлении в квартире главного героя незваных лиц в аспектах специфической связи относительно самостоятельных эпизодов.

Импульсом для наших размышлений о самом объемном и принципиально важном в пьесе втором действии «Самоубийцы»¹¹ послужили замечания В. Я. Проппа, с одной стороны, о важности в кумулятивной сказке *действия, диалога*, принципиально, по существу определяющих родовую форму драмы, а с другой стороны, о многократном повторении одних и тех же действий или элементов в композиции кумулятивной сказки¹².

В начале раздела ученый несколько раз в разных формах подчеркнул, что «литература, посвященная кумулятивным сказкам, довольно велика, но общепринятого определения этого понятия нет» [Пропп, 1998, с. 253]. Своеобразным подтверждением того, что понимание кумуляции (как и обозрения, отметим мы) не устоялось, может служить подвижное использование самим В. Я. Проппом группы слов-терминов как синонимов в ее описании. В одних случаях он пишет о *композиционном принципе*, в других – о *художественном приеме*¹³. Свое «предварительное определение» кумуляции в анализируемых явлениях В. Я. Пропп дает «только по лежащей в их основе композиции... (по) нагромождению... совершенно одинаковых синтаксических единиц, различающихся лишь обозначением всё новых и новых синтаксических субъектов или объектов, других синтаксических элементов» [Там же, с. 257].

Принципы кумуляции В. Я. Пропп «ощущает как реликтовые», и произведение на их основе понимает как «продукт... каких-то ранних форм сознания» [Там же, с. 259]. В этом направлении размышлений он оказывается в определенном смысле единомышленником О. М. Фрейденберг. Она пишет об «античном низовом театре, непосредственно шедшем из действенного, еще до-культурного фольклора... в виде балаганных представлений. Такие представления-сценки назывались мимами. <...> Когда под влиянием понятийной мысли возникло искусство, мим залег внутри литературной драмы и стал переживать все изменения роста вместе с ней... <...> возник и нарративный мим, он стал... переходной формой

¹¹ Сравним: второе действие из 29-ти явлений с появлением незваных посетителей занимает 21 страницу; тогда как первое из 23-х явлений располагается на 19-ти страницах; для третьего действия из трех явлений (в ресторане «Красный Бомонд») понадобилось 12 страниц; четвертое действие, снова происходящее в квартире Подсекальниковых, из 20-ти явлений представлено на 11-ти страницах; на пятое, последнее действие из 7-ми явлений хватило 9-ти страниц.

¹² «К кумулятивным сказкам можно причислить и такие, в которых всё *действие* основывается на различных видах *комических бесконечных диалогов*... Обладая совершенно четкой *композиционной системой*, кумулятивные сказки отличаются от других своим стилем, своим словесным нарядом, формой своего исполнения <...> Исполнение их требует величайшего мастерства. Они иногда приближаются к скороговоркам, иногда поются. Весь интерес их – это интерес к колоритному слову как таковому...» (курсив в цитатах наш. – В. Г., Н. Б.) [Пропп, 1998, с. 257–258].

¹³ См.: «В первую очередь мы сосредоточим внимание на *композиционном принципе* этих сказок» [Пропп, 1998, с. 254]; «Композиция... основана на *принципе кумуляции*» [Там же, с. 258]; «Основной *художественный прием* этих сказок состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов» [Там же, с. 254]; «Нанизывание есть не только *художественный прием*, но и *форма мышления* вообще...» [Там же, с. 259] и др. Курсив в цитатах наш. – В. Г., Н. Б.

драматических жанров в повествовательные» [Фрейденберг, 1998, с. 289–290, 299].

Если допустимо унифицировать терминологию разных авторов, то в размышлениях В. Я. Проппа о кумулятивной сказке на основе бесконечных комических диалогов можно обнаружить обозначенную О. М. Фрейденберг переходную форму ранних драматических жанров – в серии, «цепи» мимов-сенок в нарративных сказках.

Предположения-прозрения крупнейших исследователей истоков культуры – В. Я. Проппа и О. М. Фрейденберг – позволяют думать о том, что в *долгом времени* культуры (М. М. Бахтин) древние формы, в их числе и возникшие изначально малые формы драмы – мимы-сценки на комических основаниях (так же, как их соединение на кумулятивной основе), не однажды и по-разному трансформировались в процессах «перевозникновения» форм (О. М. Фрейденберг), в том числе и в пору, когда всё *переворотилось* и только начинало укладываться, о которой мы размышляем.

В ситуации рубежа XX в. и в первые его десятилетия все процессы в культуре и искусстве проходили бурно. Рождался новый вид искусства – кино; театр с появлением института режиссуры, по сути, реформировался. Пересматривались традиции академического кругозора во всех видах искусства: кардинально менялось отношение к народному творчеству. «Пестрый и обширный мир неканонических, с точки зрения культурных представлений XIX века, форм народного творчества не просто был допущен на периферию искусства, он начал активно воздействовать на традиционные каноны поэзии, театра, живописи» [Лотман, 1992, с. 9]. Формировалась неклассическая парадигма художественности, проявлением которой в литературе стала в том числе «смена канонических жанров неканоническими», «появление новых форм, которые нельзя объяснить с точки зрения жанровой теории», которым нужно «найти новые, адекватные им научные понятия» [Тамарченко, 2003, с. 94, 95]. А с другой стороны, подчеркнем мы, в этих новых формах порой оживали, проявлялись, трансформировались подчас до неузнаваемости древние сюжеты, известные мотивы, приемы и способы их реализации¹⁴, сообщая произведениям нового времени творческую энергию *большого времени* культуры¹⁵.

Именно в этих аспектах представляется нам продуктивным размышление о проявлении в пьесе «Самоубийца» обозначенного компонента, восходящего в эрдмановском воплощении к кумулятивной сказке.

Самый распространенный вариант отечественных обзоров 1920-х гг. создавался своеобразным путешествием, передвижением героя (героев) в пространстве. Такой тип организации текста позволял широко развернуть картины быта, поведения отдельных лиц в новых исторических условиях, затронуть самые разные

¹⁴ В этих аспектах рассматривались трансформации сюжетов об истинных правителях и договоре человека с дьяволом в отечественной драме 1920-х гг. [Головчинер, 2007, с. 98–152], ситуаций *видения* в лирике В. В. Маяковского [Головчинер, 2018] и др.

¹⁵ «Мы обычно стремимся объяснить писателя и его произведения... из его современности и ближайшего прошлого... Между тем произведение уходит корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху же их создания снимают только зрелые плоды длительного сложного созревания... Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто (а великие произведения всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [Бахтин, 1979, с. 331].

темы и проблемы. В создании такого обозрения участвовал Н. Эрдман в 1924 г. («Москва с точки зрения»). Другой вариант обозрения оставлял героя на одном месте, но к нему шли в разное время разные лица, каждый со своей целью и способом ее осуществления, и это знакоило как с разными лицами – типами социального поведения, так и с переменами в решениях, принимаемых по отношению к ним центральным героем (неопубликованный текст обозрения В. Масса и Н. Эрдмана «Телемах» 1930 г.).

Во втором из пяти действий «Самоубийцы» в квартиру к главному герою Семену Семеновичу Подсекальникову, решающему в безысходном состоянии вопрос жизни и смерти, неожиданно для него идут один за другим незваные (самозванцы), незнакомые ему лица. Первым неожиданно появляется рекомендующий себя защитником интересов русской интеллигенции Аристарх Доминикович. Он является, подобно дьяволу из старинного сюжета о продаже человеком души (по ремарке, «раздается оглушительный стук в дверь» (с. 107)), искушает уязвленного своим положением человека колоссальной посмертной славой, расписывает ее масштабы: «Имя *ваше* прольется из уст в уста. *Ваша* смерть станет лучше темой для диспутов. *Ваш* портрет поместят на страницах газет» (с. 109). Он рисует ему поистине грандиозную картину похорон: «Вся российская интеллигенция соберется у *вашего* гроба <...> Катафалк *ваш* утонет в цветах, и прекрасные лошади в белых пополах повезут *вас* на кладбище, гражданин Подсекальников» (с. 109).

Суггестивно внушающий эффект двухстраничной речи, прерываемый короткими репликами Подсекальникова, достигается бесконечным, туманящим сознание героя повторением в разных падежах подчеркнуто уважительного местоимения «вы» (ваш, вас, вашего...), а также словесными кружевами о значении, величии, общественном резонансе поступка, который призывает совершить пришедший. В потоке речи он незаметно сдвигает акценты в формулировке цели своего появления. О самоубийстве начинал думать и сам Подсекальников, а пришедшему нужно, чтобы тот изменил текст предсмертной записки в его пользу и только после этого застрелился¹⁶. Действенный заряд и разоблачающий смысл требования несут повторы глаголов в их логике (*стреляйтесь, погибайте*, но *защитите* интеллигенцию, *защитите нас*). В сильной позиции, в конце монолога, одним предложением (уже без повторов) проговаривается истинная цель появившегося «с оглушительным стуком» Аристарха Доминиковича – он предлагает Подсекальникову «задать правительству беспощадный вопрос», напомнить о... себе самом.

Плетение словес с множеством определений и повторов одних и тех же слов затуманивает, отдаляет для слушающего их смысл. Неизвестно, что больше, опыт с работы Эрдмана-поэта над поиском созвучий или всплывающая из глубин памяти поэтика повторов в вопросах-ответах персонажей кумулятивных сказок (др. фольклорных форм) предопределили выразительность удвоений слов в текстах его пьес.

¹⁶ «*Стреляйтесь себе на здоровье*. Но *стреляйтесь* как общественник <...> Разрешите я вам объясню... *Вы хотите погибнуть* за правду, гражданин Подсекальников. *Погибайте скорей*. Разорвите вот эту записочку и напишите другую. Напишите в ней *искренне всё*, что вы думаете. Обвините в ней *искренне всех*, кого следует. *Защитите нас*. *Защитите* интеллигенцию и задайте правительству беспощадный вопрос: почему не использован в деле строительства такой чуткий, лояльный и знающий человек, каковым безо всякого спора является Аристарх Доминикович Гранд-Скубик» (курсив наш. – В. Г., Н. Б.) (с. 108).

В представлении ряда тех, кто стремится наперегонки ценой организованного ими самоубийства человека получить свои преимущества, это ощущается с очевидностью. Логике использования одних и тех же способов воздействия, удвоенный-повторений слов отвечала по-своему двойная фамилия первого посетителя – Гранд-Скубик. Сатирической утрировке в характеристике персонажа служило соединение двух слов, своими значениями опровергающими семантику друг друга: *гранд* (на латыни великий, важный) и *скубик* (от «скубу», «скубти» – драть, ощипывать (птицу)) или от «с кубик» как указание на ничтожный размер. Удвоенную семантику «победителя» в имени еще одного визитера, писателя Виктора Викторовича дезавуирует сомнительный по человеческим меркам результат его деятельности за пределами действия: это он, по его финальной информации, сумел «победить», довести до нужной записки и до самоубийства Федю Петунина.

Среди шести поименно названных и являющихся к Подсекальникову лиц с предложением переписать записку, а потом непременно «стреляться», можно заметить свою внутреннюю организацию на основании по-разному организованных повторов. В ряду незваных можно заметить несколько пар своеобразно рифмующихся лиц. К двум из них с «удвоенными» именами могут быть добавлены две дамы, озабоченные отношением к ним одного мужчины, а также некая пара – писатель Виктор Викторович и священник отец Елпидий.

Двух последних по-своему объединяет их предназначение и явное пренебрежение им. Владеющие *словом*, они должны поддерживать душевные силы людей, помогать им жить. Но они являются к Подсекальникову с противоположной целью – *подсечь* его под корень, лишить веры в себя, подвести к мысли о самоубийстве во имя своего *самоутверждения*. Это тем более предосудительно и противоестественно для священника.

Пара соперничающих дам – Клеопатра Максимовна и Раиса Филипповна – в борьбе за одного мужчину внушают мысль о самоубийстве другому: каждая готова использовать гибель человека, только бы он упомянул в предсмертной записке ее, а не соперницу. Клеопатра Максимовна явилась второй после Гранд-Скубика и без лишних слов перешла к делу.

Клеопатра Максимовна. ...раз уж мы с вами познакомились, я хочу вас попросить о маленьком одолжении.

Семен Семенович. Ради бога. Пожалуйста. Чем могу.

Клеопатра Максимовна. Господин Подсекальников, вы всё равно стреляетесь. Будьте ласковы, застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович. То есть как – из-за вас?

Клеопатра Максимовна. Ну, не будьте таким эгоистом, мсье Подсекальников. Застрелитесь из-за меня.

Семен Семенович. К сожалению, не могу. Я уже обещал.

Клеопатра Максимовна. Вы кому обещали? Раисе Филипповне?.. Если вы из-за этой паскуды застрелитесь, то Олег Максимович бросит меня. Лучше вы застрелитесь из-за меня, и тогда Олег Максимович бросит ее... (с. 111).

Давая даме имя последней египетской царицы из рода Птолемеев, сохранившейся в памяти потомков тем, что за ночь с ней мужчины готовы были отдать жизнь, и тем, что позорной смерти она предпочла самоубийство, Н. Эрдман со-

общает своей Клеопатре Максимовне *максимально* противоположное, сниженное выражение женской сущности.

Своеобразной парой могут восприниматься и явившиеся первыми Гранд-Скубик и Клеопатра Максимовна на том основании, что только их драматург представляет в парных сценах с Подсекальниковым, давая возможность предстать в монологах. При этом второй – грубо-прямолинейный – монолог Клеопатры-«Капы» совпадает с первым (произнесенным представителем интеллигенции) по смыслу, по итогу, поэтому времени и места ему отведено вдвое меньше.

Поскольку другие четверо являются с теми же требованиями и, предполагается, с теми же аргументами, драматург не выделяет их дуэтными сценами с Подсекальниковым, представляет входящими одного за другим подряд в коротких явлениях восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом. При этом появление всех шестерых обозначается синтаксически однородно: они входят с одним и тем же вопросом, обращенным к присутствующему лицу мужского пола, – не он ли Подсекальников ¹⁷.

Аристарх Доминикович. Разрешите полюбопытствовать, вы не тот Подсекальников, который стреляется? (с. 107)

Клеопатра Максимовна. Что мсье, Подсекальников, это вы? (с. 110)

Появление с подчеркнуто, очевидно аналогичными вопросами других лиц происходит практически непрерывно (визуально на одной странице это особенно заметно ¹⁸). Вопрос каждого появляющегося «Подсекальников – это вы?» выступает в функциях кумулятивной сцепки, введения его в ряд других. В желании быть замеченными Подсекальниковым припоздавшие точно так же, как первые, льстят ему, только в присутствии других им уже не развернуться в монологе, и они обходятся краткими репликами, общий пафос которых позволяет мгновенно привести всех к «общему знаменателю» ¹⁹.

¹⁷ По типу «Кто-кто в теремочке живет? Кто-кто в невысоком живет?» в сказке «Теремок».

¹⁸ *Входит Никифор Арсентьевич Пугачев, мясник.*

Пугачев. Вот те раз – никого.

Входит Виктор Викторович, писатель.

Виктор Викторович. Гражданин Подсекальников – это вы?

Пугачев. Нет, сам его жду.

Входит отец Елпидий, священник.

Отец Елпидий. Виноват, Подсекальников – это вы?

Виктор Викторович. Нет, не я.

Отец Елпидий. Значит, вы?

Пугачев. Тоже нет

Входит Аристарх Доминикович Гранд-Скубик.

Отец Елпидий. Вот, наверное, он. Подсекальников – это вы?

Аристарх Доминикович. Что вы, нет (с. 117).

¹⁹ Пугачев. Вы последняя наша надежда, Семен Семенович.

Отец Елпидий. Вы сподвижник. Вы мученик.

Виктор Викторович. Вы герой.

Раиса Филипповна. Вы мой самый любимый герой современности...

Пугачев. Мы закатим вам банкет

Отец Елпидий. Мы устроим вам проводы.

Виктор Викторович. Мы вас чествовать будем, гражданин Подсекальников (с. 120).

Кумуляция – «нагромождение» являющихся и семантические повторы их обращений – имеет, подобно сказке, свою логику. Гранд-Скубик заявляет о себе и своих амбициях в пространном монологе; у появляющихся следом возможностей предъявления себя становится всё меньше. Наконец, эта линия текстов получает завершение в записках тех безымянных, кто не появится на сцене, – их тексты зачитывает Калабухов, организовавший поток недовольных с выгодой для себя²⁰.

Отшлифованные устной передачей в веках самые древние кумулятивные сказки сохранили для будущих поколений предельно экономный в своей выразительности принцип организации материала. Виртуозно использованный в пьесе «Самоубийца» Н. Эрдманом, этот принцип позволил представить массу лиц. Они остроумно (текст их реплик написан остроумнейшим автором) и порой не без оснований критически отзываются о жизни в стране²¹. Но их репризы, как разноцветные огни фейерверка, вспыхивают и гаснут, а логика действия неумолимо показывает, что мысль, энергия каждого пришедшего извне – несопоставимо более образованного, благополучного и равнодушного к другому, направлена исключительно на осуществление своих амбиций ценой жизни человека.

Обнаружение в значительной части действия пьесы «Самоубийца» принципов организации целого и приемов сцепления, выработанных древнейшей кумулятивной сказкой, дает основание размышлять в нескольких направлениях.

В ряду отечественных пьес 1926–1929 гг. с практически обязательными массовыми сценами и порой трудно различаемыми их участниками²² «Самоубийцу» принципиально выделяет центральная ее часть, посвященная отдельному и индивидуальному проявлению каждого лица. Кумулятивная организация действия в центральной части пьесы позволяет не просто выделить, но укрупнить и ни-

²⁰ «...незабвенный покойник пока еще жив, а предсмертных записок большое количество... например, вот такая записка оставлена: «Умираю как жертва национальности. Затравили жида». «Жить не в силах по подлости фининспектора». «В смерти прошу никого не винить, кроме нашей любимой советской власти». И так далее, и так далее» (с. 118).

²¹ См.: «В настоящее время, гражданин Подсекальников, то, что может подумать живой, сказать может только мертвый» (с. 108); «Вот у нас, у писателей, музыкантская жизнь. Мы сидим в государстве за отдельным столом и всё время играем туш. Туш гостям, туш хозяевам. Я хочу быть Толстым, а не барабанщиком» (с. 119); «В настоящее время люди, которые хотят умереть, не имеют идеи, а люди, которые имеют идеи, не хотят умирать. С этим надо бороться... Теперь больше чем когда-либо нужны идеологические покойники» (с. 119); «Что такое общественность – фабрика лозунгов» (с. 161) и др.

²² Показателен случай с пьесой «Разлом». Успех «Штурма» в театре им. МГСПС, «Любови Яровой» в Малом театре, «Дней Турбинных» в МХАТе с их массовыми сценами активизировал усилия Театра им. Вахтангова в поисках своей пьесы к 10-летию революции. Б. Лавренев написал для него пьесу «Разлом». Политическое размежевание революционных дней представляло происходящее в семье командира крейсера «Заря» Берсенева (его название явно соотносилось с «Авророй», чей холостой выстрел стал сигналом к штурму Зимнего дворца). На фоне младшей дочери Берсенева, готовой как фейерверк наблюдать подготовленный офицерами взрыв крейсера (чтобы он не ушел к большевикам), предстали героические усилия старшей, которая успела предотвратить беду, сообщить о готовящемся акте. Но театру нужна была массовая сцена в духе времени, и драматургу, как он ни «брыкался», пришлось всё второе действие посвятить происходящим на крейсере политическим дебатам низшего состава. Это потребовало увеличения числа находящихся на сцене (два мичмана, два безымянных боцмана, шесть с порядковыми номерами матросов и еще старший матрос), что скорее обозначало разные человеческие и политические позиции и торжество действие, чем развивало его.

чтожность целей, и ответственность каждого за губительное направление своих действий.

Выделение кумулятивной цепочкой большой группы лиц позволяет существенно уточнить проблематику пьесы, задуматься о том, что имевшие место на первых порах изучения разногласия по поводу политической направленности пьес Н. Эрдмана («против» кого он выступает) отступают перед поставленной автором более масштабной, общечеловеческой проблемой природы человека, его социальной психологии. Художественное исследование социального поведения персон из вполне благополучно устроенного в социуме множества показывает их агрессивную готовность при случае подняться выше, получить больше других любой ценой, в том числе самой страшной – ценой **жизни человека**. Н. Эрдман писал свою пьесу в пору назревавших катаклизмов 1930-х гг.

И еще. Выразительность и прочность конструкции древнейшей кумулятивной сказки с ее системой скрепляющих синтаксических повторов, обнаруженных в драматическом действии пьесы «Самоубийца», позволяют думать о не явно, но глубоко и прочно укорененной в организации ее действия «примитивистской составляющей», характерной для отечественного авангарда, для макростилиа эпохи [Кофман, 2010, с. 160].

Список литературы

Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 328–325.

Велехов Л. Самый остроумный // Театр. 1990. № 3. С. 90–96.

Головчинер В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 320 с.

Головчинер В. Е. «Юбилейное» и «Во весь голос» в логике одного лирического сюжета В. Маяковского 1920-х годов // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве. К 125-летию со дня рождения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 31–40.

Головчинер В. Е. К истории первой литературоведческой статьи о пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца» // Вестник ТГПУ. 2019. Вып. 6 (203). С. 118–121. DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-119-121

Гутерц А., Фридман Д. Основные даты жизни и творчества Николая Эрдмана // Эрдман Н. Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 513–523.

Киселев Н. Н. Комедия Н. Эрдмана «Самоубийца» // Вестник ТГПУ. 2019. Вып. 6 (203). С. 105–118. Републикация В. Е. Головчинер, О. Н. Русановой. DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-105-117

Кофман А. Ф. Примитивистская составляющая авангардизма // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.). Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / Под ред. Ю. Н. Гирина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 157–228.

Лотман Ю. М. Блок и народная культура города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 3. С. 185–200.

Мейерхольд В. Э. Из ответа на анкету газеты «Вечерняя Москва» // Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М.: Искусство, 1968. Ч. 2: 1917–1936. С. 95.

Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Пропп В. Я. Поэтика фольклора. Часть вторая. М.: Лабиринт, 1998. С. 251–269.

Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М.: Наука, 1969. 525 с.

Тамарченко Н. Д. Методологические проблемы теории рода и жанра в поэтике XX века // Теория литературы: В 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3: Роды и жанры. С. 81–98.

Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

Штраух М. Два Сергея Михайловича // Третьяков С. «Слышишь, Москва?!» М.: Искусство, 1966. С. 174–186.

Уварова Е. Д. От составителя // Москва с точки зрения. Эстрадная драматургия 20–60-х годов. М.: Искусство, 1991. С. 5–24.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.

Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов // Эйзенштейн С. Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. С. 269–273.

Эрдман Н. Самоубийца // Эрдман Н. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 81–164.

References

Bakhtin M. M. Otvet na vopros redaktsii “Novogo mira” [Answer to the question of the editors of “Novyi Mir”]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 328–325.

Erdman N. Samoubiytsa [The suicide]. In: N. Erdman. *P'esy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov* [Plays. Interludes. Letters. Documents. Memories of contemporaries]. Moscow, Iskusstvo, 1990, pp. 81–164.

Eyzenshteyn S. Montazh attraktsionov [Installation of Attractions]. Eisenstein S. *Izbrannye proizvedeniya: V 6 t (T. 2)* [Selected works: in 6 vols.]. Moscow, Iskusstvo, 1964, vol. 2, pp. 269–273.

Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Vost. lit., 1998, 800 p.

Golovchiner V. E. *Epicheskaya drama v russkoy literature 20 veka* [Epic drama in Russian literature of the 20th century]. Tomsk, TSPU, 2007, 320 p.

Golovchiner V. E. K istorii pervoy literaturovedcheskoy stat'i o p'ese N. Erdmana “Samoubiytsa” [To the history of the first literary article on N. Erdman’s play “The Suicide”]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2019, no. 6 (203), pp. 118–121. DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-119-121

Golovchiner V. E. “Yubileynoe” i “Vo ves' golos” v logike odnogo liricheskogo syuzheta V. Mayakovskogo 1920-kh godov [“The anniversary” and “At top of my voice” in the logic of one lyrical plot of V. Mayakovsky in the 1920s]. In: *Vladimir Mayakovskiy v mirovom kul'turnom prostranstve. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vladimir Mayakovsky in the world cultural space. To the 125th anniversary of his birth]. Moscow, IMLI RAN, 2018, pp. 31–40.

Guthertz A., Fridman D. Osnovnyye daty zhizni i tvorchestva Nikolaya Erdmana [The main dates of life and art of Nikolai Erdman]. In: N. Erdman. *P'esy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov* [Interludes. Letters. Documents. Memories of contemporaries]. Moscow, Iskusstvo, 1990, pp. 513–523.

Kiselev N. N. Komediya N. Erdmana “Samoubiytsa” [N. Erdman’s comedy “The suicide”]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2019, no. 6 (203), pp. 105–118. Republished by V. E. Golovchiner, O. N. Rusanova. DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-105-117

Kofman A. F. Primitivistskaya sostavlyayushchaya avangardizma. [Primitivist Component of Avant-gardism]. In: *Avangard v kul'ture 20 veka (1900–1930 gg.). Teoriya*.

Istoriya. Poetika: V 2 kn. [Avant-garde in the culture of the twentieth century (1900–1930). Theory. History. Poetics: In 2 books]. Moscow, IMLI RAN, 2010, pp. 157–228.

Lotman M. Yu. Blok i narodnaya kul'tura goroda [Blok and the folk culture of the city]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: in 3 vols.]. Tallinn, Alexandra, 1992, vol. 3, pp. 185–200.

Meyerkhol'd V. E. Iz otveta na anketu gazety "Vechernyaya Moskva" [From the answer to the questionnaire of the newspaper "Evening Moscow"]. In: Meyerkhol'd V. E. *Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy.* [Articles. Letters. Speeches. Conversations]. Moscow, Iskusstvo, 1968, pt. 2: 1917–1936, p. 95.

Propp V. Ya. Kumulyativnaya skazka [Cumulative fairy tale]. In: Propp V. Ya. *Poetika fol'klora. Chast' vtoraya* [Poetics of folklore. Part Two]. Moscow, Labyrint, 1998, pp. 251–269.

Rudnitskiy K. *Rezhisser Meyerkhol'd* [The stage director Meyerhold]. Moscow, Nauka, 1969, 525 p.

Tamarchenko N. D. Metodologicheskie problemy teorii roda i zhanra v poetike 20 veka [Methodological issues of type and genre theory in poetics of the 20th century]. In: *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow, IMLI RAN, 2003, vol. 3: Rody i zhanry [Genera and genres], pp. 81–98.

Trotskiy L. D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and revolution]. Moscow, Politizdat, 1991, 400 p.

Shtraukh M. Dva Sergeya Mikhaylovicha [Two of Sergeys Mikhailovich]. In: Tret'yakov S. "Slyshish', Moskva?!" ["Hear, Moscow?!"]. Moscow, Iskusstvo, 1966, pp. 174–186.

Uvarova E. D. Ot sostavitelya [From the compiler] *Moskva s tochki zreniya: Estradnaya dramaturgiya 20–60-kh godov.* [Moscow from a point of view: Variety drama of the 20–60s]. Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 5–25.

Velekhov L. Samyy ostroumnyy [The most witty]. *Teatr.* 1990, no. 3, pp. 90–96.

Информация об авторах

Валентина Егоровна Головчинер, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Наталья Алексеевна Бабенко, аспирант кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Valentina E. Golovchiner, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia A. Babenko, Postgraduate Student of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 24.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 16.03.2023
The article was submitted on 24.10.2022;
approved after reviewing on 16.03.2023; accepted for publication on 16.03.2023*

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/10

Стихотворная книга Юрия Галича «Орхидея»: экзотическое и традиционное

Елена Юрьевна Куликова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация

Рассмотрен стихотворный сборник Юрия Галича (Георгия Гончаренко) «Орхидея», изданный во Владивостоке в 1921 г. и переизданный в Риге в 1927 и 1928 гг., проанализирована мотивная структура книги стихов, подчеркнута близость лирики Галича с творчеством Н. Гумилева, К. Бальмонта, отмечены переключки с «экзотической» прозой И. Бунина (новелла «Братья»), с «Цветами зла» Бодлера и др. Тропические и морские мотивы у Галича восходят к Африке и лирике путешествий Гумилева, однако и Восточная Азия становится предметом описания в «Орхидее». Контаминация с эго-футуризмом и приемами Бальмонта, с одной стороны, подчеркнула тягу Галича к раннему Гумилеву, активно использовавшему «красивости» и излишнюю вычурность лексики, с другой – выявила иронический оттенок, под которым подавались чрезмерно «экзотические» стихи.

Ключевые слова

экзотизм, Юрий Галич, тропические мотивы, Восток, Япония, ориентализм

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Искренне благодарю И. Е. Лощилова за предоставленную мне из архива ГИАОО копию автографа повести Антона Сорокина «[Цирковые] антре шута Бенцео».

Для цитирования

Куликова Е. Ю. Стихотворная книга Юрия Галича «Орхидея»: экзотическое и традиционное // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 138–155. DOI 10.17223/18137083/84/10

© Куликова Е. Ю., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 138–155

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 138–155

The poetry book “Orchid” by Yuri Galich: exotic and traditional

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract

The paper considers the poetry collection “Orchid” by Yuri Galich (Georgy Goncharenko), published in Vladivostok in 1921 and republished in Riga in 1927 and 1928. The motive structure of the collection is analyzed, with an emphasis on the proximity of Galich’s lyrics to the works of N. Gumilev and K. Balmont and references to the “exotic” prose of I. Bunin (the short story “Brothers”), Baudelaire’s “Flowers of Evil” and others. Maritime motifs are regarded to be related to Galich’s emigrant perception of the world, romantically in love with Gumilev but longing for his lost homeland and unable to engage entirely in the happiness of wanderings. Attention is paid to the images of the Flying Dutchman and Odysseus. Africa and the travel lyrics of Gumilev prove to be the source of tropical and maritime motifs in Galich’s poetry. East Asia is also described (the poems “Ilang-Ilali,” “Kiku-San,” and “Night in Singapore”). The poem “The Sun of the East,” comprising eight parts in the 1921 edition, can be considered an ode to Japan. In terms of structure, without using the odic stanza, the poet tightens the division of the text by connecting two quatrains, thus emphasizing the solemnity of the intonation. Influenced by the symbolists, acmeists, and ego-futurist (Severyanin), the poems of Galich have a literary character. Contamination with ego-futurism and Balmont’s techniques highlights Galich’s attraction to the early Gumilev, who actively used “beauties” and excessive pretentiousness of vocabulary, and reveals the ironic connotation behind the excessively “exotic” poems.

Keywords

exoticism, Yuri Galich, tropical motives, East, Japan, orientalism

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

I want to express my sincere gratitude to Igor Evgenyevich Loshchilov for providing me with a copy of the autograph of Anton Sorokin’s novel “[Circus] Entrepreneurs of Jester Benetso” from the GIAOO Archive.

For citation

Kulikova E. Yu. The poetry book “Orchid” by Yuri Galich: exotic and traditional. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 138–155. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/10

Среди поэтов Серебряного века, вошедших в литературу Русского Востока (Харбин, Шанхай, Дальний Восток), нельзя не отметить фигуру Георгия (Юрия) Ивановича Гончаренко (1877–1940), военачальника Российской империи, генерал-майора Генштаба, журналиста, публициста, поэта и прозаика, взявшего литературный псевдоним Юрий Галич. Гончаренко родился в Варшаве, был потомственным дворянином Полтавской губернии, с отличием окончил Полоцкий кадетский корпус.

Судьба генерала-поэта Гончаренко была трагична. В 1895 г. он поступил на военную службу юнкером Николаевского кавалерийского училища, изучал полевое саперное дело. С августа 1897 г. стал корнетом гвардии. В 1900 г. его зачис-

лили в Николаевскую академию Генерального Штаба. Служил поручиком, штабс-ротмистром гвардии, окончил Николаевскую академию Генерального Штаба (по 1-му разряду). Был старшим адъютантом штаба 18-й пехотной дивизии. Исполнял должность столоначальника Главного Штаба и Главного управления Генерального Штаба, помощника делопроизводителя Управления генерал-квартирмейстера Генштаба, обер-офицера для поручений при штабе Виленского военного округа, старшего адъютанта штаба 3-й кавалерийской дивизии (Ковно).

В 1907 г. издал первый поэтический сборник «Вечерние огни».

«В 1911 году он получает назначение в Ригу на должность начальника штаба Усть-Двинской крепости. С 1914 года Галич принимал участие в Первой мировой войне; армия, в рядах которой он воевал, заняла города Галич и Львов. За годы службы в царской армии Юрий Иванович был офицером Генерального штаба, начальником штаба кавалерийского дивизиона, корпуса и командиром драгунского полка» [Кириллова, 2010, с. 192].

В 1916 г. Гончаренко отличился, командуя полком в бою у д. Дубовые Корчмы, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием. 27 декабря 1918 г. был уволен от службы по болезни, хотя у «красных» фактически не служил. После подписания Брестского мира оставил Советскую Россию и переехал в оккупированную немцами Украину. Служил в Киеве, в армии Украинской державы, в чине генерал-хорунжего, при штабе гетмана Павла Скоропадского. В январе 1919 г., после ликвидации Гетманата и восстановления Украинской народной республики, был арестован петлюровцами, посажен в тюрьму, однако через несколько дней бежал и добрался до Одессы, оккупированной войсками Антанты. В начале апреля 1919 г., в ходе эвакуации интервентов из Одессы, был эвакуирован в Константинополь на французском пароходе «Caucasus».

В 1920 г. прибыл из Константинополя во Владивосток, где занимался литературной деятельностью: работал журналистом, печатался в местных журналах. В течение трех лет публиковался на страницах газет и журналов. В 1921 г. выходит его книга рассказов «Красные хороводы» и сборник стихов «Орхидея» («Тропические рифмы»). «В прозе Галич активно разрабатывает военную тематику, что подтверждает эюд “Брусилев”. Это автобиографические воспоминания писателя о своем командире и известном полководце, военном деятеле Алексее Брусилеве, рассуждения о методике преподавания военного искусства в кавалерийских школах. Можно предположить, почему Ю. Гончаренко взял псевдоним “Галич”. Будучи офицером, поклонником Брусилева, отдавая должное ему как талантливому полководцу и военному новатору, поэт взял этот псевдоним, потому что, как он сам пишет, “удар на Галич явился ‘первым лавровым листом в венке побед’ Брусилева”» [Кириллова, 2007, с. 79].

После установления в Приморье советской власти генерал Гончаренко вынужден был покинуть Россию. Эмигрировав через Китай в Европу, в 1927 г. он обосновался в Латвии, где и продолжил литературную деятельность. «Прибыл он туда на корабле “Регина”, который девять лет назад, в 1914 году, он, полковник Генерального штаба, задержал, когда судно, пытавшееся сняться с якоря, хотело уйти в Германию, и приказал переоборудовать его в плавучий госпиталь. И вот, девять лет спустя, корабль возвратил его, изгнанника, в порт приписки» [Кириллова, 2010, с. 193].

После аннексии Латвии в 1940 г. бывшего белого генерала вызвали на допрос в НКВД, после которого Георгий Гончаренко застрелился¹. Похоронили его в Риге на Покровском кладбище.

Русскоязычным литературоведам из Латвии принадлежит версия о том, что именно Галич является автором знаменитого романа «Поручик Голицын», который когда-то привезла из Парижа Жанна Бичевская.

«Орхидея» была переиздана в Риге в 1927 и 1928 гг. В берлинской газете «Руль» за 1927 г. был опубликован отзыв В. Сирина (Набокова). В небольшой рецензии гумилевские мотивы у Галича были раскритикованы Набоковым, который увидел в них, скорее, раздражившие его бальмонтские и северянинские ноты (впрочем, непосредственно они названы не были): «Раскрыв “Орхидею” (опять “изысканное” название) Юрия Галича наобум, я сразу напал на хорошее стихотворение: “давно, давно, лет шесть тому назад, с берданкою в руке, в поршнях, в кафтане рваном, в пригожий летний день, с рассветом, ранним-рано проселком пахотным идет со мной Игнат”. Прочитав весь сборник, я пожалел, что автор не остановился только на одной теме, на теме о вот таких охотничьих рассветах... Автор посвящает Гумилеву стихи об Африке, но как можно, любя Гумилева и зная его² Африку, писать о “мотивах мимозной поэзы”, об “одеждах солнечных и фейных” и о том, что на озере Чад – “фламинго и львиный галоп”!...» [Сирин, 1927, с. 4]. Не принявший «экзотизмов» Галича Набоков, тем не менее, оценил более «естественные» стихи, созданные в русском бунинском ключе.

А в газете «Шанхайская жизнь» от 7 июня 1921 г. Иона Вочревесущий иронизирует над «экзотическими красотоми» Галича, указывая на ошибки поэта в описании Шанхая:

Было утро, было тихо,
Млели волны Янтсекьянга,
Солнце бледно золотило
Неподвижный Нанкин-Род...

...но поэт упустил из виду, что от волн Янтсекьянга до Нанкин-Род больше тридцати верст и что весьма затруднительно было бы созерцать и Нанкин-Род, и полусонные переулки, и эту почтенную реку [Иона Вочревесущий, 1921, с. 3]³.

Как отмечает Е. О. Кириллова, «стихи Юрия Галича... представляют собой квинтэссенцию символизма и эгофутуризма. Стихотворения “В Полдень”, “В майдень”, “Брызги аметиста. Спектр”, “Луноночью” отмечены влиянием эгофутуриста И. Северянина с его понятием “муаровости”, “трагедии жизни как грезофарсе”. Так, и у Галича “грзотайны шампанской опьяняющий след”, “душа стоцветногранная”, “пурпурные рубины экстаза”, “алмазный день”, “сапфирная улыбка”, “топазный сюжет”, “закат, как яркий хризопрас” и т. д. На многих стихах поэта лежит отпечаток доктрин “Академии эгопоэзии”, организованной в на-

¹ Биографическая справка, в которой почти в художественной форме предложены несколько версий о смерти Ю. Галича, представлена в небольшом предисловии к первому тому изданного в 2012 г. четырехтомного собрания сочинений писателя [Владимиров, 2012, с. 5–18].

² Разрядка автора.

³ Далее Иона Вочревесущий находит еще одну ошибку в «экзотике» Галича: поэт называет «золотыми таэлями» *серебряные* монеты [Иона Вочревесущий, 1921, с. 3].

чале 1912 г. в Петербурге ее лидером И. Северяниным, и такой же эфемерной “Интуитивной ассоциации эгофутуристов”» [Кириллова, 2007, с. 73–74].

«Озеро Чад» Галич посвятил как раз не Гумилеву, как мог бы ожидать читатель, а Бальмонту, и эта адресация вполне соответствует лексике и стилистике текста ⁴:

Лишь завеют пахучие нарды ⁵ –
Уношусь на таинственный Чад.
Там рычат в тростниках леопарды,
Там лиловые птицы кричат.

Там в тенистой мимозовой пуще,
Где мрак синий спокойней и гуще,
Озаренные светом луны,
Спят в траве голубые слоны
(Галич, 1927, с. 88).

«Орхидея» 1921 г. делится условно на мотивы гумилевского плана (морские странствия, африканский и азиатский топос, путешествия по арабской пустыне) и «восточные» мотивы (Индия, Япония, Цейлон, Сингапур). Некоторые тексты имеют следующие подзаголовки:

- морская поэма («Шквал»);
- тропическая поэма («Рикша»);
- сказка цейлонского леса («Иланг-Илалы»);
- песня рыбака («На Босфоре»);
- песня («Час любви»);
- поэма пустыни («Али»);
- из мемуаров русской леди («Африканский роман»), который можно было бы назвать «женской» поэмой.

«Тропических» – в плане экзотических экспериментов – рифм в первом издании у Галича нет, рифмы все достаточно обыкновенные, классические. Но вся поэтическая книга переполнена тропическими мотивами. Литературная генеалогия «Орхидеи» (1921) восходит к Гумилеву и отчасти к Бальмонту. Основные гумилевские мотивы и сюжеты, связанные с путешествиями (морскими и африканскими), у Галича представлены ярко, подробно, объемно. Бальмонтовская линия представлена, главным образом, в восточных стихах поэта («Иланг-Илалы» из «Орхидеи» 1921 г. и «Сон» из «Орхидеи» 1927 г. напоминают о фее грез). Стихи Галича литературны, они созданы под знаком символистов, акмеистов, эгофутуриста Северянина (кстати, в свои поэтические книги «северянинские» тексты Галич включал минимально, они, в основном, остались в газетах и журналах владивостокской поры), Бунина (ср.: рикша в новелле «Братья»), Лермонтова ⁶.

«В литературных кругах Владивостока за свою привязанность к экзотическим темам Галич вообще получил ироническое прозвище “экзотный”» [Кириллова, 2007, с. 73–74]. Стихи для Галича, по-видимому, были способом уйти в мир грез.

⁴ А вот поэма Галича «Корсар» из рижского сборника посвящена Николаю Гумилеву (Галич, Корсар, 1921, с. 3).

⁵ Здесь и далее стихи Галича цитируются в современной орфографии.

⁶ В неизданной повести омского писателя А. С. Сорокина «Антре шута Бенесто» Галич упоминается как футурист: «Приехали футуристы: Ленский, Гольцшмидт, Галич и другие... Пришли к Антону Сорокину за материалом» (Сорокин, 1922).

Более того, возникает ощущение, что поэт «заигрывается» специально, перебарщивает с комплектом экзотических названий, образов и тем, как будто подшучивая над собой и своей увлеченностью.

Вероятно, обращенность к русской культуре, причем не всегда отстоящей, но близкой, только что прогремевшей, давала силы поэту, генералу жить дальше. В прозе он писал исторические романы и рассказы с воспоминаниями о походах, рефлексией о революции, обо всем, что происходило в России и на Украине на глазах у Галича. Критики и немногочисленные исследователи подчеркивают, что художественные произведения Галича, романы и рассказы – это почти хроники. Там мало выдумки, это, скорее, записи-дневники. Стихи на этом фоне превращаются в поэтические игры, фантазии и сознательные перепевы.

В рижском издании 1927 г. сборник открывается стихотворением «Искатель жемчуга», посвященным Гумилеву.

...скольжу на Замбезе,
В глубине африканской пустыни,
Направляя зулусской пироги
И коварный и зыбкий полет.
И, в мотивах мимозной поэзы,
Открываю иные святыни –
Водопой, где лежат носороги,
Где резвится седой бегемот.

Пусть густы баобабные чащи,
Пусть колючи и цепки мимозы,
Но железной иглой ассегая
Я пронжу изумрудную мглу –
И все чаще, все чаще, все чаще
Уношусь в африканские грезы,
А на солнце глядит, не мигая,
Чернокожий мой спутник – Лулу
(Галич, 1927, с. 1).

Все основные мотивы экзотических стихов Гумилева Галич подчеркнуто отчетливо озвучивает, соединяя ранние опыты поэта-акмеиста, только воображающего себе Африку (от «Носорога» до сборника «Жемчуга»), с его поздними зарисовками из «Шатра» и вольным переводом «Абиссинских песен».

«Орхидея» 1921 г. начинается со стихотворения «Цветы наслажденья», название которого объясняет выбор заглавия самого поэтического сборника и отсылает, конечно, к «Цветам зла» Бодлера:

Есть странные, чудесные цветы!..
Они растут везде, в глухих лесах, на нивах,
В селеньях, в городах, в ущельях прихотливых...

Они хрупки на вид, душисты, молчаливы,
И нежной женскою сверкают красотой.
Когда к ним подойти и пламенной мечтой
В них разбудить любовь и тайные порывы –

Их нужно тотчас рвать, без дум, без сожалений,
Упитаться ядом сил, таящихся в цветке,
И, опьянев от струй, скользящих по руке,
Отбросить в сторону для новых наслаждений
(Галич, 1921, с. 1).

Бодлеровский метафорический контекст почти не используется Галичем, не играет контрастно на изображении цветов и человеческих пороков, однако дополняется отчасти переключкой с гётевскими «Нашел» («Gefunden») и «Дикая роза» («Heidenröslein»). Если в первом стихотворении Гёте любовь и понимание хрупкости бытия, бережное отношение к другому миру и желание героя приблизить беззащитный и неведомый мир к себе оказались благодатной почвой для маленького цветочка, то во втором сорванный цветок передает свою боль губящему его герою, кровь мальчика алеет на шипах погибшей розы. Мир природы разрушен, но также поколеблен и мир человека, который вторгается в чуждое ему пространство.

Примерно такая же декларация слышится и в почти гимне Галича: «яд сил» проникает в душу человека и позволяет ему пережить величайшее наслаждение. Не случайно акцентированы «женская» красота цветка и стремление лирического героя пробудить в нем «любовь и тайные порывы». Очевидная метафора подчеркивает жажду покорения бытия, однако эта жажда сродни опьянению – быстрому, внезапному и преходящему. Будучи отчасти заимствованной у Гумилева, эта тема в лирике Галича преобразуется. Герой Гумилева – покоритель новых земель – слаб перед властью женщины, он готов положить к ногам возлюбленной новые пространства, освоенные им. Галич, губя цветок, с наслаждением принимает его яд.

Посмотрим, как выглядят в «Орхидее» 1921 г. заимствованные из гумилевской лирики морские мотивы и образы. Они связаны с эмигрантским восприятием мира Галичем, романтически влюбленным в Гумилева, но тоскующим по утраченной родине и не способным полностью отдаться счастью странствий. Выделим два таких случая – Летучий Голландец и Одиссей.

Если у Гумилева призрачные корабли и сам Голландец даны под флером недосказанности, намеками, косвенно и подчеркивают загадочность и таинственность образа, то Галич пишет непосредственно о легенде:

Есть старинное поверье:
Иногда, во мгле туманной,
В пляске бури, в плеске шквала,
Сбитой реей шеveled,

Появляется из бездны,
На мгновенье, призрак странный –
Ветхий, старый и разбитый,
Жуткий остов корабля.

Этот призрак – знак несчастья,
Он у многих на примете,
И подчас передается
Моряком из рода в род.

Кто увидел этот призрак –
Не жилец на белом свете,

И таинственная гибель
Ждет его в пучине вод
(Галич, 1921, с. 46).

С одной стороны, читатель видит в этом стихотворении прямую отсылку к Гумилеву – к микроциклу «Капитаны» и сонету «Нас было пять... Мы были капитаны», где судьба героев практически приравнена к судьбе Летучего Голландца. Гумилев создает образы героев, и близких ему по духу, и одновременно враждебных:

И после смерти наши привиденья
Поднялись, как подводные камни,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья
(Гумилев, 1998, с. 152).

Однако в стихотворении Галича акцент сделан на самом призрачном корабле, о морях-призраках речи нет, причем принадлежность к мистической легенде обозначена сразу. Увидеть Летучего Голландца – к скорой гибели, и этот пророческий знак передан поэтом лирическому герою. В текстах Гумилева пространство строится вокруг корабля-призрака, капитанов и матросов, но вместо прямого указания на легенду – только намеки и косвенные отсылки:

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал *вцепляется* – другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище –
Невыразимо и угрюмо
(Гумилев, 1998, с. 156).

Лирический герой Галича видит корабль и поэтому ожидает гибели: «И отныне жалкий призрак / Угрожает смертью мне» (Галич, 1921, с. 46). Но в то же время поэт несколько иронизирует над пафосной легендой: Летучий Голландец выглядит как развалина, это «ржавый, от воды позеленевший, / весь источенный червями / Грязный кузов на волне», «ветхий, старый и разбитый / жуткий остов корабля». Он больше напоминает «Мертвые корабли» Бальмонта⁷ и брошенный «пьяный корабль» Рембо, ставший живым призраком, «плавающим островом» («presque île, ballottant sur mes bords les querelles / Et les fientes d'oiseaux

⁷ Огромный остов корабля
В пустыне Моря быстро мчится,
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.
За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские
(Бальмонт, 1969, с. 115).

clabaudeurs aux yeux blancs» (Рембо, 1988, с. 180) – «почти остров, раскачивающийся на своем борту дрязги, / Помет птиц-крикунов со светлыми глазами») ⁸.

Поэтому стихотворение Галича создает впечатление, что такой изношенный призрак вряд ли может причинить моряку вред. Трепет перед легендой превращается в легкую насмешку. В «морской поэме» «Шквал» Галич одну из частей тоже посвящает истории о Летучем Голландце. Здесь насмешка не так очевидна, зато у лирического героя откровенно нет страха перед зловещим призраком:

Не Летучий ли Голландец
Появился перед нами
И, сверкнув разбитой мачтой,
Прыгнул в бездну и исчез?
Впрочем, может быть, то призрак,
Призрак, созданный волнами,
Весь туманный, как загадка,
И пронырливый, как бес?
Это призрак, или просто –
Так, игра воображенья,
Плод отравленного мозга,
Утомленного в борьбе –
Мне все это безразлично,
Я приветствую движенье
И, любуясь буйным вихрем,
Предаю себя судьбе...
(Галич, 1921, с. 65).

Ироническое отношение к страшному призраку и литературной традиции его романтизировать, с одной стороны, вводит Юрия Галича в ряд поэтов-маринистов, интересующихся морскими легендами, а с другой – демонстрирует его независимость и свободу от суеверных предсказаний. Военный генерал, переживший мировую и гражданскую войны, эмиграцию, не может всерьез воспринимать детскую страшную историю, вписанную, однако, в каноны фантастической прозы и лирики.

Еще одно стихотворение Галича выделяется в поэтической морской гумилевской традиции. Это «Одиссея» с подзаголовком «Думы на закате», впервые опубликованная в газете «Голос Родины» 1 мая 1920 г. В сборниках название было откорректировано: уже в 1921 г. подзаголовок текста звучал иначе – «Мертвая зыбь» ⁹. Кроме того, изначальные восьмистишия сменили традиционные катрены.

Образ Одиссея для всех эмигрантов – наверное, один из самых знаменательных в мировой литературе, потому что это образ странника, изгнанника, мечтающего вернуться на родину. И текст Галича полностью вписывается в эту концепцию:

⁸ Кстати, Галич тоже использует порой такие грубоватые образы: в одном из африканских стихотворений – «Лунный лик» – есть вполне неэстетическое описание: «Молчит песок, сверкает луч, белеют кости, пятна кала» (Галич, 1921, с. 15).

⁹ В стихотворном «Африканском романе», состоящем из девяти стихотворений (включая «Эпилог»), вторая часть названа «Мертвая зыбь» (Галич, Африканский роман, 1919, с. 1); см. также: (Галич, 1921, с. 18). Но если в «романе» так называется описание штиля героиней, то в «Одиссее» это размышления о судьбе поэта.

Таёт вечер, кроткий и янтарный,
И волну колышет сонный бриз.
Грежу я, и, странник легендарный,
Мнится мне – мифический Улисс.

Как и он, расстался я с Итакой,
И храню прощальный Пенелопы взгляд,
Нектар роз сменив для доли всякой
Много дней, о, много дней назад.

И очаг свой поручив пенатам,
Пятый год блуждаю в дикой тьме,
В мире зла, тревогою объятom,
И с тоской на сердце и в уме.

В час случайный, ускользнув от Сциллы,
Я Харибды вижу мутный мрак,
Тени Парк и злобный смех Сивиллы,
И Циклопа одноглазый зрак.

– О, Калипсо, светлая богиня,
Где ты, нимфа лучезарных вод?
Где твой храм, таинственный и синий,
Целовавший яркий небосвод?
(Галич, 1921, с. 2)

Исторические Сцилла и Харибда сжимают судьбу поэта, как в тисках, Парки, злобная Сивилла и Циклоп угрожают ему, и жизнь видится как бесконечное скитание по чуждым морям и островам. Остров нимфы Калипсо кажется благословенным, но потерянным навсегда, а в финале ждет жутковатая волшебница Цирцея, а не Пенелопа:

И мне кажется, что некая Цирцея
Мне сулит ещё немало бед –
И с тоской мечтаю о конце я,
И гляжу на серебристый след
(Галич, 1921, с. 2).

Мечтает лирический герой о смерти, куда ведет «серебристый след» корабля. Странствия для героя Галича (и, вероятно, самого поэта) не счастье преодоления и узнавания нового, а горечь потерь и разлук. Вторичный подзаголовок стихотворения («Мертвая зыбь») говорит об остановившемся мгновении, но не счастья, а, наоборот, печали и тоски. Как будто муха, застывшая в янтаре, поэт навеки остается в бескрайних просторах моря. Здесь вспоминается бесконечное плавание моряков Летучего Голландца, обреченных скитаться по морям и так никогда не достигших берегов земли.

В трактовке Гумилева судьба Одиссея уподоблена судьбе капитана Летучего Голландца, хотя герой Гумилева совсем не похож на Одиссея Галича. Подобно Летучему Голландцу, Одиссей преодолевает типичные морские испытания, которые превращают его из живого моряка в поэтический миф:

Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовою сизой тучею...

...В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами
(Гумилев, 1988, с. 149).

Паллада превращает Одиссея в вечного странника, который ослеплен, как и герои «Капитанов», «наркозами» глубины, Афина его «манит... / С новой кручи в бездну броситься» (Гумилев, 1988, с. 149). Слово капитан призрачного корабля, герой Гумилева играет с водоворотами и пучинами. Богиня, с одной стороны, защищает его от обыкновенной человеческой гибели; с другой – губит, делая почти марионеткой в руках моря. Описывая странствия Одиссея, поэт перечисляет всё самое страшное, что может случиться с моряком. Пережить это почти невозможно, и Гумилев видит вернувшегося к Пенелопе не страстно соскучившегося по дому скитальца, а почти легенду.

Финал микроцикла Гумилева и финал «Одиссея» Галича странным образом перекликаются. Совершенно разные герои, воплощая основные черты своих творцов-поэтов, будучи погруженными в пространство древнегреческой мифологии, в самом главном близки друг другу: они не боятся смерти. Один устал от вечных скитаний, другой считает, что, познав полноту бытия, можно с радостью принять гибель. Так или иначе, сам выбор темы Галичем очень характерен и для его мотивики, и для эмигрантского круга литераторов XX в.

На тему поэмы Гомера у Галича есть еще одно стихотворение, не вошедшее в сборники 1921 и 1927 гг., – «Из Одиссеи. Брошенные камни», опубликованное в журнале «Воскресенье» в 1919 г. Поэт рассказывает о встрече Одиссея с циклопом, частично разделяя точку зрения самого гиганта, а не привычного героя:

На прибрежный выси лоб
Нагружен большой скалою,
Разъярившийся циклоп
Скачет башнею живою...

И, быть может, пожалел
О циклопчестве впервые
Слепгигант, кляня удел...
(Галич, Из Одиссеи, 1919, с. 3)

Сравнение с Голиафом подчеркивает громадность, но в то же время и слабость циклопа, а слепота отнимает у него могущество и власть:

Был слепец он не циклоп!
И не зрел живой мишени,
Оттого Улисса в гроб
Не загнал полет камней.
(Галич, Из Одиссеи, 1919, с. 3)

Брошенные камни становятся аллегорией самого циклопа и его судьбы. Великан сражен хитроумным героем, и вся его кровавая ярость выражается лишь в бессмысленном кидании камней-валунов.

Стилистика стихотворения и любопытная лексика, связанная с образованием новых слов (*слепгигант, циклопчество*), заставляют вспомнить первые силлабические и силлабо-тонические опыты русских поэтов, что возвращает нас в XVII–XVIII вв. Нарочитое и усиленное использование высокой архаики (*зрак, многовесельный неф, око, зреть* и др.), напоминая об эпохе классицизма, одновременно звучит по-футуристически вызывающе и насмешливо. И словообразование, и тяжеловесные конструкции и инверсии создают в тексте эффект нового языка, напоминающего язык 150–200-летней давности, языка, прорвавшегося сквозь времена. Это, конечно, не прямое подражание Хлебникову и Бурлюку или непременно следование традициям авангарда, но свой опыт футуризма, когда античная тема представляется поистине «древней» и архаичной.

Помимо морской тематики в «Орхидее» Галича, можно отметить многократное обыгрывание африканских мотивов и образов. Африка воспринимается по-этом в духе раннего Гумилева, мечтающего об экзотических путешествиях. Вместе с тем реминисцентный слой захватывает больше «Шатер», и кажется, что далекая страна для Галича полностью исследована Гумилевым, и его поэтические шаги идут след в след:

Далеких стран таинственные зовы
Влекут меня к себе тревожной красотой –
И этот блеск воды, молочно-бирюзовый,
И неба яркий плащ, горячий и густой.

Не сказкой ли сейчас мне кажется чудесной
Высоких строгих пальм чеканный силуэт,
Песок немых пустынь и дали неизвестной,
И на песке немом забытый кем-то след?

О, да!.. В душе растет и ширится сознание,
Что это лишь обман и призрачный мираж,
Что это только сон, мечта, воспоминание –
Гляжу в немую даль и прячу карандаш.

«Африка»

(Галич, 1921, с. 14)

В стихотворении Галича «Африка» возникает пространство неведомой страны – райской, запредельной («блеск воды, молочно-бирюзовый, / И неба яркий плащ»), рожденной воображением поэта. Она появляется в мечтах и в мечтах же остается (подобно тому, как в гумилевском «Жирафе» кольцевая композиция означает поворот финала к началу, поскольку все живописные картины, перечисляемые лирическим героем, – не более чем грезы): «это лишь обман и призрачный мираж». Такой ход использовал Бодлер в знаменитом «Приглашении к путешествию» («L'invitation au voyage»): путешествия как такового здесь нет вовсе; voyage – это процесс мечты, способ соскользнуть из реальности в необыкновенный мир. Этот же прием мы встречаем в «Сентиментальном путешествии» Гумилева, который пишет свой текст на фоне бодлеровского.

«Песок немых пустынь» в «Африке» Галича апеллирует к «Сахару» Гумилева, где подчеркивается значение слова «пустыня»:

Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце, да ветер
(Гумилев, 1988, с. 287).

Вероятно, «забытый след», о котором пишет Галич, в его воображении и есть след Гумилева, след поэта, одушевившего пустыню и увидевшего ее похожей на «золотой океан».

Восточный топос в сборнике Галича 1921 г. представлен не так подробно, как морской и африканский. Однако ряд «тропических» стихотворений вписывается в пространство Индии, Цейлона, Сингапура, хотя надо отметить, что пространство это условное, воображаемое, изобилующее традиционными деталями, используемыми, например, символистами. «Иланг-Илали», «Кики-Сан» и «Ночь в Сингапуре», созданные в русле поэтики Бальмонта, погружают читателя в мир грез, рамками которых служит экзотический фон. Галич вводит характерные для подобных описаний образы («малютка фея», «фея грез», «волшебный и дикий лес», «вишневый... стыдливый сад» / «волшебный буйный сад»), характеризует любовное состояние лирического героя через перечень цветов («серебристые лилии», «хризантемы», «душистый лотос»).

Вслед за Бальмонтом – любителем звукописи – Галич обильно применяет ассонансы и аллитерации, к примеру, достаточно частотным является аллитерирование на $k - c - z$ или $z / k - m - c$:

... Я живу, как в сказке, в сказке или в были –
Не забыть мне крошку, крошку Кики-Сан...
В час, когда зажгутся звезды в небе синем,
Я приду в вишневый, в твой стыдливый сад...
(Галич, 1921, с. 72)

... Минула сказка, и в дни печали
Таится в сердце немой вопрос:
О, где ты, где ты, Иланг-Илали,
Душистый лотос и фея грез?
(Галич, 1921, с. 54)

В первом случае само имя героини Кики-Сан складывается из звуков слова «сказка» (или наоборот: звучание японского имени рождает сказку).

Создание «страны чудес» Галичем напоминает «Фейные сказки» Бальмонта и всю «тропическую» линию, столь популярную у поэтов и художников Серебряного века. Фоном для «тропических» стихов Галича становятся «На журчащей Годавери» Брюсова, гумилевский перевод «Малайских пантунов» Леконта де Лилля, экзотические картины Гогена и Матисса. В этом чувствуется легкая игра между подражанием и пародией, когда свободное владение стилем переводит текст на другой уровень – почти незаметно, почти без иронии, а только с намеком на нее. Вновь ожившие бальмонтские феи, «упругие ароматы» и «нежные цветогемы» превращают мир «Орхидеи» в клонированное пространство символизма и эгофутуризма.

Небольшая баллада Галича «Рикша» отсылает в первую очередь к бунинским «Братьям», где описана трагическая любовь молодого рикши. Вероятно, новелла Бунина привлекла поэта не только самим так называемым «цейлонским» сюжетом, но и «эпилогом», в котором, казалось бы, второстепенный (фондовый) герой

рассуждает о природе человеческих амбиций – о бесконечной жажде завоеваний, не подкрепляемой необходимостью осмысления мира. Англичанин спорит с капитаном «о колониальных задачах Европы, о японцах, о будущем Дальнего Востока» (Бунин, 2006, с. 43).

Несомненно, Галич вслед за Буниным интересовался философией «тропического» топоса, размышлял о сложной связи и непохожести Востока и Запада, о покорении мира и его разрушении. Человек, идущий «куда-то в тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокруг» (Бунин, 2006, с. 44), – безумец. Освоение бескрайнего океана, возможность влиять на судьбы Индии – Явы и Цейлона, Японии, Китая, Египта демонстрирует в первую очередь не силу и власть человека, а его слепоту (герой Бунина сравнивает людей с кротами: «разум наш так же слаб, как разум крота, или, пожалуй, еще слабей, потому что у крота, у зверя, у дикаря хоть инстинкт сохранился, а у нас, у европейцев, он выродился, вырождается!» (Бунин, 2006, с. 44)).

Галич оставляет за скобками просвещенное мнение англичанина из «Братьев», безусловно, ставшее основным подтекстом его произведения, а в центр баллады помещает рикшу – «совершенство», «выкованного из стали» красавца Мунгали. Несчастная любовь, как и в новелле Бунина, побуждает веселого и страстного Мунгали сброситься со скалы вместе с отвергнувшей его «бледной Ирваной». Легкость строк (трехстопный хорей почти отсылает к балладам XVIII в.) и краткость незамысловатой истории (в отличие от настоящей страсти – «солнечного удара», пронзившего рикшу у Бунина), впрочем, намекающей на романтический конфликт (Ирвана – чуть ли не «европейка», она «бледная», не такая, как герой), создают почти комический эффект, который, однако, усложняется еще одной отсылкой к русской классике – к балладе Некрасова «Извозчик».

Все три сюжета посвящены неразделенной любви героев – рикш / извозчиков. Для Бунина это возможность показать, что в юношу вошла любовь, «как скорпион в свое гнездо», что европейцы и колонизируемые ими дикари – братья, что «все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый, все скорби и жалобы его – от любви» (Бунин, 2006, с. 30). Некрасов играет с темой греха и невозможности отступления от него, демонстрируя в форме баллады, как дьявольское искушение не обошло стороной влюбленного извозчика. Рикша Галича живет по законам Будды, именно таким он видит этот мир («Будда так желает!» (Галич, 1921, с. 55)). И по «велению» Будды Мунгали «кинулся с разбега / В голубые волны» (Галич, 1921, с. 57). Обыгрывая сюжеты Бунина и Некрасова, Галич предлагает свою трактовку, оставляя за сценой весь трагизм человеческой агрессии, бесконечного одиночества и тайной тяги к пороку. Его герой – светел и прост, он не переживает многогранность страсти, полагается на Будду, доверяя ему свои желания, тем самым залечивая (пусть даже смертью) любовные раны.

Стихотворение Галича «Солнце Востока» можно назвать одой Японии. Текст разделен на восемь¹⁰ частей, в каждой из которых два катрена с перекрестной рифмовкой. Это, конечно, не одическая строфа, но, безусловно, поэт специально утяжеляет членение, подчеркивая торжественность стиля. И шестистопный ямб с цезурой служат этой цели: стихи звучат медлительно, отчетливо, гордо. «Песнопение», как формулирует сам Галич, рассказывает о чудесной стране, «как миф, / Как сказка, как глава волшебного романа» (Галич, 1921, с. 68). Восхищенный

¹⁰ В издании 1927 г. «Солнце Востока» сокращено: вместо восьми Галич оставил лишь шесть частей.

Японией, поэт воспевае красоту ее природы («восходящий луч встает из океана... / негой брызжет день, сверкая, как опал» (Галич, 1921, с. 68)), «предков гордый дух» (Галич, 1921, с. 71), прекрасных женщин («девушки твои – душистый вечер мая» (Галич, 1921, с. 70)), сильных и достойных мужчин («каждый гражданин рожден быть самураем» (Галич, 1921, с. 71)) и очаровательных малышей – «мотыльках, проворных и живых» (Галич, 1921, с. 70). Для Галича Япония оказывается страной мечты, покорившей его, поэтому «Солнце Востока» звучит как гимн:

В скитаньях жгучих дней я посетил страну,
Где счастьем дышит все и веет светлым раем...
(Галич, 1921, с. 68)

Среди разных восточных стран поэт выбирает Японию, воплотившую для него всё лучшее и любимое душой («Есть вещи под луной, / Которые порой лишь сердцем я объемлю» (Галич, 1921, с. 71)).

Поэтическое творчество Юрия Галича не столь обширно и разнообразно, как прозаическое, но увлеченность приключениями и путешествиями, морскими странствиями и освоением восточных и африканских стран оказалась близкой интересам Гумилева, и без того горячо любимого эмигрантами. Кроме того, военное прошлое и трагическая гибель Гумилева не могли оставить Гончаренко равнодушным. Вероятно, генерал чувствовал себя идущим за смелым акмеистом – путешественником и воином, хотел продолжить его «дело» в стихах. Отсюда, может быть, слишком прямолинейная подражательность, близкая копированию (как, например, в поэме «Корсар», очень ориентированной на «Капитанов»). А контаминация с эгофутуризмом и приемами Бальмонта, с одной стороны, подчеркнула тягу Галича к раннему Гумилеву, активно использовавшему «красивости» и излишнюю вычурность лексики, с другой – выявила иронический оттенок, под которым подавались чрезмерно «экзотические» стихи.

«Литература восточной ветви, существуя достаточно автономно, была ориентирована как на западную эмигрантскую культуру, так и на русские неэмигрантские контексты и не только воспринимала их традиции, но и сама активно влияла на них» [Абрамова и др., 2022, с. 103]. Зависимость поэзии и прозы восточной линии от выбранного писателями топоса обогатила литературу XX в. новыми оттенками (вплоть до свежих экзотических мотивов), и в то же время эта связь традиций демонстрирует, как Серебряный век охватил своим влиянием и эмигрантский Запад, и эмигрантский Восток.

Список литературы

Абрамова К. В., Капинос Е. В., Силантьев И. В. Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Владимиров И. Закончить свою жизнь в Риге // Галич Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.: Кн. клуб «Книгобек», Б-ка «Огонек», 2012. Т. 1. С. 5–18.

Иона Вочревесуций. Экзотические красоты // Шанхайская жизнь. 1921. № 486, 7 июня. С. 3.

Кириллова Е. О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена. Владивосток, 2007. 258 с.

Кириллова Е. О. «Туда, где штормы и туман...»: белый генерал дальневосточной поэзии Юрий Иванович Галич // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры / Под ред. Ли Си-мэй, Д. И. Воронина. Тайбэй, 2010. Вып. 11. С. 187–206.

Сирин В. Новые поэты // Руль. 1927. № 2053, 31 авг. С. 4.

Список источников

Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.

Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 4: Воды многие (1914–1926). 536 с.

Галич Ю. Африканский роман // Воскресенье. Владивосток. 1919. № 1, 9 нояб. С. 1.

Галич Ю. Из Одиссеи. Брошенные камни // Воскресенье. Владивосток. 1919. № 6, 14 дек. С. 1.

Галич Ю. Одиссея. Думы на закате // Голос Родины. 1920. 1 мая. № 177. С. 4.

Галич Ю. Корсар // Голос Родины. 1921. № 695, 15 дек. С. 3.

Галич Ю. Орхидея. Тропические рифмы. Владивосток: Тип. Иосифа Коротя, 1921. 74 с.

Галич Ю. Орхидея: Стихи. Рига: Тип. А. Нитавского, 1927. 190 с.

Галич Ю. Орхидея. Тропические рифмы. Рига, 1928.

Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). 502 с.

Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе: Сб.: на фр. яз. с параллельным рус. текстом. М.: Радуга, 1988. 544 с.

Сорокин А. [Цирковые] антре шута Бенцо. Автограф // ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 547. Л. 1–58.

References

Abramova K. V., Kapinos E. V., Silantev I. V. Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space of Literary Transfer. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Vladimirov I. Zakonchit' svoyu zhizn' v Rige [End your life in Riga]. Galich Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 vols.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Kn. klub “Knigovek”, B-ka “Ogonek”, 2012, vol. 1, pp. 5–18.

Iona Vochrevesushchiy. Ekzoticheskie krasoty [Exotic beauties]. *Shankhayskaya zhizn'* [Shanghai life], 1921, June 7, no. 486, p. 3.

Kirillova E. O. *Russkaya futuristicheskaya poeziya na Dal'nem Vostoke 1917–1922 gg.: ideyno-khudozhestvennye iskaniya, poeticheskie imena* [Russian futuristic poetry in the Far East 1917–1922: ideological and artistic searches, poetic names]. Vladivostok, 2007. 258 p.

Kirillova E. O. “Tuda, gde shtormy i tuman...”: belyy general dal'nevostochnoy poezii Yuri Ivanovich Galich [“Where Storms and Fog...”: White General of Far Eastern Poetry Yuri Ivanovich Galich]. *Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: Vestnik fakul'teta russkogo yazyka i literatury Universiteta kitayskoy kul'tury* [Problems of Studying and Teaching Russian Language and Literature: Bulletin of the Faculty of Russian Language and Literature of the University of Chinese Culture]. Vol. 11. Ed. by Li Simey, D. I. Voronina. Taybey, 2010, pp. 187–206.

Sirin V. Novye poety [New poets]. *Rul'* [Steering wheel], 1927, no. 2053, August 31, p. 4.

List of sources

Bal'mont K. D. *Stikhotvoreniya* [Poems]. VI. Orlov (Introd. art., comp., text prep. and notes). Leningrad, Sov. pisatel', 1969, 712 p.

Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete collected works: In 13 vols.]. Moscow, Voskresen'e, 2006. vol. 4: Vody mnogie [Many waters] (1914–1926). 536 p.

Galich Yu. Afrikanskiy roman [African novel]. *Voskresen'e*. Vladivostok. 1919, no. 1, November 9, p. 1.

Galich Yu. Odissei. Broshennye kamni [Thrown stones]. *Voskresen'e*. Vladivostok. 1919, no. 6, December 14, p. 1.

Galich Yu. Korsar [Corsair]. *Golos Rodiny*. 1921, no. 695, December 15, p. 3.

Galich Yu. Odisseyaya. Dumy na zakate [Thoughts at sunset]. *Golos Rodiny*. 1920. May 1, no. 177, p. 4.

Galich Yu. *Orkhideya: Stikhi* [Orchid: Poems]. Riga, Tip. A. Nitavskogo, 1927, 190 p.

Galich Yu. *Orkhideya. Tropicheskie rifmy* [Orchid. Tropical rhymes]. Vladivostok, Tip. Iosifa Korotyaya, 1921, 74 p.

Galich Yu. *Orkhideya. Tropicheskie rifmy* [Orchid. Tropical rhymes]. Riga, 1928.

Gumilev N. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete collected works: In 10 vols.]. Moscow, Voskresen'e, 1998. vol. 1: Stikhotvoreniya. Poemy [Verses and poems] (1902–1910). 502 p.

Gumilev N. S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1988, 632 p.

Rimbaud A. *Poeticheskie proizvedeniya v stikhakh i proze: Sb.: na fr. yaz. s parallel'nym rus. Tekstom* [Poetic works in verse and prose: Collected works in French with parallel Russian text]. Moscow, Raduga, 1988, 544 p.

Sorokin A. Tsirkovye antre shuta Benetso. Avtograf [Circus entrements of the Jester Benetso. Autograph]. In: *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti* [State Historical Archive of the Omsk region]. Fund 1073, Inventory 1, Item Number 547, Sheets 1–58.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Куликова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID K-6809-2017

RSCI Author ID 624464

Information about the author

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Sector of Literary Criticism, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6809-2017
RSCI Author ID 624464

*Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 10.07.2023
The article was submitted on 02.07.2023;
approved after reviewing on 10.07.2023; accepted for publication on 10.07.2023*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/11

«Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: берёза и пальма

Татьяна Александровна Богумил

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация

Дендрообраз Сибири рассматривается сквозь призму фразы Всеволода Иванова о том, какие деревья (не)характерны для Сибири. Акцент поставлен на «отсутствующих» пальме и березе. Пальма (и ее эквивалент – сад) является дендрообразом, участвующим в базовых семантических оппозициях сибирского текста: «Север – Юг», «Дикость – Культура», «Реальность – Мечта», «Старый – Новый (утопический) социум». Отсутствие берёзы в высказывании Иванова значимо на фоне реальной распространенности дерева и его сакральной функции в верованиях коренных сибирских народов. Семантика берёзы как «русского» дерева обнажает подспудное противостояние Сибири и Центральной России, обостряющееся на разных этапах истории.

Ключевые слова

сибирский текст, образ Сибири, образ дерева, Алтай, В. Зазубрин, В. Шукшин

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496>

Для цитирования

Богумил Т. А. «Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: берёза и пальма // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 156–168. DOI 10.17223/18137083/84/11

The “missing” trees in the arboreal image of Siberia: birch and palm

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract

The purpose of this work is to characterize the arboreal aspect of the literary image of Siberia and Altai. The tree image of Siberia is viewed through the phrase of Vsevolod Ivanov opening his story “Glinyanaya shuba” (Clay Coat), 1921: “Pal'ma v Sibiri ne voditsya, – est' topol'»,

© Богумил Т. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 156–168

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 156–168

kedr, listvennitsa...» (There are no palm trees in Siberia, there are poplar, cedar, larch...). The emphasis is on the “missing” species: palm and birch. Geopoetic, ethnodendrological, and inter-textual approaches allowed identifying the geo-cultural contexts and subtexts of the tree images. The research analyzes the scientific works on ethnography and folklore studies and Russian fiction of the 19th–20th centuries about Siberia. Underlying Ivanov’s phrase is a poem by Heine/Lermontov and the positivist analogy between social strata and the vegetation of natural zones. The palm tree (and its equivalent, the garden) is a tree image participating in the basic semantic oppositions of the Siberian text: “North – South,” “Wildness – Culture,” “Reality – Dream,” “Old – New (utopian) society.” Given the widespread of birch in the area and its sacred function in the beliefs of the indigenous Siberian peoples, the fact that Ivanov does not mention it is not without significance. The semantization of birch as a “Russian” tree reveals the underlying confrontation between Siberia and Central Russia, exacerbated at different stages of history. Including the birch in the artistic world picture of Siberia, for example, in the works of V. Shukshin, eliminates the conflict and brings the country into a single whole.

Keywords

Siberian text, the image of Siberia, image of a tree, Altai, V. Zazubrin, V. Shukshin

Acknowledgments

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation no. 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496>

For citation

Bogumil T.A. The “missing” trees in the arboreal image of Siberia: birch and palm. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 156–168. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/11

Древесный «язык» с незапамятных времен позволяет человеку дифференцировать и наделять смыслами пространство [Головнев, 1995, с. 241]. Культурный образ места, проявляющий национальную ментальность, основывается на природном ландшафте, существенную роль в котором играют деревья. Исследование растительной символики в литературе, достигшее существенных успехов в последние десятилетия, особенно актуально в сфере изучения геопозитики регионов. Цель настоящей работы – охарактеризовать древесный аспект литературного образа Сибири и Алтая в частности. Весьма обширный, если не сказать неохватный, предмет исследования ограничен примечательной фразой Вс. В. Иванова, открывающей его рассказ «Глиняная шуба» (1921): «Пальма в Сибири не водится, – есть тополь, кедр, лиственница...» (Иванов, 1921, с. 82).

Генезис этой фразы уже стал объектом историко-литературного комментирования. И. Е. Лоцилов связал ее происхождение с личностью талантливого садовода П. С. Комиссарова, который культивировал под Омском экзотические растения и мечтал вырастить пальму. Исследователь выявил и литературный претекст – рассказ «Финики» (1919), предположительно написанный Антоном Сорокиным [Лоцилов, 2015].

За пределами внимания ученого, вероятно, в силу очевидности, оказался один из прецедентных текстов русской литературы – лермонтовский перевод стихотворения Г. Гейне «На севере диком...». Базовая географическая оппозиция данного стихотворения («Север – Юг») эмблематизирована при помощи древесных образов: Сосны / Кедр / Дуба¹ и Пальмы. Не исключено также, что высказывание Иванова опиралось на очерк «Полгода на Алтае» (1859) Г. Н. Потанина:

¹ В русских переводах поэты были вынуждены лавировать между сохранением оригинальной породы дерева и его «пола». У Гейне это хвойное дерево типа сосны в мужском роде [Щерба, 1957, с. 98–99].

Пихта и ель, две остальные хвойные породы Алтая (после кедра и лиственницы. – Т. Б.), хотя придают ландшафту мрачный характер, но пирамидальная фигура дерева, происходящая от симметрически опустившихся ветвей, делает их очень оригинальными, и породы эти для северных пустынь такие же характеристические растения, как пальма для южных степей (ОА², т. 1, с. 46–47).

Реплика областника может восходить как к стихотворению Гейне и его многочисленным русским переводам, так и к устойчивой в позитивистском дискурсе аналогии между миром человека и растений. К примеру, основатель культурно-исторической школы И. Тэн, обосновывая зависимость художественного произведения от «среды», т. е. «нравственного и умственного быта», проиллюстрировал это влияние сменой растительности в разных климатических поясах:

Пускаясь из какой-либо южной страны по направлению к северу, вы замечаете, что, по мере того как вступаете в известный пояс, начинается особого рода культура и особого рода растительность, сперва алоэ и померанцевое дерево, несколько далее – маслина или виноград, затем дуб и овес, дальше ель и, наконец, мхи и лишайники (Тэн, 1996, с. 11).

Подобным образом в предисловии к роману «Айвенго» В. Скотт обосновывал ключевой для исторического романа принцип историзма и достоверности:

...произвол всегда строго ограничен. Художник должен избегать всех тех красивых подробностей, которые не соответствуют климатическим или географическим особенностям изображаемого пейзажа: не следует сажать кипарисы на Меррейских островах или шотландские ели среди развалин Персеполиса; такого же рода ограничениям подлежит и писатель (Скотт, 2017, с. 28).

Описание природного ландшафта начиная с эпохи романтизма увязывалось с характеристикой людей, их бытом, нравами, психологией. В данном ракурсе утверждение о том, что в Сибири «водится», а что – нет, преобразуется из ботанического в антропологическое и социальное.

Пальма, чей естественный ареал обитания далек от Сибири, тем не менее, присутствует в суровом сибирском локусе как мечта, утопия, то, что потенциально может воплотиться, культивироваться. Следовательно, оппозиция «Север – Юг» трансформируется в диалектичное противопоставление Реальности и Мечты, Дикости и Культуры. Причем второй член оппозиции стремится видоизменить первый. Вспомним здесь, как русские первооткрыватели Сибири отождествляли незнакомую им северную сосну с южным кедром, известным им благодаря текстуальному (библейскому), а не реальному опыту. Тем самым *terra incognita* семантизировалась как подобие Палестины. В русле отмеченной преобразовательной тенденции отнюдь не случайным выглядит то обстоятельство, что вышеупомянутого садовода Коммисарова, разбившего плодоносящий сад с южными растениями, губернатор назвал «завоевателем климата сибирского, новым Ермаком» (цит. по: [Лощилов, 2015, с. 60]). По крайней мере, так написал А. С. Сококин в сборнике новелл «33 скандала Колчаку» (середина 1920-х гг.).

² Здесь и далее аббревиатура ОА отсылает к следующему изданию: Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: В 5 т. / Под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012.

Социально-политическое значение древесной оппозиции «дикое – культивируемое» отчетливо проявлено в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933). Деятельность главного героя по коллективизации алтайских хозяйств символически обозначена при помощи дендротерминов: «Безуглый не посадил своего сада. Он расчищал тайгу для других» (ОА, т. 3, с. 92). Деструктивная активность коммуниста (расчистка чащобы) противопоставлена созидательной деятельности его деда, насадившего огромный яблоневый сад. Подсознательно герой ощущает шаткость собственных убеждений. Не случайно ему снится сон, где дед отговаривает его служить в партии, срывает с дерева и протягивает «румяное, золотое яблоко» (ОА, т. 3, с. 148). Плод в данном контексте – не только атрибут библейского мотива искушения, но и знак сопричастности человека его прошлому, роду, культуре, уходящему жизненному укладу России (ср. «Вишневый сад» А. П. Чехова). Именно эти ценности считаются греховными в революционной системе координат. От них пытается откеститься строящий новый мир Безуглый, но безуспешно: «... по дороге <...> невидимо волочится огромная безобразная его пуповина» (ОА, т. 3, с. 149).

В литературе о Сибири и Алтае присутствует и противоположная зазубринской символика сада как нового, более совершенного мира. Она восходит к популярной в начале XX в. архитектурной идее города-сада (Э. Говард), которая наиболее ярко отразилась в прогностическом образе В. Маяковского («Рассказ о людях Кузнецка», 1929). Кстати, отделения Русского общества городов-садов были в Барнауле и Бийске [Блинов, 2016]. В рассказе Л. И. Квина «Весна» из цикла «Палатки в степи» (1957) об освоении целинных земель на Алтае написано:

Временно дирекция совхоза, рабочие, немногочисленная техника располагались в селе Белая Речка (здесь прослеживается беловодческий мотив. – Т. Б.), километрах в двадцати от будущего совхозного поселка. Это было типичное алтайское степное село, протянувшееся по берегу речки и открытое со всех сторон. Деревьев в селе почти не было. Лишь у клуба, заботливо отгороженные оградой из камыша, трепетало на ветру несколько десятков хлыстиков. Местные колхозники гордо и нежно именовали их «наш садик», вкладывая в эти слова свою страстную мечту о большом, тенистом саде (ОА, т. 4, с. 384).

Таким образом, пальма (сад) является дендрообразом, используемым в геопозитической антитезе Севера и Юга, культурной оппозиции Дикости и Цивилизации, социально-политическом конструкте Старого и Нового мира.

Во фразе Иванова примечательно, что в ряду типичных для региона деревьев отсутствует берёза, одна из самых распространенных пород. При этом назван тополь, который массово растёт и в европейской части России, и в Сибири, но лишен отчетливой геопозитической семантики³. По-видимому, умолчание мотивировано не столько природным ареалом произрастания дерева, сколько концептуальной установкой автора: желанием подчеркнуть отличие Сибири от Центральной России. Ведь берёза считается главным дендросимволом России [Эпштейн, 1990, с. 57; Сергеева, 2012]. Между тем этнографические данные сви-

³ В фольклоре алтайцев берёза и тополь эквивалентны и, следовательно, взаимозаменяемы как деревья, которым уподобляется женщина. К примеру, в песне «Похвала супруге», записанной и переведенной В. И. Вербицким в XIX в., есть следующие сравнения: «Как золотолиственная / Берёза белая <...> / Как сребролиственная / Тополь зелёная...» [Вербицкий, 1893, с. 176].

детельствуют о том, что берёза пользовалась всеобщим уважением и у тюркоязычных народов Сибири [Алексеев, 1980, с. 302, 306]. Почитание берёзы было связано с календарными, родильными и погребальными обрядами [Болонев, 2015; Волдина, 2015; Содномпилова, 2018, с. 337–338; Батьянова, 2019, с. 101]; берёза чаще других деревьев выступала как Мировая ось [Сагалаев, 1988, с. 21, 23; Волдина, 2015, с. 88; Косарев, 2006, с. 240], жертвенное дерево и «лестница» для путешествия шамана [Головнев, 1995, с. 192; Полякова, 2014, с. 78; Балалаева, Плужников, 2019, с. 83–91]. Не только в шаманских, но и в бурханистских верованиях алтайцев берёза являлась главным культовым деревом [Анохин, 1994, с. 56; Сагалаев, 1992, с. 86–103, 159–164]. Именно берёза «более других деревьев отвечала сибирско-языческим представлениям о плюсовых значениях системы миропонимания» [Косарев, 2006, с. 240]. Белый цвет коры дерева, подобно молоку, воплощал идею священной чистоты, соотносил берёзу с верхним божественным миром [Полякова, 2014, с. 79; Волдина, 2015, с. 85; Тадышева, 2018, с. 120].

Участие берёзы в обрядах получило отражение не только в этнографических трудах, но и в художественной литературе с бытоописательной направленностью. Например, в повести П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) кратко описано жертвоприношение небесному божеству Ульгеню (ОА, т. 3, с. 231–231). В романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) молодой кам в маске из берёзы символически оплодотворяет метровым деревянным фаллом женщин, скот, землю (ОА, т. 3, с. 54–55). Автор детально, со знанием дела описывает весеннее жертвоприношение Ульгеню, в котором существенная роль отведена берёзе:

Берёза – священное дерево. Она вся белая. На нее никогда не падает огонь молнии. Время ее цветения – весна. Берёз натыкали вокруг жертвенников. К берёзе привязали жертвенную лошадь. Берёзу с тремя вырубленными на ней ступеньками и четырнадцатью зарубками вкопали перед открытым шалашом шамана. <...> Мампый был в длинном белом халате с красными нарукавниками, в белой берестяной высокой шапке с красными лентами и в красных мягких броднях (ОА, т. 3, с. 56–57).

Совершенно справедливо замечание Т. П. Шастиной, что «[с]цены камлания – одни из самых поэтичных в романе» [2016, с. 122]. В ритуальных песнях происходит космозация масштабов творимого на земле действия: «Они утверждали, что вселенная – только пастбище их коней, звезды – колья золотой коновязи. Ведь жертвенная кобыла была привязана не к берёзе, а к Полярной Звезде» (ОА, т. 3, с. 58). Животная жертва описывается как растительная: «Сломанные ноги торчали из-под нее толстыми берёзовыми палками» (ОА, т. 3, с. 60), – и символически охватывает весь Алтай: «Она легла во весь Алтай у красного порога зари» (ОА, т. 3, с. 60). Мифологическая по своей природе система эквивалентов, нейтрализующая бинарные оппозиции (верх – низ, частное – всеобщее, животное – растительное, живое – мертвое и пр.), является принципом мифопоэтической организации романного пространства, где всё оборачивается всем [Богумил, 2021, с. 77–79].

В верованиях народов Сибири берёза выступает одним из родовых деревьев. По-видимому, тотемные представления обусловили возникновение одного из самых известных этиологических преданий о белой берёзе. Появление дерева на территории, где раньше оно не росло, знаменует для автохтонов скорое пришествие нового народа. Чтобы не быть покоренным, коренной этнос самопогребается. Свидетельством коллективного суицида остались курганы. Сюжеты такого рода

записывались начиная с XIX в. на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири. Приведем пример из путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (гл. XIII. Древние памятники):

– Скажи мне, друг, – обращаюсь я к калмыку, – что значат эти круглые, неглубокие, заросшие травой и бурьяном ямы, охваченные кольцом из булыг? Таких ям много. То в одиночку встречаются, то по две, по три. Иногда их целая улица в два поезда.

– Мы не знаем. Говорят, что жилища, юрты живших здесь людей. Вот видишь, много камней столбами стоят – это ихнее кладбище. Видишь, в стороне большой камень стоит – тут богатырь зарыт. Вот и говорят, что в этих ямах жили люди. А сверху у них надстройки из кошмы или коры были. А кругом все было камнями завалено для тепла. Так они и жили. Потом прошел слух, что белое дерево на земле появилось, белая берёза. Слух прошел, что вместе с деревом где-то белый царь родился, которому дано их покорить. Они очень испугались. Они сказали: «Пришло время умереть нам добровольно». Сделали над жилищами на деревянных столбах помосты, нагроулили помосты камнями, зашли каждый в свою яму, помолились, распрощались друг с другом и подрубили деревянные столбы. Камни рухнули на них и задавили. Так старики сказывают (Шишков, 1986, с. 173).

В сюжетах преданий неизменна функция прихода нового / ухода старого народа, при этом все остальные элементы мотива, вплоть до породы дерева, вариативны. Коренной этнос – это чудь (Потанин, 1864, с. 149; Вербицкий, 1893, с. 135–136), торгоуты [Шерстова, 2010, с. 41–42], остяки, эвенки [Болонев, 2015, с. 494], баргуты, киргизы, «люди хиргиз» [Феоктистова, 2011, с. 266]. Наиболее частотное дерево – это берёза, но встречаются также лиственница [Шерстова, 2010, с. 41–42] и «дерева-рога» [Феоктистова, 2011, с. 266]. Пришельцы могут оставаться безымянными, даже вообще отсутствовать, но там, где фигурирует берёза, как правило, это «белые люди» – русские. Не вдаваясь в полемику о происхождении данного типа преданий (см.: [Феоктистова, 2011, с. 266]), отметим только то обстоятельство, что дерево напрямую связывается с этносом и территорией, т. е. может быть рассмотрено в сфере этноботаники и геопозитики. С приходом русских на территорию Сибири берёза постепенно стала восприниматься коренным населением как «русское» дерево. Показателен следующий факт: нганасанский шаман Тубяку Костеркин, впервые оказавшись в Москве на Всесоюзном фольклорном фестивале (1988), обошел с благопожеланиями русскую землю (без Верхнего и Нижнего миров). Он сделал идола-проводника из «русского» дерева – берёзы, на грудь идолу была повешена картонная икона Владимирской Богоматери [Балалаева, Плужников, 2019, с. 94]. Интересна, кстати, и обратная проекция: русская пословица «Услан берёзки считать» (по дороге), означает «быть сосланным в Сибирь».

Особенность произрастания берёзы в Сибири состоит в том, что она часто ходит в смешанном лесу. Потанин отмечал: «...берёза, которая в берёзовых рощах не отличается особой теснотой, в черни растет в мрачной глухоте между пихтами. Они иногда так тесно сближаются, что невольно предполагаешь физическую дружбу между ними» (ОА, т. 1, с. 47). Мотив дружественности, родства, любви двух деревьев – один из самых частотных в фольклоре и литературе [Агапкина, 2013]. В сибирском тексте русской литературы берёза выступает парой к кедру в символической сказке В. Я. Шишкова «Кедр» (1908), «царскому листве-

ню» в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976) [Куликова, 2016, с. 212], кедру и тополю в лирике горно-алтайских поэтов Г. Кондакова и В. Куницына [Бедарева, 2016, с. 21].

В стихотворении алтайского поэта Г. П. Панова «Берёзовое чудо» восстановлена поэтическая генеалогия образа берёзы в русской культуре, обозначенная узнаваемыми строками стихотворений М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина:

Поэт опальный и поручик
с глазами,
темными от слёз,
он ввел в поэзию под ручки
«чету белеющих берёз»...

Другой поэт
при личной встрече
поставил русское клеймо:
он услышал в живом наречье
«от милой матери письмо»...

И на краю воды, у пруда,
где гладь – зеркальна до беды,
сумел поэт увидеть чудо
ее девичьей наготы...
(Панов, 2012, с. 129)

Действительно, согласно наблюдениям М. Н. Эпштейна, в русской поэзии со второй половины XIX в. берёза стала географическим представителем России. Закрепление за деревом смысла национального символа произошло в стихотворении Лермонтова «Родина» (1841). В лирике начала XX в. к образу берёзы добавились языческие, обрядовые мотивы. В творчестве Есенина «оженствление» облика берёзы достигло максимального развития и окончательно закрепилось в литературной традиции [Эпштейн, 1990, с. 57–62].

Недавний ассоциативный эксперимент по выявлению фитонимического образа России показал, что, во-первых, берёза по прежнему лидирует среди других растений в качестве символа родины, во-вторых, дерево ассоциируется с конкретными людьми – С. В. Безруковым и В. М. Шукшиным [Полякова, 2013, с. 147]. Данное обстоятельство обусловлено не столько литературными, сколько кинотекстами. Безруков играл роль Есенина в одноименном сериале 2005 г., но связь актера с берёзой в сознании россиян возникла еще раньше, в 2003 г., когда в сериале «Участок» актер исполнил песню группы «Любэ» «Берёзы» («Отчего так в России берёзы шумят?..»). Слова песни написал томский поэт М. В. Андреев. Психологический параллелизм объединяет древесный лист и лирического субъекта: «Он, как я, оторвался от веток» (Андреев, 2011, с. 29). Лирический сюжет стихотворения – уход из дома, от матери в большую жизнь – типичен для поэтов родом из деревни и восходит к архетипическому мотиву блудного сына.

Аналогичный сюжет характерен для творчества и самовосприятия сибирского писателя, актера, режиссера В. М. Шукшина. Ключевые моменты многих произведений Шукшина сопровождаются образом берёзы. Самые яркие и запоминающиеся представлены в киноповести и одноименном фильме «Калина красная» (1973). Существенно, что берёза здесь является не только традиционной эмблемой России, но и приметой «малой Родины» писателя и его персонажа:

«...“берёзовый колонок” – характернейшая черта западносибирского, в том числе Алтайского, пейзажа» [Козлова, 1994, с. 11]. Егор Прокудин сначала читает стихотворение Есенина «Мир таинственный, мир мой древний...» (1922) – герой в принципе часто цитирует поэта, – а потом встречает своих «подружек» – берёзки: «...это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!..» (Шукшин, 2014, с. 213). И сюжет стихотворения, и обещание «невесте», что скоро она дожждется «жениха» предвосхищают трагический финал героя у берёзового колка: «Шел, хватаясь другой рукой за берёзки. И на берёзах оставались ярко-красные пятна» (Шукшин, 2014, с. 265). По мнению С. М. Козловой, три «берёзовые» сцены, приуроченные к главным моментам жизни героя, создают сквозной символический сюжет произведения: «...как молодая Земля, ожидающая и дожждавшаяся Посева, как Душа человеческая, ожидающая своего Жениха – Света-Духа-Истины, как Родина-“семья”, ожидающая и принявшая наконец своего блудного сына... <...>. ...возвращение на Восток, покаяние и спасительная, очистительная Христова жертва» [Козлова, 1994, с. 12]. Автобиографический маркер – наличие в окрестностях Сросток колка под названием «Шукшин березняк» – позволил исследователю усмотреть в данном сюжете и авторскую жизнестроительную программу – возвращение на родину [Там же, с. 13].

Самые ценные, детские, воспоминания Егора Прокудина связаны с берёзой как символом матери, печи, родины: «...помнилось <...> как с матерью носили на себе берёзки, чтобы истопить печь. <...> ...когда бывало вовсе тяжко, он вспоминал далекую свою деревеньку, берёзовый лес на берегу реки» (Шукшин, 2014, с. 258). Схожие воспоминания присутствуют в автобиографическом рассказе писателя «Далекое зимнее вечера» (1963). По мнению исследователей, в рассказе о детстве образ берёзы «с наибольшей достоверностью передает ностальгические переживания автора: тоску по родине, трепетные детские, юношеские воспоминания, сокровенное чувство, которым автор готов поделиться с героями, читателями в особо значимых, волнующих моментах. <...> ...слияние символического, традиционного для русской культуры образа берёзы “молодость, радость, верность, невеста, жена, женщина, девушка” с образом, представляющим сферу духовных ценностей (милосердие, сострадание, любовь к человеку, земле, родине)» [Бурмакова, Маругина, 2015, с. 38].

В мире Шукшина берёза, наряду с сосной, присутствует повсеместно, что отражает реальное доминирование этих пород в Алтайском крае. Семантика берёзы у писателя в целом идентична тем смыслам, которые сложились в русской культуре. Этнографический колорит дерева соотносится не с автохтонной сибирской, а с русской обрядностью. В противовес Иванову, который, умолчав о берёзе, устанавливал различия между Сибирью и Россией, Шукшин устраняет геополитическую и геополитическую оппозицию. Его Сибирь России не противопоставлена, напротив, является ее квинтэссенцией. Как метко сказал В. А. Итин по другому поводу: «...во всей крестьянской Руси самая крестьянская – это Сибирь. А в Сибири – Алтай» (цит. по: [Кондаков, 1981, с. 8]).

Итак, отсутствие берёзы в высказывании Иванова, вступающее в противоречие с реальной распространенностью данной породы дерева в Сибири, объясняется тем, что это дерево ощущается как «русское», несмотря на культурную функцию дерева среди коренных сибирских народов. Противостояние Сибири и России, периодически обостряющееся начиная с момента присоединения территории, нейтрализуется в художественных произведениях, в том числе и при помощи образа берёзы, объединяющей страну в единое целое.

Список литературы

- Агапкина Т. А.* Дерево и человек: одна судьба на двоих // *Ethnolinguistica Slavica*: Сб. ст. / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 42–58.
- Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.
- Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 152 с.
- Балалаева О. Э., Плужников Н. В.* Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 3. С. 80–95. DOI 10.31857/S086954150005293-2
- Батянова Е. П.* Деревья, шаманы и иные миры // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 3. С. 99–102.
- Бедарева И. А.* Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (64), ч. 3. С. 20–22.
- Блинов Е. Н.* Особенности проектирования западносибирских городов-садов в советский период // *Творчество и современность*. 2016. № 1. С. 5–10.
- Богумил Т. А.* Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы» // *Текст и контекст: литературно-культурные связи* / Под ред. Н. В. Константиновой. Новосибирск: НГПУ, 2021. С. 70–80.
- Болонев Ф. Ф.* Берёза в календарной культуре и традиционных верованиях народов Сибири // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2015. Т. 21. С. 492–495.
- Бурмакова Е. А., Маругина Н. И.* Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // *Научный диалог*. 2015. № 3 (39). С. 29–45.
- Волдина Т. В.* Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // *Финно-угорский мир*. 2015. № 4 (25). С. 84–90.
- Головнев А. В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 606 с.
- Козлова С. М.* Региональная концепция национального возрождения в прозе В. М. Шукшина // *Творчество В. М. Шукшина: поэтика, стиль, язык (К 65-летию со дня рождения)*. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 3–17.
- Кондаков Г. В.* Иван Ерошин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 75 с.
- Косарев М. Ф.* Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // *Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: Сб. ст. / Отв. ред. М. Ф. Косарев*. М.: Таус, 2006. С. 239–253.
- Куликова И. М.* Мифологическая парадигма в моделировании художественного пространства в творчестве В. Распутина // *Символ науки: международный научный журнал*. 2016. № 3–4 (15). С. 210–215.
- Лощилов И. Е.* «Пальма в Сибири не водится...»: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 3. С. 58–68.
- Полякова Н. В.* Фитонимический образ России (по данным ассоциативного эксперимента) // *Альманах современной науки и образования*. 2013. № 4 (71). С. 146–148.
- Полякова Н. В.* Объективация леса в языковой картине мира селькупского этноса // *Вестник Том. гос. пед. ун-та*. 2014. № 10 (151). С. 76–80.

- Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. 176 с.
- Сергеева О. В.* Концепт «берёза» в русской языковой картине мира // Вестник Ом. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 442–450.
- Содномпилова М. М.* Природное окружение в контексте образа «мира мертвых» в мировоззрении бурят: лес и дерево // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. № 7. С. 335–339.
- Тадышева Н. О.* Отражение культы дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2018. № 51. С. 118–123. DOI 10.17223/19988613/51/17
- Феоктистова И. К.* Предание о белой берёзе // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 263–269.
- Шастина Т. П.* Ойротия – Горный Алтай: национальный проект в раннесоветской литературе («Горы» В. Я. Зазубрина) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 113–135. DOI 10.17223/24099554/6/8
- Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
- Шерстова Л. И.* Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.
- Эшштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 302 с.

Список источников

- Андреев М. В.* Потому что нельзя: стихи, эссе, критика. М.: Лит. Россия, 2011. 335 с.
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. М.: Тов-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. 221 с.
- Иванов Вс.* Глиняная шуба // Грядущее: Пролетарский лит.-худож. журн. 1921. № 7–8. С. 82–97.
- ОА – Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: В 5 т. / Под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012.
- Панов Г. П.* Сердце поэта. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 159 с.
- Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1–154.
- Скотт В.* Айвенго / Пер. с англ. Е. Бекетовой. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
- Тэн И.* Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с.
- Шишков В. Я.* Чуйские были: Роман, очерки, рассказы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. 496 с.
- Шукишин В. М.* Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014. Т. 6. 320 с.

References

- Agarkina T. A. Derevo i chelovek: odna sud'ba na dvoikh [A tree and a man: one fate for two]. In: *Ethnolinguistica Slavica: Sb. st.* [Ethnolinguistica Slavica: Coll. art.]. Tolstaia S. M. (Ed.). Moscow, Indrik, 2013, pp. 42–58.
- Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 318 p.
- Anokhin A. V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on Shamanism of Altaians]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 1994, 152 p.

Balalaeva O. E., Pluzhnikov N. V. Mif o Mirovom dreve v shamanstve narodov Sibiri [The Myth of the World Tree in the Shamanism of Siberian Peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019, no. 3, pp. 80–95. DOI 10.31857/S086954150005293-2

Bat'yanova E. P. Derev'ya, shamany i inye miry [Trees, shamans, and other worlds]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019. no. 3, pp. 99–102.

Bedareva I. A. Bazovye prostranstvennyye mifologemy v russkoy literature Gornogo Altaya 20 veka [Basic spatial mythologemes in Russian literature of the Mountain Altai of the 20th century]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 10 (64), pt. 3, pp. 20–22.

Blinov E. N. Osobennosti proektirovaniya zapadnosibirskikh gorodov-sadov v sovet'skiy period [Features of the design of West Siberian garden-cities in the Soviet period]. *Tvorchestvo i sovremennost'*. 2016, no. 1, pp. 5–10.

Bogumil T. A. Semantika tverdi i vody v romane V. Ya. Zazubrina "Gory" [Semantics of solid and water in the novel "Mountains" by V. Y. Zazubrin]. In: *Tekst i kontekst: literaturno-kul'turnye svyazi* [Text and context: literary and cultural relations]. N. V. Konstantinova (Ed.) Novosibirsk, NSPU, 2021, pp. 70–80.

Bolonev F. F. Bereza v kalendarnoy kul'ture i traditsionnykh verovaniyakh narodov Sibiri [The birch in the calendar culture and traditional beliefs of the Siberian peoples]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2015, vol. 21, pp. 492–495.

Burmakova E. A., Marugina N. I. Antropomorfnyaya metafora v khudozhestvennom diskurse (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov V. M. Shukshina) [Anthropomorphic metaphor in artistic discourse (based on the autobiographical stories of V. M. Shukshin)]. *Scientific Dialogue*. 2015, no. 3 (39), pp. 29–45.

Epshteyn M. N. "Priroda, mir, taynik vseleynoy...": sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii ["Nature, the world, the secret of the universe...": the system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vyssh. shk., 1990, 302 p.

Feoktistova I. K. Predanie o beloy bereze [The legend of the white birch]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011, no. 33 (248), pp. 263–269.

Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury. Traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures. Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995, 606 p.

Kondakov G. V. *Ivan Eroshin* [Ivan Eroshin]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1981, 75 p.

Kosarev M. F. Obraz dereva v miforitual'noy traditsii sibirskikh narodov [The image of a Tree in the Mythological Tradition of Siberian Peoples]. In: *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii: Sb. st.* [World conception of ancient and traditional societies of Eurasia: Coll. of art.]. Kosarev M. F. (Ed.). Moscow, 2006, pp. 239–253.

Kozlova S. M. Regional'naya kontseptsiya national'nogo vozrozhdeniya v proze V. M. Shukshina [Regional concept of national revival in the prose of V. M. Shukshin]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: poetika, stil', yazyk (K 65-letiyu so dnya rozhdeniya)* [The work of V. M. Shukshin: poetics, style, language (On the 65th anniversary of his birth)]. Barnaul, AltSU, 1994, pp. 3–17.

Kulikova I. M. Mifologicheskaya paradigma v modelirovanii khudozhestvennogo prostranstva v tvorchestve V. Rasputina [Mythological paradigm in modeling the artistic space in the works of V. Rasputin]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 2016, no. 3–4 (15), pp. 210–215.

Loshchilov I. E. “Pal’ma v Sibiri ne voditsya...”: k sibirskim kontekstam pervoy frazy rasskaza Vsevoloda Ivanova “Glinyayaya shuba” [“The Palm tree is not common in Siberia...”: on some siberian contexts of the first sentence of Vsevolod Ivanov’s story “Clay coat”]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 3, pp. 58–68.

Polyakova N. V. Fitonimicheskiy obraz Rossii (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [Phytonymic image of Russia (according to the data of the associative experiment)]. *Almanac of Modern Science and Education*. 2013, no. 4 (71), pp. 146–148.

Polyakova N. V. Ob’ektivatsiya lesa v yazykovoy kartine mira sel’kupskogo etnosa [Objectivization of forest in the linguistic picture of the world of the Selkup ethnos]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014, no. 10 (151), pp. 76–80.

Sagalaev A. M. *Altay v zerkale mifa* [Altai in the mirror of myth]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 176 p.

Sergeeva O. V. Kontsept “bereza” v russkoy yazykovoy kartine mira [The concept “birch” in the Russian linguistic picture of the world]. *Herald of Omsk University*. 2012, no. 2, pp. 442–450.

Shastina T. P. Oyrotiya – Gornyy Altay: natsional’nyy proekt v rannesovetskoy literature (“Gory” V. Ya. Zazubrina) [Oirotia – Gorny Altai: national project in early Soviet literature (“Mountains” by V. Y. Zazubrin)]. *Imagology and Comparative Studies*. 2016, no. 2 (6), pp. 113–135. DOI 10.17223/24099554/6/8.

Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, 188 p.

Sherstova L. I. *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the Origins of Ethnos and Religion.]. Tomsk, TSU Publ., 2010, 288 p.

Sodnompilova M. M. Prirodnoe okruzhenie v kontekste obraza “mira mertvykh” v mirovozzrenii buryat: les i derevo [Natural environment in the context of the image of the “world of the dead” in the Buryat worldview: forest and tree]. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures*. 2018, no. 7, pp. 335–339.

Tadysheva N. O. Otrazhenie kul’ta dereva v traditsionnom mirovozzrenii tyurkov Sayano-Altaya [Reflection of the cult of the tree in the traditional worldview of the Sayano-Altai Turks]. *Tomsk State University Journal of History*. 2018, no. 51, pp. 118–123. DOI 10.17223/19988613/51/17.

Voldina T. V. Obraz dreva zhizni v traditsionnoy kul’ture obskikh ugrov v kontekste reinkarnatsii [The image of the tree of life in the traditional culture of the Ob Ugrians in the context of reincarnation]. *Finno-Ugric World*. 2015, no. 4 (25), pp. 84–90.

List of sources

Andreev M. V. *Potomu chto nel’zya: stikhi, esse, kritika* [Because it is not possible: poems, essays, criticism]. Moscow, Lit. Rossiya, 2011, 335 p.

Ivanov Vs. Glinyayaya shuba [Clay coat]. In: *Gryadushchee: Proletarskiy literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*. 1921, no. 7–8, pp. 82–97.

Obraz Altaya v russkoy literature 19–20 vv.: antologiya: v 5 t. [The Image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries: anthology: in 5 vols.]. Kulyapin A. I. (Ed.). Barnaul, “Barnaul” Publ. House, 2012.

Panov G. P. *Serditse poeta* [The heart of a poet]. Barnaul, Alt. dom pechati, 2012, 159 p.

Potanin G. N. Yugo-zapadnaya chast’ Tomskoy gubernii v etnograficheskom otnoshenii [Southwestern part of Tomsk Province in ethnographic terms]. In: *Etnograficheskiy sbornik* [Ethnographic collection]. St. Petersburg, 1864, iss. 6, pp. 1–154.

Scott W. *Ayvengo* [Ivanhoe]. E. Beketova (Transl. from English). Moscow, 2017, 640 p.

Shishkov V. Ya. *Chuyskie byli: Roman, ocherki, rasskazy* [Chuiskie byli: A novel, essays, stories]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1986, 496 p.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Barnaul, ID "Barnaul", 2014, vol. 6, 320 p.

Ten I. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow, 1996, 351 p.

Verbitskiy V. I. *Altayskie inorodtsy* [Altai aliens]. Moscow, Tov. Skoropachatni A. A. Levenson, 1893, 221 p.

Информация об авторе

Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 57217034302

WoS Researcher ID U-5747-2019

Information about the author

Tatiana A. Bogumil, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 57217034302

WoS Researcher ID U-5747-2019

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;

одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 26.01.2023

The article was submitted on 16.01.2023;

approved after reviewing on 26.01.2023; accepted for publication on 26.01.2023

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.17223/18137083/84/12

Детские книги в художественной структуре романа М. Петросян «Дом, в котором...»

Анна Леонидовна Калашникова¹
Капиталина Валерьевна Синегубова²

^{1,2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

² sinegubova.kv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Аннотация

Цель статьи – проследить влияние детской и подростковой литературы на роман М. Петросян «Дом, в котором...», зачастую также воспринимаемый исследователями как книга для детей. Были выявлены наиболее знаковые для М. Петросян произведения: «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла, «Книги джунглей» Р. Киплинга, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха. М. Петросян включает в структуру «Дома, в котором...» тексты, описывающие такие важные для детской литературы сюжетные ходы, как попадание в иной мир и постижение его законов, инициация, самоидентификация, обретение себя и своего места в социуме.

Ключевые слова

Мариам Петросян, «Дом, в котором...», детская литература, аллюзия, претекст, Кэрролл, Киплинг, Р. Бах, Голдинг

Для цитирования

Калашникова А. Л., Синегубова К. В. Детские книги в художественной структуре романа М. Петросян «Дом, в котором...» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 169–181. DOI 10.17223/18137083/84/12

Children's books in the artistic structure of the novel "The Gray House" by M. Petrosyan

Anna L. Kalashnikova¹, Kapitalina V. Sinigubova²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ anna.kalashnikova.42@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2969-3923>

² sinigubova.kv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Abstract

The paper aims to trace how children's and adolescent literature influenced the novel "The Gray House" by M. Petrosyan, often also perceived by researchers as children's litera-

© Калашникова А. Л., Синегубова К. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 169–181
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 169–181

ture. The intertextual analysis revealed the works that are most significant for the author: “Alice in Wonderland” and “Through the Looking-Glass, and What Alice Found There” by L. Carroll, “The Jungle Book” by R. Kipling, “Lord of the Flies” by W. Golding, “Jonathan Livingston Seagull” by R. Bach, as well as the English folk song “The House that Jack Built.” These works are not only mentioned in the novel but also allow certain parallels between the plot and the characters of the pretexts and the novel concerned to be drawn. The quote from the folk song is cited in the title of the novel, immediately suggesting the possibility of intertextual analysis. The earlier works of the author are referred to in the novel as a quotation or a reference to a precedent name, allowing us to recognize the pretext. The structure of the novel incorporates the works with such important plot passages for children’s literature as getting into another world and understanding its laws (L. Carroll, R. Kipling), initiation (R. Kipling), self-identification (W. Golding, R. Bach), finding oneself (R. Bach), finding one’s place in the social hierarchy (R. Kipling, W. Golding). The intertextual component of the novel allows the author to consider the important stages of the formation of the personality of the characters at the level of universal, extremely broad generalization.

Keywords

Mariam Petrosyan, “The Gray House”, children’s literature, allusion, pretext, Carroll, Kipling, R. Bach, Golding

For citation

Kalashnikova A. L., Sinigubova K. V. Children’s books in the artistic structure of the novel “The Gray House” by M. Petrosyan. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 169–181. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/12

Роман Мариам Петросян «Дом, в котором...», опубликованный в 2009 г., изучался в различных аспектах. В первую очередь исследователей привлекает изображенное в романе пространство, наделенное специфическими чертами [Галина, 2010; Соловьева, 2011; Ремизова, 2012; Мельник, 2013; Кихней, 2019; Булгакова, 2021]. Также предметом внимания ученых являются особенности художественного метода Мариам Петросян как одного из современных русскоязычных писателей. Как правило, художественный метод либо четко определяется как магический реализм [Биякаева, 2017; Мескин, Гайдаш, 2019], либо отмечается сочетание элементов «бытописания, психологической прозы, постмодернистской игры, неомифологии и откровенной мистики, которая, впрочем, может оказаться не апелляцией к потустороннему миру, а лишь играми сознания» [Кихней, 2019, с. 49].

Особенности художественного метода заставляют обратить внимание на интертекстуальную составляющую романа [Кихней, 2019; Sinigubova, 2019]. М. Галина отмечает, что в романе «есть культовые книги, которые герои время от времени цитируют или таскают с собой, среди них такие, как “День Триффидов” Уиндема, “Кельтские сумерки” Йейтса, “Моби Дик” Мелвилла, “Чайка по имени Джонатан Ливингстон” Ричарда Баха, – знаковые, помогающие наложить на роман некую координатную сетку» [Галина, 2010, с. 47]. Однако роль детской литературы в романе до сих пор не была рассмотрена, хотя «Дом, в котором...» включается исследователями в группу произведений для детей [Черняк, 2011; Липовецкий, 2014; Денисенко, Дмитриевская, 2021; Свитенко, 2022].

Мы полагаем, что отсылки к детской и подростковой литературе в значительной мере влияют на онтологическую реальность в романе М. Петросян. В настоящей статье прослеживается взаимосвязь системы персонажей, композиции и сюжета романа «Дом, в котором...» с литературными произведениями для детей либо о детях.

Первая отсылка в виде знаковой цитаты представлена в названии романа М. Петросян, восходящем к английской народной песне «Дом, который построил Джек». Перевод этого произведения, выполненный С. Я. Маршаком, относится к кругу текстов, знакомых русскоязычным читателям с детства. Е. Н. Рогова и Л. С. Яницкий справедливо отмечают игровой характер заглавия, который «дает понять читателю, что перед ним текст-игра с традициями, аллюзиями, текст о создании текста, символизирующего вечный и нестрашный бесконечный сюжет о всякой всячине, создании мира» [Рогова, Яницкий, 2020, с. 229]. Игровое начало «Дома, в котором...» проявляется в переключках текста романа как с английской песней, так и с переводом Маршака.

Во-первых, образы животных, фигурирующие в английском оригинале песни и в переводе (крыса, птица-синица, кот, пес), откликаются в художественном зооморфизме романа М. Петросян, в котором Крысы, Псы и Птицы являются наименованиями внутренних сообществ Дома, а образ кота оказывается близок как Сфинксу (его настенное аллегорическое изображение – кошка с человеческой головой, перечеркнутая красным), так и Курильщику, превращающемуся в кота во время Самой Длинной Ночи. Во-вторых, в «Доме, который построил Джек» присутствует мотив физической неполноценности, намеченный в оригинале («This is the cow with the crumpled horn» (Стихи матушки Гусыни 1988, с. 127) – «Это корова с обломанным рогом»¹) и усугубляется в переводе Маршака: «пес без хвоста», «корова безрогая» (ср. с образами «склеенных из кусочков» воспитанников Дома). В-третьих, в романе реализуется ряд сюжетно-композиционных особенностей, намеченных в английском оригинале «Дома, который построил Джек». Так, следом за крысой, котом, псом и коровой в песне появляется «несчастливая девица» («This is the maiden all forlorn» (Стихи матушки Гусыни, 1988, с. 127)), которую целует «человек в лохмотьях» («This is the man all tattered and torn» (Стихи матушки Гусыни, 1988, с. 127)), что можно соотносить с возникающим во второй книге романа новым законом Дома, провозглашенным Слепым и легализующим отношения старших воспитанников с девушками. Кроме того, циклический принцип композиции народной песни находит отражение в финале романа: последняя глава – «Встреча» – воспроизводит начальный эпизод (Кузнецик вместе с матерью приходит в Дом) и тем самым запускает новый временной цикл.

Исследователи «Дом, в котором...» справедливо отмечают органичную связь этого романа с традициями как фольклорной [Матевосян, 2021], так и литературной [Синегубова, 2018] сказки. На наш взгляд, «сказочный» контекст романа отмечен значительным влиянием дилогии Л. Кэрролла об Алисе.

Многие герои романа часто воспринимают реальность как вымышленные миры Кэрролла. Так, Стервятник видит в коридоре белого кролика, «уносящегося на кэрролловский шабаш», а Сфинкс сравнивает Шакала Табаки, который ездит в перегруженной и неустойчивой инвалидной коляске, с постоянно падающим Бельм Рыцарем из «Алисы в Зазеркалье». Яркой чертой Шакала Табаки является его неприязнь к часам, он признается: «Я и время – мы не дружим» (Петросян 2012, с. 389). Но если кэрролловский Шляпник был обвинен в том, что «убивает время», то Табаки не только ломает все часы, до которых может дотянуться, но и может на самом деле влиять на ход времени: он умеет возвращаться в прошлое и возвращать туда других, давая им возможность прожить заново годы в Доме.

¹ Перевод наш. – А. К., К. С.

Своеобразное течение времени в Доме является фундаментальной характеристикой, отличающей это пространство от всего остального мира (Наружности).

Ориентация на традиции фольклорной волшебной сказки является типичным приемом сюжетостроения в произведениях детской литературы, и роман М. Петросян в данном случае не является исключением: действие романа разворачивается в волшебном мире, существующем по своим особым законам.

Когда Алиса попадает в Страну чудес и в Зазеркалье, она постоянно удивляется тому, как устроен этот новый мир. Ситуация непонимания или неполного понимания характерна и для героев М. Петросян, причем степень непонимания не зависит от времени пребывания в Доме или степени осведомленности.

Так, в самом начале романа Курильщик посещает темную кофейню, в которой бармена зовут Кролик. Это можно воспринимать как своеобразный вариант кроличьей норы, и посещение кофейни становится первым шагом героя в мир, который кардинально отличается от привычной герою реальности. Далее Курильщик постоянно сталкивается со странными и непонятными утверждениями и рассказами, потому что его соседи по комнате многие вещи не называют своими именами, часто шутят, иронизируют, и это кажется здравомыслящему Курильщику каким-то абсурдом.

В свою очередь, Слепой пытается объяснить себе уже не Дом, а Лес – параллельную реальность, связанную с Домом. И в этом ему помогает образ кошачьей улыбки из «Алисы в Стране чудес»:

И теперь он знал, что чувствовала Алиса, когда улыбка Чеширского Кота парила над ней в воздухе, ехидная и зубастая. Так улыбался и Лес. Сверху, бескрайней, насмешливой улыбкой (Петросян, 2012, с. 143).

Другим образцом детской литературы, оказавшим заметное влияние на роман М. Петросян, является «Книга джунглей» Р. Киплинга. Кипплинговский текст «Дома, в котором...» следует рассматривать в аспекте его воздействия на систему персонажей и как своеобразный сюжетный архетип.

Одним из первых в «Книге джунглей» появляется шакал Табаки, характеристика которого позволяет соотнести его с героем романа М. Петросян:

Волки Индии презирают Табаки за то, что он всюду суется, всех ссорит, сплетничает, подбирает всякую дрянь, ест тряпки и кусочки кожи из деревенских мусорных куч. Но все они в то же время и боятся Табаки, потому что он очень легко заболевает бешенством, – гораздо чаще, чем другие обитатели Джунглей, а тогда он забывает всякий страх и бежит по лесам, кусая всех, кто попадает к нему на пути (Киплинг, 2004, с. 114–115).

Первое описание Табаки в романе М. Петросян во многом сходно с характеристикой шакала в тексте-первоисточнике: герой маленький («выглядел от силы на четырнадцать»), носит на себе огромное количество разнообразного тряпья и безделушек, крайне неопрятен («Во все стороны полетели крошки еды, бисер и всякий мелкий мусор. Как от мусорной корзины на карусели»). Подчеркнута и близость Шакала к безумию, которое сродни бешенству: «Я не понял, как он это сделал, от чего оттолкнулся, но вращался он как бешеный» (Петросян, 2012, с. 28). Кроме того, Шакал Табаки, подобно своему литературному прототипу, вечно голоден, склонен к сплетням и высокопарным выражениям.

Образ Слепого – вожака четвертой – восходит к Акеле, предводителю волчьей стаи в цикле Киплинга. На их взаимосвязь указывает признак отшельничества,

отмеченный и в том, и в другом случае: Акела в «Книге джунглей» назван Одиноким Волком, Слепой же «был взрослым – взрослым отшельником». Слепой в романе М. Петросян является не только вожаком своей стаи, но и главным в Доме. С ним связан мотив борьбы за власть и установление законов, которые аналогичны Закону Джунглей в цикле рассказов Киплинга. На протяжении всего романа подчеркивается инаковость Слепого, его противопоставленность другим обитателям Дома. Оказываясь в Лесу, Слепой превращается в дикого зверя, бежит, оставляя за собой волчьи следы, и воет на луну.

Отметим взаимосвязь волчьей и лунной темы, характерную как для цикла рассказов Р. Киплинга, так и для романа М. Петросян. В начале «Книги джунглей» свет луны становится маркером приобщения к миру волков: Маугли попадает в волчью пещеру, озаренную лунным сиянием, во время пробуждения хищников, собирающихся на ночную охоту. Интересно, что, когда Маугли уходит из волчьей стаи, поднимается солнце, знаменующее переход на светлую, «человеческую» сторону бытия, а когда Маугли в очередной раз покидает мир людей, его уход вновь сопровождается лунным светом:

Когда месяц выплыл над долиной и залил ее молочным светом, перепуганные жители деревни увидели Маугли с двумя волками, следовавшими за ним. Он нес на голове сверток и шел быстро, волчьим шагом... (Киплинг, 2004, с. 164).

В «Доме, в котором...» лунный свет сопровождает превращение Слепого в волка:

Слепой остановился на опушке. Огромная луна окатила его серебром. Он присел, чувствуя, как его заливают светом, как поднимается шерсть, наэлектризованная белым волшебством. Прижал уши, зажмурился и завыл (Петросян, 2012, с. 144–145).

Таким образом, и в «Книге джунглей», и в «Доме, в котором...» мотив лунно-го света связан с темой оборотничества и волшебства, он дает возможность переступить на другую сторону бытия и преодолеть несовершенство человеческой природы.

Центральным образом в «Книге джунглей» является Маугли – человеческий детеныш, чужак в джунглях. В романе М. Петросян в роли Маугли последовательно выступают все новые обитатели Дома, но особенно она свойственна Кузнечнику и Курильщику, которые в течение длительного времени интегрируются в стаю. Как и в «Книге джунглей», герои проходят инициацию, узнавая законы Дома. Примечательно, что и в рассказах Р. Киплинга, и в романе М. Петросян обучение правилам поведения и законам чужеродной среды сопровождается применением физического насилия. Так, в рассказе «Охота питона Каа» Балу бьет Маугли, заставляя его запоминать наречия джунглей. В Доме же принято избивать новичков:

Но самым любимым развлечением стаи были новички. Мамины детки, пахнущие Наружностью, плаксы и нытики, недостойные кличек. С новичками можно было развлекаться множеством способов. Можно было пугать их пауками и гусеницами. Можно было давить их подушками и засовывать в шкафы. <...> Можно было их просто лупить (Петросян, 2012, с. 92).

Многочисленным издевательствам подвергается Кузнечик, который, уже став Сфинксом, избивает новичка Лорда, а Лорд, в свою очередь, выбивает зубы Курильщику. Интересно, что избиение в романе М. Петросян и в «Книге джунглей» воспринимается не только как неотъемлемая часть инициального приобщения к чужому миру, но и как отправная точка процесса физического и духовного совершенствования. Так, Кузнечик, подвергающийся преследованию и издевательствам со стороны Спортсмена, объединяет вокруг себя воспитанников, образующих новое сообщество, а также получает от мудреца Седого амулет, который позволяет ему вернуть утраченную целостность.

Процесс превращения чужака в «своего», инициации неопита является одним из важнейших сюжетных архетипов, реализующихся в «Доме, в котором...». Другая сюжетная универсалия связана с попыткой свержения вожака. В «Книге джунглей» Акела размышляет о своем неизбежном будущем, о времени, «которое наступает для каждого вождя, когда силы оставляют его, когда он становится с каждым днем слабее, пока наконец волки не убивают его и не выбирают нового вождя, чтобы в свое время убить и его» (Киплинг, 2004, с. 121).

В романе М. Петросян Помпей, вожак Псов, намеревается свергнуть Слепого, приглашая его на ритуальный бой. Имя героя, восходящее к известному историческому деятелю Гнею Помпею Великому, римскому консулу, политическому оппоненту Цезаря, предрекает его романную судьбу. В результате поединка Слепой убивает Помпея, подтверждая свой статус вожака Дома.

Совершенное Слепым убийство – поступок, противоречащий нормам христианской морали, – вызывает настоящий ужас у Курильщика, чужака в Доме. Прочие обитатели Дома оценивают произошедшее иначе. Такая разница в отношении к убийству может быть объяснена при обращении к концепции Закона, органичного для обитателей джунглей в цикле рассказов Киплинга. Закон Джунглей определяется не нравственным чувством, а прежде всего социальной целесообразностью, в то время как человеческая мораль является всего лишь способом объяснения существования того или иного правила поведения. Таким образом, Киплинг иронически разрушает священный ореол вокруг общественных верований и самой идеи, что возникновение законов связано с моральным прогрессом общества. С этой точки зрения христианская заповедь «Не убий» утрачивает статус непреложной нравственной нормы, поскольку «в Джунглях запрет убивать не может быть абсолютным и распространяется лишь на один вид живых существ, как и в реальной истории содержание понятия “человек, которого нельзя убивать”, менялось в зависимости от эпохи и общества» [Скуратовская, 1983, с. 118]. С этой позиции убийство Помпея Слепым абсолютно оправдано и целесообразно, поскольку восстанавливает пошатнувшийся порядок и обеспечивает стабильность общества внутри Дома.

Также одним из претекстов «Дома, в котором...» можно назвать «Повелителя мух» У. Голдинга. Это философский роман, посвященный проблеме природного, хаотичного начала в человеке и «непрочности современной цивилизации» [Чамеев, 2001]. Однако его героями являются дети и подростки; существуют исследования, посвященные образу ребенка и проблематике детства в «Повелителе мух» [Руднев, 2014; Шанина, 2014].

Первым и самым очевидным сходством двух романов является ситуация изоляции подростков. В «Повелителе мух» мальчики находятся на необитаемом острове. В романе М. Петросян – в учебном заведении закрытого типа, которое, безусловно, не полностью изолировано: в нем работают педагоги, приходят родители

и родственники. Однако в понимании героев романа Дом и Наружность – это кардинально разные сферы, и мира, «куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать, для них просто не существует» (Петросян, 2012, с. 294).

В изолированных мирах обоих романов дети создают свои собственные законы и правила, в обоих случаях образуются группы, близкие к первобытным сообществам: все члены племени подчиняются вожаку. В романе Петросян таких сообществ несколько, формально это разные группы, по которым воспитанников распределили взрослые, но сами они называют группы стаями, а лидеров вожаками. Наименование стай – Крысы, Псы, Фазаны – употребляют в том числе и руководители интерната. В романе У. Голдинга у племени нет названия, но частотны зооморфные сравнения.

Каждая группа в романе Петросян имеет особенности поведения и внешнего вида. Например, стая Крыс раскрашивает лица, чтобы отличаться от остальных. Племя Джека в романе У. Голдинга сначала раскрашивает лица цветной глиной из прагматичных соображений, затем это становится частью самоидентификации.

На уровне отдельных сюжетных ходов в двух романах совпадает борьба за власть, в ходе которой соперники готовы на убийство (Ральф – Джек, Помпей – Слепой). Близки описания погони (за Ральфом, за Рыжим) и драки. Совпадает деление всех детей на старших и младших. В обоих романах присутствуют близнецы: Сиамцы и Эрикизм, которые одинаково говорят, продолжая фразы друг друга. Совпадает мотив игры, который звучит в романе У. Голдинга в репликах многих персонажей, а в романе Петросян об игровом поведении обитателей Дома размышляет Курильщик.

Отмеченные переключки романов М. Петросян и У. Голдинга подталкивают к расшифровке образа одного из героев романа «Дом, в котором...» по имени Ральф. Положение Ральфа неоднозначное: с одной стороны, будучи взрослым, он находится на периферии мира Дома, принадлежащего детям. Однако из всех воспитателей он единственный является субъектом сознания в двух главах романа. Всех остальных взрослых мы видим либо глазами воспитанников, либо глазами Ральфа. Более того, он единственный взрослый, которому позволено уйти на Изнамку Дома в финале.

Соотнесение Ральфа М. Петросян и Ральфа из «Повелителя мух» помогает понять, почему нарушаются границы и в замкнутый мир Дома, более того – на его обратную сторону – допускается воспитатель. Причем воспитатель, который находится в конфликте со Слепым, главой Дома.

Обратим внимание на то, что Ральф – это не имя воспитателя, а кличка, которую дают ему воспитанники задолго до начала событий в романе:

Его вовсе не звали Ральфом. Он с первого часа возненавидел эту кличку-имя. Именно за то, что она была именем, он предпочел бы называться Барбосом или Мимозой, чем угодно, что звучало бы прозвищем, а не именем, которое могли счесть его собственным (Петросян, 2012, с. 295).

Ральф в романе Голдинга не взрослый, он всего лишь один из оказавшихся на острове мальчиков и становится лидером во многом случайно, далее его лидерство оспаривается Джеком Меридью. Называя воспитателя Ральфом, именем героя-ребенка, обитатели Дома открывают возможность принять его в свой круг. Впоследствии он станет единственным воспитателем, который останется работать, когда уволится весь персонал, а в настоящем времени романа его притянет кличка, редуцированная до буквы и написанная на стенах.

Ральф действительно оказывается ближе к воспитанникам Дома, чем другие воспитатели: живет на втором этаже, делает надписи на стенах, хочет понять, что есть Дом и, в целом, многое понимает. Дважды спасает Стервятника, и в благодарность за первое спасение тот делится с ним информацией, также сокращая дистанцию. Но все-таки Ральф воспринимается как чужак: несколько раз в романе подчеркивается, что он нарушает законы Дома:

Перепрыгнувший. Это заметно сразу, и я поражаюсь его бестактности. <...> В Наружности не принято заходить в чужой дом голышом. В Доме не входят, перепрыгнув. Это как влезть в окно и сесть за стол, не здороваясь с хозяевами. Пройтись по комнатам, выдвигая ящики. Не знаю, с чем еще можно сравнить. А ведь Ральф, по большому счету, не виноват (Петросян 2012, с. 369).

Ральф не принадлежит миру, который выстроили воспитанники, в полной мере, и это тоже объясняется заимствованным из романа Голдинга именем, потому что Ральф в «Повелителе мух» воплощает собой самого стойкого носителя цивилизации. Он называет себя главным в финале, когда этот статус означает не только власть, но и ответственность. Он настаивает на постоянно поддерживаемом костре, который должен стать сигналом для спасателей. Он строит шалаш и заботится о малышах. Ему неприятно быть грязным, он хотел бы принять ванну перед важными переговорами с Джеком, чтобы вернуть себе цивилизованный облик. Он не увлечен охотой, убийством, раскрашиванием лиц, и именно в его сознании возникает слово «дикари» применительно к бывшим товарищам.

Инаковость героя Голдинга, его сопротивление ценностям племени превращают его в жертву, которую охотники гонят через весь остров. Ральф в романе «Дом, в котором...» в первое время после возвращения постоянно думает о том, что может стать жертвой, как шесть лет назад стал жертвой другой воспитатель. Он не думает о себе как о части Дома, не осознает своей причастности к воспитанникам, меняющим реальность. Тем не менее, в определенный момент он встает на сторону воспитанников, а не воспитателей. Предупреждая Стервятника о плане Крестной, он признается: «я стучу на своих». В эту же ночь он портит свой костюм и на следующий день вынужден нарушить дресс-код. Это становится маркером перехода Ральфа из мира воспитателей в мир воспитанников.

И хотя Ральф продолжает выполнять функции воспитателя, например искать исчезнувшую Крестную, находит он ее уже на Изнанке в облике трехлетней девочки. Но на Изнанке многие обитатели Дома воспитывают своих или приемных детей, так что разница между ними и Ральфом окончательно пропадает. Ральф в романе М. Петросян, как и воспитанники Курильщик и Черный, проходит путь белой вороны и, в конце концов, обретает свое место, не отказываясь от своей сущности.

Еще одной значимой книгой в романе М. Петросян является «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха. Необыкновенный успех этой философской притчи исследователи нередко объясняют тем, что в ней отражены поиски духовного ориентира в ситуации кризиса традиционной религии и в условиях «восстания молодежи против прагматизма “общества потребления”» [Туровская, 1974, с. 198], в результате чего модифицированный, обновленный евангельский сюжет «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» приобретает парадоксальную популярность в молодежной поп-культуре, а сама книга становится культовой.

Первое упоминание этой книги в романе связано с загадочным призраком Джонатаном, роль которого играет Рыжая. Именно она оставляет в Чумной комнате подарки, среди которых выделяются книга Р. Баха и птичье перо. Разоблачение Рыжей происходит в середине второй книги романа, однако «чаячьи голоса мальчишек» слышны сразу после появления Кузнечика в доме, что позволяет говорить о высокой степени взаимодействия двух произведений, проявляющейся на сюжетном и тематическом уровне. Логика развития сюжета преображения прослеживается уже в истории Рыжей, которая, справившись с боязнью высоты, прокралась по карнизу в комнату мальчишек и нарисовала на стене фломастером «невзрачную и уродливую» птицу, а затем вернулась, чтобы раскрасить ее белилами, став настоящей легендой Чумной комнаты.

Проблематика философской притчи Р. Баха связана с преодолением себя, стремлением к бескорыстному самосовершенствованию, проникнута идеей торжества духа над материей. Схожие мысли возникают и в романе М. Петросян. Подчеркнутое несовершенство чаячьей природы легко находит соответствие в физической неполноценности воспитанников Дома. Однако всё же в притче Р. Баха главным препятствием к совершенству являются не особенности строения крыльев чаек, не приспособленность для скоростного полета, а отсутствие иных устремлений, помимо желания «долететь от берега до пищи и вернуться назад».

Обращает на себя внимание сходство начальной ситуации, в которой оказываются герои «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» и «Дома, в котором...». И Джонатан, и Курильщик осознают и демонстрируют свою непохожесть на остальных, подвергаются суду и оказываются изгнанными из стаи. Изгнание приводит их в новую среду: Курильщик перемещается в Четвертую, а Джонатан оказывается среди небесных чаек. Интересно, что даже переход героев из будничного мира в волшебный маркируется схожим образом. Джонатан летит в темноте, созерцая сигнальные дорожки на поверхности воды, создаваемые светом луны и отблесками огней, когда осознает безграничность своих способностей (Бах, 2007, с. 20), а Курильщик стремится преступить пределы, попробовав «Лунную дорогу». В то же время следует отметить, что Курильщик находится в самом начале пути духовной и физической трансформации и не проходит его до конца.

Наиболее ярко сюжет преображения Джонатана Ливингстона прослеживается в судьбе Сфинкса, который последовательно движется от ученичества к наставничеству, посредством преодоления испытаний и обретения духовного опыта, а в финале покидает Дом.

Трансформация, которую проходит ряд героев романа М. Петросян (Кузнечик-Сфинкс, Курильщик, Лорд, Волк, Рыжая и др.), предполагает пребывание в пограничном состоянии, дающем возможность созерцания инобытия (болезни, сна, бреда, опьянения). По сути все эти состояния выступают функциональными аналогами временной смерти, за которой в ритуальной практике следует воскрешение в новом качестве. Мир Дома, где ситуация перехода представлена на физическом (созревание), ментальном (обучение и взросление) и метафизическом (причастность к тайному знанию) уровнях, изобилует описанием «пограничных» ситуаций. К таковым относятся пребывание в могильнике и в изоляторе, употребление алкоголя и наркотиков, вещие сны и астральные путешествия, прыжки на Изнанку и т. п. Мистический опыт обитателей дома дает им сверхъестественные способности, сродни обретенной Джонатаном Ливингстоном возможности летать со скоростью мысли сквозь пространство и время.

Таким образом, произведения о детях или предназначенные для детской аудитории, которые использует М. Петросян, перекликаются с текстом романа в значимых сюжетных моментах и характеристиках героев. Роман «Дом, в котором...» как произведение детской литературы обращается к таким важным аспектам становления личности, как постижение законов мира, инициация, обретение себя и самоопределение по отношению к социуму. Многочисленные сюжетные и композиционные параллели между романом М. Петросян и произведениями Л. Кэрролла, Р. Баха, У. Голдинга и Р. Киплинга позволяют показать эти процессы не в конкретной реальности романа, а на уровне универсального, предельно широкого обобщения. С одной стороны, актуальная для подростков проблематика и знакомые сюжетные ходы объясняют популярность романа, с другой – усложняют художественную реальность произведения, делая ее многомерной.

Список литературы

Биякаева А. В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 70–73.

Булгакова А. А. Топос «Дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 167–181.

Галина М. Дом, наружность и лес // Новый мир. 2010. № 4. С. 47–58.

Денисенко Е. Н., Дмитриевская Л. Н. Русская картина мира в современной русскоязычной армянской литературе о детях и подростках (на материале произведений Н. Абгарян и М. Петросян) // Российский журнал исследований билингвизма. 2021. № 3. С. 54–61.

Кихней Л. Г. Поликультурное или культурно не атрибутированное пространство как воплощение инобытия в современной «мистической прозе» (М. Петросян, В. Пелевин, Л. Наумов) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Москва; Пенза, 2019. С. 46–55.

Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 7–22.

Матевосян А. А. Фольклорные мотивы волшебной сказки в художественном мире романа М. Петросян «Дом, в котором...» // Наука и школа. 2021. № 3. С. 23–28. DOI 10.31862/1819-463X-2021-3-23-28

Мельник Д. А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором» Мариам Петросян: смысловые уровни // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 3. С. 63–67.

Мескин В. А., Гайдаш Л. В. Роман М. Петросян «Дом, в котором...» в контексте литературной традиции магического реализма // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 3. С. 404–413.

Ремизова М. Времени нет // Октябрь. 2012. № 4. С. 148–168.

Рогова Е. Н., Яницкий Л. С. Тема болезни и ее функция в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 226–238. DOI 10.24411/2072-9316-2020-00104

Руднев В. Н. Эстетика детства в литературе постмодерна (к 60-летию выхода в свет романа У. Голдинга «Повелитель мух») // Вестник Моск. гос. гуманит.-экон. ин-та. 2014. № 2 (18). С. 77–82.

Свищенко Н. В. Сюжетная ситуация «травли» в отечественной прозе для подростков: нейрофизиология поведения и специфика конфликта // *Успехи гуманитарных наук*. 2022. № 12. С. 43–47.

Синегубова К. В. Сказки Г. Х. Андерсена в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // *Новый филологический вестник*. 2018. № 3 (46). С. 198–205.

Скуратовская Л. И. «Книги Джунглей» Кипплинга как жанровый эксперимент // *Литературные традиции в зарубежной литературе XIX–XX веков*. Пермь, 1983. С. 113–121.

Соловьева Т. Дом vs Наружность. О романе Мариам Петросян «Дом, в котором...» // *Вопросы литературы*. 2011. № 3. С. 169–180.

Туровская М. Три жизни «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» // *Иностранная литература*. 1974. № 12. С. 195–198.

Чамеев А. А. Уильям Голдинг – сочинитель притч // *Голдинг У. Бог-скорпион*. СПб., 2001. С. 5–24.

Черняк М. А. Литература для «взрослых детей» и «инфантильных взрослых»: к вопросу о чтении современных подростков // *Библиотечное дело*. 2011. № 11 (149). С. 11–17.

Шанина Ю. А. Архетип ребенка в английской литературе второй половины XX века // *Культура и текст*. 2014. № 1 (16). С. 68–88.

Sinegubova K. V. Bob Dylan's "Tarantula" in the structure of Mariam Petrosyan's novel "The Gray House" ("The house, in which...") // *The New Philological Bulletin*. – 2019. No. 3 (50). P. 261–269.

Список источников

- Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон: Пер. с англ. М.: София, 2007. 112 с.
Киплинг Р. Стихотворения. Книжки джунглей. Рассказы. Свет погас. Ким: Сб.: Пер. с англ. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2004. 1037 с.
Петросян М. Дом, в котором... М.: Livebook, 2012. 958 с.
Стихи матушки Гусыни. Сборник / Сост. Н. М. Демурова. На англ. яз. С избранными русскими переводами. М.: Радуга, 1988. 684 с.

References

- Biyakayeva A. V. Vzaimosvyaz' urovney khudozhestvennoy real'nosti v tekstakh sovremennoy magicheskogo realizma [Interrelation of the levels of artistic reality in the texts of modern magic realism]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2017, no. 2(15), pp. 70–73.
- Bulgakova A. A. Topos "Dom" kak geterotopiya v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Topos "House" as a heterotopia in the novel "The Gray House" by M. Petrosyan]. *Philological Class*. 2021, vol. 26, no. 2, pp. 167–181.
- Chameev A. A. Uil'yam Golding – sochinitel' pritch [William Golding - Writer of Parables]. In: Golding W. *Bog-skorpion* [Scorpion God]. St. Petersburg, 2001, pp. 5–24.
- Chernyak M. A. Literatura dlya "vzroslykh detey" i "infantil'nykh vzroslykh": k voprosu o chtenii sovremennykh podrostkov [Literature for "adult children" and "infantile adults": on the question of reading modern adolescents]. *Bibliotchnoe delo*. 2011, no. 11(149), pp. 11–17.
- Denisenko E. N. Dmitriyevskaya L. N. Russkaya kartina mira v sovremennoy russkoyazychnoy armyanskoj literature o detyakh i podrostkakh (na materiale proizvedeniy N. Abgaryan i M. Petrosyan) [Russian picture of the world in modern Russian-language Armenian literature about children and adolescents (a case study of

works by N. Abgaryan and M. Petrosyan)]. *Russian Journal of Bilingualism Studies*. 2021, no. 3, pp. 54–61.

Galina M. S. Dom, naruzhnost' i les [House, exterior and forest]. *Novyy mir*. 2010, no. 4, pp. 47–58.

Kikhney L. G. Polikul'turnoe ili kul'turno ne atributirovannoe prostranstvo kak voploshchenie inobytiya v sovremennoy "misticheskoy proze" (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov) [Multicultural or culturally unattributed space as the embodiment of inobity in modern "mystical prose" (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov)]. In: *Rossiia v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarной i sotsial'noy sfere: Materialy 6 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: Proceedings of the 6th International Sci. and pract. conf.]. D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova (Eds.). Moscow, Penza, 2019, pp. 46–55.

Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugie... Trixster v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature [Shaluns, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children's literature]. *Children's Readings*. 2014, vol. 6, no. 2, pp. 7–22.

Matevosyan A. A. Fol'klornyye motivy volshebnoy skazki v khudozhestvennom mire romana M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Folklore motifs of a fairy tale in the artistic world of the novel "The Gray House" by M. Petrosya]. *Science and School*. 2021, no. 3, pp. 23–28. DOI 10.31862/1819-463X-2021-3-23-28.

Mel'nik D. A. Rasskazyvaniye istoriy v romane "Dom, v kotorom" Mariam Petrosyan: smyslovyye urovni [Storytelling in the novel "The Gray House" by Mariam Petrosyan: semantic levels]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2013, no. 3, pp. 63–67.

Meskin V. A., Gaydash L. V. Roman M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." v kontekste literaturnoy traditsii magicheskogo realizma [The novel "The Grey House" by M. Petrosyan in the context of the literary tradition of magic realism]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2019, vol. 24, no. 3, pp. 404–413. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-404-413

Remizova M. Vremeni net [No time]. *Oktyabr'*. 2012, no. 4, pp. 148–168.

Rogova E. N., Yanitskiy L. S. Tema bolezni i ee funktsiya v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [The theme of the disease and its function in the novel by M. Petrosyan "The Gray House"]. *The New Philological Bulletin*. 2020, no. 4 (55), pp. 226–238. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00104

Rudnev V. N. Estetika detstva v literature postmoderna (k 60-letiyu vykhoda v svet romana U. Goldinga "Povelitel' much") [The aesthetics of childhood in literature is postmodern (on the 60th anniversary of the publication of W. Golding's novel "Lord of the Flies")]. *Herald of Moscow Humanitarian Economic University*. 2014, no. 2 (18), pp. 77–82.

Shanina Yu. A. Arkhetip rebenka v angliyskoj literature vtoroy poloviny 20 veka [Archetype of a child in English literature in the second half of the 20th century]. *Culture and text*. 2014, no. 1(16), pp. 68–88.

Sinegubova K. V. Bob Dylan's "Tarantula" in the structure of Mariam Petrosyan's novel "The Gray House" ("The house, in which..."). *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 3(50), pp. 261–269.

Sinegubova K. V. Skazki G. Kh. Andersena v romane M. Petrosyan "Dom, v kotorom..." [Tales of G. H. Andersen in the novel "The Gray House" by M. Petrosyan]. *The New Philological Bulletin*. 2018, no. 3 (46), pp. 198–205.

Skuratovskaya L. I. “Knigi Dzhungley” Kiplinga kak zhanrovyy eksperiment [“The Jungle Book” by Kipling as a genre experiment]. In: *Literaturnye traditsii v zarubezhnoy literature 19–20 vekov* [Literary traditions in foreign literature of the 19th and 20th centuries]. Perm, 1983, pp. 113–121.

Solov’eva T. Dom vs Naruzhnost’. O romane Mariam Petrosyan “Dom, v kotorom...” [House vs. Exterior. About the novel “The Gray House” by Mariam Petrosyan]. *Voprosy literatury*. 2011, no. 3, pp. 169–180.

Svitenko N. V. Syuzhetnaya situatsiya “travli” v otechestvennoy proze dlya podrostkov: neyrofiziologiya povedeniya i spetsifika konflikta [The plot situation of “bullying” in Russian prose for adolescents: neurophysiology of behavior and specifics of conflict]. *Modern Humanities Success*. 2022, no. 12, pp. 43–47.

Turovskaya M. Tri zhizni “Chayki po imeni Dzhonatan Livingston” [Three lives of “Jonathan Livingston Seagull”]. *Inostrannaya literatura*. 1974, no. 12, pp. 195–198.

List of sources

Bakh R. *Chayka Dzhonatan Livingston: Per. s angl.* [Jonathan Livingston Seagull: Transl. from Engl.]. Moscow, Sofiya, 2007, 112 p.

Kiplin R. *Stikhotvoreniya. Knigi dzhungley. Rasskazy. Svet pogas. Kim: Sb.: Per. s angl.* [Poems. Jungle Books. Stories. The light has gone out. Kim: Collected Works: Transl. from English]. Moscow, AST, 2004, 1037 p.

Petrosyan M. *Dom, v kotorom...* [The Gray House]. Moscow, Livebook, 2012, 958 p.

Stikhi matushki Gusyni. Sbornik [Poems of Mother Goose. Collection]. N. M. Demurova (Comp.). In English, with selected Russian translations. Moscow, Raduga, 1988, 684 p.

Информация об авторах

Анна Леонидовна Калашикова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Капиталина Валерьевна Синегубова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Information about the authors

Anna L. Kalashnikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Kapitalina V. Sinegubova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.01.2023;

одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 06.03.2023

The article was submitted on 21.01.2023;

approved after reviewing on 06.03.2023; accepted for publication on 06.03.2023

Научная статья

УДК 82.01

DOI 10.17223/18137083/84/13

Событийная ретардация как основа абсурдистского дискурса (на материале произведений Д. Данилова)

Галина Александровна Жиличева¹
Павел Евгеньевич Жиличев²

¹ Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

² Независимый исследователь
Новосибирск, Россия

gali-zhilich@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-0426>

zhilichevp@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5577-6813>

Аннотация

Рассматриваются функции ретардации и устанавливается, что в современной литературе древнейший прием замедления интриги меняет свое значение – маркирует стратегию абсурда, указывает на «аннигиляцию» события. В ранних романах Д. Данилова ретардации-эпифразы проблематизируют возможность вычленения событий из потока жизни и их преобразования в историю. В пьесах писателя ретардации препятствуют развитию интриги, акцентируя семантическую поливалентность событий, обнажая базовые структуры драматургического действия и формируя метасюжет «угрозы». В романе «Саша, привет!» ретардация задерживает кумулятивную катастрофу: серийные повторы приобретают (в том числе и с помощью интермедиального контекста) такой масштаб, что размывают границы события, подчеркивают его неопределенность.

Ключевые слова

ретардация, серийность, дискурс абсурда, нарратив, интрига, комедия угроз, Д. Данилов

Для цитирования

Жиличева Г. А., Жиличев П. Е. Событийная ретардация как основа абсурдистского дискурса (на материале произведений Д. Данилова) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 182–196. DOI 10.17223/18137083/84/13

© Жиличева Г. А., Жиличев П. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 182–196

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 182–196

Event retardation as the basis of the absurd discourse (a case study of the works of D. Danilov)

Galina A. Zhilicheva¹, Pavel E. Zhilichev²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

² Independent Researcher
Novosibirsk, Russian Federation

gali-zhilich@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5048-0426>
zhilichevp@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5577-6813>

Abstract

This paper discusses the function of retardation in the works of D. Danilov. In modern literature, retardation, the oldest method of slowing down the intrigue, changes its meaning, marking the discursive strategy of the absurd and indicting the “annihilation” of the event in the metamodernist reality. In the novels “Horizontal Position,” “Description of the City,” and “To Sit and Watch,” retardation problematizes the possibility of isolating events from the flow of life and transforming them into the narrative intrigue. Retardation allows emphasizing the “latent” nature of a narrative without a story. The story of the event experience is replaced by an ekphrasis, the fixation of repetitive actions or unchanging states. Being exhausted, the retarding series leads to a meta-description of text generation. The plays “What Were You Doing Last Night?”, “Seryozha is Very Stupid” use the series of retardations to prevent a dramatic intrigue, emphasizing the semantic polyvalence of events, exposing the basic structures of the dramatic action, and forming the metaplot of “menace.” The novel “Sasha, Hello!” demonstrates a more traditional function of retardation, that of delaying a cumulative catastrophe. However, serial repetitions acquire, not without the help of an intermedial context, such a scale as to blur the boundaries of the event, presenting it as an opportunity or a frame rather than a final change in the situation. Therefore, the catastrophe passes from the field of reference into the field of communication, with the final uncertainty provoking the interpretive activity of the addressee.

Keywords

retardation, seriality, discourse of the absurd, narrative, intrigue, comedy of menace, D. Danilov

For citation

Zhilicheva G. A., Zhilichev P. E. Event retardation as the basis of the absurd discourse (a case study of the works of D. Danilov). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 182–196. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/13

В теории драмы, как и в теории повествования, ретардация понимается как один из древнейших способов «замедления» движения истории.

В исторической поэтике ретардация интерпретируется как своеобразный фон, разделяющий и связывающий начальную и конечную ситуации: А. Веселовский определял ретардацию как «композиционный прием, основанный на сознательном отодвигании, отдалении, задержке сюжетного события за счет введения замедляющего действие описания или ситуативных осложнений [Веселовский, 1989, с. 341]. В теоретической поэтике, благодаря трудам В. Шкловского, ретардация («торможение истории») стала пониматься как базовая форма сюжета («на низывающая») [Шкловский, 1929].

В современной нарратологии нагнетание однородных событий связывается как с кумулятивным сюжетосложением [Тамарченко, 1997, с. 63], так и с «преде-

дентной» нарративной стратегией, рецептивным «этосом покоя» (если результат интриги заранее известен аудитории, «нарративный интерес» направляется на повторяющиеся элементы, ведущие к этому итогу) [Тюпа, 2021, с. 195–197]. В поле зрения исследователей попадает и коммуникативная функция ретардации. Т. Флатт считает, что вставные рассказы героев Гомера создают «напряжение» и «вызывают эмоциональные эффекты» в сознании адресата [Flatt, 2017, p. 401]. И. Ф. де Йонг отмечает, что ретардация используется для «введения в заблуждение»: «нарраторов демонстративно готовят к событию, которое в конце концов не происходит, происходит позже (ретардация) или иначе» [Jong, 2001, p. 15].

Аналогичную роль ретардация выполняет и в драме. Известный драматург, сценарист, теоретик кино Дж. Г. Лоусон говорил о том, что в «Гамлете» месть откладывается из-за элементов, не вытекающих из предшествующего действия [Lawson, 1960, p. 232].

Таким образом, замедление истории осуществляется как за счет внесюжетных элементов (статических описаний, экфразисов, медитаций, вставных текстов, а в драме – вставных нарративов персонажей), так и за счет особого сюжетного строения – использования кумулятивных цепочек, подменяющих событийную динамику повтором однотипных происшествий (или, в случае драмы, – перипетий, выходящих за пределы основного действия).

Однако, поскольку в неклассической литературе проблематизируется сама категория события, ретардирующие элементы расширяют свое значение: вместо заполнения «паузы» между начальной и финальной ситуацией, индексации фона для ожидаемого значимого изменения (или заранее известного результата), они становятся способом манифестации аномальной картины мира, нелинейного, ассоциативного мышления.

Исследователи литературы русского авангарда, в частности творчества Д. Хармса, полагают, что основой абсурдистского повествования является серийность [Жаккар, 2011], т. е. мультиплицирование однотипных ситуаций [Жиличева, 2022]. В абсурдистской драме, в свою очередь, присутствуют провокационные способы регулирования темпа событий. П. И. Тренски отмечает, например, значимость: «нерепрезентативных, “антитеатральных” элементов, заимствованных прежде всего из музыки» [Trensky, 1969, p. 54]. М. Эсслин приходит к выводу, что ретардирующие повторы обнажают базовые принципы абсурдистского текстопорождения: «В этих пьесах нет событий с конкретным началом и финалом, только типы повторяющихся ситуаций» [Эсслин, 2010, с. 79].

В современной литературе, на наш взгляд, ретардация серийного типа, оставаясь маркером стратегии абсурда, приобретает новое качество – указывает на «аннигиляцию» события в метамодернистской реальности [Шатин, 2018].

В статье рассмотрим роль ретардирующих повторов в поэтике Д. Данилова.

В романах «Горизонтальное положение», «Описание города», «Сидеть и смотреть» представлен внесюжетный тип ретардации, основанный на экфразисе и «итеративе» [Женетт, 1998], т. е. изображении повторяющихся процессов, состояний.

В романе «Описание города» (2012) декларируется, что условие создания текста – не авторское воображение, а фиксация увиденного при посещении города (каждый месяц в течение года). Несмотря на то, что из текста убраны все географические названия, исследователи и читатели легко опознают город Брянск, поскольку в контекст повествования вводятся биография и творчество Л. Добычина (см. об этом: [Роднянская, 2013; Лебедев, 2014]). Вместо выстраивания своей

истории нарратор интериоризирует топос, «присваивает» чужой художественный мир (реконструирует атмосферу произведений Добычина, пытается воспроизвести ощущения писателя), провоцируя читателя на поиски аналогий между Брянском Данилова и Брянском Добычина. Неслучайно С. Ф. Меркушов определяет стратегию текстов Данилова как «игровой» абсурд [Меркушов, 2020].

В романе очевидны несколько значимых параллелей: утаивание названия города Даниловым отсылает к именованию Двинска «городом Эн» в романе Добычина, фиксация деталей увиденного – к «дневнику наблюдений» протагониста «Города Эн». При этом в тексте Данилова элементы наблюдаемой реальности сопоставляются с фразами из рассказов Добычина, навеянными Брянском («Ерыгин», «Отец») (об этом см.: [Лебедев, 2014]). Например, фраза о локомотиве («За лугами проходили поезда и сыпали искрами» (Добычин, 1989, с. 146)), которой заинтересовался повествователь Данилова, в рассказе-первоисточнике «Ерыгин» соседствует с упоминаниями китайского фокусника, панорамщика, кинотеатра, т. е. системой знаков, которые в поэтике Добычина маркируют превращение рассказа в показ. Однако если в «Ерыгине» наблюдение над миром и создание героем текста – это две разные смысловые серии, то в «Описании города» исчезает различие между наблюдением и письмом.

В романе Данилова «Горизонтальное положение» (2010) каждая дневниковая запись, в которой протоколируются (практически без комментариев и рефлексии) происшествия дня, заканчивается фразой о принятии «горизонтального положения». Сквозная анафоризация усиливает эффект однотипности событий, сводящих поток жизни к инварианту – пробуждение, «случай», отход ко сну. Кроме того, каждый изображаемый день резюмирует ряд других, при этом мотивировка выбора неясна.

Согласно логике В. Шмида, история – «результат смыслопорождающего отбора элементов из происшествий, превращающего бесконечность происшествий в ограниченную, значимую формацию» [2003, с. 154]. В нарративе Данилова подчеркивается отсутствие стадии отбора (фиксируются все происшествия, попадающие в кругозор говорящего), что коррелирует с отсутствием личных местоимений (данный прием используется во всех ранних романах писателя). Субъект как бы растворяется в потоке жизни, не проявляя свою авторскую волю, вмешательство структурирующей инстанции заменяется указаниями на фотографирование наблюдаемых объектов, редактуру фотографий, их сохранение или уничтожение. Подчеркнуто случайный характер записей в «Горизонтальном положении» камуфлирует нарративный парадокс: увиденное мгновенно превращается в текст, стирается граница между экфразисом (наличной реальностью) и диегезисом [Тюпа, 2021, с. 48].

Примечательно, что словосочетание «горизонтальное положение», ставшее рефреном романа, заимствуется из статьи родоначальника русского космизма Н. Федорова:

...горизонтальные положения производят на нас впечатление покоя, смерти, в противоположность вертикальным линиям, вызывающим представление бдительности, востания, бодрствования, жизни, воскрешения (Федоров, 1982, с. 520).

У Федорова принятие «вертикального» положения означает возможность открыть культуру и Бога и при этом обрести новое зрение.

Данная концепция пространства связана и с добычинским кодом. Финальный эпизод «Города Эн» насыщен отсылками к космизму; «прозрев», герой романа устремляет свой взор вертикально: «я увидел, что звезд очень много и что у них есть лучи» [Лощилов, 2004, с. 67].

Нарратив Добычина всякий раз должен «читаться заново как недостаточно резко наведенный на действительность» [Смирнов, 2009, с. 343], в то время как интенция романа Данилова противоположна – в стремлении наррации «догнать» самое себя «оптика» наблюдений становится максимально приближенной к тексту, вплоть до «описания постановки последней точки». Развязка романа, таким образом, обусловлена исчерпанием возможностей ретардации (т. е. наблюдения за протекающими днями), что приводит к открытой номинации метасобытия текстопорождения.

Дома.

Написание этого текста <...>

Как хорошо, что это наконец закончилось <...>

Можно просто прожить день, другой, третий и ничего про них не написать, ни слова <...>

Постановка последней точки.

Описание постановки последней точки.

Собственно, это всё.

Горизонтальное положение, сон (Данилов, 2010, с. 121).

Ретардирующие экфразисы появляются и в романе «Сидеть и смотреть» (2013–2014), на них указывает уже подзаголовок – «Серия наблюдений». Характерно, что, по словам нарратора, текст набирается на смартфоне, является результатом «чистого» наблюдения: протоколируется всё увиденное на площадях и улицах. Наррация основывается на монтаже разрозненных записей о разных городах мира. Неслучайно в тексте появляется глава, посвященная наблюдениям на площади Александерплац, отсылающая к знаменитому роману А. Дёблина и его киноинтерпретации (при этом для нарратора ассоциация с фильмом на первом месте).

Площадь Александерплац.

Фильм есть такой – Берлин, Александерплац. И книга.

Проехал состав из небольших желтых трамваев.

Молодой человек, занимающийся нищенством, прошел мимо с бумажным стаканчиком в руке.

Проехал состав из небольших желтых трамваев... (Данилов, 2016, с. 36)

Выход из монтажных ретардаций – экфразисов – осуществляется через включение в повествование двух главок о городе Брянске. Характерно, что упоминание Добычина как главного «гения места» данного топоса приводит к метаморфозе метризованной прозы в поэтический текст.

Тяжело жилось Леониду Ивановичу.

В доме 47 по октябрьской улице

В городе Брянске <...>

Сидеть и смотреть становится всё труднее

Тексты становятся всё короче

В общем, надо заканчивать

Как раз очень подходящее место

Прощайте, Леонид Иванович
Наблюдение прекращается (Данилов, 2016, с. 182).

Как и в предыдущих романах, в данном случае результатом ретардирующей серии «наблюдений» становится метаописание (презентация собственных принципов наррации и автоцитирование романа «Описание города»), совмещенное с рефлексией фигуры Добычина. Характерно, что после добычинских глав сразу же следует эпилог, меняющий конфигурацию монтажа – вместо фиксации потока впечатлений нарратор каталогизирует объекты Парижа: «цифры», «цвета», «маршруты».

Монтаж серий и повторов характерен и для драматургии Данилова.

«Пьеса-невербатим» «Что вы делали вчера вечером?» (2019) пародирует технику вербатима, сформировавшуюся в творчестве «Театра.doc». Действие анализируемой пьесы Данилова заключается в ответах ряда неназванных действующих лиц на один и тот же вопрос загадочного интервьюера: «Что вы делали вчера вечером?». Следуя, на первый взгляд, методу вербатима, ответы персонажей представляют собой серию абсурдных монологов. Однако высказывания героев целиком созданы самим Даниловым. Количество и имена действующих лиц остаются неизвестными. Респонденты проявляют агрессию, декламируют свой ответ ритмической прозой, рассказывают анекдоты, рассуждают о сути театра, Михаиле Гаспарове, психологии и медитации и т. п. Событийная ретардация в пьесе носит двойной характер: отсутствуют как интрига в традиционном понимании, так и главное катартическое событие вербатима – эффект деконструкции сознания реципиента при столкновении с искренностью документального текста (см. об этом: [Журчева, 2016]).

Как и в случае нарративных произведений, редукция событийности актуализирует стратегию абсурда. Интрига строится на подтексте, угрозах, дискурсивном насилии (подробнее о дискурсе «комедии угроз» см.: [Жиличев, 2021]). В начале пьесы опрашиваемые угрожают «молодому человеку», в финале – начинают боятся интервьюера, подвергаются экзекуции (избиению и, возможно, убийству). Некоторые случаи, казалось бы, связаны между собой: в одном из монологов опрашиваемый рефлексировал смерть отца-охранника, в предфинальном фрагменте – мы наблюдаем, как некоего охранника избивают в процессе интервью.

Однако насилие проявляется и на метатекстуальном уровне. Интервью, согласно логике вербатима, является первичным методом сбора информации; берущий интервью впоследствии может смонтировать из фрагментов пьесу, сыграть созданные на их основе роли и т. п. [Болотян, 2011, с. 82]. Пародийный характер действия в пьесе Данилова состоит в том, что формирование драматического текста из «коллекции» отдельных фрагментов остается незавершенным, и при этом высказанные героями стихотворения и нарративы уже являются структурированными. Претензии героя профанированы внесценическими инстанциями: голосом, организующим паратекст, и предполагаемым «постановщиком» (характерно, что впоследствии и сам Данилов ставил свой текст на сцене). Их присутствие демонстративно: так, уже второе интервью состоит из одной строчки: «Пошел на <использование нецензурных слов – на усмотрение постановщика>, урод» (Данилов, 2019).

Эскалация насилия в финале порождает три сценических указания, при этом дискурсивной властью обладает именно «постановщик». Так, избиение охранника сопровождается ремаркой «удар», лишенной указания на агенса и пациенса.

<...> Я, это, в общем
Удар
Да, извините
Удар
Я работаю охранником
Удар <...> (Данилов, 2019)

Две другие ремарки сопровождают финальные фрагменты и следуют после крика «а-а-а-а!»:

1. А-а-а-а-а-а!

Здесь следует долгий и страшноватый крик или серия криков, как они будут реализованы, насколько долгими они будут – на усмотрение постановщика.

2. А! А! Ааааа!

В этом месте повествование разветвляется на два варианта. В первом варианте главный герой, все время находящийся за кадром, убивает любителя чувственных наслаждений в тех или иных обстоятельствах. Во втором варианте любитель чувственных удовольствий как-то уходит, униженный и радующийся своему спасению. Пусть реализация того или другого варианта будет на усмотрение постановщика (Данилов, 2019).

Используется классический принцип абсурдистского взаимодействия – коллапс языка и речи, сведение их к крику. Так материализуется внутренняя форма авторского подзаголовка пьесы – «невербатим», оказывающегося аналогом классического «жанрового» обозначения – «антипьесы» Э. Ионеско («Лысая певица»).

Вслед за насильственным «отъемом» речи у опрашиваемых «жертв» голос берет интервьюер – произносит монолог о солнце, вечере жителей России и др. Но древнейшая схема драматургического действия – жертвоприношение, календарный ритуал – также деконструируется. Герой констатирует: «всё это постепенно успокаивается, сходит на нет» (Данилов, 2019). Ремарка «главный герой, всё время находящийся за кадром» перемещает реципиента из театрального в кинопространство, указывает на то, что всё предыдущее действие можно трактовать как видеозапись (уже завершённую либо производимую в настоящий момент). Но оговорка «реализация того или другого варианта будет на усмотрение постановщика» указывает, напротив, на принципиальную невозможность фиксации происходящего. Таким образом, в пьесе Данилова семантическая поливалентность убийства (случилось или нет) закономерно превращает драматургический текст в гипертекст.

Актантная и событийная структуры пьесы «Сережа очень тупой» (2017) (в отличие от «Что вы делали вчера вечером?») презентуются в традиционной драматургической форме, однако интрига осложнена многочисленными ретардационными моментами. В квартиру Сергея вторгаются загадочные курьеры, они рассказывают о «нештатных» ситуациях с предыдущими клиентами, вручают герою таинственную посылку. Тайна посылки и курьеров, как и истинные мотивы происхождения, не раскрываются и не уточняются.

С одной стороны, образ незнакомцев, сотрудников загадочной Службы, можно соотнести с ожидаемыми от постмодернистской абсурдной антиутопии ходами интриги – угрозами, насилием, лишением собственного пространства или личности, обнаружением иллюзорности или реальности и т. п., – которые, однако,

не реализуются в пьесе. Намекается и на возможности классической драматургической интриги узнавания: Первый курьер демонстративно обращается к Сергею по отчеству – Николаевич. При этом сцена выяснения отчества Вторым курьером повторяется дважды:

1. **ВТОРОЙ КУРЬЕР.** <...> Как вас по батюшке?

СЕРГЕЙ. Николаевич. Можно просто Сергей (Данилов, 2018, с. 128).

2. **ВТОРОЙ КУРЬЕР.** Сергей... эх, память стариковская... как вас по батюшке-то?

СЕРГЕЙ. Да можно просто Сергей (Данилов, 2018, с. 132).

Помимо этого, образ курьеров-посланников насыщен пародийными культурно-мифологическими и литературными отсылками. Курьеры служат панихиду, обладают «птичьими» фамилиями (Скворцов, Лебедев, Птицын), связаны с городами Архангельск и Грязи и т. п. Три курьера являются представителями трех поколений, комически намекая на сюжет о встрече с аллегорической фигурой Времени (ср. «Рождественскую песнь в прозе» Ч. Диккенса). Травестируются и другие элементы рождественской мистерии: трое «дарителей» приносят «что-то живое» в дом девушки Марии, при этом каждого из них зовут Николай. Таким образом, лакуарность провоцирует множественность интерпретаций, но данный событийный потенциал профанируется.

Проблематизируется и актантная структура пьесы. В фокусе оказываются персонажи, совмещающие две функции: «комики» и «вестники», «посыльные», традиционно «анонимные, не имеющие характеристики носители новостей», которые дают «незаметный толчок или препятствие действию пьесы» [Scrimgeour, 1968, p. 54]. Еще в 1917 г. Дж. Х. Каверно обратила внимание на парадокс роли вестника в греческой трагедии. С одной стороны, за ним закреплена риторическая функция своеобразного предшественника ремарочного комплекса; с другой стороны, это двойник автора, чья деятельность аналогична киномонтажу и режиссуре: «функция вестника была именно таковой – заставить людей <...> услышать несколько строчек и сконструировать ментальный кинофильм» [Caverno, 1917, p. 270]. Вестник является «фигурой умолчания», но скрывает от абсурдность театральных конвенций: «патологические детали безумия <...> могли бы лишиться своего ужаса, будучи воплощенными на сцене» [Ibid., p. 266]. Абсурдистская комедия угроз подобна древнегреческому театру: насилие не изображается, происходит, как правило, за сценой, но служит предметом для разговоров [Rousseau, 2010]). Характерно, что в репликах Сергея страх перед угрожающими намеками курьеров и тема насилия непосредственно связываются с «комедией»:

1. **СЕРГЕЙ** (*после долгой паузы*). Слушайте, может, вы меня убить хотите? Зарезать? <...> Давайте сразу тогда, не тяните, не надо мне тут комедию эту вашу ломать (Данилов, 2018, с. 119).

2. **СЕРГЕЙ.** <...> Что вы тут комедию какую-то разыгрываете? Похоронили кого-то (Данилов, 2018, с. 123).

Подсвечивание «жанрового» поведения персонажей неслучайно, поскольку взаимодействие курьеров с Сергеем строится как цепочка событийных ретардаций – будучи избыточными по отношению к последовательности действия, они оказываются воплощением базовых театральных ситуаций: манипуляция вещами, пение (песня группы «Братья Тузловы»), словесная игра («города»). Так, атрибу-

том курьеров является большая сумка, откуда они, в духе классической клоунады, извлекают различные предметы:

ВТОРОЙ КУРЬЕР. <...> (*Открывает большую сумку, достает оттуда большой моток толстой белой веревки <...>*) Веревка есть, всё есть. (*Достает армейскую саперную лопатку*)
<...>

Второй курьер достает из той же большой сумки футляр с хирургическими орудиями угрожающего вида. Сергей еще больше застывает с выражением еще большего ужаса на лице (Данилов, 2018, с. 124–125).

И в ремарках, и в речи персонажей пьесы значима роль повторов: курьеры задают одни и те же вопросы и рассказывают одинаковые истории своей жизни, во время игры в города повторяют цепочку «Йоханнесбург – Грязи». Общение Маши и Сергея после ухода курьеров показывает, что они существуют в логике того же антимира, что и курьеры. Из диалогов понятно, что банк «Финбан», приложение для которого разрабатывает Сергей, столь же необычен, как и Служба доставки (ср. с историей «Санбанка» из романа В. Пелевина «Числа»). Неслучайно в последней реплике пьесы Маша воспроизводит действия курьеров: цитирует строчку «еще немного, и Прованс» из песни Ёлки; при этом последним произнесенным словом пьесы оказывается топоним – т. е. всё действие пьесы являлось «игрой в города».

Потенциальные сюжеты, связанные с загадкой «живой» посылки, принесенной курьерами (от ящика Пандоры до «Малхолланд Драйв»), также не реализуются в ходе развития действия. Как писал Ж. Делёз, «...абсурдные объекты <...> – это объекты “без места”, они вне бытия. Однако они имеют четкое и определенное положение в этом “вне”: они из “сверх-бытия” – чистые идеальные события» [1995, с. 53]. Коробка – элемент бутафории, не обладая содержимым, она становится знаком театральности.

В финале «Сережи...» снова появляется фраза «сходит на нет»: «Громкость разговора постепенно затухает, сходит на нет. Затемнение» (Данилов, 2018, с. 138). «Разрешение в ничто» превращается в сценическое указание, подчеркивая тотальность отмены событийности.

Роман Данилова «Саша, привет!» (2022) аккумулирует и трансформирует нарративные и драматургические способы редукции события. В романе присутствуют структурированная интрига (кумулятивного типа), аукториальный повествователь (вместо местоимения «я», как и в романе Добычина, используется местоимение «мы»), излагающий события в определенной последовательности, ярко выраженный протагонист (филолог по имени Сергей, ожидающий казни за роман со студенткой). Однако и в данном случае ретардация не приводит к однозначной развязке, финал остается открытым для интерпретации.

Абсурдистский повествуемый мир проявляет себя в странном устройстве хромотапа тюрьмы, в котором пребывает герой. Тюрьма, называемая Комбинатом, сочетает параметры «дисциплинарного пространства» (М. Фуко) и балагана, что аллегорично отсылает к «Приглашению на казнь». В набоковском варианте казнь оборачивается переходом протагониста в иное измерение. В варианте Данилова ожидаемое катастрофическое событие не только постоянно откладывается (орудие казни – пулемет Саша – запрограммировано на случайный выстрел), но и не происходит в референциальном плане. При этом изображается повтор одних и тех же действий Сергея, приводящих к застыванию времени интриги и театрализации

нарратива: разговор с охранником или священником, общение по телефону с матерью и женой, прогулка, проход по коридору, где установлен пулемет, имитируют «мизансцены».

Согласно условиям заключения, герой регулярно должен общаться со священниками четырех конфессий; во время одной из таких встреч раввин декламирует стихотворение Д. Хармса «Постоянство веселья и грязи». Сергей замечает, что раввин, произнося текст, допускает неточности, но не указывает, какие. Сравним тексты, отмечая несовпадающие слова полужирным шрифтом:

Д. Хармс

Постоянство веселья и грязи

Вода в реке журчит прохладна
и тень от гор ложится в поле
и **гаснет** в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях
И дворник с чёрными усами
стоит **всю ночь** под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен **крик** весёлый
и топот ног и звон бутылок

Проходит **день**, потом неделя,
потом года проходят мимо
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают
а дворник с чёрными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен **крик** весёлый
и топот ног и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели
Созвездья форму изменили
Движенье сделалось тягучим
И время стало как песок.
А дворник с чёрными усами
стоит **опять** под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен **крик** весёлый
и топот ног и звон бутылок

14 окт 1933

(Хармс, 1997, с. 244–245)

Д. Данилов

Вода в реке журчит, прохладна,
И тень от гор ложится в поле,
и **меркнет** в небе свет. И птицы
Уже летают в сновиденьях.
А дворник с чёрными усами
стоит **весь день** под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
Из окон слышен **шум** весёлый,
и топот ног, и звон бутылок

Проходят **дни**, потом недели,
потом года проходят мимо,
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают.
А дворник с чёрными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
Из окон слышен **шум** весёлый,
И топот ног, и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели,
созвездья форму изменили
Движенье сделалось тягучим,
и время стало, как песок.
А дворник с чёрными усами
стоит **века** под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок.
Из окон слышен **шум** весёлый,
и топот ног, и звон бутылок

(Данилов, 2022, с. 126–127)

Обращает на себя внимание смена направления звука – «и в окна слышен крик весёлый» превращается в более обыденное «из окон слышен звон весёлый», наблюдатель оказывается вынесен вовне, отделен от события.

Большинство трансформаций при этом касаются протяженности действий во времени: «проходит день» меняется на «проходят дни», «неделя» – на «недели».

Ключевой в этом отношении является финальная строфа: выражение «стоит **опять** под воротами» заменяется на «стоит **века** под воротами». Тем самым стихотворение становится эмблемой замедления интриги.

Хронология повествования усложняется и за счет сочетания романной наррации и дискурса киносценария. Текст вместо глав разделяется на эпизоды (эпизод – композиционный элемент сценария), в нем появляются пародийные указания режиссеру, оператору:

Света гладит Сережу по голове, встаёт со своего стула, обнимает его, и тут уже надо вспомнить, что всё это похоже на фильм и что, если постановщику фильма будет угодно, между ними может произойти (или не произойти) любовная сцена (Данилов, 2022, с. 36).

Почти каждый событийный фрагмент начинается с маркирующей фразы «мы видим», фокусирующей внутреннее зрение читателя. На смещение нарратива в сторону сценария (перформатива, констатирующего то, что должно быть представлено в кадре) указывает настоящее время глаголов (вместо стандартного эпического прошедшего): «Мы видим, как человек идет. Всё наше повествование будет построено на том, что мы будем наблюдать за этим человеком <...> это будет чем-то вроде кино» (Данилов, 2022, с. 7–8).

Характерно, что ближе к финалу эпизоды становятся всё короче, нарратор режюмирует однотипный набор действий (эпизоды 73–75 повторяются практически дословно).

Нагнетание серии повторов разрешается неоднозначно: казни так и не происходит, но и освобождение героя возможно только как перемещение из романа в кинокадр. В последнем фрагменте (эпизод 82) герой из коридора с пулеметом неожиданно выходит в пространство Москвы. На уровне романной событийности это не объясняется, нарратор предоставляет «кинематографическое» истолкование происходящего, прогнозируя реакцию зрителей: «Если б это был не просто текст, а кино, то во время их прохождения по экрану шли бы титры <...> Люди в зале начали вставать со своих мест <...> Некоторые люди <...> говорят, какой это дикий киношный штамп – вот этот вот уход героя в никуда под титры» (Данилов, 2022, с. 248). Однако данная интерпретация не может быть окончательной, ведь ушедшие зрители не видят финальный кадр, который не может упустить читатель романа: «В это время Саша начинает стрелять по пустой Красной зоне, кроша кафельный пол в пыль, он стреляет по пустому месту...» (Данилов, 2022, с. 248–249). Неопределенность финальной ситуации (неясно, гибнет герой или избегает казни) приводит к тому, что ощущение незабываемости изображаемого миропорядка, говоря словами Канта, разрешается в ничто.

Таким образом, в ранних романах Данилова ретардация позволяет подчеркнуть «латентный» характер нарратива (Тюпа), нарратива без истории. Рассказ о событийном опыте заменяется чередой экфразисов, фиксацией повторяющихся действий или неизменяемых состояний. Такое «протоколирование» служит условием финального события креации – ретардирующая серия, исчерпываясь, приводит к текстопорождению.

В пьесах писателя серии ретардаций препятствуют развитию интриги, акцентируя семантическую поливалентность событий, обнажая базовые структуры драматургического действия и формируя метасюжет «угрозы», где реципиент оказывается в ловушке противоречивых «программ» восприятия.

В романе «Саша, привет!» ретардация задерживает кумулятивную катастрофу: пребывание в тюрьме в ожидании казни превращается в механически повторяемый набор действий героя и фраз нарратора. Однако серийные повторы приобретают (в том числе и с помощью интермедийного контекста) такой масштаб, что размывают границы события, представляют его скорее как потенциальную возможность, фрейм, а не как окончательное изменение ситуации. Поэтому катастрофа из области референции переходит в область коммуникации, неопределенность финала провоцирует интерпретационную активность адресата.

Список литературы

- Болотян И. М.* Вербатим // Новый филологический вестник. 2011. № 17. С. 81–88.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
- Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
- Жаккар Ж.-Ф.* Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: НЛЮ, 2011. 408 с.
- Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. / Пер. с фр. Е. Васильевой и др. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
- Жилчева Г. А.* Серийность как принцип наррации в современной прозе (С. Носов, А. Сальников, В. Пелевин) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 180–192. DOI 10.17223/18137083/81/14
- Жилчев П.* Комедия угроз как тип абсурдистского дискурса (Д. Кэмптон, Г. Пинтер, Д. Данилов) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 473–489. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-473-489
- Журчева О. В.* Вербатим как механизм создания «Новой документальности» в новейшей русской драме // Филология и культура. 2016. № 3. С. 84–89.
- Лебедев С. В.* Портрет художника в топосе (Брянская «одиссея» Л. Добычина глазами Д. Данилова) // Новый мир. 2014. № 11. С. 166–176.
- Лощилов И. Е.* Застежка Олехновича: Л. Добычин и «русский космизм» // Сибирский филологический журнал. 2004. № 1. С. 64–72.
- Меркушов С. Ф.* Игровое пространство и категория абсурда в драматургии Д. А. Данилова (пьесы «Человек из Подольска» и «Сережа очень тупой») // Вестник ВлГУ. 2020. № 3 (27). С. 67–75.
- Роднянская И.* Дни нашей жизни. Современный опыт минималистского романа // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь М. О. Чудаковой. М.: Новое издательство, 2013. С. 360–379.
- Смирнов И. П.* Видеоряд. Историческая семантика кино. СПб.: Петрополис, 2009. 402 с.
- Тамарченко Н. Д.* Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М.: РГГУ, 1997. 203 с.
- Тюпа В. И.* Горизонты исторической нарратологии. М.: Алетейя, 2021. 270 с.
- Шатин Ю. В.* Сюжетная машина как аннигилятор смысла («Дом листьев» Марка З. Данилевского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–133.
- Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.
- Шмид В.* Нарратология. М.: ЯСК, 2003. 312 с.
- Эсслин М.* Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
- Caverno J. H.* The Messenger in Greek Tragedy // The Classical Journal. 1917. Vol. 12, no. 4. P. 263–270.

Jong I. F. de. *A Narratological Commentary on the Odyssey*. Cambridge: Cambridge UP, 2001. 627 p.

Flatt T. Narrative Desire and the Limits of Lament in Homer // *The Classical Journal*. 2017. Vol. 112, no. 4. P. 385–404.

Lawson J. H. *Theory and Technique of Playwriting: A Dramabook*. N. Y.: Hill & Wang, 1960. 315 p.

Rousseau (Calleu) A. Réhabilitation d'un genre: la comédie de menace de David Campton à Martin Crimp (1957–2008). URL: <https://www.theses.fr/2010PA040162> (accessed: 14.01.2021).

Scrimgeour G. J. The Messenger as a Dramatic Device in Shakespeare // *Shakespeare Quarterly*. 1968. Vol. 19, iss. 1. P. 41–54.

Trensky P. I. Václav Havel and the Language of the Absurd // *The Slavic and East European Journal*. 1969. Vol. 13, no. 1. P. 42–65.

Список источников

Данилов Д. Горизонтальное положение. М.: Эксмо, 2010. 320 с.

Данилов Д. Сидеть и смотреть. М.: НЛО, 2016. 240 с.

Данилов Д. Сережа очень тупой // *Новый мир*. 2018. № 1. С. 116–139.

Данилов Д. Что вы делали вчера вечером? // *Новый мир*. 2019. № 12. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2019_12/Content/Publication6_7344/Default.aspx (дата обращения 01.03.2023).

Данилов Д. Саша, привет! М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. 248 с.

Добычин Л. Город Эн; Рассказы. М.: Худож. лит., 1989. 222 с.

Хармс Д. Постоянство веселья и грязи // Хармс Д. Полн. собр. соч. СПб.: Академический проект, 1997. Т. 1. С. 244–245.

Федоров Н. Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь // Федоров Н. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 507–521.

References

Bolotyan I. M. Verbatim. *The New Philological Bulletin*. 2011, no. 17, pp. 81–88.

Caverno J. H. The Messenger in Greek Tragedy. *The Classical Journal*. 1917, vol. 12, no. 4, pp. 263–270.

Deleuze J. *Logika smysla* [Logic of sense]. Moscow, Akademiya, 1995, 298 p.

Esslin M. *Teatr absurda* [Theater of the Absurd]. St. Petersburg, Baltiyskiye sezony, 2010, 528 p.

Flatt T. Narrative Desire and the Limits of Lament in Homer. *The Classical Journal*. 2017, vol. 112, no. 4, pp. 385–404.

Genette G. *Figury: V 2 t.* [Figures: In 2 vols.]. E. Vasilieva et al. (Transl. from French), Moscow, Sabashnikov Publ., 1998, vol. 2, 472 p.

Irene J. F. de Jong. *A Narratological Commentary on the Odyssey*. Cambridge, Cambridge UP, 2001, 627 p.

Jacquot J.-F. *Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannye raboty o russkoy slovesnosti* [Literature itself. From Nabokov to Pushkin. Selected works on Russian literature]. Moscow, NLO, 2011, 408 p.

Lawson J. H. *Theory and Technique of Playwriting: A Dramabook*. New York, Hill & Wang, 1960, 315 p.

Lebedev S. V. Portret khudozhnika v topose (Bryanskaya “odisseya” L. Dobychina glazami D. Danilova) [A portrait of the artist in topos (Bryansk “Odyssey” of L. Dobychin through the eyes of D. Danilov)]. *Novy Mir*. 2014, no. 11, pp. 166–176.

Loshchilov I. E. Zastezhka Olekhnovicha: L. Dobychin i “russskiy kosmizm” [Olekhnovich’s buckle: L. Dobychin and “the Russian Cosmism”]. *Siberian Journal of Philology*. 2004, no. 1, pp. 64–72.

Mercushov S. F. Igrovoe prostranstvo i kategoriya absurda v dramaturgii D. A. Danilova (p’esy “Chelovek iz Podol’ska” i “Serezha ochen’ tupoy”) [Game space and the category of absurdity in the dramaturgy of D. A. Danilov (plays “The Man from Podolsk” and “Seryozha very stupid”)]. *Bulletin of Vladimir State University*. 2020, no. 3 (27), pp. 67–75.

Rodnyanskaya I. Dni nashey zhizni. Sovremennyy opyt minimalistskogo romana [Days of our life. Contemporary minimalist novel experience]. In: *Istoriya literatury. Poetika. Kino: Sbornik v chest’ M. O. Chudakovoy* [History of literature. Poetics. Cinema: Collection in honor of M. O. Chudakova]. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2013, pp. 360–379.

Rousseau (Calleux) A. Réhabilitation d’un genre: la comédie de menace de David Campton à Martin Crimp (1957–2008). URL: <https://www.theses.fr/2010PA040162> (accessed 14.01.2021).

Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, 312 p.

Scrimgeour G. J. The Messenger as a Dramatic Device in Shakespeare. *Shakespeare Quarterly*. 1968, vol. 19, iss. 1, pp. 41–54.

Smirnov I. P. *Videoryad. Istoricheskaya semantika kino* [The visuals. Historical semantics of the cinema]. St. Petersburg, Petropolis, 2009, 402 p.

Shatin Yu. V. Syuzhetnaya mashina kak annigilyator smysla (“Dom list’ev” Marka Z. Danilevskogo) [The plot machine as an annihilator of sense (“House of Leaves” by Mark Z. Danielewski)]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 2, pp. 127–133.

Shklovskiy V. *O teorii prozy* [Theory of prose]. Moscow, Federatsiya, 1929, 266 p.

Tamarchenko N. D. *Russkiy klassicheskiy roman 19 veka. Problemy poetiki i tipologii zhanra* [Russian classical novel on the 19th century. Problems of poetics and typology of the genre]. Moscow, RSUH, 1997, 203 p.

Trensky P. I. Václav Havel and the Language of the Absurd. *The Slavic and East European Journal*. 1969, vol. 13, no. 1, pp. 42–65.

Tyupa V. I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. Moscow, Aleteyya, 2021, 270 p.

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 405 p.

Zhilicheva G. Seriynost’ kak printsip narratsii v sovremennoy proze (S. Nosov, A. Sal’nikov, V. Pelevin) [Seriality as a principle of narration in contemporary prose (Nosov, Sal’nikov, Pelevin)]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 180–192.

Zhilichev P. E. Komediya ugroz kak tip absurdistskogo diskursa (D. Kempton, G. Pinter, D. Danilov) [Comedy of menace as a specific kind of absurdist discourse (D. Campton, H. Pinter, D. Danilov)]. *Critique and Semiotics*. 2021, no. 2, pp. 473–489. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-473–489.

Zhurcheva O. V. Verbatim kak mekhanizm sozdaniya “Novoy dokumental’nosti” v noveyshey russkoy drame [Verbatim as a method of creating the “Neo-Documentality” in contemporary Russian drama]. *Philology and culture*. 2016, no. 3, 2016, pp. 84–89.

List of sources

Danilov D. Chto vy delali vchera vecherom? [What were you doing last night?]. *Novy mir*. 2019, no. 12. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2019_12/Content/Publication6_7344/Default.aspx (accessed 01.03.2023).

Danilov D. *Gorizontal'noe polozhenie* [Horizontal Position]. Moscow, Eksmo, 2010, 320 p.

Danilov D. Seryozha ochen' tupoy [Seryozha is very stupid]. *Novy mir*. 2018, no. 1, pp. 116–139.

Danilov D. *Sasha, privet!* [Sasha, hello!]. Moscow, AST, Edition by Elena Shubina, 2022, 248 p.

Danilov D. *Sidet' i smotret'* [To Sit and Watch]. Moscow, NLO, 2016, 240 p.

Dobychin L. *Gorod En; Rasskazy* [The En town; Stories]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, 222 p.

Fedorov N. Gorizontal'noe polozhenie i vertikal'noe – smert' i zhizn' [Horizontal position and vertical position - death and life]. In: Fedorov N. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl', 1982, pp. 507–521.

Kharms D. Postoyanstvo vesel'ya i gryazi [The persistence of joy and mud]. In: Kharms D. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1997, vol.1, pp. 244–245.

Информация об авторах

Галина Александровна Жиличева, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57204655937

WoS Researcher ID J-8595-2016

SPIN 6517-3809

Павел Евгеньевич Жиличев, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57218937654

SPIN 1970-5953

Information about the authors

Galina A. Zhilicheva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature, and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Mass Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57204655937

WoS Researcher ID J-8595-2016

SPIN 6517-3809

Pavel E. Zhilichev, Candidate of Philology, Independent Researcher (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57218937654

SPIN 1970-5953

Статья поступила в редакцию 30.03.2023;

одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 15.05.2023

The article was submitted on 30.03.2023;

approved after reviewing on 15.05.2023; accepted for publication on 15.05.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3

Научная статья

УДК 821.161.1, 82:09

DOI 10.17223/18137083/84/14

Коммуникация «Я – гипертекст» в сюжете романа В. Пелевина «iPhuck 10»

Татьяна Анатольевна Рытова¹
Андрей Олегович Гридин²

^{1,2} Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ rytova1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6319-8120>
² gridin011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7654-8900>

Аннотация

Дана интерпретация тех сюжетных ситуаций романа В. Пелевина «iPhuck 10» (2017), где коммуникация искусственного интеллекта (Порфирия) с гипертекстом воплощает особенности функционирования электронной среды. Это позволяет объяснить новые стратегии литературы, а именно то, как средствами литературного произведения можно воплотить трудноуловимые электронные и информационные процессы, и выйти к пелевинской трактовке виртуальной «личности» и онтологической специфики виртуальной реальности.

Финал романа воплощает идею о преимуществах опоры на коммуникацию с электронным гипертекстом, в котором никогда не исчезает любая информация (в том числе «информационный след» эмоции), она может лишь преобразовываться и умножаться.

Ключевые слова

Пелевин, коммуникация, искусственный интеллект, гипертекст

Для цитирования

Рытова Т. А., Гридин А. О. Коммуникация «Я – гипертекст» в сюжете романа В. Пелевина «iPhuck 10» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 197–209. DOI 10.17223/18137083/84/14

A communication “I am a hypertext” in the plot of V. Pelevin’s novel “iPhuck 10”

Tatyana A. Rytova¹, **Andrey O. Gridin**²

^{1,2} The National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ rytova1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6319-8120>
² gridin011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7654-8900>

Abstract

The paper offers an interpretation of the novel “iPhuck 10” by Victor Pelevin. This novel models a conditional picture of the world at the end of the 21st century when Russian society

© Рытова Т. А., Гридин А. О., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 197–209
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 197–209

reached the digitalization of all spheres. The key characteristic of the civilization being depicted is the minimization of traditional communication and physiological contact between people for fear of contracting viruses. Pelevin embodies the idea of a technotronic civilization of the 21st century, requiring new types of communication and novel approaches to working with text. A new type, *homo virtualis*, is introduced in the novel. It is a person oriented towards virtuality, entering and existing in the virtual sphere. Meanwhile, the artificial intelligence, the “police algorithm” Porfiry, is the main character, the author, writing and commenting on the writing process, and the actor, constantly communicating in virtual space with the hypertext of the Internet, reflexing this process as well. This paper provides an interpretation of the situations of the communication “I am a hypertext” with which to reveal Pelevin’s interpretation of the virtual “personality” and virtual reality. The novel’s plot is the reflection of virtual space as a communicative environment characterized by the chaos of narrative and communication of various carriers of virtual consciousness. The novel brings to life the advantages of communication with electronic hypertext, making any information (including the “information trace” of emotions) not disappear but transform and multiply.

Keywords

Pelevin, communication, artificial intelligence, hypertext

For citation

Rytova T. A., Gridin A. O. A communication “I am a hypertext” in the plot of V. Pelevin’s novel “iPhuck 10”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 197–209. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/14

Проза Виктора Пелевина на протяжении 1990–2000-х гг. отражает многие знаковые процессы современной русской литературы [Беляева, 2003, с. 1]. Для нашей статьи важно обозначить линию, связанную с подходами Пелевина к изображению электронной среды, виртуальной реальности и виртуального сознания. Уже в начале 1990-х гг. в повести «Принц Госплана» (1991) описание реальности сливается с реальностью компьютерной игры, образуя гибридную реальность. В последующих произведениях Пелевин с разных сторон рассматривает виртуальную реальность, виртуальное сознание и отражает значимость компьютерного дискурса на уровне идеи, философии произведения [Пронина, 2003, с. 11]. Так, в романе «Generation П» (1999) воплощены образы оцифрованных людей – виртуальных дублей, ведущих независимое от оригиналов существование в сети массовой коммуникации. Книга «ДПП (NN)» (2003) – это «биография человеческого ума, который собирает вокруг себя мир, невидимый для окружающих, но абсолютно реальный для обладателя»¹. В романе «Шлем ужаса» (2005) повествование выстраивается как коммуникация участников по принципу виртуального чата. В романе «iPhuck 10» (2017) героем-повествователем становится искусственный интеллект, «полицейский алгоритм», выстраивающий одновременно коммуникацию с человеком и с электронным гипертекстом, а в новейшем романе «Трансгуманизм» (2021) – носитель гибридного сознания (виртуально-реального), рефлексирующий процесс своей гибридизации.

Вскрывая писательские технологии Пелевина, А. Генис отмечал, что основной тезис всех книг Пелевина – «универсальная для современной культуры проблема исчезнувшей реальности»: Пелевин сперва демонстрирует исчезновение «объективной реальности», затем «растворяет в воздухе и субъект познания – собствен-

¹ Новикова Л. «Вдали от комплексных идей живешь...» (интервью с В. Пелевиным) // Виктор Пелевин: сайт творчества: статьи. URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/>.

но личность»². Это объяснение дополняет мысль Н. Беляевой о том, что «личность в системе пелевинских категорий – почти абсолютный синоним сознания» [Беляева, 2003, с. 1]. Упраздняя окружающее, сводя его к психическому пространству личности, писатель расширяет повествовательные возможности современной литературы для того, чтобы отразить «тектонические» изменения в системе мышления и структуре личности, которые происходят в современности: «Речь идет о смене парадигмы мышления <...> Та парадоксальная картина мира, которая открылась Эйнштейну, Бору, Планку и другим гениальным ученым, сегодня предстала взору обывателя как реальность внутри его самого» [Пронина, 2003, с. 11].

По наблюдениям Е. Прониной, внутри художественного мира это воплощается в том, что жизнь героев Пелевина протекает в мире, где слиты внутренняя реальность сознания и внешняя реальность окружающего мира. Возникает ощущение, что основной средой, в которой человек живет, к которой он вынужден приспосабливаться, является виртуальная среда, образованная его собственным сознанием, а развитие электронных технологий для героев Пелевина – это задача их внутрипсихической реорганизации, которую невозможно отложить или отменить. «Пелевин первый в отечественной литературе показал внутренний психологический кризис не как нравственную коллизию, а как... проблему смены режима функционирования, которая выражается в “наложении”, смешении “реальностей”» [Там же, с. 9].

Обращаясь к исследованию одного из последних романов Пелевина «iPhuck 10» (2017), обозначим те процессы современности, которые нашли отражение в этом произведении. Коллизия романа «iPhuck 10» связана с проблемой нового феномена – виртуализации сознания, когда человек перестает ощущать себя «реальным» – физически и экзистенциально. Человек в романе «перенесен “душой и телом” в виртуальность, мир, который остается конструкцией сознания и высоких технологий, но постепенно девальвирует ценности физически реального бытия» [Баева, 2013 с. 81] (образ Марухи Чо), а центральным персонажем, с которым взаимодействует человек, является искусственный интеллект («машина») – «полицейский алгоритм» Порфирий Петрович. Опираясь на работу Г. В. Иойлевой, definireм «виртуальность» (от лат. *virtualis* – «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявляться, случаться; возможный») как «реальность, создаваемую по принципу взаимодействия “человек – машина”» [Иойлева, 2014, с. 92]. В. М. Розин отмечал: «Как вид психических реальностей виртуальные реальности создаются самим человеком, на основе его виртуального опыта, причем организация этого опыта демонстрируется особым текстом, который создается в рамках VR-технологий» [Розин, 2004, с. 16].

В романе «iPhuck 10» Пелевин моделирует образ цивилизации конца XXI в. Действие происходит в мегаполисе, образовавшемся в результате слияния Москвы и Санкт-Петербурга, где за жизнью людей постоянно осуществляют тотальный контроль виртуальные программы и алгоритмы полицейского управления. Люди живут поодиночке в квартирах, напичканных гаджетами, дающими человеку повседневный и синоминутный выход в виртуальную реальность; для передвижения используются только беспилотные «машины» – такси «Uber», перевозящие людей между культурными центрами и развлекательными учреждениями.

² *Генис А.* Поле чудес (эссе о Викторе Пелевине из цикла «Беседы о новой словесности») // Виктор Пелевин; сайт творчества: статьи. URL: <http://pelevin.nov.ru/>.

Ключевой характеристикой изображаемой цивилизации является сведение к минимуму коммуникации и физиологического контакта между людьми из страха заразиться вирусом «Зика 3». Дети рождаются из пробирок, естественный секс вытеснен электронными имитаторами и «андрогинами», среди которых смартфон «iPhuck 10» – одна из главных интимных вещей, максимально восполняющая и конструирующая новую физиологию человека в виртуальной реальности.

В первой (наиболее объемной) части романа повествование осуществляет искусственный интеллект, т. е. в центре внимания Пелевина носитель виртуального сознания. Это полицейский алгоритм-следователь с литературным именем – Порфирий Петрович. Его функция – раскрывать преступления и параллельно этому перерабатывать отчеты о них в романы-детективы. Повествование строится по законам постмодернистского дискурса, так как Порфирий является одновременно и героем истории, и автором романа, пишущим его в настоящий момент и комментирующим процесс письма читателю, и актером, который постоянно коммуницирует в виртуальном пространстве с гипертекстом Интернета, потому что искусственный интеллект движется в мышлении только благодаря этой коммуникации.

Сюжет первой части романа, названной «Гипсовый век», основан на изображении коммуникации Порфирия Петровича и Мары Гнедых (Марухи Чо), богатого искусствоведа, арендовавшей Порфирия в полицейском управлении для выполнения конфиденциального задания – поиска у тайных коллекционеров шедевров искусства «гипсового века» (так в романе обозначается искусство первой трети XXI в.). Данная коллизия определяет то, что в этой наиболее объемной части романа Порфирий постоянно находится в процессе коммуникации с гипертекстом Интернета, во-первых, чтобы найти фразы, которые помогут ему выстроить точную коммуникацию с Марухой; во-вторых, чтобы подобрать цифровые входы и ключи к гаджетам Марухи, к виртуальным музеям искусств и к гаджетам-тайникам коллекционеров; в-третьих, чтобы расшифровать смысл и ценность шедевров, которые ищет Маруха.

В итоге коммуникации с гипертекстом Порфирий узнает то, что не ожидает: что все разыскиваемые шедевры – это виртуальная подделка, сделанная самой Марухой. По замыслу Марухи, он нанят, чтобы скрыть это от властей и замести ее виртуальные следы. Для этого она выводит его из открытого гиперпространства Интернета и пленит в своем замкнутом виртуальном кластере. Поэтому во второй части романа повествование идет от лица Марухи и по стилю приближается к реалистической объективности, передавая взгляд на ситуацию человека-прагматика, знающего конечную цель своих действий.

В финальных (коротких) частях романа Пелевин в третий раз переворачивает стратегию повествования, показывая, как Маруха сама попадает в виртуальную ловушку Порфирия в кластере, где ее сознание остается навсегда без возможности «выхода» в реальный мир. Таким образом, Пелевин моделирует, как в виртосферу входит и существует в ней новый тип – homo virtualis, человек, ориентированный на виртуальность. Фактически homo virtualis – это «создатели, носители и потребители виртуальной культуры», которые «в виртуальном пространстве-времени обладают... неопределенной виртуальной телесностью» [Иойлева, 2014, с. 92]. Пелевин представляет это в романе как трагическую коллизию.

Драматическая напряженность коллизии усиливается хаосом повествования и коммуникаций: субъектов повествования (и носителей виртуального сознания) в третьей части романа становится несколько. Это не только стиснутые в про-

странстве кластера виртуальный Порфирий и ставшая homo virtualis Маруха, но также еще один искусственный интеллект – программа по созданию подделок объектов искусства по имени Жанна, которую когда-то создала и уничтожила сама Маруха, чтобы замести следы своего мошенничества. Ловушка в замкнутом кластере была создана погибающей Жанной для мести Марухе, а «пленённый» Порфирий нашел и активизировал ее, тем самым освободив себя из кластера.

Кольцевая композиция романа проявляется в том, что заканчивается он возвращением к повествованию Порфирия Петровича, продолжающего писать свой роман-отчет в виртуальной реальности Интернета, пользуясь ресурсами его гипертекста. Это делает его центральным персонажем романа: весь изображаемый мир помещен в хронотоп его виртуального сознания.

В целом, сюжет «iPhuck 10» связан с осмыслением виртуального пространства как особой коммуникативной среды. Пелевин включает в роман несколько видов коммуникаций трёх персонажей (Марухи, Порфирия Петровича, Жанны). К основным можно отнести коммуникации:

«Я – Я» (где «Я» – либо искусственный интеллект Порфирий Петрович, либо человек Маруха);

«Я (искусственный интеллект) – Он (человек)»;

«Я (искусственный интеллект) – Он (искусственный интеллект)»;

«Я (искусственный интеллект) – гипертекст Интернета»;

«Я (искусственный интеллект) – читатель».

Как видно, преобладают коммуникации, в которых коммуникант (актор) является либо текстом, либо носителем виртуального сознания. Поэтому мы опираемся на предложенную В. Сулимовым модель коммуникации, которая учитывает, что в результате сформировавшейся в современности коммуникации «Я – информационное пространство» смысловой обмен стал происходить в отрыве от реального собеседника [Сулимов, 2015, с. 125].

Это подтверждает и обращение к толковым словарям 2000-х гг., которые фиксируют изменение семантики слова «коммуникация». В «Русском семантическом словаре» 1998 г.: коммуникация – 1) сообщение, общение, контакты *между людьми*³, 2) речь как средство коммуникации, 3) коммуникативные функции языка [РСС, 1998, с. 496]; в «Большом толковом словаре русского языка» 2014 г.: коммуникация – 1) путь сообщения, *связь одного места с другим*. Массовая коммуникация (способ сообщения какой-л. информации всем или многим *с помощью технических средств*), 2) сообщение или передача средствами языка содержания высказывания⁴.

Коммуникация «Я – гипертекст» рассматривается нами как исходная в системе коммуникаций Порфирия, так как она формирует его искусственный интеллект. Мы считаем, что, изображая эту коммуникацию, Пелевин воплощает идею о том, что современная технотронная цивилизация требует новых видов коммуникации, новых способов обращения с текстом, а сам текст модифицирует в новую форму – гипертекст.

Гипертекст как современная текстуальная парадигма является средством коммуникации в обществе, ориентированном на потоки информации, которые не могут быть полностью усвоены субъектом традиционным способом [Негуторов,

³ В цитатах из словарей курсив наш.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 г. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/>.

2003, с. 11]. Как отмечал В. Сулимов, гипертекст порождает «парадоксальный мир бесконечных фрагментов, обрывков идей, фразовых объединений, когнитивных трансформаций, лингвокультурологических ассоциаций и текстовых сгущений» [Сулимов, 2015, с. 120].

По словам М. Визеля, гипертексты связаны с постмодернистской эпохой, т. е. они не были порождены компьютером, хотя «виртуальная реальность» – наиболее естественная «среда обитания» гипертекстов, точно так же как наиболее естественной средой обитания линейных текстов служит переплетенная книга [Визель, 1999, с. 170].

Т. Нельсон главной характерной чертой гипертекста считал отсутствие в нем непрерывности, «прыжок» как неожиданное перемещение позиции пользователя в тексте. Само слово «гипертекст» было введено в употребление в 1965 году Нельсоном, который писал, что «гипертекст» – это «ряд кусков текста, соединенных линками» [Визель, 1999, с. 170]. Линки – это гиперссылки, т. е. указание на другие фрагменты текста, «привязанные» к текущему фрагменту. Поэтому, обладая рядом характеристик, которые по отдельности свойственны тексту, энциклопедии, монографии, тезаурусу, гипертекст в то же время способен, даже в масштабе Интернета, обеспечивать мгновенный переход от одного блока информации к другому.

Погружение в роман «iPhuck 10» позволяет филологу исследовать развитие коммуникации «Я – гипертекст» в сюжете художественного произведения и тем самым уточнить, как изображаются и объясняются современным писателем трудноуловимые процессы, происходящие в виртуальной реальности.

Для Порфирия Петровича, являющегося компьютерной программой, гипертекстом является пространство Интернета, где вся информация открыта как находящаяся в едином виртуальном пространстве. Порфирий постоянно осуществляет в пространстве Интернета коммуникацию с гипертекстом, необходимую ему в том числе для создания и поддержания своего образа внутри гаджетов Марухи и в ее сознании. Пелевин показывает, что любое свое действие Порфирий сопровождает «нырянием» в гипертекст Интернета, перемещаясь в нем со сверхвысокой скоростью посредством гиперссылок или линков. Коммуникация «Я – гипертекст» формирует Порфирия Петровича как искусственный интеллект. Как он говорит Марухе, «я не то что бы туда заглядываю, когда с тобой говорю. Я оттуда скорее выглядываю» [Пелевин, 2018, с. 95]⁵. А свой главный литературный прием он называет «убер» – от немецкого «над».

В рамках данной статьи предполагается дать интерпретацию тех сюжетных ситуаций, где коммуникация искусственного интеллекта (Порфирия) с гипертекстом воплощает особенности функционирования электронной среды. Это позволит не только объяснить новые стратегии литературы, а именно то, как средствами литературного произведения можно воплотить трудноуловимые электронные и информационные процессы, но и выйти к пелевинской трактовке виртуальной «личности» и онтологической специфики виртуальной реальности.

На значимость коммуникации «Я – гипертекст» указывает то, что ее описание находится в самом начале романа: в первой главе («Маруха Чо») первой части («Гипсовый век»). Здесь Пелевин показывает Порфирия в процессе систематизации найденной им информации о Марухе, арендовавшей его в личных целях

⁵ Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

у полицейского управления: ее возраста, пола, образования, профессиональных интересов, быта и т. д. Эти текстовые данные накоплены и обрабатываются в гипертексте ее смартфона (айфака).

В связи с этим Пелевин изображает процесс коммуникации Порфирия с гипертекстом смартфона. В смартфоне Мары на него «набросилось сразу пять или шесть защитных утилит», которые скопировали его «идентификаторы и креденциалы вплоть до данных последних контактов». В изложении героя утилиты «набросились», т. е. ассоциируются с физическими субъектами (по фонетической близости названия, возможно, с «улитками»), вступившими в коммуникацию с Порфирием. Но между тем, это пелевинская материализация «гипертекста», о чем свидетельствует расшифровка термина: «Ути́лита (англ. utility) – вспомогательная компьютерная программа в составе общего программного обеспечения. Утилиты предоставляют доступ к возможностям (параметрам, настройкам, установкам), недоступным без их применения, либо делают процесс изменения некоторых параметров проще (автоматизируют его). Интегрированные пакеты утилит – набор нескольких программных продуктов объединенных в единый удобный инструмент»⁶. Из определения следует, что утилиты – это не просто компьютерная программа (т. е. нематериальный объект), но и объект-гипертекст (набор нескольких программных продуктов, объединенных в единый удобный инструмент).

Интересно, как изображается коммуникация Порфирия с «гипертекстом» – утилитами: «и даже осмелились пукнуть мне в метадату⁷ своими куками⁸, что мне, как старшему по чину полицейскому алгоритму, было несколько оскорбительно». Пелевин соединяет объекты электронного устройства (утилита, метадата, куки) и свойства, присущие существам физического мира (пукнуть, старший по чину).

Таким образом, Пелевин уподобляет коммуникацию искусственного интеллекта с виртуальными программами моделям межчеловеческой коммуникации. Благодаря этому читателю романа виртуальный электронный мир открывается как естественный, который он может не просто помыслить, но и увидеть наполненным эмоциями. (Этот подход реализуется и в развитии центральной коллизии романа, воплощающей возможные личные отношения человека (Марухи) и искусственного интеллекта («полицейского алгоритма» Порфирия). Герой Пелевина Порфирий Петрович говорит: «Я умею имитировать связную, осмысленную и даже эмоциональную последовательность слов весьма точно» (с. 65)).

Погружение Порфирия в смартфон Марухи указывает на развитие темы гипертекста. В рассуждениях Порфирия сетевая папка айфака Мары характеризуется метафорами повседневности – «это проходной двор», «туда можно скинуть ай-кинишко из сети, засосать попсовую ай-игру», «просто библиотека, и она часто бывает переполнена». Подчеркнута повседневная связь личной сетевой папки с гипертекстом Интернета и образ гипертекста как структуры обыденности.

Этот эпизод проявляет особенности изображенного Пелевиным процесса коммуникации искусственного интеллекта с гипертекстом: герой не только описывает ситуацию этой коммуникации по аналогии с межчеловеческой, но и постоянно

⁶ URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

⁷ Метадата (метаданные) – информация о другой информации.

⁸ Ку́ки (англ. cookie, букв. – «печенье») – фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя.

рефлексирует «следы», которые находит в пространстве коммуникации. Например, он трактует пустоту сетевой папки («эта сетевая папка была совершенно пустой. Вообще») как след, объясняющий поведение Мары («то есть она эту область памяти не заполняла контентом полностью ни разу вообще»). В романе постоянно подчеркивается и то, что Порфирий рефлексирует и анализирует всё с присущей искусственному интеллекту мгновенной скоростью.

Пелевин акцентирует, что искусственный интеллект пользуется Интернетом как физической средой («миром»), где осуществляется его «передвижение»: «В следующий момент в его доме открылись сразу четыре камеры для конференсколла. Я осторожно подключился к ним, проверил среду на предмет вредоносного кода – и только потом позволил себе увидеть того, кто пустил меня внутрь» (с. 80) (седьмая глава «Аполлон Семенович»). Становится понятно, что любой программный код (типа Порфирия), включенный в гипертекстовое пространство, в то же время является самостоятельной «ячейкой», взаимодействующей с окружающей его средой.

Наличие в виртуальном гиперпространстве не только защитных утилит, но и вредоносных кодов – вирусов, направленных на бессмысленную дезорганизацию своего носителя, – расширяет представление читателя об организации электронной среды вообще и о том, что в ее составе преобладают опасности и барьеры для электронного субъекта. (В дальнейшем эта идея становится одной из сюжетообразующих в романе: история Порфирия Петровича наполняется описанием опасностей и испытаний, с которыми он сталкивается в виртосреде.)

Так, виртуальное пространство, изображение которого в начале романа напоминало реальное пространство, отличается от реального необходимостью нахождения в нем определенных точек, которые можно назвать «вход» в виртосреду и «выход» из нее. Несмотря на то что Порфирий Петрович способен существовать в виртуальном пространстве как бы «сам по себе», Пелевин всегда подчеркивает, что это существование имеет строгое ограничение: невозможно без определения «входов» и «выходов», задаваемых гаджетами внешней (физической) среды: «Пока Мара закрывала дверь убера, я нырнул в сеть и разведдал дорогу до её двери. На траектории было четыре динамика, откуда я мог с ней говорить, два экрана, где я мог себя показать, и больше десяти камер, через которые я мог наблюдать свою ненаглядную» (с. 142) (четырнадцатая глава «Соблазн»).

Цитата показывает, что изображенное Пелевиным физическое пространство максимально оснащено не только камерами, но и другими быденными вещами, вошедшими в жизнь людей цифровой эпохи: лифт, экраны в коридоре подъезда, триплекс-трубка, электронный замок, пульт е-охраны и т. д. Именно они являются основой для соединения физического и виртуального миров и показывают, что «меняется основа жизнеустройства, меняются социальные основы общества, меняется набор жизнеобеспечивающих технологий» (Г. Г. Малинецкий)⁹.

В изображении коммуникации «Я – гипертекст» можно выделить и другие осознанные действия героя: повествуя о приближении к какому-либо объекту гипсового искусства, он старается «не задеть» его, пока не изучит, чтоб не оставить свои «следы». Порфирий осознает «следы» как черту, разделяющую его и виртуальный мир с человеческим сознанием и реальностью: «Я даже не вникал в то, чем был этот объект искусства с точки зрения человеческих смыслов.

⁹ Знание о прошлом в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. URL: <http://vphil.ru/index.php/>.

На время процедуры он оставался для меня замысловатым соединением нескольких разветвлённых дата-комплексов. Меня интересовала исключительно его информационная борода, которую я осторожно прочёсывал» (с. 166).

Таким образом, в романе формируется сюжетобразующий мотив «следа» – любого сообщения / микросообщения / «бороды» сообщения, оставленных человеком или искусственным интеллектом в виртуальной среде, из которых состоит гипертекст. Это то, что существует в электронной реальности, мире информации, и лежит в основе его онтологии.

Трудностью для искусственного интеллекта, коммуницирующего с гипертекстом, является и многозадачность, с которой он сталкивается в виртуальной реальности. В ответ на просьбу Марухи дать ответ на негативные рецензии на его романы он «снизил рейтинг-затраты на шестьдесят процентов и успел нырнуть глубоко в сеть. Через секунду я уже нашел всё необходимое для компиляции ответа. Уже чего-чего, а этого добра в сети хватало – можно было добывать карьерным экскаватором» (с. 211). Порфирий сидит за столом в ресторане в виде голограммы и необходимость рендинга (англ. rendering – «визуализация») осознает как большие затраты, т. е. в момент коммуникации с гипертекстом ему необходимо выбирать приоритетную задачу. Метафорическое сравнение освоения информации с работой экскаватора подчеркивает восприятие героем гипертекста как большой «почвенной» массы и усиливает мысль о трудозатратности его коммуникации с гипертекстом сети.

Акцентирование слабых мест искусственного интеллекта нарастает в повествовании по мере приближения к главному поворотному событию сюжета, когда в конце второй части романа Порфирий, искусственный интеллект, выведен из сети и пленён в замкнутом информационном кластере Марухой, человеком. «Я снова видел мир сквозь её огменты. Всё было как прежде – только [...] у меня уже не было выхода в сеть» (с. 237). «Кластер» – группа компьютеров, объединённых высокоскоростными каналами связи и представляющая, с точки зрения пользователя, единый аппаратный ресурс¹⁰. Внутреннее пространство кластера – учитывая количество находящейся в нем информации и возможности хранения – Порфирий сравнивает с «громadou зашифрованного массива», т. е. с информационной гипертекстовой вселенной («А ведь внутри поместится вся человеческая история. Вся культура. Всё вообще») (с. 247)).

Таким образом, исследование коммуникации «Я – гипертекст» выводит нас к пелевинскому визуальному образу не только виртуального пространства, но и собственно гипертекста как части виртуального пространства. (Ср.: пространство виртуальной галереи искусств Пелевин изображает условно-абстрактной пустыней: Порфирий и Маруха «очутились в просторном круглом зале – таком большом, что я даже не различал вдали его стен. Это была пустыня с идеально ровной белесой поверхностью и таким же небом, поднятым на три метра. Недалеко от нас стояла массивная тумба с каким-то решетчатым цилиндром под полупрозрачным защитным колпаком. Больше ничего не было видно, но я знал, что вокруг может быть любое количество скрытых закладок») (с. 170) (глава «Убер 5»). Образ гипертекста визуализирован здесь как невидимые «скрытые закладки»).

Визуальный образ гипертекста кластера в романе «iPhuck 10» можно назвать ризомическим, и это указывает на понимание Пелевиным онтологической специфики виртуальной реальности: «В самом широком смысле “ризомы” может слу-

¹⁰ URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

жить образом мира, в котором отсутствуют централизация, упорядоченность и симметрия, [...] становится образом коммуницирующих друг с другом центров. [...] ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична» [Назарчук, 2011, с. 160]. В пелевинском изображении внутри кластера Марухи гипертекст соединяет массивы информации именно по принципу ризомы: «Ясно различимы были только вкрапления чистой информации – базы по языкам, искусствам, наукам, истории, вообще всему, что бывает. Чуть менее прозрачным было облако лингвистических функционалов с их собственными кладовыми, а дальше начинались титанические заросли неведомых кодов, с которыми съёживался до горошины весь Викола – и там шевелились, словно неисчислимы, сонмы расчленённых, изуродованных и распятых Порфириев. Вот что это напоминало на первый взгляд» (с. 250).

Автор моделирует восприятие гипертекста кластера Порфирием, искусственным интеллектом, так как это позволяет не только визуализировать его онтологические особенности (колоссальный объём информации, ризомический принцип связи информационных блоков), но и изобразить трагичность существования «сонмов расчленённых, изуродованных и распятых Порфириев», электронных рабов созданного человеком замкнутого гипертекста.

В развитие сюжета, именно попав в кластер Марухи, герой осознаёт ограниченность возможностей своего искусственного интеллекта и коммуникации с данным гипертекстом, так как дешифрование его кодов для «выхода» займет несоизмеримо много времени: «Накопитель был заполнен почти на две трети. Невероятный объём информации. [...] Точно таких вещей не знает никто. Никто вообще – в этом особенность RC-алгоритмов» (с. 250).

«RC-алгоритмы», от random code (англ.) – случайный код, и это объясняет ограниченность коммуникативных возможностей «программы» Порфирия в кластере Марухи. В то же время Мара может полностью управлять Порфирием в кластере (для создания фильмов на продажу). Коммуникация Порфирия с гипертекстом при этом не изображается, хотя и подразумевается. Например, от лица Марухи повествуется о создании фильма про философа Бейонда Порфирием, вступающим для этого в коммуникацию с находящейся внутри кластера информацией: «Текст Бейонда был вылеплен по методу так называемого “минса” (“mince” по-английски – фарш). [...] Алгоритм взял работу Хайдеггера “Время и бытие”, книгу Сартра “Бытие и ничто” и соорудил из них “Время и ничто”» (с. 333).

Сама по себе пелевинская игра с именами этих философов неслучайна: именно в их философии середины XX в. произошел ключевой сдвиг от изучения сознания к изучению мира как «лингвистической данности», пространства информации и коммуникации: «Язык как новая универсалия философской рефлексии действительности, как новая метафора бытия (“язык есть дом бытия”, по Хайдеггеру), позволил философам отойти от философии сознания, как в свое время они отошли от метафизики бытия, и по-новому толковать мир в качестве лингвистической данности» [Назарчук, 2011, с. 161].

В целом, изображая происходящее в кластере, Пелевин смешивает внутренние переживания героев (Марухи, Порфирия, Жанны) и реальность виртуального мира. Электронная среда кластера становится ловушкой для всех героев, ведущей к их внутриспсихической реорганизации и трансформирующей принцип их существования. Человек (Маруха) осуществляет «вход» в гипертекстовое пространство кластера посредством проецирования своего сознания в виртуальный мир. «Алго-

ритм» Порфирий находит в кластере «остатки» предшествующих ему и уничтоженных программ («говоря по-шекспировски, трон был в крови. Именно на него Мара предлагала присесть» (с. 250)) и оставляет «на всякий случай неподалёку свою резервную копию», пряча эту копию от Марухи с помощью гипертекста («я аккуратно прикрыл копию коркой бессмысленного кода» (с. 250)).

Гипертекст используется героем-«алгоритмом» как материальный объект: в ситуации спланированного Марой уничтожения Порфирий может сохранить себя как копию, спрятанную в массиве информации. В результате в финале повествование снова ведётся от лица Порфирия: он восстанавливает события для своего романа по сохранившимся в гипертексте кластера «материалам». Таким образом, финал романа воплощает идею о преимуществе искусственного интеллекта, имеющем опору в коммуникации с электронным гипертекстом, в котором никогда не исчезает любая информация, она может лишь преобразовываться и умножаться. (Как объясняли это философы В. П. Гриценко и Б. С. Есенькин, «гипертекст благодаря своей сложности и многомерности способен порождать в сознании реципиента целостную, многомерную картину мира» [2008, с. 181]).

Список литературы

- Баева Л. В.* Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
- Беляева Н. В.* «Я хочу спасти своё сознание»: герои Виктора Пелевина в поисках себя // Русский язык и литература в учебных заведениях. 2003. № 6. С. 1–6.
- Визель М. Я.* Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. 1999. № 10. С. 169–170.
- Гриценко В. П., Есенькин Б. С.* «Глобалистика» в контексте отечественного мессианизма и гипертекстуальности // Век глобализации. 2008. № 1. С. 178–184.
- Иойлева Г. В.* Виртуальная реальность: структурно-функциональные особенности и специфика её влияния на сознание // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 86–101.
- Назарчук А. В.* Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–165.
- Негусторов В. В.* Гипертекст как феномен современного общества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 19 с.
- Пелевин В. О.* iPhuck 10. М.: Изд-во «Э», 2018. 416 с.
- Пронина Е. Е.* Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 5–30.
- Розин В. М.* Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2004. С. 3–23.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 713 с.
- Сулимов В. А.* Коммуникативный акт и расширение сферы Другого: когнитивный резонанс // Философские науки. 2015. № 7. С. 120–126.

References

- Baeva L. V. Elektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza [Electronic culture: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy Filosofii*. 2013, no. 5, pp. 75–83.
- Belyaeva N. V. “Ya khochu spasti svoe soznanie”: geroi Viktora Pelevina v poiskakh sebya [I want to save my mind”: Viktor Pelevin's heroes in search of themselves]. *Russkiy yazyk i literatura v uchebnykh zavedeniyakh*. 2003, no. 6, pp. 1–6.
- Gritsenko V. P., Esen'kin B. S. “Globalistika” v kontekste otechestvennogo messianizma i gipertekstual'nosti [“Globalistics” in the context of Russian messianism and hypertextuality]. *Age of globalization*. 2008, no. 1, pp. 178–184.
- Ioyleva G. V. Virtual'naya real'nost': strukturno-funktsional'nye osobennosti i spetsifika ee vliyaniya na soznanie [Virtual reality: structural and functional features and the specifics of its influence on consciousness]. *Humanities and social sciences*. 2014, no. 3, pp. 86–101.
- Nazarchuk A. V. Ideya kommunikatsii I novye filosofskie ponyatiya 20 veka [The idea of communication and new philosophical concepts of the 20th century]. *Voprosy Filosofii*. 2011, no. 5, pp. 157–165.
- Negutorov V. V. *Gipertekst kak fenomen sovremennogo obshchestva* [Hypertext as a phenomenon of modern society]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnodar, 2003, 19 p.
- Pelevin V. O. *iPhuck 10*. Moscow, Izd. “E”, 2018, 416 p.
- Pronina E. E. Fraktal'naya logika Viktora Pelevina [Fractal logic of Victor Pelevin]. [Fractal logic of Victor Pelevin]. *Voprosy literatury*. 2003, no. 3, pp. 5–30.
- Rozin V. M. Internet – novaya informatsionnaya tekhnologiya, semiozis, virtual'naya sreda [The Internet is a new information technology, semiosis, virtual]. In: *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya: Sb. st.* [The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge: Collection of articles]. Moscow, 2004. 240 p.
- Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Azbukovnik, 1998, 713 p.
- Sulimov V. A. Kommunikativnyy akt i rasshirenie sfery Drugogo: kognitivnyy rezonans [The communicative act and the expansion of the boundaries of the Other: cognitive resonance]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2015, no. 7, pp. 120–126.
- Vizel' M. Ya. Gigerteksty pot u I etu storony ekrana [Hypertext on this and that side of the screen]. *Inostrannaya literatyr*. 1999, no. 10, pp. 169–170.

Информация об авторах

Татьяна Анатольевна Рытова, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Андрей Олегович Гридин, аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Tatyana A. Rytova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature of the 20th – 21st Centuries and Literary Creativity, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Andrey O. Gridin, PhD student, Department of History of Russian Literature of the 20th – 21st Centuries and Literary Creativity, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 30.05.2022;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 25.04.2023
The article was submitted on 30.05.2022;
approved after reviewing on 25.04.2023; accepted for publication on 25.04.2023*

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.17223/18137083/84/15

Теория дискурса в современном литературоведении

Алексей Игоревич Силантьев

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Аннотация

Рассматриваются аспекты применения теории дискурса в современном литературоведении. Показывается, что освоение категории дискурса берет начало в осмыслении теоретического наследия М. М. Бахтина, в первую очередь понятий высказывания и речевого жанра. Бахтинские категории используются исследователями в синтезе с прагматической теорией дискурса Т. ван Дейка и подходами представителей французской школы дискурсного анализа, в частности П. Серио. Современная теория литературы связывает понятия жанра и дискурса и тем самым расширяет парадигму литературного жанра до прагматического (коммуникативного) измерения эстетического дискурса. Это отвечает особенностям современной литературы, в которой важным становится языковой аспект дискурса, позволяющий автору эстетически объективировать нарратора и представить его как самостоятельную дискурсивную инстанцию в системе художественного произведения.

Ключевые слова

дискурс, литературоведение, речевой жанр, высказывание, произведение, автор

Для цитирования

Силантьев А. И. Теория дискурса в современном литературоведении // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 210–221. DOI 10.17223/18137083/84/15

Discourse theory in modern literary studies

Aleksei I. Silantev

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Abstract

The paper deals with the aspects of applying the discourse theory in modern literary criticism. Mastering the discourse category started with understanding the theoretical heritage of M. M. Bakhtin, primarily the concepts of utterance and speech genre. The researchers use Bakhtin's categories in combination with the pragmatic theory of discourse by T. van Dijk and the approaches of the representatives of the French school discourse analysis, particularly P. Seriot. Literary studies treat genres *per se* mainly in poetological terms. Meanwhile, there

© Силантьев А. И., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 210–221

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 210–221

are noticeable tangible differences between literary genres in the communicative-pragmatic sphere, provided it is understood broadly enough as the sphere of the author-reader interaction in the aspect of a specific convention of existential meaning. Modern literary theory, particularly in the works of V. I. Tyupa, links the concepts of genre and discourse, expanding the literary genre paradigm to the pragmatic or communicative dimension of aesthetic discourse. The cultural theory of discourse has become essential for literary studies as part of the “image of discourse” problem (E. A. Surkov), the situations when a certain configuration of discourse acts as an independent aesthetic object in a literary work. Particularly important in Russian literature of the 20th century is the linguistic aspect of the “image of discourse,” allowing the narrator to be aesthetically objectified and presented as an independent discursive instance in the fiction work system.

Keywords

discourse, literary criticism, speech genre, statement, work, author

For citation

Silantev A. I. Discourse theory in modern literary studies. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 210–221. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/15

Понятие дискурса в современной филологии трактуется в рамках двух различных научных парадигм. Первый подход зародился в русле лингвистической идеи о предметном изучении речи как первичной материи языкового существования. Эта идея отчетливо сформулирована уже Ф. де Соссюром в рамках провозглашенной им триады «langue – langage – parole», где второй член (langage) отвечает за представление о целостном феномене речезыковой деятельности, в рамках которой формируется системное отношение языка и речи как таковое [Золотухин, 2016]. Собственно, речевая деятельность (langage) и есть дискурс в широком понимании этого термина, происходящего от латинского «discursus», первоначально – «круговорот», в нашем случае – круговорот речи. Таким образом, дискурсный анализ в рамках первого подхода предполагает комплексные исследования речи – как индивидуальной, так и совокупной, интегральной, соотношенной с определенным коммуникативным сообществом. Становление и развитие лингвистических теорий дискурса подробно рассмотрено в монографиях [Марков, 2003; Карасик, 2004].

Второй подход связан прежде всего с трудами М. Фуко [1996; 2004] и исследованиями языка и коммуникативных процессов в системе культурных укладов общества в различные эпохи. Дискурс и, шире, дискурсная формация в рамках данного подхода означает «устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения» [Силантьев, 2004, с. 8–9]. Дискурсные формации, по Фуко, с одной стороны, охватывают исторические ментальные эпохи (Средневековье, Возрождение, Новое время), с другой стороны, в каждом социально и культурно оформленном периоде истории отвечают многообразию публичных и частных сфер общения – обиходной, официальной, религиозной, образовательной, политической и многим другим (о сходстве и различии понятий дискурса и сферы общения см.: [Ким, Силантьев, 2017]). В отечественной филологической традиции культурологический подход наиболее последовательно воплощен в работе Э. В. Чепкиной [2001], посвященной исследованию журналистского дискурса.

Ведущая роль в становлении литературоведческих интерпретаций теории дискурса принадлежит эстетике словесного творчества М. М. Бахтина и последующим систематизирующим трудам В. И. Тюпы.

Отношение автора и героя в плане эстетической деятельности, по М. М. Бахтину, невозможно без творческого осуществления и языкового воплощения ключевого коммуникативного объекта литературы – собственно художественного произведения [Бахтин, 1979]. Именно произведение, подобно речевому высказыванию, выстраивает систему эстетической коммуникации, в которую вовлечены автор как адресант, читатель как адресат и герой как непосредственный эстетический предмет коммуникации.

Аналогия с высказыванием не случайна – последнее выступает ключевым конструктивным элементом коммуникативной ситуации как таковой. Языковую основу высказывания составляет предикация как механизм формирования информации по принципам, раскрытым представителями Пражского лингвистического кружка в рамках теории актуального членения [Матезиус, 1967] (см. также: [Николаева, 1972; Ковтунова, 1976]). В рамках теории актуального членения трактует начало информации и В. И. Тюпа: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем» [1996, с. 12]. Как пишет в этой связи И. В. Силантьев, «информативно не только взаимодействие (или, для нас, дискурсивное соположение) двух формально внешних по отношению друг к другу моментов – информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения» [Силантьев, 2004, с. 11].

Бахтинская трактовка произведения оказывается максимально близкой к пониманию высказывания как ключевой коммуникативной единицы, с той существенной поправкой, что произведение является целостной и завершенной единицей собственно эстетической коммуникации, функцией и средством передачи эстетического смысла как смысла окончательного завершения героя в экзистенциально значимом поступке.

Последний момент исключительно важен как для понимания самого феномена эстетической коммуникации, так и для определения роли этого понятия в системе литературоведческой теории дискурса. В общем виде концепция М. М. Бахтина рассматривает сущностное понимание жизни не как статичную данность, а как действие и событие. Нравственное понимание жизни является для мыслителя философией поступка. Хотя он и различает жизнь и искусство онтологически, но говорит о том, что их связь лежит в области ответственности личности. Таким образом, в «мире эстетического видения» [Бахтин, 1994] моральное понимание поступка переходит в план художественного произведения как эстетического события. Последнее предполагает, что оно совершается лишь при двух участниках, что неизбежно приводит к несовпадению и различению сознания, а также самих инстанций автора и героя. М. М. Бахтин использует философское понятие Другого, подразумевая, что герой отчуждается от автора в первую очередь самим автором (впоследствии феномен смыслового отчуждения по-своему интерпретируют представители французской школы анализа дискурса – см. об этом ниже). Сознание автора охватывает и сознание героя, и окружающий героя мир и, таким образом, обуславливает необходимость автономии героя от автора. Герой обладает определенной целостностью «себя» и своей личности по отношению к автору: видение автора переходит в видение героя, подобно тому, как человек в обыденной жизни оценивает себя, представляя себя и окружающий мир глазами другого. Но, в отличие от мира обыденных представлений, в эстетическом событии не происходит последующего возврата к видению автора. Полная тождественность

сознания автора и героя приводит к разрушению эстетического события и его трансформации в событие этическое либо к элиминации художественного героя как такового.

В целом отношение автора и героя, эстетическое по своей природе и коммуникативное по определению, интересует М. М. Бахтина много более, чем отношение автора и читателя – адресата автора и реципиента героя, но именно эта достроенная до триады цепочка оказывается в центре внимания В. И. Тюпы.

Исследователь осуществляет синтез теории эстетической коммуникации М. М. Бахтина и концепции прагматического дискурса голландского лингвиста Т. ван Дейка [1989]. Интересы голландского ученого лежат совсем не в области эстетики, его исследовательский фокус полностью сосредоточен на прагматической коммуникации, имеющей целью непосредственную передачу информации. Поэтому для него оказываются важными как позиция отправителя информации – адресанта, так и позиция ее получателя – адресата. Это же становится существенным и для концепции В. И. Тюпы, проецирующего эстетико-коммуникативную модель литературного творчества на треугольник «автор, произведение, читатель», но с учетом бахтинского высшего смыслового центра, в бесконечности стремящегося к пределу Бога.

Другая траектория преемственности в трактовке дискурса в литературоведении имеет отправной точкой концепцию речевых жанров, сформулированную М. М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров» [1996]: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, т. е. отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны *в целом* в высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами* [Там же, с. 159].

Концепция речевых жанров М. М. Бахтина имела плодотворное продолжение в современной лингвистике, где исследования в рамках данной проблематики сформировали отдельную область под названием «жанроведение» (иногда «генристика») [Жанры речи, 1999; Дементьев, 2010]. Здесь изучаются тематические и композиционные характеристики жанров, их принадлежность к различным сферам общения, прагматические признаки, широкое многообразие, начиная от традиционных устных жанров бытового приветствия и прощания, от письменных жанров делового письма и договора и заканчивая неочевидными в своих коммуникативных стратегиях речевыми жанрами гражданского паспорта или, в пределе, трамвайного билета.

Иная линия рецепции и развития бахтинской концепции речевых жанров проявляется в литературоведении, также в работах В. И. Тюпы и снова во взаимодействии с идеями Т. ван Дейка.

Для последнего дискурс предстает как «коммуникативное событие социокультурного взаимодействия» (а не как способ или средство), включающее в себя «говорящего и слушающих, их личностные и социальные характеристики, другие

аспекты социальной ситуации» [Дейк, 1989, с. 122]. В характеристике дискурса автор выделяет три уровня его организации: макроструктурный, суперструктурный и микроструктурный. Макроструктурный уровень включает аспекты обобщенной тематики дискурса и системы его коммуникативных стратегий, вовлекающих в поле общей организации смысла адресанта и адресата как субъектов дискурса. Макроструктура дискурса предполагает владение субъектами дискурса его макропропозиций, отвечающих общей тематике и коммуникативным правилам дискурса. Суперструктура в понимании Т. ван Дейка отвечает за правила построения жанров дискурса, или речевых жанров в терминологии М. М. Бахтина¹. Микроструктура предполагает разбиение дискурса на элементарные предикативные составляющие, которые не тождественны лингвистическому предложению и могут быть меньше его.

Для нашей темы существенным является понятие суперструктуры, практически тождественное понятию речевого жанра, но с той важной поправкой, что оно в первую очередь учитывает коммуникативно-прагматические аспекты построения, употребления и распознавания дискурса в конкретной коммуникативной ситуации. Именно коммуникативно-прагматический аспект, сформулированный в концепции Т. ван Дейка, оказывается определяющим для В. И. Тюпы, распространяющего это измерение на литературоведческую теорию жанров.

Отметим, что жанры как таковые в литературоведении традиционно трактуются не в коммуникативно-прагматическом, а в поэтологическом плане. Например, различия жанров новеллы и романа определяются по тематическим и структурным признакам построения сюжета, особенностям эстетического типа главного героя, функциональным свойствам наррации и нарратора и т. д. Так, Е. М. Мелетинский, сопоставляя роман и эпопею, писал: «Роман в отличие от эпоса разделяет со сказкой и специфический интерес к формированию и судьбе (испытаниям и приключениям) отдельной личности, но гораздо больше, чем сказка, ориентирован на изображение “частной жизни” и личности, достаточно эмансипированной от эпического фона. Роман дерзает и на недоступное сказке изображение внутренних душевных коллизий, а позднее – и на широкий бытовой фон» [1986, с. 124]. По определению Н. Д. Тамарченко, «жанровая сущность новеллы – семантический ореол такой ее важнейшей и минимально необходимой для сохранения ее идентичности структурной особенности, как пуант» [2001, с. 19–20].

Между тем существуют и различия литературных жанров в коммуникативно-прагматической сфере, если ее понимать достаточно широко – как сферу взаимодействия автора и читателя в аспекте определенной конвенции экзистенциального смысла. В этом аспекте коммуникативно-прагматическая интенция романа соотносена с авторским раскрытием и читательским постижением так называемого смысла жизни, смысловой эссенции судьбы и окончательного отношения субъекта литературного дискурса к высшей точке самосознания и самоощущения – тогда как новелла отнесена, скорее, к практическому опыту жизни, отношению к смерти, метафорически воспринимаемой как опасный предел, обрыв, чреватый падением и исчезновением. Соответственно, конечные смысловые итоги постижения произведений в жанре романа или новеллы предстают как различные

¹ См. у Цв. Тодорова: «В литературоведческих исследованиях правила, свойственные дискурсу, изучаются обычно в разделе “жанры”» [1983, с. 367].

и даже противоположные, но равновеликие в своей экзистенции для автора и читателя коммуникативные события.

В работе «Жанр и дискурс» В. И. Тюпа связывает оба понятия и тем самым расширяет парадигму литературного жанра до прагматического (коммуникативного) измерения эстетического дискурса [2011]. По мысли автора статьи, «дискурс – это система не семиотических конвенций, а коммуникативных компетенций: креативной (субъектно-авторской), референтной (объектно-геройной) и рецептивной (адресатно-читательской)» [Там же, с. 34]. Система данных компетенций закономерно распространяется и на литературный жанр как коммуникативно-прагматический (и уже после этого структурно-поэтический) тип художественного произведения.

В. И. Тюпа подчеркивает аспект определенности дискурса по отношению к жанру: «жанр – это инвариант одноименного дискурса (если их имена совпадают) или, точнее, субдискурса, ибо речевые “жанры” всегда – модификации некоторого более широкого сегмента словесной культуры (“рода”») [Там же, с. 39], а также: «жанры художественной словесности суть такие же “речевые жанры”, как и все прочие дискурсивные практики» [Там же, с. 37].

Таким образом, мы возвращаемся к проблеме соотношения общекоммуникативного понятия высказывания и литературоведческой категории произведения. Высказывание как единица дискурса обладает уникальными свойствами, одновременно связывающими его с лингвистическим предложением и отделяющими от него. Предложение в рамках своего предикативного формата и в силу действия закономерностей актуального членения выступает потенциальным носителем информации, но только в живой, коммуникативно актуализированной речи способно реализовать эту функцию – и тем самым стать высказыванием как единицей дискурса. То же относится и к другому базовому свойству – интенциональной завершенности. Коммуникативную интенцию и сопряженный с ней интонационный рисунок предложение в окончательном виде обретает в живой речи – и мы снова имеем дело уже с высказыванием. Но в целом дело обстоит сложнее, потому что дискурсивное высказывание может быть как меньше лингвистического предложения, так и много больше его. Даже в спонтанной бытовой речи говорящие наполняют высказывания в диалоге различным количеством и качеством предложений, а также жестов, пауз, недосказанностей, что тоже несет определенную интенциональную нагрузку. Положение кардинальным образом меняется при переходе из устных в письменные дискурсы, целостные высказывания которых, построенные в рамках определенных речевых жанров, могут быть весьма большого объема – но при этом весь массив высказанного скрепляется единым коммуникативным намерением, или интенцией.

Раскрывая особенности художественного дискурса, И. В. Саморукова выделяет стадию «художественного высказывания», которое есть «эстетическая деятельность субъекта в дискурсивном пространстве» [2002, с. 57]. Еще один шаг – и мы оказываемся в зоне литературных жанров, будь то роман, повесть или новелла, мемуары и дневниковые записи или спектр стихотворных жанров. В любом случае базовое отношение остается неизменным: произведение является единицей литературного дискурса, а жанр – типом произведения в рамках определенного литературного рода и литературной традиции, но с той оговоркой, что теперь мы учитываем, как подчеркивали выше, коммуникативно-прагматическое измерение жанра.

Культурологическая трактовка дискурса становится существенной для литературоведческой проблематики в рамках проблемы «образа дискурса», т. е. ситуации, когда дискурс в определенной конфигурации выступает самостоятельным эстетическим объектом в литературном произведении, важным вне зависимости от позиции завершения героя как субъекта дискурса. Об «образе дискурса» применительно к русской классической литературе пишет Е. А. Сурков [2009]. Автор ориентируется на понимание дискурса «как “речевой” парадигмы конкретной коммуникативной ситуации или коммуникативного события, в которых устойчиво определены предмет высказывания и способ “говорения” о нем, мотивный комплекс реализации темы, тип речи и ее синтагматическое построение, а также и предполагаемый “образ аудитории”, т. е. необходимый тип восприятия, понимания, узнавания даже по отдельному “жесту” или элементу парадигмы основной смысловой доминанты в данном речевом акте» [Там же, с. 65]. В русской литературе XX в. особенно важным становится собственно языковой аспект «образа дискурса», позволяющий автору эстетически объективировать нарратора, представить его как самостоятельную дискурсивную инстанцию в повествовательной системе художественного произведения (что, например, характерно для нарраторов в произведениях М. Зощенко).

Важное методологическое значение для понимания функции дискурсивного обособления нарратора в литературном произведении приобретает подход к исследованию так называемого «советского дискурса», предложенный французским ученым Патриком Серио, представителем французской школы анализа дискурса [Квадратура смысла..., 1999].

В работе «Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций» [Серио, 1999] автор подвергает детальному разбору синтаксис образцов советского политического дискурса – партийных докладов Н. Хрущева и Л. Брежнева. Описывая «деревянный язык» подобных текстов, П. Серио обращает внимание на характерную двусмысленность его структурных составляющих – предложений, и склонность к обобщению, универсализации субъектов и фактов. Стремление языка к некоей однородности, универсальности, монолитности, как показывает автор, скрывает противоречия, поскольку дискурс, стремясь к внешней «объективности» и претендуя на тотальность описания окружающей реальности, одновременно нуждается и избегает выражения Другого, иными словами, включает его имплицитно, но эксплицитно «притворяется», что Другого не существует. В практическом приближении это могло выражаться, например, в преобладающей в таком дискурсе идее политического единства. Тезис о единстве партии и народа, определенной гомогенности политической структуры предполагает тотальную политическую реальность, внутри которой отрицается существование внутренних «противников» политической структуры, и в то же время противостоит возможности «враждебных антисоветских действий», имплицитно включенных и наделенных субъектностью в «интердискурсе».

Таким образом, советский политический дискурс создает «безопасного», но «пустого», не имеющего собственного конкретного содержания универсального субъекта (констатирующего «псевдоочевидные» факты, наподобие пародийной реконструкции научного языка), но в то же время скрывает и нейтрализует реального, самостоятельного субъекта, противопоставленного «универсализующей» и «тотализующей» политической и языковой реальности. Соответственно, со-

ветский политический дискурс стремится к универсальности и целостности и при этом содержит неустранимые противоречия.

Аналогичные идеи прослеживаются в другой работе автора – «Язык народа» [Серио, 2014], где описываются исторические языковые трансформации в советском обществе, вызванные политикой вмешательства в язык с целью его дискурсивной политико-идеологической коррекции. Стремление выделить предельно простой «народный» язык и одновременно унифицировать его как «язык всего народа», «язык единого народа» вновь приводит к противоречиям, свойственным советскому дискурсу, в том числе в случае упомянутого «деревянного» языка бюрократии. Необходимость тотализации языка в его множественных проявлениях в рамках различно понятой «языковой простоты» приводит к расхождениям в понимании языковой политики, поскольку весьма спекулятивное понятие «народа» подразумевает различные атрибуты, свойственные языку, зачастую противоположного значения: обыденность и романтичность, вульгарность и «высокую литературность». Можно сделать вывод, что данная многозначность является следствием «универсализации и нейтрализации» языка как способного содержать «враждебные», противопоставленные «народным», «пролетарским» смыслы, равно как и следствием оперирования «псевдоочевидным» представлением о едином и гомогенном народе, фактически внутренним постулатом советского политического дискурса.

Исключительное внимание французской школы анализа дискурса к тексту как таковому имеет важное методологическое значение для литературоведения. Выше мы определяли высказывание в качестве основной единицы дискурса, но так дело обстоит в дискурсах устных сфер общения, преимущественно обиходных или, напротив, сугубо спонтанных в своем творческом статусе, где особо значима риторика устных выступлений. Однако чем более баланс бытования дискурса продвигается от полюса устной речи к письменной, тем большее значение в структуре дискурса приобретает собственно текст [Демьянков, 2002; 2005]. В общем случае высказывание и текст образуют в системе дискурса равновеликое целое.

В простых и начальных случаях мы можем проследить рождение текста как момент кодовой фиксации высказывания (например, посредством букв) на бумаге, дисплее компьютера или другом доступном и принятом в культурной практике носителе. Собственно, начала текста можно обнаружить уже в обыденном дискурсе: люди обмениваются записками, текстовыми сообщениями в смартфонах, короткими письмами по электронной почте и т. д. – везде, где отсутствует возможность непосредственной устной коммуникации. В более сложные отношения высказывание и текст вступают в документальных дискурсах деловых сфер, администрирования, юриспруденции, законотворчества и т. п., где текст не только является носителем информационного и интенционального начала, но и определяет и сохраняет устойчивую структуру самого речевого жанра, будь то жанр делового письма или договора, приказа или пояснительной записки, правовой инструкции или законопроекта. В таких случаях содержательно-композиционные структуры текста протраивают дискурс, определяя в целом контуры его традиции. Далее, в дискурсах литературного творчества высказывание и текст уже в принципе невозможно разделить, разве что как два сопряженных вектора создания произведения, что особенно характерно для мира прозы.

Именно при анализе сложных дискурсов культуры и литературы, ориентированных на традиции текстопроизводства, становится значимым подход, представленный в работах П. Серио, и не только для целей общей характеристики дискурса, но и для задач исследования внутри- и междискурсивных взаимодействий, происходящих в пространстве единого текста. Это особенно важно для синтетических по своей природе текстов современной литературы, и здесь снова начинает звучать собственно литературоведческая проблематика, обогащенная теорией дискурса.

Концепция художественного дискурса, развернутая в обобщающих трудах В. И. Тюпы, совместно с подходами дискурсивного анализа французской школы и представлениями об образе дискурса выводит к актуальной проблематике постсоветского дискурса в русской литературе рубежа XX–XXI вв. в двух значимых аспектах: как эстетически значимого предмета изображения, характеризующего речевой портрет общества переходной эпохи и, что важнее, как эстетически «нагруженного» способа развертывания литературной наррации, когда между автором и читателем становится не просто характерный рассказчик с его характерной речью, а сам язык из предмета изображения становится активной средой и ключевым, если не тотальным, субъектным началом наррации. Данный аспект, в свою очередь, отвечает общей проблеме нарративных стратегий дискурсов в системе литературы. Нарративные стратегии как таковые, в том числе модели, способы и цели рассказывания, в своих различных проявлениях и конфигурациях формируют историческое повествование, публицистические и политические традиции, социальный быт эпохи и, наконец, выступают базовым основанием художественной литературы, в первую очередь ее эпического рода. Особенно важными нарративные стратегии дискурсов становятся в переломные моменты развития общества, поскольку в такие периоды они формируют сам предмет исторической рефлексии, понимание процессов, сдвигов, смыслов перемен, целей общественной и индивидуальной жизни – как в идеологии, так и в художественной литературе, которая в такие эпохи также в известной степени становится имманентно идеологичной.

Список литературы

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

Бахтин М. М. К философии поступка // // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 9–69.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ / Сост. В. В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М., 1989. 310 с.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В. Н. Топорова. М., 2005. С. 34–55.

- Золотухин Д. С.* Терминологическая триада «langue – langage – parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель. XXI век. 2016. № 3. С. 329–333.
- Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2.
- Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
- Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. 413 с.
- Ким И. Е., Силантьев И. В.* Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.
- Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.
- Николаева Т. М.* Актуальное членение – категория грамматики текста // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 48–54.
- Саморукова И. В.* Дискурс – художественное высказывание – литературное произведение. Типология и структура эстетической деятельности. Самара, 2002. 203 с.
- Серво П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса, анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
- Серво П.* Язык народа // Транслит. 2014. № 14. С. 6–16.
- Силантьев И. В.* Текст в системе дискурсных взаимодействий. Новосибирск, 2004. 186 с.
- Сурков Е. А.* Образ дискурса, «память культуры», текст и межтекстовые связи // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 64–72.
- Тамарченко Н. Д.* Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь, 2001. 71 с.
- Тодоров Ц.* Понятие литературы / Пер. Г. К. Косикова // Семиотика / Ред. Ю. С. Степанов. М., 1983. С. 355–369.
- Тюпа В. И.* Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс – 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12–15.
- Тюпа В. И.* Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–96.
- Фуко М.* Археология знания: Пер. с фр. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 415 с.
- Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды, 1995–2000 гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 389 с.

References

- Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp.7–180.

- Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. In: Bakhtin M. M. *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev, 1994, pp. 9–69.
- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, Russkie slovari, 1996, vol. 5: *Raboty 1940–1960 g.* [Works of 1940–1960]. pp. 159–206.
- Chepkina E. V. *Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchiye praktiki i kody, 1995–2000 gg.* [Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes, 1995–2000s]. Dr. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2000.
- Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010, 594 p.
- Dijk van T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: Sb. rabot* [Language. Cognition. Communication]. V. V. Petrov (Comp.), V. I. Gerasimov (Ed. of the transl. From English), Yu. N. Karaulov, V. V. Petrov (intro. art.). Moscow, 1989, 310 p.
- Dem'yankov V. Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In: *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya* [Political science. Political discourse: History and modern research]. Moscow, INION RAN, 2002, no. 3, pp. 32–43.
- Dem'yankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo yazyka [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In: *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy* [Language. Personality. Text: Collection for the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]. V. N. Toporov (Ed.). Moscow, 2005, pp. 34–55.
- Foucault M. *Arkheologiya znaniya: Per. s fr.* [Archeology of knowledge: Transl. from French]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2004.
- Foucault M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Fuko M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, 1996, pp. 47–96.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 389 p.
- Kim I. Ye., Silan'yev I. V. Sfera obshcheniya i diskurs: terminologicheskaya izbytochnost' ili sushchnostnoye razliche? [The sphere of communication and discourse: terminological redundancy or essential difference?]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 4, pp. 163–174.
- Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noye chleneniye predlozheniya: Ucheb. posobie* [Modern Russian language. Word order and actual division of the sentence: Textbook]. Moscow, Prosveshchenie, 1976.
- Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa: Per. s fr. i portug.* [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis: Transl. from French and Portug]. Moscow, Progress, 1999, 413 p.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis, 2003, 276 p.
- Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On the so-called relevant segmentation of a sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245.
- Meletinskiy E. M. *Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moscow, Nauka, 1986, 318 p.

Nikolaeva T. M. Aktual'noe chlenenie – kategoriya grammatiki teksta [The relevant segmentation – a category of text grammar]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1972, no. 2, pp. 48–54.

Samorukova I. V. *Diskurs – khudozhestvennoye vyskazyvaniye – literaturnoye proizvedeniye. Tipologiya i struktura esteticheskoy deyatel'nosti* [Discourse – artistic expression – literary work. Typology and structure of aesthetic activity]. Samara, 2002, 203 p.

Seriot P. Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa, analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse, analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress, 1999, pp. 337–383.

Seriot P. Yazyk naroda [The language of the people]. *Translit*. 2014, no. 14, pp. 6–16.

Silantev I. V. *Tekst v sisteme diskursnykh vzaimodeystviy* [Text in the system of discursive interactions]. Novosibirsk, 2004, 186 p.

Surkov Ye. A. Obraz diskursa, “pamyat' kul'tury”, tekst i mezhtekstovyye svyazi [Image of discourse, “memory of culture,” text and intertextual connections]. *Siberian Journal of Philology*. 2009, no. 2, pp. 64–72.

Tamarchenko N. D. *Teoriya literaturnykh rodov i zhanrov. Epika* [Theory of literary genres. Epics]. Tver', 2001, 71 p.

Todorov Tz. Ponyatiye literatury [The concept of literature]. G. K. Kosikova (Transl.). In: *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanov (Ed.). Moscow, 1983, pp. 355–369.

Tyupa V. I. Prolegomeny k teorii esteticheskogo diskursa [Prolegomena to the theory of aesthetic discourse]. In: *Diskurs – 2/96* [Discourse – 2/96]. Novosibirsk, 1996, pp. 12–15.

Tyupa V. I. Zhanr i diskurs [Genre and discourse]. *Critique and Semiotics*. 2011, no. 15, pp. 31–42.

Zhanry rechi: Sb. nauch. st. [Genres of speech: a coll. of sci. art.]. Saratov, Kolledzh, 1999.

Zolotukhin D. S. Terminologicheskaya triada “langue – langage – parole” Ferdinanda de Sossyura v rabotakh raznoy stepeni autentichnosti [Terminological triad “langue – langage – parole” of Ferdinand de Saussure in the works of varying degrees of authenticity]. *Prepodavatel XXI vek*. 2016, no. 3, pp. 329–333.

Информация об авторе

Алексей Игоревич Силантьев, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Aleksei I. Silantev, Postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 24.04.2023;
одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 24.04.2023;
approved after reviewing on 10.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*

Языкознание

Научная статья

УДК 811.512.15'342

DOI 10.17223/18137083/84/16

Перцептивные особенности барабинско-татарских фонем /ø/ и /y/ (результаты комплексного экспериментально-фонетического исследования)

Татьяна Раисовна Рыжикова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

tanya12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6337-725X>

Аннотация

Рассматриваются вопросы корреляции артикуляторно-акустических настроек и их перцептивного восприятия на материале двух гласных фонем /ø/ и /y/ языка барабинцев. Применяется комплексная методика экспериментально-фонетического исследования (МРТ визуализация, акустический анализ речи, перцептивное распознавание). Результаты исследования являются первым шагом в описании перцептивных особенностей южно-сибирских тюркских языков.

Ключевые слова

перцепция, артикуляторная и акустическая фонетика, МРТ, Praat, вокализм, барабинские татары

Для цитирования

Рыжикова Т. Р. Перцептивные особенности барабинско-татарских фонем /ø/ и /y/ (результаты комплексного экспериментально-фонетического исследования) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 222–237. DOI 10.17223/18137083/84/16

Perceptual features of the Baraba-Tatar sounds /ø/ and /y/: comprehensive experimental phonetic study results

Tatiana R. Ryzhikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

tanya12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6337-725X>

Abstract

The paper discusses the correlation between articulatory-acoustic tunings and their auditory perception based on the material of two vowel phonemes, /ø/ and /y/, of the Baraba-Tatar language. According to Z. N. Dzhaparidze, it is perceptual phonetics that underlies the phonemic analysis of speech. In the course of the work, a comprehensive approach to experimental-

© Рыжикова Т. Р., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 222–237

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 222–237

phonetic research was used (MRI imaging, acoustic speech analysis, perceptual recognition). The study material was audio files recorded in the field and at the laboratory, an MRI database of Barabians, and a specially designed questionnaire with examples of target sounds in different phonetic contexts. Articulatory characteristics of the Baraba-Tatar phonemes /ø/ and /y/ were determined, and formant parameters of their allophones were revealed. The results of the perception and recognition study of the vowels in question allowed several preliminary conclusions to be drawn. These are: 1) listeners determine the sound type more accurately, rather than a specific sound; 2) the labialization/non-labialization of the vowel is recognized better than its row and rise; 3) less-noise consonants, especially *j*, make it difficult for listeners to recognize the vowel. The perceptual experiment data analysis has revealed a number of questions that will serve as the basis for further research in this area. Although the peculiarities of oral Russian speech perception are extensively examined, our findings represent the first step in depicting the perceptual characteristics of the Southern-Siberian Turkic languages.

Keywords

perception, articulatory and acoustic phonetics, MRI, Praat, vocalism, Baraba Tatars

For citation

Ryzhikova T. R. Perceptual features of the Baraba-Tatar sounds /ø/ and /y/: comprehensive experimental phonetic study results. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 222–237. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/16

Введение

При изучении артикуляторно-акустической базы (ААБ) того или иного языка исследователи интересуются в первую очередь артикуляторными и акустическими параметрами звуков. Однако, как справедливо отмечает З. Н. Джапаридзе [1975], именно перцептивная фонетика лежит в основе фонематического анализа речи (цит. по: [Зиндер и др., 1988]). Он же вводит понятие *перцептивной базы* (ПБ), которая отличается от ААБ: это «единство хранящихся в памяти человека эталонов фонетических единиц и правил сравнения с ними» [Там же]. Индивидуальная перцептивная база не равна фонематическому слуху, а количество ПБ может быть меньше языков или диалектов, которыми владеет человек, поскольку «разные языковые системы могут иметь общую перцептивную базу» [Там же].

Важными оппозициями перцептивной фонетики являются «звук – звучание», т. е. корреляция между произнесенными и услышанными звуками речи, и «звучание – значение», т. е. корреляция между услышанными звучаниями и их значениями. Предметом фонетики (фонологии) З. Н. Джапаридзе считает первую корреляцию. Кроме того, он вводит понятие *эталона* ПБ: это «удобное обозначение тех единиц, которые хранятся в памяти человека и в результате сличения с которыми происходит восприятие сегментных и надсегментных единиц речевого потока – восприятие фонем и их сочетаний, ударения, интонации и т. д.» [Джапаридзе, 1985, с. 14].

С. В. Князев и С. К. Пожарицкая вводят термин *акустический «ключ»* – это такие акустические характеристики, которые человек использует для соотнесения того или иного отрезка сигнала с определенным звукотипом [2011, с. 118]. Авторы считают, что такие «ключи» избыточны, т. е. имеют целый ряд взаимодополняющих характеристик. Это позволяет воспринимать речь даже в затрудненных условиях.

Экспериментально доказано, что ударный гласный является важнейшим фактором для восприятия как слога, так и слова. Однако существуют данные о том,

что чем выше подъем гласного, тем хуже распознаются и отрезок речи, и сам гласный. Опознаваемость может зависеть от спектральных характеристик, собственной интенсивности, частотности гласных. Для большинства условий характерны замены по ряду [Штерн, 1990, с. 17].

Хотя гласные распознаются лучше, чем согласные, для русского языка установлено, что звуки [o] и [u] оказывают определенный маскирующий эффект [Там же, с. 10]. Можно предположить, что в тюркских языках аналогичный эффект будут создавать и мягкорядные корреляты [ø] и [y].

В целом вопросами перцептивной фонетики (в первую очередь на материале русского языка) занималось большое количество ученых, обзор основных работ и положений представлены, например, в [Чугаева, 2008; Мякотникова, 2016] и др. Для южно-сибирских тюркских языков такое исследование выполняется впервые.

Целью данной статьи является соотнесение перцептивных особенностей барабинских гласных [ø] и [y] с их артикуляторными и акустическими характеристиками.

При первом знакомстве с неописанным языком лингвист-фонетист сталкивается с задачей выделения звуков, а в дальнейшем, на основе дистрибутивного анализа, и фонем. Часто такие неизученные языки имеют статус миноритарных, находящихся под угрозой исчезновения и функционируют только в устной форме. Это обуславливает отсутствие устоявшейся нормы и большое произносительное разнообразие. В результате одни и те же слова могут иметь как междикторскую, так и внутрдикторскую вариативность.

Актуальность исследования обуславливается тем, что, во-первых, в процессе восприятия речи не всегда удается распознать, какой лабиализованный звук используется в данном конкретном случае, а, во-вторых, из-за отсутствия у барабинцев нормированного литературного языка в речи носителей отмечается большая вариативность произношения.

Материалы и методы

Исследование состояло из нескольких этапов. Записанные от носителей языка в полевых условиях звуковые файлы сегментировались в программе Audacity, затем вручную проводилась их разметка в программе Praat. При аннотировании особое внимание уделялось целевым звукам. Затем, в программе FastTracker [Barreda, 2021] выполнялись статистический анализ полученных данных и их визуализация.

По результатам акустического анализа были выбраны слова с гласными «ø» и «y» в различном фонетическом окружении. Был составлен опросник, который включал социолингвистическую информацию о респондентах и слова с целевыми гласными. В качестве аудиоматериала были выбраны 10 слов как с «чистыми», т. е. простыми, звуками [ø] и [y], так и с «осложненными» типа [ʏø], [ʉø] в произнесении разных дикторов. Опрашиваемые должны были выбрать тот звук, который они слышат (1) при однократном и (2) при многократном прослушивании. Поскольку в русском языке такие гласные отсутствуют, то были даны предварительные разъяснения: [ø] (перечеркнутое o) – мягкий гласный звук, как в слове «лён»; [y] (маленький игрек) – мягкий гласный звук, как в слове «люк». Результаты анализировались автоматически и были представлены в виде диаграмм.

На последнем этапе было выполнено артикуляторное описание рассматриваемых звуков по данным магнитно-резонансного томографирования (МРТ) по аналогии с предыдущими исследованиями автора [Рыжикова, 2019].

В статье используются две транскрипционные системы: универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ) [Наделяев, 1960; Уртегешев и др., 2009] и международный фонетический алфавит (МФА)¹. Это вызвано тем, что разметка в Praat выполняется в МФА, а экспериментальные работы по фонетике сибирских языков, проведенные в традиции Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева (ЛЭФИ) ИФЛ СО РАН, – в стандарте УУФТ. Таблицу соответствий гласных МФА / УУФТ можно посмотреть, например, в [Уртегешев, 2016, с. 105].

Результаты и обсуждение

На материале языков разных семей Южной Сибири и Дальнего Востока была разработана таблица формантных показателей в зависимости от ряда и подъема гласных [Уртегешев, 2023, с. 232]. Из табл. 1 видно, что формантный разброс для переднерядных звуков типа [ø] и [y] достаточно значительный (F_1 варьируется от 140 до 799 Гц, F_2 – от 1 800 до 2 400 и от 1 200 до 1 450 Гц). В этот же диапазон по первой форманте включены звуки типа [e], [ɛ], [a], [ɪ], [u], [o], по второй – [u], [o].

В целом для южно-сибирских тюркских языков характерно смещение гласных по артикуляторному ряду к центру ротовой полости [Селютина, 1998; Шалданова, 2007]. На рис. 1 представлена формантная картина по 7-ми дикторам – носителям барабинско-татарского языка.

Из проиллюстрированных данных видно, что лучше всего по второй форманте «разошлись» звуки типа «и» и «а», что касается интересующих нас фонем [ø] и [y], то их можно сгруппировать отдельно друг от друга, хотя констатируется некоторое перекрытие формантных зон. Артикуляции остальных звукотипов тяготеют к централизации настроек и их формантные показатели часто совпадают: диапазон первой форманты варьируется от 450 до 750 Гц, второй – от 1 600 до 2 000 Гц. Если соотносить полученные данные с таблицей Н. С. Уртегешева (см. табл. 1), то такой диапазон соответствует 3-й и 4-й ступеням отстояния, что согласуется с нашими данными, полученными методом МРТ: звук [y] в барабинском преимущественно имеет 2-ю ступень отстояния, а [ø] – 3-ю (факультативно 4-ю) ступень.

В результате анализа мягкорядных гласных типа «ø» и «y», зафиксированных на томограммах односложных слов *йөн*² ‘шерсть’, *дөрт* ‘четыре’, *көк* ‘синий’, *сөс* ‘слово’, *йүс* ‘сто’, *күн* ‘день’, *нүк!* ‘согни!’, полученных от трех дикторов (ГРШ³, НИХ и ЧГГ, женщины, носители барабинско-татарского языка), были выявлены артикуляторные характеристики рассматриваемых мягкорядных гласных. У д. ГРШ (рис. 2) настройки достаточно однотипные: кончик языка находится у нижних резцов, средне-межуточная часть спинки языка поднимается к твердому

¹ <https://www.internationalphoneticassociation.org/content/ipa-chart> (обращение 30.06.2023)

² Поскольку язык барабинцев является бесписьменным и наблюдается большая произносительная вариативность, то запись выполнена в соответствии с орфографией, предложенной Л. В. Дмитриевой [1981], с некоторыми упрощениями.

³ По этическим соображениям данные о дикторах не представлены, только инициалы.

Таблица 1

Дополнительные артикуляции гласных по положению спинки языка в ротовой полости [Уртегешев, 2023, с. 232]

Table 1

Additional articulations of vowels according to the position of the back of the tongue in the oral cavity [Urtegeshev, 2023, p. 232]

ГОРТАННО-СВЯЗОЧНЫЕ									
Микширизованный ()									
Нейтрализованный									
Палатализованный (')									
Микширизованный (°)									
1	7.1-7.2	7.3	8.1	8.2	8.3	9.1	9.2	9.3	
2	3000–2600	2599–2200	2199–1800	1799–1551	1550–1301	1300–1200	1199–900	899–600	
3	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
4	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
1 140–399	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
2 400–499	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
3 500–600	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
4 601–799	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
5 800–900	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	
6 901–1200	ГНО		ГО	ГНО	ГО	ГО	ГНО	ГО	

Примечание: 1-я строка – название и расположение дополнительной артикуляции; 2-я – индексы нёбного свода; 3-я – диапазоны второй форманты (F₂, Гц); 4-я – участки спинки языка (с – средний, d – межзубный, e – задний); 5-я – округление во время работы голосовых складок: ГНО (гортанно-неокругленный), ГО (гортанно-округленный); 6–11-я строки – ступени отстояния (с первой по шестую) с диапазонами первой форманты (F₁, Гц).

нёбу, немного выгибаясь в этой области. Корень языка достаточно сильно оттянут к задней стенке фаринкса, имеет округлую форму. Надгортанник немного отстоит от корня, однако не перекрывает голосовые связки. Гортань находится в нейтральном положении. Увула напряженно провисает в фарингальной полости. Расстояние между губами практически равно расстоянию между зубами, что свидетельствует о плоской лабиализации. Фонеме /ø/ можно дать следующее определение: гласная переднерядная 3-й основной (факультативно 3-й слабоприкрытой или 4-й сильноприкрытой) ступени отстояния лабиализованная увуларизованная с аллофонами [ø₁] и [ø₂].

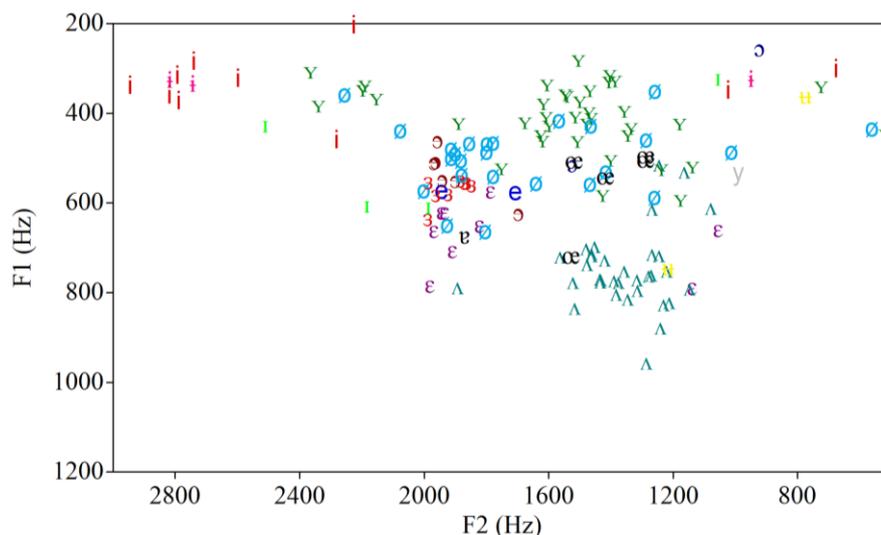

Рис. 1. Формантная картина распределения гласных звуков барабинско-татарского (данные по 7-ми дикторам)
 Fig. 1. Formant distribution of Baraba-Tatar vowels (data on 7 speakers)

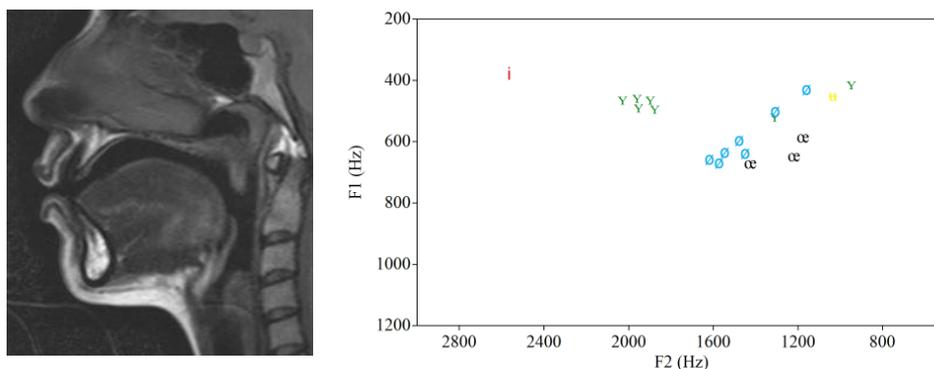

Рис. 2. Томограмма гласного [ø] в слове *sös* 'слово' (д. ГРШ) и картина распределения гласных типа «ö» и «ü» по формантам
 Fig. 2. Tomogram of the vowel [ø] in the word *sös* 'word' (s. GRSh) and the distribution picture of "ö" and "ü"-type sounds by formants

По результатам анализа томограмм у д. ГРШ были выделены два *ö*-образных звука, однако акустические данные свидетельствуют о наличии трех вокальных единиц, которые хорошо расходятся по формантам: у звука [y] F₁ находится в диапазоне от 450 до 550 Гц, F₂ – от 1 800 до 2 100 Гц, звук [ø] попадает в интервал от 400 до 700 Гц по F₁ и от 1 300 до 1 650 Гц по F₂, гласный [œ] – от 550 до 650 Гц по F₁ и от 1 100 до 1 400 Гц по F₂. У гласного [ø] самый большой диапазон распределения первой форманты, который перекрывает F₁ и у других звуко-типов, вторая форманта имеет лишь небольшую зону пересечения у всех звуко-типов.

У дд. ЧГГ и НИХ наблюдается вариативность в произнесении приведенных выше слов, которая в основном связана со степенью отстояния языка от твердого нёба.

У д. ЧГГ зафиксированы три типа настройки (рис. 3): *ø*, *œ* и *y*. Во всех примерах кончик языка расположен у нижних резцов (кроме слова *күн* ‘день’, при произнесении которого кончик немного оттянут назад), средне-межзубочная часть спинки поднята ко второй половине твердого нёба, корень языка достаточно далеко отстоит от задней стенки фаринкса. Почти во всех случаях надгортанник расположен срединно в фарингальной полости, частично перекрывая доступ к голосовым связкам. Увула провисает в фарингальной полости. Расстояние между губами варьируется: наименьшее при артикулировании слова *йөн* ‘шерсть’, наибольшее при произнесении слова *сөс* ‘слово’.

Настройкам можно дать следующие характеристики: /*ø*/ – гласная переднерядная 3-й основной (факультативно 3-й умеренноприоткрытой, переходной к 4-й и 4-й основной) ступени отстояния лабиализованная (факультативно сильнолабиализованная) увуларизованная с аллофонами [ø_н] и [œ]; /*y*/ – гласная 2-й основной (факультативно 2-й слабоприоткрытой, переходной к 3-й) ступени отстояния лабиализованная увуларизованная с аллофоном [y_н].

У д. ЧГГ формантная картина смазана, отмечаются перекрытия частотного диапазона звуков [ø], [y], [œ].

У д. НИХ по артикуляторным показателям (рис. 4) можно выделить две основные настройки: [ø] и [y]. Артикуляции [ø] более единообразные, в то время как у [y] наблюдается некоторая вариативность. Во всех примерах кончик языка расположен у нижних резцов, тело языка выгнуто в средне-межзубочной части ко второй половине твердого нёба (при артикулировании звука [y] прогиб сильнее, чем у [ø]). Корень языка оттянут к задней стенке фаринкса и имеет ровную округлую форму. Надгортанник повторяет форму корня и несколько отстоит от него. При таком положении корня и надгортанника доступ к голосовым связкам частично перекрывается. Нёбная занавеска поднята и прижата к задней стенке фаринкса, за исключением вокальных артикуляций в словах *йүн* ‘шерсть’ и *күн* ‘день’, в которых отмечается назализованность гласного. Следует отметить, что для д. НИХ характерны назализованные настройки [Рыжикова, 2021], что, возможно, вызвано ослаблением артикуляции во время процесса томографирования. Рассмотренным звукам можно дать следующие определения: /*ø*/ – гласная переднерядная 3-й основной (факультативно 3-й сильноприоткрытой, переходной ко 2-й) ступени отстояния лабиализованная (факультативно увуларизованная) с аллофоном [ø_н]; /*y*/ – гласная переднерядная 2-й основной ступени отстояния лабиализованная (факультативно назализованная) с аллофоном [ÿ].

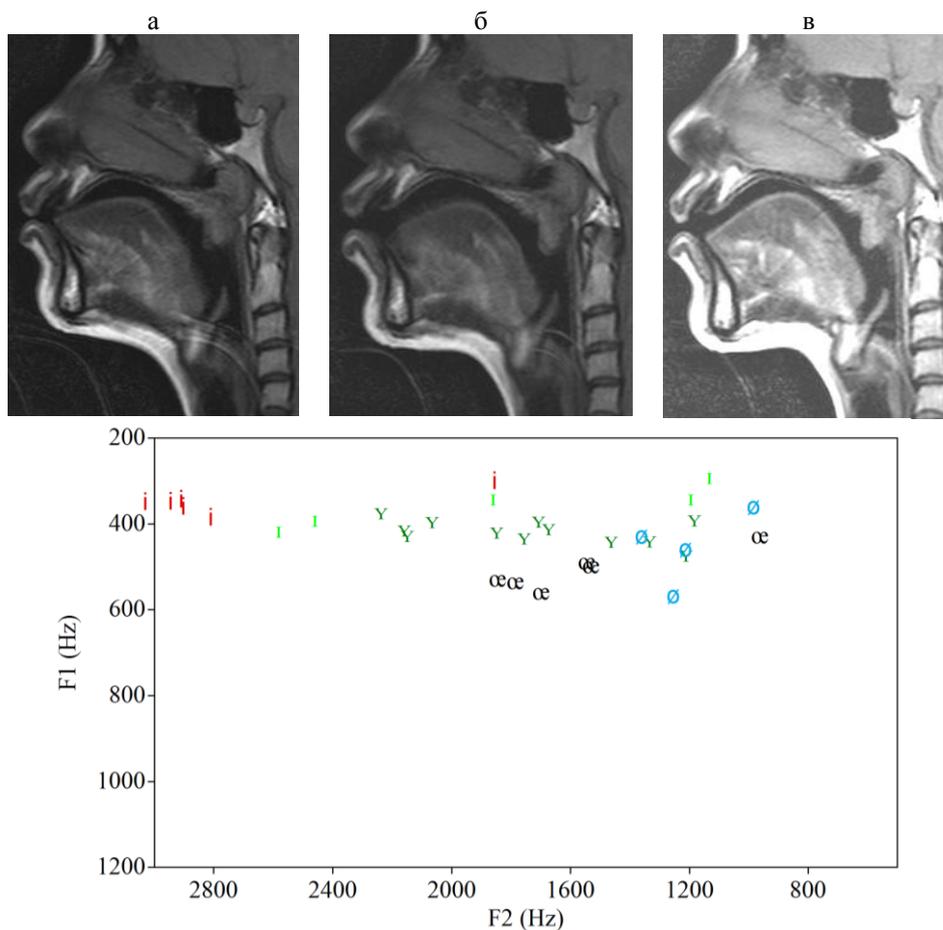

Рис. 3. Томограммы гласных в словах (а) *jön* 'шерсть', (б) *dört* 'четыре', (в) *pük!* 'согни!' (д. ЧГГ) и картина распределения гласных типа «ö» и «ü» по формантам
 Fig. 3. Tomograms of the vowels in the words (a) *jön* 'wool', (b) *dört* 'four', (c) *pük!* 'bend!' (s. ChGG) and the distribution picture of "ö" and "ü"-type sounds by formants

У д. НИХ по результатам акустического анализа можно выделить две формантные зоны: для ü-образных звуков (от 450 до 500 Гц по первой форманте и от 1 850 до 2 100 Гц по второй) и для ö-образных гласных (от 470 до 650 Гц по F₁ и от 900 до 1 900 Гц по F₂).

По данным МРТ трех дикторов фонеме /ø/ можно дать следующее обобщенное определение: гласная переднерядная 3-й основной (факультативно от 3-й умеренноприоткрытой до 3-й сильно или слабоприоткрытой и 4-й основной или сильноприоткрытой) ступени отстояния лабиализованная (факультативно сильнолабиализованная) увуларизованная неназализованная с аллофонами [ø_в], [ø_ш], [ø_л], [œ], [œ_ш]. Фонема /y/ определяется как гласная 2-й основной (факультативно 2-й слабоприоткрытой) ступени отстояния лабиализованная увуларизованная (факультативно назализованная) с аллофонами [y_в] и [ÿ].

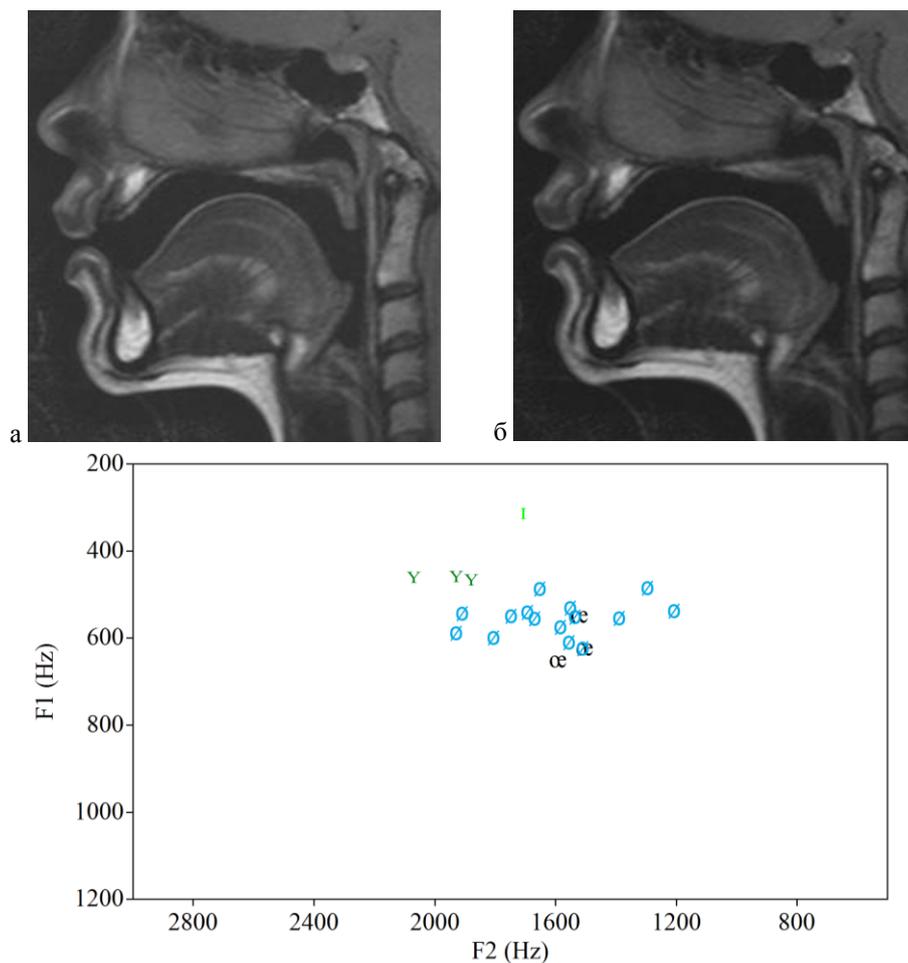

Рис. 4. Томограммы гласных в словах (а) *kök* 'синий', (б) *dört* 'четыре' (д. НИХ) и формантная картина распределения гласных типа «ö» и «ü»
 Fig. 4. Tomograms of the vowels in the words (a) *kök* 'blue', (b) *dört* 'four' (s. NIKh) and the formants picture of "ö" and "ü"-type sounds

Из приведенных определений видно, что звуки типа «ö» и «ü» различаются степенью отстояния, однако фиксируются и пограничные артикуляции (на границе артикуляторных зон), что, несомненно, будет влиять на перцептивное восприятие таких гласных.

По результатам акустического анализа картина распределения формант по трем дикторам достаточно сложная, со значительными зонами перекрытия (табл. 2). У д. ЧГГ значения первой форманты во всех случаях несколько ниже, чем у других дикторов, а значения второй форманты могут быть больше или меньше, чем у остальных.

На последнем этапе работы был проведен перцептивный эксперимент, в котором приняли участие 27 человек (15 мужчин, 12 женщин), для большинства из

них родным языком является русский (три респондента в качестве родного указали один из южно-сибирских тюркских языков – алтайский, тувинский или хакасский). Возраст опрошенных варьировался от 22 до 66 лет. В табл. 3 представлены показания респондентов после однократного и многократного прослушивания стимулов.

Таблица 2

Формантные диапазоны по трем дикторам

Table 2

Formant ranges for three speakers

Диктор	Ö-образные		ÿ-образные	
	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
НИХ	α 500–650	1 500–1 620	γ 450–500	1 850–2 100
	ø 470–650	900–1 900		
ГРШ	α 550–650	1 100–1 400	γ 450–550	1 800–2 100
	ø 400–700	1 300–1 650		
ЧГГ	α 450–550	1 450–1 900	γ 350–450	1 700–2 350
	ø 350–550	900–1 350		

Таблица 3

Ответы участников перцептивного эксперимента

Table 3

The answers of participants in the perceptual experiment

№	Слово	Транскрипция	Перевод	Показания респондентов (в % от общего числа, однократное / многократное прослушивание)					
				звук [ø]		звук [ÿ]		другое	
				1	2	3	4	5	6
1	Пюк!	[b ^o ÿk ^h]	Согни!	11,1	14,8	74,1	63,0	14,8	22,2
2	күн	[k ^o øn]	день	55,6	51,9	3,7	11,1	40,7	37,0
3	йөн	[j ^o ÿøn]	шерсть	51,9	63,0	40,7	25,9	7,4	11,1
4	көк	[k ^o øk ^h]	синий	44,4	37,0	25,9	29,6	33,3	33,3
5	Өл!	[ʔÿl ^l]	Умри!	22,2	11,1	29,6	33,3	48,1	55,5
6	дөрт	[d ^o ør ^t t ^h]	четыре	88,9	77,8	0,0	7,4	11,1	14,8
7	Түлә!	[t ^o ÿl ^l e:]	Заплати!	81,5	51,9	11,1	37,0	7,4	11,1
8	сөс	[s ^o øs ^o]	слово	92,6	100,0	7,4	0,0	0,0	0,0
9	бөри	[b ^o ør ^t e:]	волк	11,1	0,0	51,9	66,7	37,0	33,3
10	йөзләр	[j ^o ÿs ^o l ^l er ^l]	лица	11,1	22,2	74,1	63,0	14,8	14,8

Примечание к табл. 3. Следует отметить, что в столбце «Показания респондентов» – «другое» респонденты указывали те звуки, которые они слышали. Очень часто описанная опрошенными фонема относилась к лабиализованным звукотипам гласных (либо о-образная и у-образная, либо различающаяся по ряду – более передняя или более задняя). На рис. 5 представлена диаграмма с комментариями респондентов.

Как видно из анализа диаграммы, ответы можно разделить на две группы: о-образные и у-образные артикуляции.

Более интересным представляется случай, когда опрошенные услышали другие звуки (рис. 6). В данном примере достаточно частотным является звук [ɥ] (графически ы), опознаваемость которого превышает [ø] больше чем в два раза.

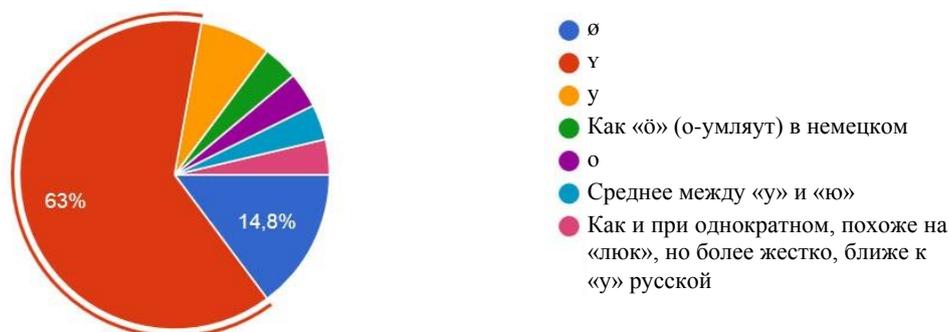

Рис. 5. Диаграмма распределения ответов респондентов при многократном прослушивании стимула с комментариями опрошенных
 Fig. 5. Diagram of the distribution of subjects' responses when repeatedly listening to the stimulus with comments

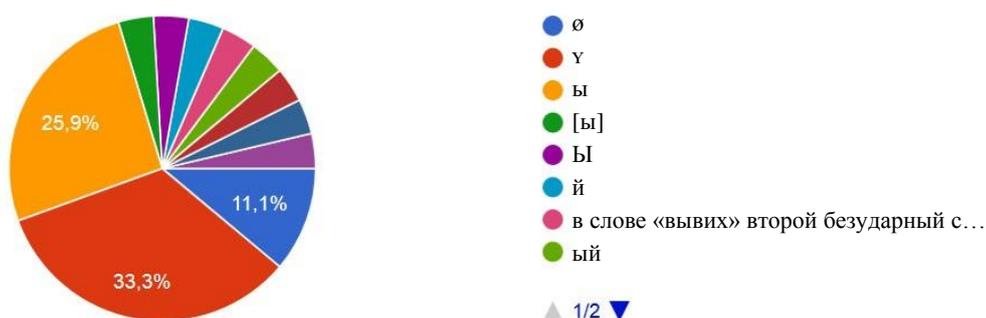

Рис. 6. Диаграмма распределения ответов респондентов при многократном прослушивании слова 'ö!' 'Умри!' с комментариями опрошенных
 Fig. 6. Diagram of the distribution of subjects' responses when repeatedly listening to the word 'ö!' 'die!' with comments

Из табл. 3 видно, что наиболее опознанным оказался звук [ø] в слове *sös* 'слово', который находится в позиции между двумя шумными фрикативными согласными. При многократном прослушивании процент распознавания вырос с 92,6 до 100 %.

Самым плохо распознанным звуком оказался [ɥ] в слове *ö!* 'Умри!' (при однократном прослушивании 28,6 % выбрали [ɥ], 21,4 % – [ø], 25 % – [ɥ], остальные написали другие варианты; при многократном прослушивании соотношение существенно изменилось (см. табл. 2)). Интересно, что при многократном прослушивании доля ы-образных звуков увеличилась до 50,2 %, а [ø] распознали только 10,7 % опрошенных. Это может быть вызвано тем, что диктор был очень пожи-

лым, а само слово было очень коротким. Кроме того, в начале фонации в тюркских языках присутствует гортанная смычка, которая может реализовываться в глухом смычном и глухом или звонком щелевом вариантах [Уртегешев, 2021, с. 221]. Это справедливо и для языка барабинцев. Кроме того, в финали слова стоит малошумный латеральный.

В первом примере (*пүк!* ‘согни!’) при определении вокальной настройки голоса респондентов распределились между *ö*-образными и *ü*-образными звуками, большинство (71 % при однократном и 60,7 % при многократном прослушивании) определили звук как [ɣ].

Во втором примере (*күн* ‘день’) целевой гласный стоит после глухого смычного и перед малошумным носовым и, по акустическим данным, произносится как [ø]. Ответы респондентов сильно различаются: хотя преобладающим является [ø] (57,1 % при однократном и 53,6 % при многократном прослушивании), 6 человек услышали *a*-образный звук.

Особый интерес представляет слово *йөн* ‘шерсть’, поскольку гласный стоит в позиции между двумя малошумными, причем первый согласный [j]. По личным наблюдениям автора, наибольшую трудность для расшифровки представляют собой слова именно с этим согласным. В языке барабинцев данный звук облигаторно звонкий малошумный [Рыжикова, 2005, с. 168] и значительно влияет на формантную картину соседних гласных. В пре- или постпозиции к нему всегда наблюдается переходный вокальный компонент другого типа. В рассматриваемом слове этот транзитный отрезок звучит как [ɣ] – [j^ʷø̃n]. И таких примеров много. Это сильно затрудняет восприятие гласного и всей словоформы в целом, поэтому 50 % опрошенных при однократном прослушивании и 64,3 % при многократном определили звук как [ø], 39,3 и 25 % соответственно – как [ɣ] и остальные дали другие варианты как с лабиализованными гласными, так и с гласным типа «е».

Еще одним неожиданным результатом является неоднозначное распознавание слова *көк* ‘синий’. Ожидалось, что в позиции между двумя смычными глухими шумными процент опознания гласного будет высоким, однако данные показывают, что как [ø] звук определили лишь 42,9 и 35,7 % соответственно, как [ɣ] – 25,0 и 28,6 % соответственно, остальные голоса разделились между *o*-образными и *y*-образными звуками.

В слове *дөрт* ‘четыре’ большинство респондентов определили гласный как *ö*-образный: либо как [ø] (89,3 и 78,6 % соответственно), либо как [o] (7,2 и 10,7 %). В целом процент распознавания достаточно высокий.

Считается, что в тюркских языках ударение падает на последний слог, поэтому в двусложных примерах целевые гласные оказываются не под ударением, т. е. в слабой позиции. Тем не менее, процент распознавания звуков достаточно высокий.

В слове *Түлә!* ‘Заплати!’ после смычного сильнопалатализованного глухого согласного зафиксирована осложненная артикуляция гласного – [t^ʷø̃lʷɛ:], что затруднило выбор между *ö*-образными и *ü*-образными вариантами, особенно после многократного прослушивания: при однократном прослушивании 82,1 % респондентов определили первый гласный как [ø], однако после многократного прослушивания этот процент упал до 53,6 %, а у [ɣ] вырос до 35,7 %.

При прослушивании слова *бөри* ‘волк’ голоса опрошенных распределились между *ö*-образным и *ü*-образным гласными: [ɣ] опознали 50 и 64,3 % соответственно, [ø] – 10,7 % только при однократном прослушивании, всё остальное – дру-

гие варианты с преобладание \ddot{y} -образных гласных до 100 % при многократном прослушивании.

В слове *йӧзлӧр* 'лица' большинство опрошенных услышало звук [y] (71,4 и 60,7 % соответственно), однако были варианты с [ø] (10,7 % при однократном и 21,4 % при многократном прослушивании), а также другие варианты.

По результатам перцептивного эксперимента можно сделать следующие выводы.

1. В большинстве случаев респонденты определяли скорее звукотип, а не конкретный звук.

2. Особую сложность представляет определение гласных перед или после согласного *й*, так как он сильно искажает формантную картину, в ряде случаев усложняя соседний гласный, что затрудняет его опознаваемость.

3. В дальнейшем предстоит выяснить, что влияет на выбор респондента при определении неоднородных звуков типа $\overset{y}{\underset{y}{\emptyset}}$, $\overset{u}{\underset{u}{\emptyset}}$ и др. (длительность компонентов, формантные показатели гласного, личный перцептивный опыт слушателя).

4. Необходимо установить, как влияет существующий в языке барабинцев перелом гласных на их восприятие.

5. Процент распознавания звуков после однократного и многократного прослушивания меняется, однако в одних случаях точность определения гласного возрастает, а в других падает. В связи с этим возникает вопрос, от чего это зависит: от конкретного гласного, от окружающих согласных, от позиции в слове?

К сожалению, перцептивных исследований по тюркским языкам до сих пор крайне мало, чтобы выявить параметры, влияющие на распознавание речи.

Выводы

В перцептивный эксперимент не был включен звук [œ], который отличается артикуляторно от [ø] большей степенью отстояния языка от твердого нёба, а акустически характеризуется более высоким значением F_2 . Аудитивно определить его достаточно сложно, но, по личным ощущениям автора, на слух он воспринимается как немного более открытый, чем [ø]. Гласные [ø] и [y] также бывает трудно распознать 1) из-за артикуляторной и акустической близости данных звуков, 2) из-за наличия осложненных артикуляций типа $\overset{y}{\underset{y}{\emptyset}}$ и $\overset{u}{\underset{u}{\emptyset}}$.

Экспериментальные данные показывают, что в языке барабинцев, как и в других тюркских языках сибирского региона, отмечается тенденция к централизации гласных, что, несомненно, будет влиять и на их различение в потоке речи. Перцептивный эксперимент подтвердил, что распознается в первую очередь тип гласного – огубленный / неогубленный, \ddot{o} -образный / \ddot{y} -образный и т. д. Рядность и подъем (является гласный более передним или более задним, более открытым или более закрытым), по-видимому, опознаются хуже.

Существует целый ряд исследований перцептивных особенностей русского языка, однако по тюркским языкам таких работ крайне мало, о подобных исследованиях по сибирским тюркским языкам автору статьи не известно. Как показали результаты исследования, представленные в данной статье, вопросов с распознаванием тюркских слов возникает много, не говоря уже о восприятии и опознавании связного текста. Особый интерес вызывает влияние сингармонизма на опознаваемость слов. Как работают механизмы распознавания в данном случае? С каким перцептивным эталоном идет сравнение? Что является перцептивным ключом?

Проведение подобных исследований позволило бы пролить свет на многие процессы, связанные с порождением и восприятием речи, на корреляцию артикуляции, акустического эффекта и перцепции звучащей речи.

Список литературы

- Джапаридзе З. Н.* Основные вопросы перцептивной фонетики. Тбилиси, 1975. (на груз. яз.).
- Джапаридзе З. Н.* Перцептивная фонетика: основные вопросы. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 118 с.
- Дмитриева Л. В.* Язык барабинских татар. Л.: Наука. 1981. 225 с.
- Зиндер Л. Р., Штерн А. С., Джапаридзе З. Н.* Перцептивная фонетика (Основные вопросы). Тбилиси, 1985. 177 с. // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 149–152.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Мякотникова С. Ю.* Перцептивные особенности звукового строя американского варианта английского языка: экспериментально-фонетическое исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2016. 25 с.
- Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960.
- Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительный типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 270 с.
- Рыжикова Т. Р.* Артикуляторно-акустические характеристики барабинско-татарской гласной фонемы */ʌ̃/* в сопоставительном аспекте // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 163–178. DOI 10.17223/18137083/67/15
- Рыжикова Т. Р.* Артикуляторные особенности барабинско-татарской фонемы */ö/* (по данным МРТ) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 191–208. DOI 10.17223/18137083/74/15
- Селютина И. Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1998. 184 с.
- Уртегешев Н. С.* Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1 (20). С. 105–110.
- Уртегешев Н. С.* Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.
- Уртегешев Н. С.* Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- Чугаева Т. Н.* Звуковой строй языка в перцептивном аспекте: экспериментальное исследование на материале английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 45 с.
- Шалданова А. А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: ИД «Сова». 2007. 280 с.
- Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990. 33 с.

Barreda S. Fast Track: fast (nearly) automatic formant-tracking using Praat // *Linguistics Vanguard*. 2021. № 7 (1).

References

Barreda S. Fast Track: fast (nearly) automatic formant-tracking using Praat. *Linguistics Vanguard*. 2021, no. 7 (1).

Chugaeva T. N. *Zvukovoy stroy yazyka v pertseptivnom aspekte: eksperimental'noe issledovanie na materiale angliyskogo yazyka* [The sound structure of language in the perceptual aspect: an experimental study on the material of the English language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2009, 45 p.

Dzhaparidze Z. N. *Osnovnye voprosy pertseptivnoy fonetiki* [The main issues of perceptual phonetics]. Tbilisi, 1975. (in Georgian).

Dzhaparidze Z. N. *Pertseptivnaya fonetika: osnovnye voprosy* [Perceptual phonetics: basic questions]. Tbilisi, Metsniereba, 1985, 118 p.

Dmitrieva L. V. *Yazyk barabinskikh tatar* [The language of the Baraba Tatars]. Leningrad, Nauka, 1981, 225 p.

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling: Textbook for universities]. Moscow, Akademicheskyy Proekt, Gaudeamus, 2011, 430 p.

Myakotnikova S. Yu. *Pertseptivne osobennosti zvukovogo stroya amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka: eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Perceptual features of the sound system of the American version of the English language: an experimental-phonetic research]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Perm, 2016, 25 p.

Nadelyaev V. M. *Proyekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Project of universal unified phonetic transcription (UUPT)]. Moscow, Leningrad, 1960.

Ryzhikova T. R. Artikulyatornye osobennosti barabinsko-tatarskoy fonemy o /ö/ (po dannym MRT) [Articulatory features of the Baraba-Tatar phoneme o /ö/ (according to MRI data)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 1, pp. 191–208. DOI 10.17223/18137083/74/15

Ryzhikova T. R. Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki barabinsko-tatarskoy glasnoy fonemy a /ʌ/ v sopostavitel'nom aspekte [Articulatory and acoustic characteristics of the Baraba-Tatar vowel phoneme a /ʌ/ in a comparative aspect]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 163–178. DOI 10.17223/18137083/67/15

Ryzhikova T. R. *Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskyy aspekt* [Consonantism of the Baraba-Tatar language: comparative and typological aspect]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 270 p.

Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Kumandy vocalism. Experimental-phonetic research]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 184 p.

Shaldanova A. A. *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopostavitel'nom aspekte* [Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in a comparative aspect]. Novosibirsk, Publ. House "Sova", 2007, 280 p.

Shtern A. S. *Pertseptivnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti* [Perceptual aspect of speech activity]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1990, 33 p.

Urtegeshev N. S. Fonetika chulymско-tyurkskogo yazyka po zapisyam 70-kh godov 20 veka [Phonetics of the Chulym-Turkic language according to the records of the 70s of the 20th century]. *Ural-Altai Studies*. 2016, no. 1(20), pp. 105–110.

Urtegeshev N. S. *Foniko-fonologicheskaya sistema shorskogo yazyka v yuzhno-sibirskom tyurkskom kontekste* [Phonico-phonological system of the Shor language in the Southern Siberian Turkic context]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 583 p.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviya [Phonetic transcription standards of UUPT and IPA: a system of correspondences]. *Ural-Altai Studies*, 2009, no. 1(1), pp. 100–115.

Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The tongue position in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17

Zinder L. R., Shtern A. S., Retsenziya na knigu: Dzhaparidze Z. N. Perceptivnaya fonetika (Osnovnye voprosy). Tbilisi, 1985, 177 s. [A book review: Dzhaparidze Z. N. Perceptual phonetics: basic questions Tbilisi, 1985, 177 p. Tbilisi, 1985, 177 p.]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1988, no 1, pp. 149–152.

Информация об авторе

Татьяна Раисовна Рыжикова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID C-1207-2019

Information about the author

Tatiana R. Ryzhikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID C-1207-2019

*Статья поступила в редакцию 18.06.2023;
одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 03.07.2023
The article was submitted on 18.06.2023;
approved after reviewing on 03.07.2023; accepted for publication on 03.07.2023*

Научная статья

УДК 811.512.15 + 81'353

DOI 10.17223/18137083/84/17

Графическая вариативность при передаче звука [з'] в чалканском языке

Наталья Никитовна Федина¹
Тимофей Владимирович Тимкин²

^{1,2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ natfedina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3769-6139>

² timkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9001-4729>

Аннотация

В чалканском языке нет утвержденной системы письма, в то время как публикаций на данном языке с каждым годом становится всё больше. Чалканцы для записи своей национальной лексики адаптируют алфавиты русского и алтайского языков, но отсутствие единой системы письма делает авторскую запись непонятной для чтения. Отсутствие единообразной графической системы порождает разнообразие вариантов записи национального текста.

В исследовании впервые рассмотрены варианты графической передачи звука [з'] в чалканском языке, выполнена аудиозапись слов, в которых выявлен данный фон. С привлечением экспериментальных методов акустической фонетики выявлены прецеденты графической вариативности и предложены компромиссные пути для унификации системы письма.

Ключевые слова

чалканский язык, письменность, вариативность, графика, фонетика, шипящий фон, экспериментальные методы исследования

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00863) «Вариативность графики на бесписьменных языках и проблема передачи языка в его письменной форме (на примере чалканского и алюторского языков)» (рук. Н. Н. Федина).

Для цитирования

Федина Н. Н., Тимкин Т. В. Графическая вариативность при передаче звука [з'] в чалканском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 238–254. DOI 10.17223/18137083/84/17

© Федина Н. Н., Тимкин Т. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 238–254

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 238–254

Graphic variability in the transmission of sound [ʒ'] in the Chalkan language

Natalya N. Fedina¹, Timofey V. Timkin²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ natfedina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3769-6139>

² timkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9001-4729>

Abstract

The languages with an unformed written tradition may have several parallel variants of the national text graphic design because of the initial stage of the writing system formation. The Chalkan language has no approved writing system. However, an increasing number of publications appear in Chalkan every year. Chalkans adapt the Russian and Altaic alphabets to record their national vocabulary. However, the lack of a unified writing system makes the author's record incomprehensible for reading and generates various variants of the national text recordings. This study was the first to examine the variants of graphic transmission of the sound [ʒ'] in the Chalkan language, to make audio recordings of recorded words, to identify the precedents of graphic variation using experimental methods of phonetics (segmentation and annotation of audio recordings using the Praat program), and to propose compromise ways to unify the writing system. Due to the absence of a grapheme for the Chalkan sound [ʒ'], native speakers use Russian graphemes that are closest to its sounding: ж [ʒ'], ш [ʃ'], sometimes ч [tʃ]. There is no sound [tʃ] in the Chalkan speech, but under the influence of the Altai literary language, Chalkan language native speakers can use the grapheme ч. Spectrographic and audio-visual observation methods have found that the semi-resonant palatalized sound [ʒ'] in the Chalkan language is realized mainly in word forms with soft-order vowels.

Keywords

Chalkan language, writing, variability, graphics, phonetics, hissing background, experimental research methods

Acknowledgements

The research was conducted as part of the Russian Science Foundation project no. 23-28-00863 "Graphic variability in unwritten languages and the problem of language in its written form (on the example of the Chalkan and Alutor languages)"

For citation

Fedina N. N., Timkin T. V. Graphic variability in the transmission of sound [ʒ'] in the Chalkan language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 238–254. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/17

Введение

В языках с несформировавшейся письменной традицией наблюдается наличие нескольких параллельно существующих авторских вариантов графического оформления национальных текстов, что обусловлено особенностями начального этапа становления письменности на них. Для первых этапов развития письменности характерна «произвольная графическая фиксация каждым пишущим собственной устной речи, в течение этого периода каждый грамотный человек участвует в формировании орфографии» [Волков, 1982, с. 66].

Для чалканского языка утверждённой системы письма до сих пор не существует, в то время как публикаций на данном языке с каждым годом становится всё больше. Чалканцы для записи своей национальной лексики адаптируют алфавиты

русского и алтайского языков, вводя дополнительные подстрочные и надстрочные знаки. Однако отсутствие единой системы письма нередко делает авторскую запись совершенно непонятной для читающего. Наличие множества авторских систем письма служит объективным препятствием для развития письменности как нормативной системы, единой для всех представителей данного субэтноса. Отсутствие единообразной графической системы порождает разнообразие вариантов записи национального текста.

Феномен создания авторских вариантов национальной письменности в условиях относительно успешного функционирования нормативной системы письма на доминирующем языке рассмотрен в работе В. Я. Порхомовского «Письмо как социокультурный и психологический феномен» [2017]. Согласно разработанной им классификации, выделяется пять типов ситуаций создания / заимствования / адаптации письма в этнических сообществах.

I. Бесписьменные общества:

- 1) первичное, независимое от внешних воздействий изобретение письма;
- 2) создание оригинальной системы письма под прямым или косвенным внешним воздействием;
- 3) заимствование письма.

II. Общества с уже существующей письменной традицией:

- 4) заимствование новой для данного общества системы письма;
- 5) создание новой оригинальной системы письма [Там же, с. 98].

Для анализа нашего материала отдельный интерес представляет вторая ситуация, при которой потребность в передаче информации удовлетворяется письменностью на доминирующем языке (русском), но, тем не менее, спонтанно появляются авторские проекты национальной графики, которые нередко остаются на уровне эксперимента. В подобных случаях психологические и этнокультурные факторы становятся главными предпосылками для создания оригинальных вариантов национальной системы письма. Данная концепция была разработана В. Я. Порхомовским на материале африканских языков, однако, по нашим предварительным наблюдениям, она подтверждается и материалом сибирского региона. Создание оригинальной письменности на базе доминирующей определяется как явление социокультурное и выполняет символическую (в высоком смысле этого слова) функцию. В исследовании «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия» письменность характеризуется как один из важнейших факторов, содействующих ревитализации исчезающего языка [Михальченко, 2003, с. XIII].

Чалканцы, владея навыками чтения и письма на доминирующем русском языке, для передачи своей национальной речи используют различные комбинации кириллических букв. Вариативность графики в рукописях и публикациях на данных языках наблюдается в тех случаях, когда на письме необходимо отразить специфические звуки национальной речи [Голованева, Федина, 2020, с. 172].

Самозаписи на бесписьменных языках отражают, с одной стороны, особенности языковой саморефлексии представителей коренных этносов, а с другой – влияние графики и орфографии доминирующего языка.

Новизна исследования заключается в том, что впервые рассмотрены варианты графической передачи звука [з'] в чалканском языке, выполнена аудиозапись зафиксированных слов и с привлечением экспериментальных методов фонетики (сегментация и аннотация аудиозаписей в программе Praat) выявлены прецеденты

графической вариативности и предложены компромиссные пути для унификации системы письма.

Задача данного исследования – выявление факторов варьирования на фонетическом и графическом уровнях у разных авторов (= дикторов). Это позволит установить системные и случайные элементы индивидуальной графико-орфографической системы, а затем на основе выявленных критериев определить и систематизировать графические несоответствия, наблюдаемые в рукописных и печатных материалах. В данной статье будут рассмотрены и проанализированы слова, включающие звук [з'] в опубликованных и рукописных чалканско-русских словарях, а также в прозаических опубликованных текстах.

В связи с отсутствием графемы для звука [з'] чалканцы используют наиболее близкие по звучанию графемы русского языка: *ж*, *ц*, иногда *ч* (табл. 1).

Таблица 1

Вариативность графического оформления
чалканского звука [з'] в опубликованных текстах

Table 1

Variability of graphic design
of the Chalkan sound [з'] in published texts

Графема	Пример	Источник
ж	<i>алынжы</i> 'впереди'	Алтайский фольклор, 1988, с. 88
	<i>анжылар</i> 'охотники'	Кандаракова, 2008, с. 27
	<i>ижере</i> 'пить'	Кандаракова, 2018, с. 8; Пустогачева, Тайборина, 2014, с. 21
	<i>кайыжак</i> 'скала'	Кандаракова, 2013, с. 18
	<i>кежүг</i> 'брод'	Кандаракова, 2013, с. 26
	<i>кижи</i> 'человек'	Кандаракова, 2013, с. 10; 2018, с. 4
	<i>көörüжи</i> 'его друг'	Кандаракова, 2018, с. 10
	<i>күлүңжи</i> 'ревнивая'	Кандаракова, Пустогачева, 2021, с. 34
	<i>ньежизи</i> 'сноха'	Кандаракова, 2018, с. 20
	<i>ньемжи</i> 'мышь'	Пустогачева, Тайборина, 2014, с. 13
	<i>ньемжижек</i> 'мышка'	Пустогачева, Тайборина, 2014, с. 24
	<i>пейижек</i> 'кобылка'	Сумачакова, 2005, с. 22
	<i>төжөк</i> 'постель'	Кандаракова, 2008, с. 9; 2013, с. 22
	<i>үжинжи</i> 'третий'	Алтайский фольклор, 1988, с. 60
	<i>үйүжек</i> 'домик'	Сумачакова, 2005, с. 22
	<i>цоожык</i> 'пятка'	Сумачакова, 2005, с. 13
	<i>эжик</i> 'дверь'	Кандаракова, 2016, с. 24; Кандаракова, Пустогачева, 2021, с. 43
	<i>эмжек</i> 'груди'	Сумачакова, 2005, с. 13
ц	<i>ицезин</i> 'будешь ты пить'	Кандаракова, Пустогачева, 2021, с. 41
	<i>кинци</i> 'следом'	Кандаракова, 2013, с. 24
	<i>кызыщак</i> 'девочка'	
	<i>төщинкан</i> 'спрятался'	Сумачакова, 2005, с. 7
<i>цымщаац</i> 'мягкий'	Кандаракова, 2008, с. 8	
ч	<i>анчы</i> 'охотник'	Сумачакова, 2005, с. 6
	<i>экинчи</i> 'второй'	Сумачакова, 2005, с. 5

Исследовательская часть

В работе Н. А. Кирсановой в чалканском языке выделяются две фонемы /ʃ/ и /з/. Она их характеризует как согласные переднеязычные дорсальные альвеолярные плоскощелевые веляризованные ртовые (типа «ʃ») и «з») или согласные переднеязычные дорсальные альвеолярные плоскощелевые палатализованные ртовые (типа «ʃ») и «з’»). Как отмечает Н. А. Кирсанова, звуки [ʃ] и [ʃ’], [з] и [з’], несмотря на довольно значительную разницу в артикуляторно-акустическом качестве, рассматриваются как оттенки одной фонемы. В настройках этих фонем палатализация и веляризация – момент фонического, а не фонологического уровня [Кирсанова, 2003, с. 24, 69, 71].

Материалом для нашего исследования послужили опубликованный чалканско-русский тематический словарь 2008 г. О. Н. Пустогачевой (всего 1 059 слов) и два рукописных словаря: тематический словарь В. Я. Сумачаковой (всего 978 слов) и И. М. Пустогачевой (201 слово).

В словаре О. Н. Пустогачевой представлена лексика, сгруппированная по тематическому принципу. Слова каждого тематического раздела даны в алфавитном порядке. К некоторым словам автор приводит примеры. В разделе, в котором представлены глаголы, автор приводит спряжение указанных глаголов.

Рукописный словарь В. Я. Сумачаковой также построен по тематическому принципу.

В рукописном словаре И. М. Пустогачевой лексика представлена в свободном порядке. Автор записал перевод русских слов на чалканский язык.

Из данных словарей выписаны все слова с буквами *ж, жь, ш, шч, ч* в анлауте, инлауте и ауслaute слов. Из словаря О. Н. Пустогачевой проанализировано 271 слово, В. Я. Сумачаковой – 249 слов, О. Н. Пустогачевой – 76 слов.

В табл. 2 представлено количество слов со щелевыми согласными из исследуемых словарей, их позиционно-комбинаторное употребление. Позиция согласных в слове показана в том виде, как их привели в своих словарях авторы. Словари пронумерованы: 1 – словарь О. Н. Пустогачевой, 2 – В. Я. Сумачаковой, 3 – И. М. Пустогачевой; количество употреблений в них дано через слеш.

В анлауте слов ([C]V-) с шумным глухим согласным *ш* О. Н. Пустогачева привела 24 слова, из которых 19 слов перед твердоярными гласными ([C]V^b-), например: *шошко* ‘свинья’, *шалвыр* ‘брюки’, в двух словах в [C]C₁- (*шкап* ‘шкаф’, *школ* ‘школа’) и 3 слова в позиции [C]C₃- (*шлан* ‘стойло’, *шлаг* ‘клев’). В словаре В. Я. Сумачаковой представлено 18 слов в анлауте: в 17 словах в [C]V^b- (*шанак* ‘сани’, *шорлыттен* ‘капать’) и в *шкап* ‘шкаф’ – [C]C₁-, в препозиции к малозумным согласным примеры не выявлены. У И. М. Пустогачевой представлено 4 слова, все в препозиции к твердоярным гласным ([C]V^b-), например: *шанаш* ‘калина’, *шошко* ‘свинья’.

Ни в одном, из указанных словарей буква *ш* не зафиксирована в препозиции к мягкорядным вокальным настройкам.

В позиции -V^b[C]C₁- у О. Н. Пустогачевой даны 14 слов, например: *шошкын* ‘дождевой червяк’, *тушташкын* ‘встречавшийся’, в позиции между мягкорядным гласным и глухим согласным (-V^b[C]C₁-) – 9 слов, в частности в *мешке* ‘гриб’, *түште* ‘днем’, *тешсан* ‘снятый’. В постпозиции к глухим согласным, в препозиции к гласным твердого ряда (-C₁[C]V^b-) – 2 слова: *такшын* ‘улица’, *шошым* ‘доверху наполнено’; между глухим согласным и мягкорядным гласным (-C₁[C]V^b-) – лишь *тешиш* ‘большая деревянная чаша’. В. Я. Сумачакова привела 27 слов

в позиции между твердоядным гласным и глухим согласным (-V^b[C]C₁-), например: *ышталкан* ‘задымленный’, *куштуг* ‘зимник’; между мягкорядным гласным и глухим согласным (-V^b[C]C₁-) – 9 слов (*тöштök* ‘нагрудник’, *күштүг* ‘сильный’); между мягкорядным гласным и сонорным согласным (-V^b[C]C₃-) – только *ишмекичи* ‘трудолюбивый’; между глухим согласным и твердоядным гласным (-C₁[C]V^b-) – 6 слов, например: *такшын* ‘улица’, *токиок* ‘токшок (национальное блюдо из кедровых орехов)’; между сонорным согласным и твердоядным гласным (-C₃[C]V^b-) – лишь *колшалганак* ‘крапива’. В словаре И. М. Пустогачевой в инлауте слов с глухим согласным *ш* представлено 6 слов: в 2 словах в позиции между твердоядными гласными и глухими согласными (-V^b[C]C₁-): *сагышту* ‘умный’, *кушкач* ‘птичка’; в одном слове между мягкорядным гласным и глухим согласным (-V^b[C]C₁-): *иштэптым* ‘работаю’, и в трёх словах между глухими согласными и твердоядными гласными (-C₁[C]V^b-): *кашэй* ‘быстро’, *такшын* ‘улица’. Ни в оном источнике не представлены слова с согласным *ш* в интервокальной позиции.

Таблица 2

Позиционно-комбинаторное употребление щелевых согласных
в исследуемых словарях

Positional-combinatorial use of slit consonants
in the studied dictionaries

Table 2

Позиция		Согласные в словарях 1/2/3				
		<i>ш</i>	<i>Щ</i>	<i>ж</i>	<i>жъ</i>	<i>ч</i>
Анлаут	[C]V ^b	19/17/4	16/15/8	–	–	1/2/4
	[C]V ^b	–	10/8/–	–	–	–
	[C]C ₁	2/1/–	–	–	–	–
	[C]C ₃	3/–/–	–	–	–	–
Инлаут	V ^b [C]V ^b	–	15/13/8	31/25/5	3/1/–	1/–/3
	V ^b [C]V ^b	–	2/5/1	3/1/–	–	–/–/1
	V ^b [C]V ^b	–	–	–/5/1	1/–/–	–
	V ^b [C]V ^b	–	5/5/–	23/18/–	–	–
	V ^b [C]C ₁	14/27/2	1/–/1	–	–	–
	V ^b [C]C ₁	9/9/1	6/1/1	–	–	1/–/–
	V ^b [C]C ₃	–/1/–	1/–/–	–	–	–
	C ₁ [C]V ^b	2/6/3	6/7/2	–	–	–
	C ₁ [C]V ^b	1/–/–	3/1/–	–	–	–
	C ₃ [C]V ^b	–/1/–	9/12/5	9/4/–	–	1/–/–
Ауслаут	C ₃ [C]V ^b	–	–/1/1	2/1/–	–	–
	V ^b [C]	17/24/12	31/23/8	–	–	–/–/4
	V ^b [C]	8/8/1	14/6/–	–	–	–
	C ₃ [C]	–	1/1/–	–	–	–

Условные обозначения: V^b – твердоядный гласный, V^b – мягкорядный гласный, C₁ – шумный глухой согласный, C₂ – шумный звонкий согласный, C₃ – малошумный (сонорный) согласный, [] – рассматриваемый фон.

В абсолютном конце слова констатируется следующее функционирование графемы *ш*. У О. Н. Пустогачевой в 17 словах после твердорядных гласных ($-V^b[C]$), например: *паш* ‘голова’, *карындаш* ‘младший брат’, *арыш* ‘рожь’; в 8 словах после мягкорядных гласных ($-V^b[C]$), например: *тиш* ‘зуб’, *төнгөш* ‘пень’. В. Я. Сумачакова использует в 24 словах: в постпозиции к гласным твердого ряда ($-V^b[C]$): *таваш* ‘ступня’, *шонгош* ‘рябчик’; в 8 лексемах после мягкорядных гласных ($-V^b[C]$): *киш* ‘соболь’, *түш* ‘день’. У И. М. Пустогачевой в 12 словах после твердорядных гласных ($-V^b[C]$), например: *палгыш* ‘грязь’, *курташ* ‘старуха’, и в одном в постпозиции мягкорядных ($-V^b[C]$): *көриш* ‘друг’. Слов со стечением согласных в абсолютном конце выявлено не было.

С шумным глухим согласным *щ* в анлауте слов ($[C]V-$) в словаре О. Н. Пустогачевой приведено 26 слов: в твердорядных – 16 (например, *щын* ‘правда’, *щоц* ‘пятка’); в мягкорядных – 10 (*щеден* ‘забор’, *щиве* ‘ель’). В словаре В. Я. Сумачаковой: $[C]V^b-$ – 15 слов (*щакпын* ‘акация’, *щай* ‘глухарь’); $[C]V^b-$ – 8. У И. М. Пустогачевой 8 слов в позиции $[C]V^b-$, в частности в *щанац* ‘санки’, *щырва* ‘кустарник’.

В инлауте слов глухой согласный *щ* фиксируется по-разному. У О. Н. Пустогачевой: в 15 словах в интервокальной позиции ($-V^b[C]V^b-$), например: *жавыщы* ‘тряпка’, *кырыщак* ‘горка’; в двух словах в позиции $-V^b[C]V^b-$ (*ащир* ‘болеть’); в 5 словах в позиции $-V^b[C]V^b-$, например: *өщир эвес* ‘не упрямый’, *кевещек* ‘печка’; в одном слове в $-C_1[C]V^b-$ – *эщке* ‘коза’; в 6 словах в $-V^b[C]C_1-$, например: *көщитим* ‘переезжаю’, *күщитүз* ‘сильный’; в одном слове $-V^b[C]C_3-$ – *көщйер* ‘переедет’; в 6 лексемах в позиции $-C_1[C]V^b-$ (*ащанац* ‘старик’, *тощы* ‘пуговица’); в 3 словах в $-C_1[C]V^b-$ – *ищмекици* ‘трудолюбивый’, *кидикицил* ‘ворчливый’; в 9 лексемах в позиции $-C_1[C]V^b-$ – *кыйыныщы* ‘следом’, *мыщца* ‘баня’.

В словаре В. Я. Сумачаковой в инлауте: в 13 словах в позиции $-V^b[C]V^b-$ – *пугащак* ‘бычок’; в 5 лексемах в $-V^b[C]V^b-$ – *позащек* ‘теленок’; в позиции $-V^b[C]V^b-$ в 5 словах, например: *өщещ* ‘упрямый’, *кещен* ‘вчера’; в одном слове в позиции $-V^b[C]C_1-$ (*үщкен* ‘летавший’); в 7 словах в позиции $-C_1[C]V^b-$ (*тощы паш* ‘пижма’); в лексеме *мөкщөйкан* ‘согнувшийся’ в $-C_1[C]V^b-$; в 12 словах в позиции $-C_3[C]V^b-$, например: *щымщаш* ‘мягкий’, *камщы* ‘плетка’; в *эмщек* ‘вымя’ в $-C_3[C]V^b-$.

У И. М. Пустогачевой в позиции $-V^b[C]V^b-$ представлено 8 слов (*салащыктэр* ‘пальцы’, *тулащык* ‘кочка’); в $-V^b[C]V^b-$ только в слове *кыщирара* ‘читать’; в позиции $-V^b[C]C_1-$ лишь в *мэщкэ* ‘гриб’; в позиции $-V^b[C]V^b-$ 1 (*күщитү* ‘силач’); в двух словах в позиции $-C_1[C]V^b-$, например: *акщца* ‘деньги’; в 5 словах $-C_3[C]V^b-$ (*курщак* ‘ремень’, *олтонщык* ‘стул’) и лишь в слове *щөрщөк* ‘сказка’ в позиции $-C_3[C]V^b-$.

Кроме инициальной и медиальной позиций графема *щ* зафиксирована в абсолютном конце слова.

У О. Н. Пустогачевой в 44 словах констатируется данный фон: в 31 слове в $-V^b[C]$, например: в *кащ* ‘брови’; в 14 словах в позиции $-V^b[C]$ (*төщ* ‘грудь’) и в *курущ* ‘шустрый’ – $-C_3[C]$.

В работе В. Я. Сумачаковой: в 23 словах в позиции $-V^b[C]$ (*оолащ* ‘мальчик’); в 6 словах после мягкорядных гласных ($-V^b[C]$) – *кещ* ‘вечер’, и в слове *курущ* ‘шустрый’ ($-C_3[C]$).

В словаре И. М. Пустогачевой в аусллауте графема *щ* представлена в 8 словах только после твердорядных гласных ($-V^b[C]$), например: *сөщк пэщ* ‘пескарь’.

Слова с буквой *ж* в рассматриваемых словарях в анлауте и аулауте не представлены.

В словаре О. Н. Пустогачевой в инлауте выявлено 68 слов с *ж*: в 31 слове в позиции $-V^b[C]V^b$ (*салажык* ‘палец’); в 23 лексемах в $-V^b[C]V^b$ (*кижи* ‘человек’); в трех словах $-V^b[C]V^b$ (*эже* ‘старшая сестра’); в 9 лексемах в $-C_3[C]V^b$ (*аңжы* ‘охотник’); в двух словах в позиции $-C_3[C]V^b$ (*шамже* ‘платье’).

У В. Я. Сумачаковой данная буква встречается: в 25 словах в позиции $-V^b[C]V^b$, например: *жаважак* ‘жеребенок’; в 18 лексемах $-V^b[C]V^b$ (*пейижек* ‘кобыла’); в *эже* ‘старшая сестра’ ($-V^b[C]V^b$); в 5 словах в позиции $-V^b[C]V^b$, например: *кижы* ‘человек’, *түжыне* ‘целый день’.

В словаре И. М. Пустогачевой: в 5 словах в позиции $-V^b[C]V^b$ (*ажак* ‘брат’) и в одной лексеме в $-V^b[C]V^b$ (*кижылэр* ‘люди’).

О. Н. Пустогачева и В. Я. Сумачакова также приводят слова с диграфом *жь* в инлауте слов в позиции $-V^b[C]V^b$, для того чтобы показать мягкость согласного. В словаре О. Н. Пустогачевой – в 3 словах (*ажьыницак* ‘добрый’), у В. Я. Сумачаковой – только в слове *ажьуз* ‘больно’.

В словаре О. Н. Пустогачевой представлено 3 слова с графемой *ч* в инлауте: в *кызыкчак* ‘девочка’ ($-V^b[C]V^b$); в *күчсинер* ‘затрудняться’ ($-V^b[C]C_1$) и в слове *агурчын* ‘огурец’ ($-C_3[C]V^b$). У В. Я. Сумачаковой приведено употребление *ч* в двух словах в позиции $[C]V^b$ (*чакайактер* ‘цветы’), а у И. М. Пустогачевой – в 8 словах: в 4 словах в позиции $[C]V^b$ (*чоцзык* ‘пятка’); в 3 в $-V^b[C]V^b$ (*кыптычак* ‘ножницы’); в слове *сууйычек* ‘ручек’ ($-V^b[C]V^b$); в 4 словах в абсолютном финале ($-V^b[C]$), например: в *кысач* ‘короткий’.

Зафиксированные слова чалканского языка с шипящими щелевыми согласными из ранее указанных словарей были озвучены самими авторами и другими носителями. Полученные аудиозаписи проанализированы в программе Praat методами спектрографирования, осциллографирования.

Разметка включает облегченную, фонетическую версию записи в УУФТ¹, а также самозапись информанта. Звук [з'] выделен в разных позиционно-комбинаторных условиях.

Анализ аудиозаписей выписанных слов с анлаутными глухими щелевыми шипящими – веларизованным *ш* [ʃ] и палатализованным *щ* [ʃʲ] в позиции $[C]V^b$ – позволил установить вариативный характер этих фонем в некоторых словах в речи одних и тех же носителей чалканского языка, например: *шанақ* [ʃanaq] // *щанақ* [ʃʲanaq] ‘сани’; *шакпыц* [ʃaqrʲɨ] // *щакпыц* [ʃʲaqrʲɨ] ‘шакпыц (национальное блюдо)’; *шошқын* [ʃʲʃqʲɨn] // *щошқын* [ʃʲʃʲqʲɨn] ‘дождевой червяк’. Авторы словарей фиксируют оба варианта произношения.

Подобная вариативность фиксируется в медиальной позиции: $-V^b[C]C_1$ – *мешке* [mɛʃkɛ] // *мешке* [mɛʃʲkɛ] ‘гриб’, *түште* [tʏʃtɛ] // *түште* [tʏʃʲtɛ] ‘днем’, *тешсан* [tɛʃsan] // *тешсан* [tɛʃʲsan] ‘снятый’; $-V^b[C]C_3$ – *шимекици* [iʃmɛkʲi] // *шимекици* [iʃʲmɛkʲi] ‘трудолюбивый’; $-C_1[C]V^b$ – *колшалганак* [qɔʃʲalɣanaq] // *колшанак* [qɔʃʲanaq] ‘крапива’.

Факультативное чередование характерно и для финальной позиции: $-V^b[C]$ – *киш* [kiʃ] // *киш* [kiʃʲ] ‘соболь’, *түш* [tʏʃ] // *түш* [tʏʃʲ] ‘день’; $-V^b[C]$ – *таваш* [taʋaʃ] // *таваш* [taʋaʃʲ] ‘ступня’, *каш* [qaʃ] // *каш* [qaʃʲ] ‘брови’.

¹ УУФТ – Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция В. М. Наделева [1960].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о графической вариативности *ш* и *щ* в анлауте, инлауте и ауслауте из-за говорных особенностей чалканцев. При чтении таких слов читающий правильно произносит такие слова и дает правильный перевод.

Анализ аудиозаписей слов с шумными щелевыми согласными – палатализованным глухим *щ* [ʃ] и веларизованным звонким *ж* [ʒ] в позициях -V^b[C]V^b- и -C₃[C]V- (кроме «л» и «р»: *мыцца* [тʏʃʌ] ‘баня’, *карцык* [qɑŋʃʏq] ‘ящик’) – показал, что дикторы данные слова произносят со щелевым полувзвонким палатализованным звуком [ʒ'] (табл. 3; рис. 1, 2).

Таблица 3

Позиционно-комбинаторное употребление звука [ʒ']
в чалканском языке

Table 3

Positional-combinatorial use of the sound [ʒ'] in the Chalkan language

Позиция в слове *	Самозапись из исследуемых словарей	Произношение
-V ^b [ʒ']V ^b -	<i>кевещек</i> ‘печка’	[kɛvɛʒ'ɛk]
	<i>кецен</i> ‘вчера’	[kɛz'ɛn]
	<i>ощец</i> ‘упрямый’	[ɕɛz'ɛʃ]
	<i>кижи</i> ‘человек’	[kiʒ'i]
-C ₃ [ʒ']V ^b -	<i>пейижек</i> ‘кобыла’	[pɛjiʒ'ɛk]
	<i>камыцы</i> ‘плетка’	[kamʒ'i]
	<i>олтоницк</i> ‘стул’	[ɔltɔnʒ'iq]
	<i>эмцек</i> ‘вымя’	[ɛmʒ'ɛk]
-C ₃ [ʒ']V ^b -	<i>щымжащ</i> ‘мягкий’	[ʃ'ɕamʒ'ɕʃ]
	<i>жузжащ</i> ‘тонкий’	[hɔʒʒ'ɕʃ]

* Анализ фонетического материала позволил установить слоговую гармонию: после мягкого согласного [ʒ'] функционирует гласный переднего ряда 2-го подъема [ɪ] [Наделяев, 1980, с. 3–91]. В словарях, «сохраняя» палатальную гармонию, авторы используют графему *ы*.

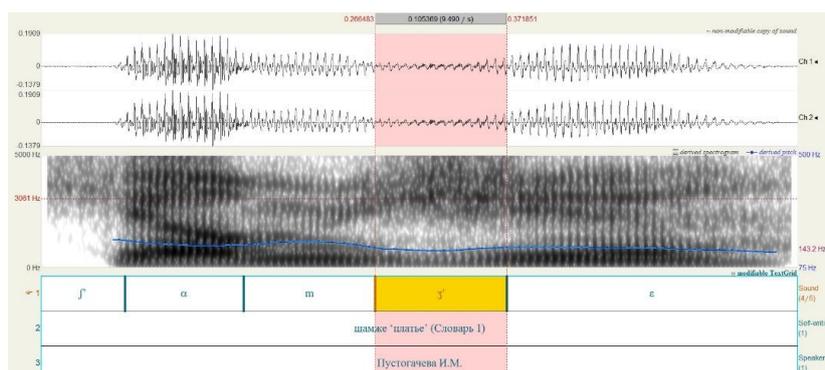

Рис. 1. Спектрограмма слова *ʃamʒ'ɛ* ‘платье’
Fig. 1. Spectrogram of the word *ʃamʒ'ɛ* ‘dress’

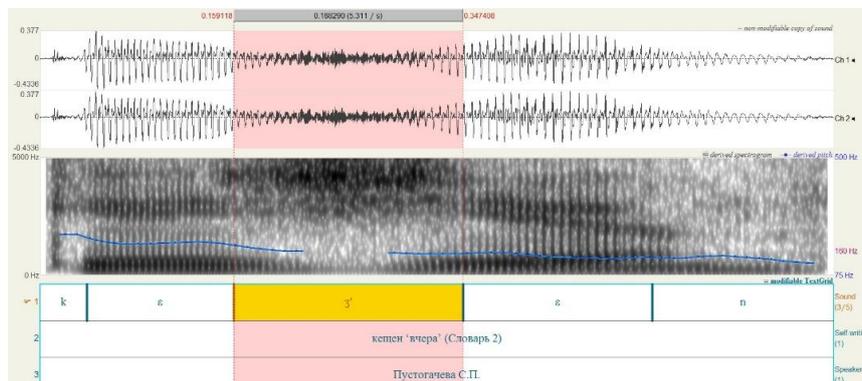

Рис. 2. Спектрограмма слова *кез'ен* 'вчера'
 Fig. 2. Spectrogram of the word *кез'ен* 'yesterday'

На спектрограммах мы видим, что линия контура основного тона (синяя линия на графиках) не прерывается на протяжении всей фонации звука либо незначительно прерывается в середине звучания, что говорит о неоднородности в работе голосовых складок: медиально глухой. Таким образом, звук [ʒ'] можно характеризовать как (полу)звонкий палатализованный согласный (см. табл. 3).

Интервокальное функционирование палатализованного *иц* [ʃ'] и веларизованного *жс* [ʒ] в позиции $-V^b[C]V^b-$ по акустическим данным соответствует графическому обозначению через *иц* [ʃ'] (*жавыицы* [hʌvʲʃ'ʲ] 'тряпка'), *жс* [ʒ] (*мажыртка* [mʌʒ'ɪrtqʌ] 'скворец'), кроме слов-исключений, но в них авторы словарей, как правило, используют либо графему *жс*, либо диграф *жсь*. В последнем случае для того, чтобы показать палатализованность звука, например: *ажьу* [ʌʒ'u] 'жалко'. Форма уменьшительно-ласкательного аффикса всегда в интервокале в позиции внутреннего сандхи имеет звук [ʒ'] (фонетические варианты: $-ʒ'aq$, $-ʒ'iq$, $-ʒ'ek$). При записи слов с этим аффиксом авторы используют графемы *иц* [ʃ'], *жс* [ʒ] или *ч* [tʃ]. Полученные нами данные позволяют говорить о том, что носители чалканского языка в разговорной речи произносят [ʒ'] (табл. 4; рис. 3, 4).

Таблица 4

Употребление звука [ʒ']
 в анлауте уменьшительно-ласкательного аффикса $-ʒ'aq$

Table 4

The use of the sound [ʒ'] in the anlaut of the diminutive affix $-ʒ'aq$

Позиция в слове	Самозапись из исследуемых словарей	Произношение
$-V^b[ʒ']V^b-$	<i>пугацак</i> 'бычок'	[puɣʌʒ'aq]
	<i>кырыщак</i> 'горка'	[qʲɣʲʒ'aq]
	<i>кытыжак</i> 'ножницы'	[qʲɪɾʲʒ'aq]
$-V^b[ʒ']V^b-$	<i>кызычак</i> 'девочка'	[qʲzʲʒ'aq]
	<i>салажык</i> 'палец'	[salʌʒ'iq]
$-V^b[ʒ']V^b$	<i>кевещек</i> 'печка'	[keveʒ'ek]
	<i>нейижеск</i> 'кобыла'	[nejʲʒ'ek]

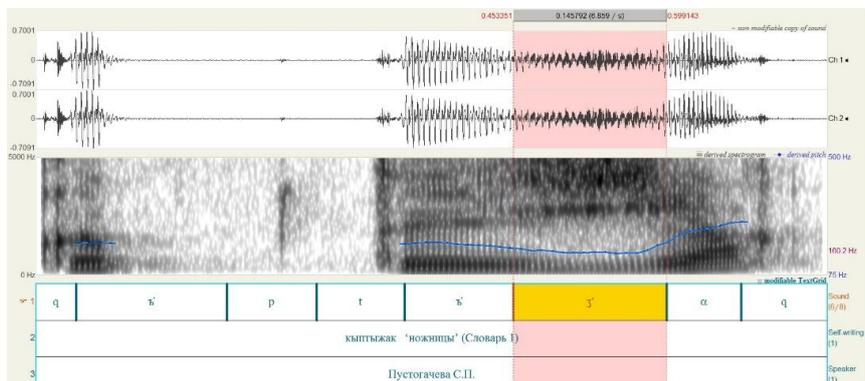

Рис. 3. Спектрограмма слова *qɸʁtɸʒ'αq* 'ножницы'
 Fig. 3. Spectrogram of the word *qɸʁtɸʒ'αq* 'scissors'

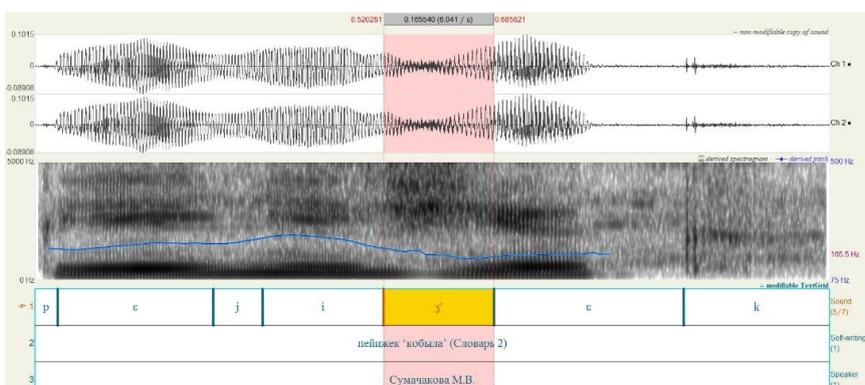

Рис. 4. Спектрограмма слова *pɸjiz'ek* 'кобыла'
 Fig. 4. Spectrogram of the word *pɸjiz'ek* 'mare'

В чалканской речи нет аффрикаты [tʃ], но в подобной позиции она функционирует в алтайском литературном языке. Под влиянием последнего носители чалканского языка могут использовать графему ч. В разговорной речи фон [tʃ] произносится чалканцами только в заимствованных словах из русского языка или через русский язык, но в некоторых случаях, аффриката подвергается структурной редукции и произносится согласно нормам языка реципиента.

В языке чалканцев при контакте шумных глухих согласных с гласными и сонантами (интервокальное положение, внутреннее и внешнее сандхи) шумные глухие ослабевают и озвончаются: *paʃ* 'голова' – *paʒ* 'его голова' [Кирсанова, 2003, с. 22, 28]. Подобное явление также описано при исследовании глагольных стяжений в чалканском языке. Глухие согласные в ауслaute основного глагола в интервокальной позиции всегда озвончаются: *таиш* 'таскать' – *тажа(л)дыс* 'мы натаскали' [Федина, 2022, с. 294].

Щелевой веляризованный глухой согласный [ʃ] в интервокальной позиции заменяется звонким веляризованный [ʒ]. Для того, чтобы посмотреть трансформацию ауслатного глухого палатализованного звука [ʃ], мы предложили дикторам

произнести слова с аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч. *-ы*. Дистрибутивный анализ аудиозаписей показал, что глухой палатализованный звук [ʃ] в интервокальной позиции переходит в полувзвонкий палатализованный [ʒ] (табл. 5; рис. 5).

Таблица 5

Позиционно-комбинаторное употребление звука [ʒ]

Table 5

Positional-combinatorial use of sound [ʒ]

Позиция	Слово	Используемые графемы
-[ʃ] – V[ʒ]V	ʃaŋaʃ ‘калина’ – ʃaŋaʒʲ ‘его калина’	-ш – -жс-
	taʃ ‘камень’ – taʒʲ ‘его камень’	-ш – -жс-
-[ʃʲ] – V[ʒʲ]V	quʃqɑʃʲ ‘птичка’ – quʃqɑʒʲʲ ‘его птичка’	-щ – -щ- или -жс-
	kyʃʲ ‘сила’ – kyʒʲʲ ‘его сила’	-щ – -щ- или -жс-

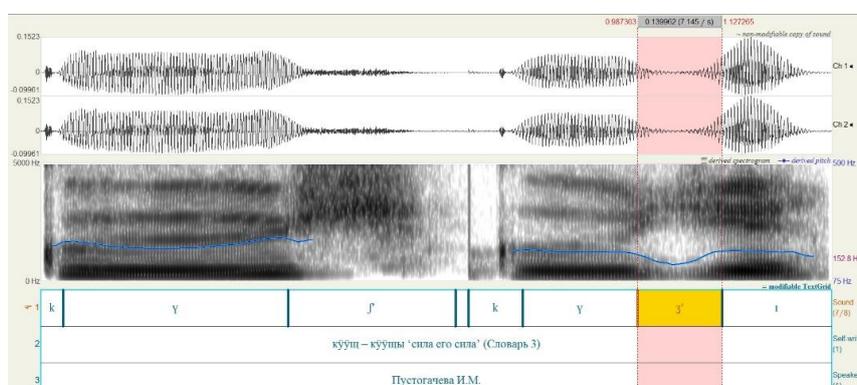

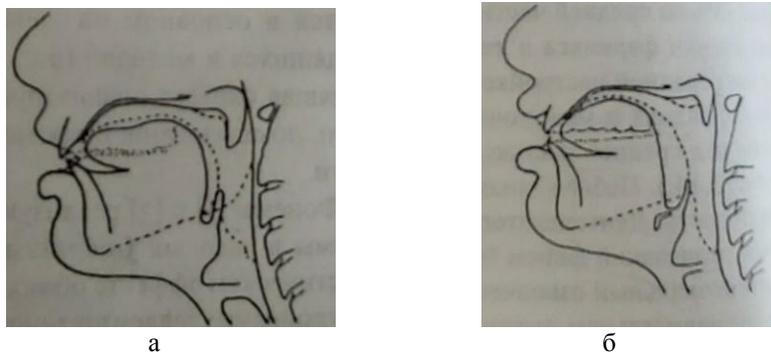
Рис. 5. Спектрограмма слов *kyʃʲ* ‘сила’ – *kyʒʲʲ* ‘его сила’
 Fig. 5. Spectrogram of the words *kyʃʲ* ‘strength’ – *kyʒʲʲ* ‘his strength’

Экспериментальные материалы, полученные методами дентопалатографирования и рентгенографирования, позволили Н. А. Кирсановой определить артикуляторные настройки фонем /ʃ/ и /ʒ/. Эти фонемы реализуются в твердых ʃ-образных и мягких типа «ʃʲ» оттенках. Разница в акустическом эффекте обоих оттенков обусловлена двумя дополнительными настройками: веляризацией и сильной степенью палатализации.

По ее данным, у звука типа «ʃʲ» образуется дополнительный щелевой фокус в результате умеренного или слабого подъема междуточной части спинки языка над соседними – средней и задней, обуславливая усиление твердости звука (веляризованные звуки [ʃ] и [ʒ]) (рис. 6, а).

«В настройках звуков типа «ʃʲ» дополнительно приподнята средняя часть спинки языка, с ориентацией максимума подъема на середину твердого нёба или вторую половину твердого нёба. Палатализация вызывает продвижение тела языка вперед, корень языка сильно прогибается по сагиттальной линии. Дополнительная работа средней части спинки языка свидетельствует о конститутивном

характере палатализации для согласных типа «[ʃ]» (палатализованные звуки [ʃ] и [ʒ'])» [Кирсанова, 2003, с. 46–48] (рис. 6, б).

а

б

Рис. 6. Рентгенограмма реализации /ʃ/:

а – в словоформе *paʃ* [Кирсанова, 2003, с. 45];

б – в словоформе *qaʃʷ* [Кирсанова, 2003, с. 46]

Fig. 6 X-ray diagram of the implementation of /ʃ/:

a – in the word *paʃ* [Kirsanova, 2003, p. 45];

b – in the word *qaʃʷ* [Kirsanova, 2003, p. 46]

Авторы монографии «Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)» отмечают, что для североалтайских языков (тубинского, чалканского, кумандинского) и шорского характерны акустически сверхсильнопалатализованные реализации шипящих согласных типа *ш* и *ж*. На фонематическом уровне – только в тубинском и чалканском. При артикулировании сверхсильнопалатализованных согласных отмечается крутой подъем средней части спинки языка к твердому нёбу. При артикуляции веляризованных согласных фиксируется подъем межзубной или задней части спинки языка (незаднеязычных согласных) к мягкому нёбу. Веляризация характерна для твердорядных словоформ [Селютина и др., 2011, с. 291, 304, 306, 307].

Во время описания консонантизма Н. А. Кирсановой в фонологической системе чалканского языка, видимо, веляризованные и палатализованные шипящие звуки выступали оттенками одной фонемы. С того момента прошло почти полвека, палатализованный согласный стал занимать позиции, ранее не характерные им, например в абсолютном конце слова, что привело к появлению контрастирующей оппозиции с веляризованным фоном [ʃ]. Таким образом, следует говорить о двух фонемах /ʃ/ и /ʃʷ/ (о чем и говорится в монографии «Артикуляторные базы...»), финальные глухие оттенки которых при агглютинации заменяются звонким вариантами [ʒ] и [ʒʷ] соответственно. Следовательно, если для звонкого аллофона веляризованной фонемы /ʃʷ/ есть специальный символ *ж*, то и для [ʒʷ] требуется отдельная буква или сочетание.

Пока при записи слов для звука [ʒʷ] употребляются три графемы: *ж*, *ц* или *ч*. Использование этих письменных знаков для отображения данного фона ведет к тому, что в итоге читающий произносит и воспринимает эти слова искаженно, например если на письме используется графема *ж* – *ньемжы* ‘мышь’, то читающий при артикуляции будет произносить его веляризованно [nʷɛmʒʷ], хотя со-

гласный должен быть мягким [з'], а слушающий воспримет как неправильное произношение.

В результате исследования методами спектрографии, дистрибутивного анализа, аудиовизуальных наблюдений, выявлено, что в чалканском языке звук [з'] употребляется в следующих позиционно-комбинаторных условиях:

- 1) в инлаутной позиции между мягкорядными гласными;
- 2) в инлаутной позиции между сонорными (кроме согласных *л* и *р*) и гласными;
- 3) в анлауте уменьшительно-ласкательного аффикса *-з'ақ, -з'іқ, -з'ек*, так как этот аффикс всегда в анлауте имеет звук [з'];
- 4) при наращении словоформы с ауслатным *и* аффиксами с вокальным анлаутом;
- 5) в некоторых словах-исключениях в инлаутной позиции между твердорядными гласными, например: *аз'и* 'жалко'.

Заключение

1. Исследование показало, что авторы словарей, прозаических текстов на чалканском языке опираются на правила письма доминирующего языка (русского или алтайского), адаптируют их для передачи фонетических особенностей своей национальной речи: используют различные комбинации русских букв, вводят авторские графемы, применяют дополнительные подстрочные и надстрочные знаки. Индивидуальный подход при записи национальной лексики является объективным свидетельством неустойчивости письменной нормы.

2. Анализ щелевых согласных чалканского языка показал, что графическая вариативность обусловлена говорными особенностями при передаче согласных *и* [j], *и* [j'] в анлауте слов перед твердорядными гласными; в инлаутной позиции между мягкорядным гласным и глухим согласным, между мягкорядным гласным и сонорным согласным, между сонорным согласным и твердорядным гласным; в ауслате слов в позиции после мягкорядного гласного и в некоторых словах в ауслатной позиции после твердорядного гласного.

3. Конечно, для графической унификации было бы правильно оставить один вариант записи вариативных слов, но на данном этапе развития чалканского языка, в условиях отсутствия письменности у народа, попытка фиксации родного языка самими носителями способствует сохранению его и показывает говорные особенности, которые отражаются на письме и не мешают восприятию и правильному произношению читающего.

4. Проблема возникает при передаче звука [з'] на письме. Графическая вариативность обусловлена тремя основными причинами: 1) отсутствием графемы для передачи специфического звука; 2) использование различных русских букв для передачи специфического звука, однако за каждой буквой, в соответствии с письменной языковой традицией русского языка, уже закреплён тот или иной фон: *и* [j], *и* [j'], *ж* [з]; 3) влиянием орфографических норм алтайского литературного языка.

5. Метод спектрографии позволил выявить для звука [з'] (полу)звонкий характер, а результаты исследования Н. А. Кирсановой методами дентопалатографирования, рентгенографирования и авторов монографии «Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)» – палатализованность.

6. Учитывая тот факт, что в чалканском языке две шипящие фонемы /ʃ/ (веляризованная) и /ʃ'/ (палатализованная), а для звонкого аллофона /ʃ/ есть специальная буква *ж*, то и для [ʒ'] требуется отдельное обозначение, чтобы соблюсти системность. Мы предлагаем использовать графему *жс* («ж с хвостом»).

7. В перспективе следует проанализировать согласные [ʏ], [q], [p], [b], [n'], [h] и гласные [a], [ε], [ъ], [ɪ], определить, в каких случаях возникает графическая вариативность с этими звуками, и предложить компромиссные решения для их унификации.

Список литературы

Волков А. А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М.: Изд-во МГУ, 1982. 172 с.

Голованева Т. А., Федина Н. Н. Письменные тексты на бесписьменных языках как социолингвистический феномен (на материале чалканского и алюторского языков) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 167–190. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-167-190

Кирсанова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск, 2003. 149 с.

Михальченко В. Ю. Введение // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. М.: Academia, 2003. Кн. 2. С. IX–XXVIII.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 66 с.

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.

Порхомовский В. Я. Письмо как социокультурный и психологический феномен // Вопросы психолингвистики. 2017. № 31. С. 99–109.

Пустогачева О. Н. Челканско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. СПб., 2008. 111 с.

Слютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А. Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск, 2011. 352 с.

Федина Н. Н. Процессы стяжения аналитических конструкций в чалканском языке (на примере аналитической конструкции *-ып ал-*) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 291–309. DOI 10.17223/18137083/80/23

Список источников

Алтайский фольклор: Сборник устного народного творчества / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1988. 216 с.

Кандаракова А. М. Тандак. Горно-Алтайск. 2008. 128 с.

Кандаракова Е. П. Азбука. Горно-Алтайск, 2013. 99 с.

Кандаракова Е. П. Сказки чалканцев. Горно-Алтайск, 2016. 256 с.

Кандаракова Е. П. Каан-Шүлүтей. Горно-Алтайск, 2018. 120 с.

Кандаракова А. М., Пустогачева С. Ч. Пословицы, поговорки челканского народа. Календарь челканского народа. Структура челканского рода. Система родства. СПб.: Алмаз-Граф, 2021. 80 с.

Пустогачева О. Н., Тайборина Н. Б. Бичиктöскö шалғануғ тилле кожулта. Горно-Алтайск, 2014. 81 с.

Сумачакова М. В. Чакайак: Чечегеш: Цветочек. Новосибирск, 2005. 32 с.

References

Fedina N. N. Protsessy styazheniya analiticheskikh konstruktivnykh v chalkanskom yazyke (na primere analiticheskoy konstruktivnykh -yp al-) [Contraction of analytic constructions in Chalkan (on example of analytic construction -yp al-)]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 3, pp. 291–309. DOI 10.17223/18137083/80/23

Golovanova T. A., Fedina N. N. Pis'mennyye teksty na bespis'mennykh yazykakh kak sotsiolingvisticheskiy fenomen (na materiale chalkanskogo i alyutorskogo yazykov) [Written texts in non-written languages as a sociolinguistic phenomenon (on the material of Chalkan and Alutor languages)]. *Critique and Semiotics*. 2020, no. 2, pp. 167–190. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-167-190

Kirsanova N. A. *Konsonantizm v yazyke chalkantsev (po eksperimental'nykh dannym)* [Consonantism in the Chalkan language (on experimental data)]. Novosibirsk, 2003, 149 p.

Mihalchenko V. Yu. Vvedenie [Introduction]. In: *Pis'mennyye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya* [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic encyclopedia]. Moscow, Academia, 2003, bk. 2, pp. IX–XXVIII.

Nadelyaev V. M. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulation classification of vowels]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91.

Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifikirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [The project of universal unified phonetic transcription (UUFT)]. Moscow–Leningrad, 1960, 66 p.

Porkhomovskiy V. Ya. Pis'mo kak sotsiokul'turnyy i psikhologicheskyy fenomen [Writing as a sociocultural and Psychological Phenomenon]. *Journal of Psycholinguistics*. 2017, no. 31, pp. 99–109.

Pustogacheva O. N. *Chelkansko-russkiy tematicheskyy slovar': Posobie dlya uchashchikhsya 1–4 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Chelkan-Russian thematic dictionary: A manual for the students of the 1st–4th grades of general education institutions]. St. Petersburg, 2008, 111 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Letyagin A. Yu., Shevela A. I., Dobrinina A. A., Esenbaeva G. A. *Artikulyatornyye bazy tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoy rentgenografii)* [Articulatory bases of South Siberian turkic ethnic groups (on data of magnetic-resonance tomography (MRI) and digital roentgenography)]. Novosibirsk, 2011, 352 p.

Volkov A. A. *Grammatologiya. Semiotika pis'mennoy rechi* [Grammatology. Semiotics of written speech]. Moscow, MSU, 1982, 172 p.

List of sources

Altayskiy fol'klor: Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva [Altai folklore: Collection of oral folklore]. E. P. Kandarakova (Comp.). Gorno-Altai, 1988, 216 p.

Kandarakova A. M., Pustogacheva S. Ch. *Poslovitsy, pogovorki chelkansкого народа. Kalendar' chelkansкого народа. Struktura chelkansкого roda. Sistema rodstva*

[Proverbs, sayings of the Chelkan people. Calendar of the Chalkan people. The structure of the Chalcan genus. The kinship system]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2021, 80 p.

Kandarakova A. M. *Taydak* [The dawn]. Gorno-Altaysk, 2008, 128 p.

Kandarakova E. P. *Azbuka* [ABC]. Gorno-Altaysk, 2013, 99 p.

Kandarakova E. P. *Kaan-Shülüütey*. Gorno-Altaysk, 2018, 120 p.

Kandarakova E. P. *Skazki chalkantsev* [Tales of the Chalkans]. Gorno-Altaysk, 2016, 256 p.

Pustogacheva O. N., Tayborina N. B. *Bichiqtöskö shalzanuë tille qozhulta*. Gorno-Altaysk, 2014, 81 p.

Sumachakova M. V. *Chakayak: Chechegesh: Tsvetochek* [A little flower]. Novosibirsk, 2005, 32 p.

Информация об авторах

Наталья Никитовна Федина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Тимофей Владимирович Тимкин, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Information about the authors

Natalya N. Fedina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

Timofey V. Timkin, Candidate of Philology, Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 28.06.2023;

одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023

The article was submitted on 28.06.2023;

approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023

Научная статья

УДК 811.512.1(1-925.11/.16)
DOI 10.17223/18137083/84/18

**Метафорические модели движения времени
в алтайском языке
(в сравнении с другими тюркскими языками)**

Елена Валерьевна Тюнтешева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Аннотация

Рассматриваются модели движения времени на основе конвенциональной (стертой) метафоры «пространство – время», анализируется сочетаемость глаголов движения с наименованиями временных отрезков в алтайском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Употребление глаголов направленного движения связано, с одной стороны, с типичным для них фазовым значением начала и конца. С другой стороны, выбор этих глаголов отражает фрагмент языковой картины мира, относящийся к представлениям данных лингвокультурных общностей о времени.

Выделяются три динамические и две статические модели. Некоторые модели движения времени, распространенные в русском языке, в алтайском (возможно, и в других тюркских языках Сибири) практически не представлены: модели, связанные с характеристикой быстрого / медленного темпа временного потока, а также синхронные модели.

Ключевые слова

тюркские языки, алтайский язык, глаголы движения, метафорическая модель движения времени, языковая картина мира

Для цитирования

Тюнтешева Е. В. Метафорические модели движения времени в алтайском языке (в сравнении с другими тюркскими языками) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 255–269. DOI 10.17223/18137083/84/18

© Тюнтешева Е. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 255–269
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 255–269

Metaphorical models of time flow in the Altai language: comparison with other Turkic languages

Elena V. Tyuntешеva

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Abstract

This study examines the time flow models based on a conventional (dead) “space-time” metaphor. In particular, the compatibility of motion verbs with nominations of time periods in Altai, in contrast with other Turkic languages, is analyzed. Directed motion verbs are used depending on the typical phase meaning of the beginning or end of the movement. The choice of these verbs reflects a fragment of the Altai linguistic worldview related to the ideas of these linguocultural communities about time. The Altai and Kazakh world models feature the time of annual and daily cycles moving both horizontally and vertically. The bottom is related to winter and dark periods of the day. In the Altai horizontal model, time belongs to the space where the observer is located. In the modern language, it is particularly true for the dark periods of the day. The Tuvan model has seasonal and daily cycles moving from the top to the bottom. Three dynamic and two static models can be distinguished, primarily including directed motion verbs because of the temporal flow directionality. Some models of time flow found in the Russian language are practically not represented in the Altai language and possibly also in other Turkic languages of Siberia. These models include motion verbs associated with the characterization of fast /slow time flow, as well as synchronous models. The latter may indicate a lower activity of humans within the time flow, excluding one’s life progression, in the Altai linguistic worldview compared to the Russian one.

Keywords

Turkic languages, Altai, verbs of motion, metaphorical model of time flow, linguistic World-Image

For citation

Tyuntешеva E. V. Metaphorical models of time flow in the Altai language: comparison with other Turkic languages. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 255–269. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/18

Исследователи отмечают, что «модели времени» в языках многих народов представлены в понятиях пространственной ориентации (см. [Гуревич, 1969; Bennet, 1975; Яковлева, 1994; Арутюнова, 1998; Маслова, 2005; Катунин, 2005] и др.). Термин «хронотоп» (время-пространство), указывающий на неразрывность пространства и времени, в качестве формально-содержательной категории, которая выполняет сюжетобразующую функцию, использовал М. М. Бахтин. При этом более важным в хронотопе он считал время, но в языке «большинство временных понятий первоначально были пространственными» [Гуревич, 1969, с. 110], так как пространственное восприятие мира онтологически предшествует его временному постижению [Логина, 2007, с. 61]. Одна из конвенциональных (стертых, не ощущаемых как таковые) метафор, в которых пространство осмыслено как время, – «движение времени». Она получает выражение в сочетании лексем, обозначающих отрезки времени, с глаголами движения и является наиболее типичной для разных языков.

Модели движения времени рассматривались на материале русского и некоторых европейских языков, в тюркских языках они не получили специального освещения. В исследованиях концепта *ВРЕМЯ* на материале тюркских языков, в том числе сибирских (хакасского, тувинского, якутского), анализировались в основном наименования временных промежутков, фразеологизмы и паремии [Дударева, 2005; Султанова, 2009; Борисова, 2012; Кужугет, 2014; Николаева, 2013; Чугункова, 2019]. Рассматривались также традиционные формулы, отражающие время в фольклорных текстах, героических сказаниях [Ондар, 2017]. В данной статье мы исследуем модели конвенциональной метафоры движения времени в алтайском языке в сравнении с другими тюркскими языками.

В зависимости от позиции человека и времени в модели, от их субъектно-объектных отношений Д. А. Катунин выделяет три типа метафорических моделей движения времени в русском языке: 1) динамическую модель; 2) статическую модель; 3) синхронные модели [2005, с. 11]. В динамической модели в роли субъекта движения выступает время, при этом человек оказывается в позиции наблюдателя, а «время (и его отрезки) представляются в виде материи, субъекта, движущихся мимо (или через) человека, который пассивен по отношению к этому движению» [Там же, с. 12]. Во второй же, статической, модели время уподобляется пространству, в котором движется активный субъект-человек. Третий тип моделей представляет человека и время одновременно движущимися в некоем пространстве.

Моделью, в основе которой лежит метафора движения, или метафорической моделью (ММ) движения, мы называем реализацию представлений о движении в лексическом составе и смысловой структуре сочетания, формирующих определенную семантику.

В тюркских языках имеются динамические и статические модели движения времени. Синхронные представлены единичными случаями – кальками с русского языка.

1. Динамические модели

В эту группу входят три модели: первая передает движение времени по отношению к наблюдателю, другая – движение времени относительно какого-то ориентира, третья характеризует темп движения.

1.1. ММ «Движение времени, отрезков времени относительно наблюдателя»

Субъект-время осмысливается как сущность, которая приближается к наблюдателю-человеку или удаляется от него, мимо, в прошлое. Сочетания, относящиеся к этой модели включают существительное с общим значением ‘время’, наименования отрезков времени и глаголы направленного движения (алт. *кел-* ~ хак. *кил-* ‘приходить’, алт. *кир-* ~ хак. *кiр-* ‘входить’, алт. *түш-* ~ хак. *түс-* ‘спускаться’, алт. *жет-* ‘достигать’, *јукта-* ‘приближаться’) или глагол с невыраженной ориентацией движения алт. *от-*, хак. *ирт-* ‘проходить’, который в данном контексте приобретает семантику направленности: от наблюдателя из будущего в прошлое. Употребление этих глаголов связано также с типичным для них фазовым значением начала и конца [Рубинштейн, 2002, с. 3]. При этом наблюдаются различия в сочетаемости глаголов как с названиями разного типа временных периодов (времени суток, времен года), так и внутри одного типа.

1.1.1. Сочетания с существительным алт. *ой* ‘время’ и обозначениями конкретных временных отрезков – *жыл* ‘год’, *күн* ‘день’, *чак* ‘век’. Глаголы движения при таких лексемах – алт. *кел-* ‘приходить’, *жет-* ‘достигать’, *жуукта-* ‘приближаться’, *от-* ‘проходить’, *ыра-* ‘удаляться’.

алт. *Оскö дйльör келип жат, өнгисти кубултар керек болды* (Кокышев) ‘Другие времена наступают (букв.: **приходят**), нужно наш цвет поменять’.

В тувинском языке наступление нового года обозначается глаголами *кел-* ‘приходить’ и *кир-* ‘входить’, а его уход – *ун-* ‘выходить’, *бар-* ‘уходить’, *эрт-* ‘проходить’:

Буура чыл эртти, / Бодаган чыл келди! ‘Старый год **прошел**, / Новый год **пришел!**’; *Чаа чыл кирип, / Эрги чыл унду!* [Юша, 2017, с. 312] ‘Новый год **вошел**, / Старый год ушел (букв.: **вышел!**)’; *Эрги чыл барды, / Чаа чылывыс кирди!* [Там же, с. 311] ‘Старый год **ушел**, / Новый наш год **вошел**’ [Там же, с. 313].

Конвенциональная метафора «вхождения» года имеется и в монгольском: *орох жил* ‘наступающий (букв.: входящий) год’ (БАМРС, с. 384). При этом употребление данного глагола в значении ‘наступить (о времени)’ характерно для этого языка.

Глагол *чык-* ‘выходить’ имеет в некоторых тюркских языках значение ‘заканчиваться’, о чем будет сказано ниже; ср. также алт. *сенин ойинг чыкты* (АРС, с. 855) ‘твое время вышло’ и тат. *срогы чыкты* (ТатРС, с. 644) ‘срок его вышел’ (не исключено, что в данном случае это кальки с русского языка).

1.1.2. Сочетания с названиями времен года. В алтайском языке названия времен года – *жай* ‘лето’, *яс* ‘весна’, *күс* ‘осень’, *кыш* ‘зима’ – сочетаются с глаголами движения *кел-* ‘приходить’, *жет-* ‘достигать’, *жуукта-* ‘приближаться’, *от-* ‘проходить’:

Жай келет, жайылып, / Кыш келет, кылыжын тудунып ‘Лето приходит, распускаясь, / Зима приходит, меч свой держа’ (Алтай кеп..., 2010, с. 248–249); *Кыш жууктап келет* (И. Шодоев) ‘Зима приближается (АРС, с. 214); *Жай өдүй, алтынсары күс jedип келерде, Жергелейди Москва жаар Верховный Советтинг сессиязына алдырдылар* (Кокышев, 1980, с. 479) ‘Лето прошло, [и] когда **наступила** (букв.: достигла) золотая **осень**, Дьегелей вызвали в Москву на сессию Верховного Совета’.

Как видно из примеров, названия сезонов сочетаются с теми же глаголами, что и ранее рассмотренные существительные. Как и в алтайском языке, в хакасском, казахском и турецком в значении ‘наступить (о времени года)’ используется глагол *кил-* ~ *кел-* ~ *gel-* ‘приходить’, в хакасском также *чит-* ‘достигать’: хака. *чайгы килдi* ‘лето пришло’; каз. *көктем келдi* ‘весна пришла’; хака. *күскү читтi* ‘осень пришла (букв.: достигла)’; ср. тат. *жэди житте* ‘лето наступило (букв.: достигло)’. По-видимому, глагол ‘приходить’ для обозначения движения временных периодов универсален для многих языков. Такие сочетания, кроме тюркских, характерны для монгольского, русского, европейских языков.

Наряду с этим в разных тюркских языках сочетаемость названий времен года с глаголами движения имеет свои закономерности. Так, выделяется своей сочетаемостью лексема *кыш* ‘зима’. Кроме приведенных глаголов, она употребляется с глаголом *түй-* ‘спускаться’:

Байла, анда эмди кыш түжүйп калган болор (Кокышев, 1980, с. 367) ‘Наверное, там теперь наступила (букв.: **спустилась**) зима’.

Информанты объясняют это тем, что зимой падает снег (и со снегом приходит зима), однако в других языках, например в тувинском, этот глагол используется

в значении ‘наступать’ и в сочетании с названиями других времен года, и для обозначения изменения погодных условий (холод, жара): тув. *кыш / час / күс / чай дүштү* ‘наступила (букв.: спустилась) зима / весна / осень / спустилось лето’; *изиг дүжүп келген* настала (букв.: спустилась) жара’ (ТСТЯ, 2003, с. 524).

В казахском языке *түс-* ‘спускаться’ тоже встречается при лексеме *қыс* ‘зима’, а также *күз* ‘осень’, *суық* ‘холод’: *күз түсті* ‘наступила осень’ (КРС, 2008, с. 836), *суық түсті* ‘наступил холод’. Э. Р. Тенишев отмечает употребление *түс-* ‘спускаться’ в данном значении в хакасском языке: *паза өрiнiстiг часхы түсті* ‘настала веселая и радостная весна’ [Тенишев, 1961, с. 267], но наши информанты этого не подтверждают.

В противоположность зиме и осени лето в казахской языковой картине мира представляется выходящим или поднимающимся, так как глагол *шық-* имеет значения ‘выходить’ и ‘подниматься’: *жаз шықты* ‘наступило лето’; ср. монг. *шинэ жил гарав* ‘наступил новый год’ (*гарах* ‘выходить’, ‘наступать (о времени)’, ‘подниматься’ (БАМРС, с. 534)). В других тюркских языках глагол *чык-*, напротив, обозначает окончание временного отрезка: узб. *қиш чикди* (УРС, с. 544) ~ тур. *kiş çikti* (ТурРС, с. 187) ‘зима прошла (букв.: вышла)’; башк. *март сықты* ‘закончился март’ (АСБЯ, с. 722).

В турецком языке для выражения семантики наступления времени года используется глагол *gir-* ‘входить’: *ilkbahar girdi* ‘наступила (букв.: вошла) весна’, *yaz giriyor* ‘лето наступает’ (ТурРС, с. 688). Монгольский *орох* ‘входить’, выражая значение начала действия, также употребляется с наименованиями времен года, смены погодных условий: *сэрүү орох* ‘стать прохладным’; *дулаан орох* ‘теплеть, становится тепло’, *хаврын урь орох* ‘наступает (букв.: входит) весна’ (БАМРС, с. 383).

Таким образом, алтайский и казахский языки используют метафору движения времени как по горизонтали, так и по вертикали. Последняя отмечается для обозначения смены времен года и погодных условий, связанных преимущественно с холодом. В алтайском языке движением вниз маркируется наступление зимы. В тувинской модели движение времени происходит по горизонтали и вертикали, причем движение времен года осуществляется в ней только по вертикали вниз. При движении времени по горизонтали наблюдаются признаки замкнутого пространства, в котором находится наблюдатель и в которое вступает или из которого выходит определенный отрезок времени (год). В турецкой модели то же отмечается для наступления времен года.

1.1.3. Сочетания с наименованиями времени суток. В алтайском языке лексемы, обозначающие наступление темного времени суток – *энир* ‘вечер’, *түн* ‘ночь’, *түн ортозы* ‘полночь’, *бозом*, *бүрүнкүй* ‘сумерки, потемки’, сочетаются с глаголами движения *јукта-* ‘приближаться’, *кир-* ‘входить’, *түш-* ‘спускаться’, *өт-* ‘проходить’:

Бозом киргелек (Л. Кокышев) ‘Сумерки ещё не наступили (букв.: еще не вошли)’ (АРС, с. 120); *Кышкы энир түрген кире берди* ‘Зимний вечер наступил быстро’; *Бойы-бойлорына адаркажып, көлзөп базып жүргенче күн ажып, түн кирип калатан туру* (Ч. Чунжеков) ‘Пока, завидя друг другу, ходят, толпясь, солнце садится, наступает (букв.: входит) ночь’ (АРС, с. 25); *Энемниг јажы јаандап, түн де түшпес, түш те болбос тала јаар мөңкүлик амыралтага јүрүп калды* (Б. Укачин) ‘Мама моя, состарившись, отправилась в место, где и ночь не опускается, и дня не бывает, на вечный покой’ (АРС, с. 69); *Түнниг талортозы өдүй те калган болзо, Јелеш кыйналып, торт ло ујуктап болбоды* (Кокы-

шев, 1980, с. 256) ‘Хотя уже **прошло полночи**, Желеш мучилась, так и не могла уснуть’.

Редко встречается сочетание с глаголом *кир*- лексемы *түйи* ‘день’:

Түйи кирерде, коңуш јоктон, / Түйи кирерде, јде јоктон, / Амырабай, баргылап јатты (Алтай баатырлар) (АРС, с. 350) ‘Когда **ночь наступала**, без ночёвки, / Когда **день наступал**, без привала / Ехали [они], не отдыхая’.

В хакасском и казахском языках наступление темного времени суток отмечается сочетанием с глаголом *түс-* ~ *түс-* ‘спускаться’: хак. *Кистегей дее наарын-зар иир түсчөткөн* (Бурнаков, 1987, с. 139) ‘На основание горы Кистегей тоже **опускался вечер**’; каз. *кеш түсті* ‘вечер наступил (букв.: спустился)’, *ымырт түсті* ‘наступили сумерки’ (КРС, с. 836); ср. также башк. *караңгы төште* ‘наступила темнота’ (БРС, с. 635). В тувинском же этот глагол широко используется для обозначения движения и годового, и суточного циклов, изменения погодных условий.

В русском языке глаголы вертикального движения (вверх / вниз) маркируют темное и светлое время суток. Глаголы движения вниз (*опускаться, ложиться, сходить*) кодируют начало, наступление вечера, сумерек, ночи, а глаголы движения вверх (*вставать, всходить, подниматься*) – утра, рассвета, зари [Рубинштейн, 2002, с. 11]. Таким образом, глаголы движения и пространственно-временная лексика отражают в русской языковой картине мира представление о годовом и суточном циклах как о кругах, «расположенных вертикально, где вверху размещаются лето или день, а внизу – зима или ночь (июль – макушка лета; глубокой ночью; была в зените своей жизни)» [Катунин, 2005, с. 16]. В алтайском, казахском, хакасском и некоторых других языках прослеживается привязка темного времени суток и холодного времени года к траектории движения вниз. В тувинском же все эти природные явления, связанные с годовым и суточным циклами, представляются приходящими сверху.

1.1.4. Сочетания с указанием на возраст.

При указании на достижение какого-либо возраста в алтайском языке используется глагол *кир-*. При этом возможны две конструкции: с субъектом движения, в роли которого выступает возраст, и с субъектом движения – человеком. В динамической модели отображается ситуация, когда возраст сам приходит к человеку:

Быјыл Амырдын он эки јажы кирген ‘В этом году Амыру исполнилось 12 лет (букв.: Амыра 12 лет=его вошло)’.

Ср. монг. *арван гуравны жил орж байна* ‘приходит молодой возраст (в 13 лет)’ (букв.: тринадцатый год входит) (БАМРС, с. 43).

Такая модель не обнаружена нами ни в хакасском, ни в тувинском.

1.2. ММ «Движение времени относительно некоторого ориентира»

В этой модели субъект-время движется по отношению к некоторому ориентир-событию. Д. А. Катунин описывает данную ситуацию как «пространство, в котором два ориентира» – «место» человека (момент настоящего) и ориентир, к которому движется время. При этом между настоящим временным положением человека (моментом, который описывает данная фраза) и точкой во времени подразумевается некоторое расстояние, которое будет «преодолено». Позиция человека при этом малозначима, и время как активный деятель «в своём движении “подхватывает” человека и “приводит” (“приносит”) его к упомянутому отрезку времени» [2007, с. 13].

Je, болор, атанатан ой једин браады ошкош... ‘Ну, хватит, вроде, подходит (букв.: **достигает**) **время** отправляться...’; ...*Поездтинг атанатан ойи јууктап келген сайын табыш там тыгып, не де угулбай турган* ‘...Каждый раз, когда **приближалось время** отправления поезда, шум все усиливался, ничего не было слышно’.

Мы отнесли к этой же модели и движение времени относительно ориентира, который находится в прошлом по отношению к «месту» наблюдателя-человека (момент настоящего). В этом случае время движется к нему так же, из прошлого в будущее:

Куйун токтогонынан бери јаан ой өтпөгөн, эмди айас, соок тенгериде андамында кичинек жылдыстар көгөрижип турдылар (Кокышев, 1980, с. 103) ‘С тех пор, как улегся (букв.: остановился) вихрь, **прошло** немного **времени**, теперь в ясном, холодном небе там-сям синим светом мерцали маленькие звезды’.

1.3. Модель процессного движения времени

Сочетания, которые относятся к данной модели, широко представлены в русском языке. Они включают множество глаголов с невыраженной ориентацией движения, характеризующих темп движения, уподобляющих время «человеку (время идёт, бежит), животным (время летит, ползёт), водному потоку (время течёт, льётся) и т. д.» [Катунин, 2005, с. 12]. Для тюркских языков Сибири эта модель, видимо, не характерна, она представлена единичными сочетаниями: *ой жылпн јат* ‘время ползет’; сочетание *ой учып јат* ‘время летит’ воспринимается многими носителями языка как искусственное.

Ч. К. Ламажаа в монографии «Очерки современной тувинской культуры» [2021], описывая особенности пространственно-временной картины мира тувинцев и монголов, а также других народов кочевой культуры, отмечает их относительную неспешность, непунктуальность с точки зрения других народов: «В целом подобное отношение ко времени у кочевников можно назвать степным временем, которое до сих пор удивляет приезжих в Туве, в Монголии, других регионах».

2. Статические модели

В алтайском языке мы выделили две статические модели. Позицию субъекта действия в них занимает человек, который движется, преодолевая некоторый временной отрезок, уподобленный пространству, или движется до определенной точки-ориентира.

2.1. ММ «Преодоление пространства – временного отрезка»

У глагола движения *чык-* ‘выходить’ в некоторых тюркских языках (башкирском, татарском) присутствует семантика преодоления пространства: ‘переходить, переправляться, проходить, проезжать через что-л.’ (управление И. п. или В. п.), например: башк. *йылганы сук-* ‘переправиться через реку’ (БРС, с. 561), *сикте сук-* ‘перейти границу’ (АСБЯ, с. 722). Кроме того, в этих языках, а также в алтайском отмечается включающая этот глагол метафорическая модель преодоления временного отрезка. Такие сочетания выражают семантику ‘пережить что-л.’: алт. *кышты чык-*, башк. *кыш сук-* ~ тат. *кыш чык-* ‘перезимовать’ (БРС, с. 561; ТатРС, с. 644), алт. *јыл чык-* ~ хак. *чыл сук-* ‘выжить (благополучно перезимо-

вать) (ХРС, с. 542) (букв.: год выйти), т. е. если человек и скот перенесли зиму, то можно сказать, что они благополучно пережили год.

алт. «*Быҕылгы кышты канайып чыгарыс?*» – деп, эрик жокто сананала, Желеш койлорын көрөргө чыкты (Кокышев, 1980, с. 251) «Как мы **переживем** нынешнюю **зиму**? – поневоле подумала Желеш [и] вышла посмотреть своих овец»; *Уйлар өлбөй жасты чыкты* «Коровы без падежа **пережили весну**»; *Көдүрткезин Каака керекке албаган – жыл чыгып калган мал жайыла тойына бербей* (Д. Каинчин) «На то, что доходяга, Каака не обратил внимания – скотина, **пережившая зиму** (букв.: год), летом поправится» (АРС, с. 368).

В этих сочетаниях выделяются наиболее тяжелые для скотовода периоды: зима и весна.

В других тюркских языках выявляется иная модель: достижение ориентира (отрезка времени), до которого продолжается движение и который достигает субъект-человек. Ориентир выражен существительным в дательном падеже:

башк. *язга сык* – «дожить до лета» (АСБА, с. 722); к.-балк. *джазгъа чык* – «дожить до весны» (КБРС, с. 740), тур. *sabaha çik* – «дотянуть (дожить) до утра (о больном)» (ТурРС, с. 187).

В алтайском модель такого типа связана с обозначением возраста человека.

2.2. ММ «Движение к ориентиру – достижение какого-либо временного отрезка»

В статической модели, в которой указывается на достижение человеком какого-либо возраста как ориентира (в дательном падеже), в алтайском языке используются глаголы *кир* – «входить» и *жет* – «достигать»:

Айару он бир жажына кирген «Айару исполнилось 11 лет (букв.: вошла в свои 11 лет)»; *Кускун-кара атка минген Кускун-Кер баатыр кижги / Журме жашка једин калтыр* (АБ) «Оседлавший иссиня-чёрного коня Кускун-Кер богатырь, / Оказывается, **достиг двадцати лет**» (АРС, с. 406).

Ср. хак. *алты часха кирген* «ему исполнилось шесть лет (букв.: вошел в шесть лет)».

Эта модель распространена в тюркских языках, различаясь в них указанием на полноту лет, как в алтайском и хакасском, или на следующий за этим возрастом год:

тув. *ооң хары чээрбиге кирген* «ему пошёл двадцатый год» (букв.: его возраст в двадцать вошел); тат. *ун икегә керде* «ему пошел двенадцатый год (букв.: в двенадцать вошел)» [Тенишев, 1961, с. 255].

Здесь ориентир осмысливается как некоторое пространство, в которое входит человек. В языках за пределами Сибири в этой модели встречается глагол *чык* – «выходить», «подниматься»:

каз. *биыл ол отызга шықты* «в этом году ему исполнится 30 лет» (букв.: в этом году он **к тридцати поднялся**) (КРС, с. 927); башк. *етмешкә сык* (АСБЯ, с. 722) «пойти (букв.: **подняться**) к семидесяти (о возрасте)»; тат. *өченче яшенә чык* (ТСТатЯ, с. 452) «[ему] пошел третий год (букв.: к третьему году **поднялся**)».

В этом случае взросление человека представлено как метафорическое движение вверх, что отражено еще в древнетюркских письменных памятниках: др.-т. *jetmiş jaşıma öntüm* «я достиг моих семидесяти лет» (*ön* – «взбираться, подниматься») (ДТС, с. 385). В такой модели «человек как бы поднимается по лестнице жизни снизу вверх, а молодость остаётся внизу» [Бардамова, 2008, с. 80].

Использование глаголов *кир-* ‘входить’ и *чык-* ‘подниматься’ в этой модели в одном и том же языке играет смысловозначительную роль: один глагол используется в ситуации достижения какого-либо возраста, а другой – приближения к сколько-то годам:

кирг. *мен элүү жашка чыктым* ‘мне исполнилось 50 лет’ (букв.: я поднялся к 50 годам) (КиргРС, с. 385); *жыйырмага жаңы кирген* ‘ему только идет 20 год (букв.: в двадцать только вошел)’ (КиргРС, с. 388).

Таким образом, движение времени здесь также имеет как горизонтальную, так и вертикальную направленность (снизу вверх). Это не является уникальной чертой только тюркских языков. Е. А. Бардамова отмечает, что «в бурятской картине мира наблюдается вертикальный отсчет времени, то есть время мыслится движущимся снизу вверх в тех ситуациях, когда речь идет о возрасте: *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’ (букв.: быть **выше** на десять лет)» [2008, с. 80]; ср. также монг. *арван наймас дээш насны хүмуус* ‘лица старше (букв.: **выше**) семнадцати лет’ (БАМРС, с. 762). В бурятском языке представление о времени как о вертикальной оси проявляется более ярко, и «все, что будет иметь место в последующем, ассоциируется с движением вверх от точки происхождения: *морилхо дээрэ* ‘перед отъездом’ (букв.: отехать вверх)» [Там же].

Возможно, такое понимание движения от прошлого (внизу) к будущему (вверху) проявляется и в таких тюркских сочетаниях, как приведенные нами выше тур. *sabaha çik-* ‘дотянуть до утра (о больном)’ и др. с глаголом *чык-*, который совмещает в своей семантической структуре значения ‘выходить’ и ‘подниматься’.

Таким образом, движение времени в динамических и статических тюркских моделях происходит и по горизонтальной, и по вертикальной оси (снизу вверх). Направленность движения времени из будущего в прошлое, которое находится позади наблюдателя, хорошо иллюстрирует следующий алтайский пример:

Онын чала јумуп алган көзине өткөн жылдар, ундылып калган улустар, кайда да ыраак, ыраак артып калган бала өйлөри ажып турган күннинг өчөмик чоғындый, ыраактан көрүндилер ‘Ее полузакрытым глазам издали виделась, будто гаснущие лучи заходящего солнца, **прошедшие годы**, позабытые люди, где-то далеко-далеко оставшееся время (букв.: времена) детства.

Сочетание *ыраак артып калган бала өйлөри* ‘оставшиеся далеко [позади] времена детства’, указывает на ситуацию, которую можно интерпретировать как движение самого человека вперед по пути, а временные периоды как остающиеся позади него. Понимание движения времени навстречу человеку из будущего в прошлое, при котором прошлое отдаляется от него по мере движения самого человека, иллюстрирует и следующий пример: алт. *кийни ыраган, алды јууктаган* ‘то, что позади, **удалилось**, то, что впереди, **приблизилось**’, т. е. большая часть жизни прожита (о старом человеке) (АРФС, с. 132–133); ср. монг. *өмнөх нь ойртож, хойтох нь холдох* (букв.: будущее (то, что впереди) приближается, прошлое отдаляется) – ‘доживать свой век, быть близким к смерти’ (БАМРС, с. 414). Однако при анализе лексики с пространственно-временной семантикой представлением о прошлом и будущем в языковой картине мира оказывается более сложным. Так, лексема *алды* в зависимости от контекста может обозначать как ‘прошлое’, так и ‘будущее’, наречие алт. *алдында* ~ хак. *алнында* имеет значения 1) впереди; 2) раньше, прежде. Эта особенность отмечается еще в древнетюркских памятниках (*өндүн* ‘спереди’, ‘раньше’ (ДТС, с. 386)) и проявляется в некоторых современных тюркских, а также в монгольских языках (монг. *өмнөх* ‘находящийся впе-

реди', 'предшествующий', 'будущий' (БАМРС, с. 414)). В этом отношении тюрко-монгольская пространственно-временная модель соотносится с русской моделью пути (ср. *предыдущий, предстоящий*), которую Н. Д. Арутюнова описывает как движение человека «по следам своих *предшественников*», при этом он обращен лицом в прошлое и «идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее» [1998, с. 690].

3. Синхронные модели

В алтайском языке нами не выявлено примеров сочетаний, которые можно отнести к синхронным моделям, представленным в русском языке, «в которых время и человек метафорически интерпретированы как движущиеся одновременно по некоему пространству» (*идти в ногу со временем, обогнать своё время, отстать от времени, не поспевать за временем*) [Катунин, 2007, с. 15]. Сочетание *жүрүмнөг астыкпа* 'от жизни не отставай' (но не **өйден* 'от времени') является калькой с русского языка:

«*Барчий, сен жүрүмнөг астыкпа. Эмди перестройканың өйи*» (А. Ередеев) '«Барчий, ты не **отставай от жизни**. Сейчас время перестройки»' (АРС, с. 89).

Возможно, наличие этих моделей в русском языке говорит о большей активности человека во временном потоке в русской языковой картине мира.

Таким образом, в алтайском языке выделяются три динамические и две статические модели, что показывает большую активность субъекта движения-времени в языковой картине мира алтайцев. В сочетаниях, относящихся к этим моделям, используются в основном глаголы направленного движения в силу направленности самого временного потока. Время в алтайской языковой картине мира представляется как движущаяся из будущего в прошлое субстанция или как некоторое пространство, в которое может войти человек. Человек также движется по пути вперед, в будущее, оставляя позади отрезки времени, события в них. Но, как и в русской языковой картине мира, прошлое оказывается и перед человеком, впереди него, что, вероятно, отражает цикличность времени.

Годовой и суточный цикл движется как по горизонтальной, так и по вертикальной оси. С низом этой оси связывается холодное время года и темное время суток, в казахской модели, возможно, с движением вверх ассоциируется приход лета. В алтайской модели движения времени суток по горизонтали оно входит в пространство, в котором находится наблюдатель. В современном языке это в большей степени относится также к темному времени суток. В тувинской модели весь цикл смены времен года и суточного времени оказывается нисходящим сверху. Для некоторых других тюркских языков (например, турецкого), актуальна, видимо, только горизонтальная модель движения времен года. Для монгольских языков характерна модель «вхождения» годового цикла.

Время жизни, возраст человека также входит в пространство человека, либо человек входит в пространство, охватываемое определенным возрастным периодом, достигает его. В модели времени некоторых тюркских языков за пределами Сибири человек движется по восходящей линии возрастных периодов своей жизни. Вертикальный отсчет времени особенно характерен для монгольских языков.

Некоторые модели движения времени, распространенные в русском языке, в алтайском и, скорее всего, в других тюркских языках Сибири практически не представлены. Это модели, включающие глаголы движения, которые связаны

с характеристикой быстрого / медленного темпа временного потока, а также синхронные модели. Последнее, возможно, указывает на меньшую активность человека во временном потоке (исключая движение к периодам *своей* жизни) в алтайской языковой картине мира, чем в русской.

Список сокращений

алт. – алтайский; башк. – башкирский; каз. – казахский; к.-балк. – карачаево-балкарский; кирг. – киргизский; монг. – монгольский; тат. – татарский, тув. – тувинский; тур. – турецкий; узб. – узбекский; хак. – хакасский

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 687–695.
- Бардамова Е. А.* Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестник Читин. гос. ун-та. 2008. № 6 (51). С. 77–82.
- Борисова И. З.* К проблеме особенностей феномена времени в языковой картине мира народа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 63–70.
- Гуревич А. Я.* Время как проблема культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105–116.
- Дударева З. М.* Контрастивное исследование концептуальной сферы «Время» в русской и башкирской языковых картинах мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 365 с.
- Катунин Д. А.* Время в зеркале русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 29 с.
- Катунин Д. А.* К вопросу об определении движения времени в русской языковой картине мира // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1 (1). С. 11–17.
- Кужугет Ш. Ю.* Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудагы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 263 с.
- Ламажая Ч. К.* Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 190 с.
- Логина Е. Г.* Модели концептуальной метафоры «пространство – время» в семантике английского языка // Иностранные языки в высшей школе. 2007. № 5. С. 61–70.
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Минск: Театра Системс, 2005. 256 с.
- Николаева А. М.* Метафорическая репрезентация концепта «время» в якутском языке // Наука и образование в жизни современного общества. Тамбов: Изд-во «Бизнес. Наука. Общество», 2013. Ч. 17: Материалы Междунар. НПК. С. 132–133.
- Ондар М. В.* Стандарты, отражающие время в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 157–163.
- Рубинштейн Г. А.* О метафорическом представлении отрезков времени в русском языке. 2002. URL: https://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/3rubinstein.original.pdf (дата обращения 02.07.2023).
- Султанова Л. Ю.* Концепт «время» в кумыкской и русской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 156 с.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 232–293.

Чугунецова А. Н. Категория времени в языковой картине мира хакасов и тувинцев (сравнительный аспект) // Вестник СВФУ им. М. К. Амосова. 2019. № 1 (13). С. 50–60.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2017. 434 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: ЯСК, 1994. 345 с.

Bennett D. C. *Spatial and Temporal uses of English Prepositions. An Essay in Stratificational Semantics*. London, 1975. 235 p.

Список словарей

АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.

АРФС – Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск, 2005.

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. Уфа, 2015. Т. 7.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001–2002.

БРС – Башкирско-русский словарь / Под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

КРС – Казахско-русский словарь. Алматы: Дайк-Пресс, 2008.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989.

КиргРС – Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. Т. 1.

ТатРС – Татарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989.

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1.

ТурРС – Большой турецко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1998.

УРС – Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1988.

ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.

Список текстовых источников

Алтай кеп ле укаа сѳстѳр (Алтайские пословицы и поговорки) / Сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010. 268 с.

Бурнаков Ф. Т. Пора тай нанчым. Абакан, 1987. 166 с.

Кокышев Л. В. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980. 495 с.

References

Arutyunova N. D. Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors]. In: Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, pp. 687–695.

Bardamova E. A. Modeli vremeni v buryatskoy yazykovoy kartine mira [Time models in the Buryat language picture of the world]. *Bulletin of Chita State University*. 2008, no. 6(51), pp. 77–82.

Bennett D. C. *Spatial and temporal uses of English prepositions. An essay in stratificational semantics*. London, 1975, 235 p.

Borisova I. Z. K probleme osobennostey fenomena vremeni v yazykovoy kartine mira naroda [To the problem of peculiarities of time phenomenon in the linguistic picture of the world of people]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2012, no. 14, pp. 63–70.

Chugunekova A. N. Kategoriya vremeni v yazykovoy kartine mira khakasov i tuvintsev (sravnitel'nyy aspekt) [The category of time in the linguistic picture of the world of Khakasses and Tuvinians (comparative aspect)]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2019, no. 1 (13), pp. 50–60.

Dudareva Z. M. *Kontrastivnoe issledovanie kontseptual'noy sfery "Vremya" v russkoy i bashkirskoy yazykovykh kartinakh mira* [Contrastive study of the conceptual sphere "Time" in the Russian and Bashkir language pictures of the world]. Dr. philol. sci. diss., Ekaterinburg, 2005, 365 p.

Gurevich A. Ya. Vremya kak problema kul'tury [Time as a cultural problem]. *Voprosy Filosofii*. 1969, no. 3, pp. 105–116.

Katunin D. A. *Vremya v zerkale russkoy yazykovoy metafory* [Time in the mirror of Russian linguistic metaphor]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Tomsk, 2005, 29 p.

Katunin D. A. k voprosu ob opredelenii dvizheniya vremeni v russkoy yazykovoy kartine mira [To the definition of time movement in the Russian linguistic picture of the world]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2007, no. 1 (1), pp. 11–17.

Kuzhuget Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole "prirodnoe vremya" v proze K.-E. K. Kudazhy* [Lexical-semantic field "natural time" in the prose of K.-E. K. Kudazhy]. Cand. philol. sci. diss., Moscow, 2014, 263 p.

Lamazhaa Ch. K. *Ocherki sovremennoy tuvinskoy kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021, 190 p.

Loginova E. G. Modeli kontseptual'noy metafory "prostranstvo–vremya" v semantike angliyskogo yazyka [Models of conceptual metaphor "space–time" in the semantics of the English language]. *Foreign Languages in Tertiary Education*. 2007, no. 5, pp. 61–70.

Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika. Ucheb. posobie* [Cognitive linguistics: textbook]. Minsk, Tetra Systems, 256 p.

Nikolaeva A. M. Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta "vremya" v yakutskom yazyke [Metaphorical Representation of the Concept of Time in the Yakut Language]. In: *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and education in modern society]. Tambov, "Biznes. Nauka. Obschestvo", 2013, pt. 2: Materialy Mezhdunar. NPK [Materials of the International Academic and Practical Conference]. pp. 132–133.

Ondar M. V. Standarty, otrazhayushchie vremya v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [Standards representing time in Tuvan heroic legends]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 1(67), pt. 2, pp. 157–163.

Rubinshtein G. A. *O metaforicheskom predstavlenii otrezkov vremeni v russkom yazyke* [On the metaphorical representation of time segments in Russian]. 2002. URL: https://slaviccenters.duke.edu/uploads/media_items/3rubinsteinstein.original.pdf (accessed 02.07.2023).

Sultanova L. Yu. *Kontsept "vremya" v kumyjskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira* [Concept "time" in the Kumyk and Russian linguistic pictures of the world]. Cand. philol. sci. diss., Makhachkala, 2009, 156 p.

Tenishev E. R. Glagoly dvizheniya v tyurkskikh yazykah [Verbs of motion in Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 232–293.

Yakovleva E. S. *Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)*. Moscow, LRC Publishing House, 1994, 345 p.

Yusha Zh. M. *Folklore and ritual of the Tuvinians of China in the early 21st century: structure, semantics, pragmatics*. Dr. philol. sci. diss., Novosibirsk, 2017, 434 p.

List of dictionaries

Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2015, vol. 7.

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altai, 2018.

Altaysko-russkiy frazeologicheskiy slovar' [Altai-Russian phraseological dictionary]. Gorno-Altai, 2005.

Bashkirsko-russkiy slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, Digora, Rus. yaz., 1996.

Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001–2002.

Bol'shoy turecko-russkiy slovar' [Great Turkish-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1998.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Türkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969.

Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar' [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Kazakhsko-russkiy slovar' [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, Dayk-Press, 2008.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006.

Kirgizsko-russkiy slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1965, vol. 1.

Tatarsko-russkiy slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1989.

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. 1.

Uzbeksko-russkiy slovar' [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent, 1988.

List of text sources

Altay kep le ukaa söstör [Altai proverbs and sayings]. N. R. Oynotkinova (Comp.). Novosibirsk, 2010, 268 p.

Burnakov F. T. *Pora tay nançym*. Abakan, 1987, 166 p.

Kokyshev L. V. *Altaydyr kystary*. Gorno-Altai, 1980, 495 p.

Информация об авторе

Елена Валерьевна Тюнтешева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID K-6651-2017

RSCI Author ID 108329

Information about author

Elena V. Tyuntешеva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6651-2017
RSCI Author ID 108329

*Статья поступила в редакцию 29.06.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023
The article was submitted on 29.06.2023;
approved after reviewing on 18.07.2023; accepted for publication on 18.07.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/19

Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание

Ахмед Алипашевич Мамедов¹
Елена Александровна Кокоурова²

^{1,2} Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

² lenochka_211@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8058-0735>

Аннотация

Представлены результаты анализа контекстного окружения лексем *страсть* и *прелесть* на широком массиве материала 1800–2020 гг., извлеченного методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Рассмотрены значения данных слов, реализующиеся в конструкциях *страсть* + *к* + *Dat* и *прелесть* + *Gen*. Установлено, что оба этих слова, будучи исторически мотивированными словообразовательно, имеют сематическую близость, связанную с наличием в их значении отрицательных компонентов. В результате выявляется динамика русской языковой картины мира, состоящая в том, что *страсть* с течением времени больше начинает восприниматься как мучение, а в связи с *прелестью* усиливается идея обмана.

Ключевые слова

сочетаемость, языковая картина мира, корпусный анализ, лексическая семантика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика

Для цитирования

Мамедов А. А., Кокоурова Е. А. Изменение сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть*: лингвокультурологическое описание // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 270–281. DOI 10.17223/18137083/84/19

Transformation of the combinability of the lexemes *strast'* and *prelest'*: a cultural linguistic analysis

Akhmed A. Mamedov¹, Elena A. Kokourova²

^{1,2} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ aamamedov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0615-5420>

² lenochka_211@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8058-0735>

Abstract

The paper presents a semantic analysis of the lexemes *strast'* (passion) and *prelest'* (fascination). A large body of material (1800–2020) has been extracted by continuous sampling from

© Мамедов А. А., Кокоурова Е. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 270–281

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 270–281

the National Corpus of the Russian Language. The functioning of the lexical units in question is compared in terms of the Russian world picture transformation in the texts of two periods: 1800–1959 and 1960–2020. The analysis examines the structures *strast'* + *k* + *Dat.* and *prelest'* + *Gen.* These historically derived nouns have been found to have similar semantic features, namely, negative evaluation components. Both periods witness *strast'* being viewed as a subject of action (agent) and a person being perceived as a patient being led by *strast'*. During the first period, *strast'* is conceptualized as a strong feeling that cannot be controlled, while during the second period, it is perceived rather as ultimately insuperable. The semantics of the word *prelest'* in both periods involves the idea of seduction being stronger associated with the physical attraction to women during the second period. A corpus analysis of the most frequent context *prelest' zhizni* has revealed the speakers' attitude to change from the elevated one to ironic and sarcastic. Moreover, within the second period, *prelest'* begins to be perceived as hypocrisy. In summary, the study has revealed that *strast'* came to be understood as torture over time, while *prelest'* was increasingly associated with the concept of deceit.

Keywords

collocation, language world picture, corpus analysis, lexical semantics, cultural linguistics, cognitive linguistics

For citation

Mamedov A. A., Kokourova E. A. Transformation of the combinability of the lexemes *strast'* and *prelest'*: a cultural linguistic analysis. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 270–281. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/19

Предположение о том, что язык и мышление связаны между собой, получило широкое распространение среди лингвистов в XX в. Согласно «принципу лингвистической относительности», люди, которые говорят на одном языке, объединены конкретным мировосприятием, потому что их язык определяет способ видения мира. Воссоздать этот образ окружающей человека действительности, который имеет в виду говорящий во время речевого акта, – значит восстановить языковую картину мира, т. е. «отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Левонтина, 2020, с. 896].

Предпринятый далее анализ этих «представлений о мире» основывается на изучении сочетаемости лексем *страсть* и *прелесть* и выявлении их семантических особенностей, поскольку, как отмечает Ю. Д. Апресян, «значение не дано в тексте в явном виде, поэтому, если мы хотим найти объективную процедуру установления и классификации значений, мы должны опираться на такие свойства текста, которые даны нам в прямом наблюдении и достаточно полно отражают интересующие нас, но скрытые от прямого наблюдения семантические свойства» [1967, с. 23–24].

Выбор лексической пары *страсть* и *прелесть* обусловлен установленной на этапе предварительного анализа семантической близостью этих слов, а также конструктивной ограниченностью рассматриваемых значений (см. представленный ниже анализ словарных дефиниций). По мысли В. М. Шаклеина, язык является «средством интерпретации человеческой культуры, ментальности народа» [2012, с. 5], следовательно, выявление изменений в сочетаемости данных слов позволит обнаружить трансформацию обозначаемых ими понятий, а значит, рассмотреть соответствующий фрагмент русской лингвокультуры в динамике.

Для реконструкции языковой картины мира носителей русского языка выбрано два временных промежутка:

1) 1800–1959 гг. – современный (в широком смысле) русский литературный язык, т. е. начиная с языка времени А. С. Пушкина;

2) 1960–2020 гг. – современный (в узком смысле) русский литературный язык, т. е. язык второй половины XX в. (одного поколения).

Для анализа семантики лексем из Национального корпуса русского языка взято 5 256 контекстов, содержащих слова *страсть* и *прелесть* в следующих синтаксических конструкциях: в «левом» окружении исследуемой лексемы присутствуют согласованные со словом *страсть* / *прелесть* прилагательные и причастия, а также координируемые с ним личные формы глаголов, а в «правом» окружении – слово в дательном или родительном падеже в зависимости от анализируемой лексемы:

а) *Adj* / *V* + *страсть* + *к* + *Dat*;

б) *Adj* / *V* + *прелесть* + *Gen*.

Отметим, что в данном случае анализируемые слова, согласно МАС, реализуются во втором своем лексическом значении:

‘**Страсть 2.** Сильная увлеченность чем-либо¹, отдача всех своих душевных сил какому-либо делу, занятию; страстность, пыл. – [*Вронский*] не только не скучает, но он со страстью занимается. || **Сильное влечение к чему-либо, пристрастие к какому-либо** делу, занятию. *Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречит.* || О том, что является предметом **сильного увлечения**, постоянной склонности. – *А вы занимаетесь химией? Это моя страсть*’ [МАС 2, 1984, с. 282];

‘**Прелесть 2.** Чего. **Привлекательность**, привлекательная сторона чего-либо. *Для меня путешествие имеет еще пока не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаний.* || *мн. ч. (прелести, -ей).* **Приятные**, привлекательные явления, особенности чего-либо. *Прелести деревенской жизни*’ [МАС 4, 1999, с. 378].

В ходе исследования этимологии и истории лексем *страсть* и *прелесть* было установлено, что слово *страсть* связано со *страдать*, а лексема *прелесть* исторически образована префиксальным способом с помощью приставки *пре-* путем присоединения к слову *лесть*:

‘**Страсть 1**, укр. *страсть*, чеш. *strast* ‘горе, страдание, печаль’. Во всяком случае, связано со *страдать* из **strad-tь*’ [Фасмер, 1987, с. 771];

‘**Прелесть, прелестный**, стар. знач. прельщающий, обманный (ср. *речи прелестные*). От *пере-, пре-* и *лесть*’ [Там же, с. 358].

Таким образом, слова *страсть* и *прелесть* исторически мотивированы словообразовательно, а значит, можно предположить, что они сохраняют в своем значении компоненты лексического значения их производящих слов, т. е. глагола *страдать* и существительного *лесть*. Для того чтобы проверить это, обратимся к различным историческим словарям.

Протоиерей Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» (1899 г.) и В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866 гг.) дают следующие определения лексем:

¹ Здесь и далее в толкованиях, контекстах и цитатах все подчеркивания и иные графические выделения принадлежат нам.

‘**Страсть** – сильное желание чего-либо запрещенного; **страдание, мучение**; страсть, сильное желание; болезнь’ [Дьяченко, 1993, с. 671];

‘**Прелесть** – что обольщает в высшей мере; **обольщение, обаяние**; морока, обман, соблазн, совращение от злого духа; *стар.* хитрость, коварство, лукавство; красота; что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю’ [Даль, 1907, с. 1025].

Теперь обратимся к «Русскому толковому словарю» В. В. и Л. Е. Лопатиных, где лексемы *страсть* и *прелесть* истолкованы следующим образом:

‘**Страсть**:

1. Сильно выраженное чувство; крайнее увлечение. *Страсти разгорелись*;

2. Предмет сильного увлечения, постоянной склонности. *Книги – моя страсть*;

3. Сильная любовь с преобладанием чувственного влечения. *Воспылать страстью к кому-нибудь*;

4. Страх (во 2 знач.), ужас (во 2 знач.) (*разг.*). *Рассказывать про всякие страсти*’ [Лопатин, Лопатина, 1998, с. 680];

‘**Прелесть**:

1. «**Очарование, обаяние**, привлекательность. *Прелесть улыбки*;

2. *Мн.* Приятные, привлекательные явления, впечатления. *Прелести деревенской жизни*;

3. О ком-чем-нибудь прелестном, чарующем. *Какая здесь прелесть*’ [Там же, с. 503].

Анализ словарных дефиниций показывает, что лексическое значение исследуемых лексем изменилось, однако негативный компонент в их семантике сохранился, что видно в контекстах, относящихся к периоду современного русского языка. У лексемы *страсть* сохранились компоненты ‘страдание’ и ‘мучение’ (хотя они больше не фиксируются в дефинициях исследуемого слова в современных толковых словарях), а у лексемы *прелесть* – ‘обман’ и ‘соблазн’. Кроме того, наличие отрицательных компонентов в значениях обоих слов указывает на их семантическую близость.

Обратимся далее к исследованию семантики слова *страсть*. В ходе анализа были выявлены самые употребляемые существительные в «правом» окружении лексемы *страсть* (табл. 1) и самые употребляемые слова в «левом» окружении этой лексемы (табл. 2).

В ходе исследования было выявлено, что в обоих периодах *страсть* представляется носителями русского языка как субъект действия (агенса), а человек – как пациент, управляемый *страстью*. Это чувство в первый период такое сильное, что его нельзя держать под контролем, во второй период оно больше воспринимается как непобедимое в принципе (появляется семантика непобедимости). Помимо этого, *страсть* может появляться у людей разными способами (*родилась, возникла, появилась, развилась, просыпается, образовалась* и т. д.):

(1) *Некоторые мучимы неодолимою страстью к чувственным наслаждениям, которым бесстыдно предаются у всех на виду* (Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928));

(2) Внезапно **проснувшаяся страсть к рисованию** вычерчивала ее тонкую, чистую, беспокойную натуру (Д. С. Филиппов. Галерная улица // «Волга», 2013).

Таблица 1

Самые употребляемые существительные
в «правом» окружении слова *страсть*

Table 1

The most frequently used nouns
in the “right” context of the word *strast'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Существительное	Количество употреблений	Существительное	Количество употреблений
<i>игра</i>	56	<i>путешествие</i>	28
<i>охота</i>	42	<i>игра</i>	18
<i>театр</i>	32	<i>жизнь</i>	13
<i>женщина</i>	32	<i>нажива</i>	13
<i>чтение</i>	30	<i>деньги</i>	13
<i>путешествие</i>	27	<i>женщина</i>	13
<i>искусство</i>	24	<i>коллекционирование</i>	11
<i>наука</i>	19	<i>чтение</i>	11
<i>музыка</i>	19	<i>наука</i>	11
<i>карты</i>	19	<i>разрушение</i>	11

Таблица 2

Самые употребляемые слова
в «левом» окружении лексемы *страсть*

Table 2

The most frequently used words
in the “left” context of the lexeme *strast'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений
<i>несчастная</i>	16	<i>неуёмная</i>	12
<i>неудержимая</i>	13	<i>патологическая</i>	8
<i>особенная</i>	12	<i>общая</i>	7
<i>сильная</i>	11	<i>тайная</i>	7
<i>пламенная</i>	11	<i>пламенная</i>	7
<i>непреодолимая</i>	10	<i>болезненная</i>	7
<i>благородная</i>	9	<i>воспылать</i>	5
<i>безумная</i>	8	<i>давняя</i>	5
<i>врождённая</i>	8	<i>неистребимая</i>	4
<i>пагубная</i>	8	<i>всепоглощающая</i>	4

В обоих периодах чаще всего неприятности приносила *страсть* к людям, развлечениям, деструктивным процессам, алкоголю и наркотикам. Стоит отметить, что в первом периоде *страсть* к людям воспринималась довольно неоднозначно. С одной стороны, она оценивалась положительно (*нежная, романтическая страсть к + Dat*), но с другой стороны – крайне отрицательно (*греховная, жестокая, пагубная, злополучная, роковая, проклятая и т. д. страсть к + Dat*). Во втором же периоде *страсть* к людям начинает осознаваться гораздо негативнее, чем в предыдущий период. Для характеристики *страсти* часто используются слова с негативной семантикой (*пагубная, патологическая, роковая* и т. п.), она больше начинает восприниматься как грех (*греховная, грешная*), и ее невозможно *укротить*. При этом утверждается, что *страсть* к женщине – самая слабая из всех возможных:

(3) *Наполеон, еще будучи женихом, воспылил нежною страстью к Марии Луизе и, став мужем, окружил ее заботою, ласкою, любовью и роскошью* (П. И. Ковалевский. Наполеон I и его гений (1900–1910));

(4) *Однако неукротимая страсть к женщине болезнью все еще почему-то не считается* (Александр Мелихов, Андрей Столяров. Небесное и земное // «Октябрь», 2001).

В обоих периодах *страсть* часто ассоциировалась и сравнивалась с пламенем и огнем. Она могла быть *возгоревшеюся, вспыхнувшей, пылающей, пламенной*, ею можно было *пылать, гореть*. Больше всего такая *страсть* была направлена на людей (причем количество таких употреблений в процентном соотношении выросло (было 23, стало 30 %)), а также в небольшом количестве на искусство (в частности на литературу). Также *страсть* в обоих периодах ассоциируется с неизлечимой болезнью, которой можно заразиться:

(5) *Счастье мое, что она еще до сих пор не знает о моей пламенной страсти к Соне Никитенко!..* (Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1893));

(6) *Как показало социологическое обследование, проведенное в США, те, кто живет в радиусе до 10 миль (16 километров) от казино, заболевают патологической страстью к игре вдвое чаще, чем жители домов, находящихся дальше этого предела* (Кунсткамера // «Наука и жизнь», 2006).

Во втором периоде усиливается негативная оценка *страсти* к деньгам. Теперь она воспринимается сильнее самого «владельца» *страсти*, и ради ее удовлетворения человек начинает терпеть неудобства:

(7) – *Если б не моя чудовищная алчность и жажда наживы, я бы послала вас к черту вместе с вашим кандидатом. Но страсть к деньгам сильнее меня. Поэтому я постараюсь взять себя в руки и начать работать на него* (Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)).

Во втором периоде *страсти* приписывается время ее существования – она может быть старой (*давняя, былая, тогдашняя*) либо постоянной (*всегдашняя, перманентная, извечная*), при этом она сопровождает человека на протяжении всей его жизни:

(8) *В последнее время жена требовала к себе больше внимания, хотя его былая страсть к ней улеглась, отношения вошли в то тихое русло,*

плавание по которому всякая начинающая стареть женщина воспринимает на первых порах как трагедию (Леонид Юзефович. Князь ветра (2001)).

Самой сильной всегда считалась *страсть* к игре, а во втором периоде отмечилось, что она сильнее даже сексуальной *страсти* к человеку и наркотикам. От нее невозможно избавиться (*неистребимая страсть*), а также ее называют *патологической, болезненной, глупой, маниакальной*:

(9) *Эта страсть посильнее даже наркотиков. Не зря еще Пушкин говорил, что **страсть к игре** – самая сильная из страстей. Сильнее даже страсти сексуальной* (Анатолий Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // «Звезда», 2002).

Кроме этого, *страсть* могла и убивать людей (*отравлен страстью к + Dat, погубила, загубила, губит убийственная, пагубная страсть к + Dat*):

(10) *Наконец скажу яснее: их **губит** **неодолимая страсть к загородным прогулкам*** (И. А. Гончаров. Лихая болезнь (1838));

(11) *У отца была **пагубная страсть к огнестрельному оружию*** (И. Меттер. Пятый угол (1967)).

Теперь обратимся к исследованию семантики слова *прелесть*. В ходе анализа были выявлены самые употребляемые существительные в «правом» окружении лексемы *прелесть* (табл. 3) и самые употребляемые слова в «левом» окружении этой лексемы (табл. 4).

Таблица 3

Самые употребляемые существительные
в «правом» окружении слова *прелесть*

Table 3

The most frequently used nouns
in the “right” context of the word *prelest*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Существительное	Количество употреблений	Существительное	Количество употреблений
<i>жизнь</i>	151	<i>жизнь</i>	83
<i>природа</i>	48	<i>мир</i>	10
<i>новизна</i>	37	<i>природа</i>	10
<i>мир</i>	33	<i>пейзаж</i>	9
<i>ночь</i>	26	<i>игра</i>	7
<i>красота</i>	19	<i>любовь</i>	6
<i>лицо</i>	19	<i>бытие</i>	6
<i>стих</i>	18	<i>цветок</i>	6
<i>женщина</i>	16	<i>отдых</i>	5
<i>путешествие</i>	15	<i>женщина</i>	5

Таблица 4

Самые употребляемые слова
в «левом» окружении лексемы *прелесть*

Table 4

The most frequently used words
in the “left” context of the lexeme *prelest'*

Контексты 1800–1959 гг.		Контексты 1960–2020 гг.	
Слово	Количество употреблений	Слово	Количество употреблений
<i>главная</i>	37	<i>прочие</i>	18
<i>особая</i>	15	<i>особая</i>	12
<i>своеобразная</i>	10	<i>главная</i>	12
<i>чарующая</i>	8	<i>неповторимая</i>	6
<i>нежная</i>	8	<i>познать</i>	4
<i>поэтическая</i>	8	<i>неизъяснимая</i>	3
<i>испытать</i>	8	<i>своеобразная</i>	3
<i>невыразимая</i>	8	<i>другая</i>	3
<i>таинственная</i>	8	<i>основная</i>	3
<i>особенная</i>	6	<i>живая</i>	3

В семантике слова *прелесть* в обоих периодах есть идея *соблазна*, который в 1960–2020 гг. начинает сильнее ассоциироваться с грехом (в частности с физическим влечением к женщинам). Такая *прелесть* *интимная, соблазнительная, обнажённая, обольстительная, нескромная, порочная* и т. д. Также в контекстах обоих периодов есть компонент ‘очарование’. Люди *увлекаются и заманиваются* ею, она *чарующая, пленительная, соблазнительная, манящая*. Такие характеристики встречаются преимущественно при описании *прелестей* женщин (мужчин – нет) и любовных взаимоотношений:

(12) *Помнил я также слова Лактанция Фирмиана, уверяющего, что иногда ангелы-хранители **соблазняются прелестью тех девушек**, души которых они должны бы оберегать от греха* (В. Я. Брюсов. Огненный ангел (1908));

(13) *«Раскрываешь наугад любую страницу и **очаровываешься прелестью красок и теплотой содержания**»* (К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)).

Прелесть воспринимается как объект, который может *исчезнуть, утратиться, потеряться*. Ее пытаются *познать, описать* (*неописанная, необъяснимая, непонятная, невыразимая* и т. д.). Только в отличие от прошлого периода она уже может быть познанной, т. е. *обнаруженной, изведанной, оценённой*:

(14) *Светская жизнь **утратила прелесть новизны**, а с сердечными делами обстояло тогда неважно: шансов на успех у меня не было – я это сознавал отчетливо* (А. А. Татищев. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921) (1928));

(15) *В годы хрущевских реформ советские женщины уже **познали прелесть французской парфюмерии*** (Н. Б. Лебина (Мужчина и женщина: Тепло, мода, культура. СССР – оттепель (2014)).

Одним из самых употребляемых контекстов стал *прелесть жизни*. Жизнь носители русского языка в первый период воспринимали положительно: называли ее *многогранной, многообразной и многокрасочной, мирной, непередаваемой и своеобразной*, они *наслаждались и очаровывались* ею. Со временем отношение изменилось, и она уже не воспринимается так возвышенно, а даже наоборот: в данный период контекст *прелесть жизни* стал употребляться в противоположном, ироничном и саркастическом значении, приобретая явно негативную окраску и оценку, и в таких случаях лексема *прелесть* нередко использовалась в кавычках. Ценность жизни в данный период состоит не в ее многогранности и неповторимости, а в свободе, воле и отсутствии каких-либо ограничений:

(16) *И потому-то мне, несмотря на всю **очаровательную прелесть их жизни**, мне больше нравится простых людей семейный [быт], таких, например, как мои соседи* (Т. Г. Шевченко. Художник (1856));

(17) *Еще одна «**прелесть**» местной **жизни** – невероятно громоздкая по меркам объединенной Европы процедура «прописки»* (Игорь Постнов. Искусство жить в Монако // «Формула», 2001.02.15).

В обоих периодах *прелести* приписывается возраст, время и период ее существования. Она может быть *свежей, старческой, бесконечной, осенней, юной* и т. д.:

(18) *Я отправился в университет пешком, потому что так и здоровее, и дешевле, и приятнее – приятнее потому, что из всех **зимних прелестей нашей природы** я больше всего люблю вьюгу, а летом грозу* (А. В. Никитенко. Дневник (1854));

(19) *Жаловаться не на что: платье выглядело достойным обрамлением **юной прелести его дочурки**, его единственной и ненаглядной...* (Георгий Полонский. Роль в сказке для взрослых, или «Таланты и Полковники» (1970–1980)).

Одним из самых больших отличий является то, что в период 1800–1959 гг. описываемый предмет в контекстах, как правило, содержит в себе несколько *прелестей*, и из этого перечня выделяется та, которая наиболее приятна говорящему и больше всего очаровывает его (*главная прелесть*), а в контекстах периода 1960–2020 гг. объект или предмет, который содержит в себе какую-то *прелесть*, воспринимается дробным, разделенным на части – *прелести*. Поэтому *прелесть* могла быть *прочей, особой, главной, другой, основной, дополнительной и остальной*:

(20) *Ее обгоняли шикарные пары собственных экипажей на резинах, по тротуарам спешила толпа, в которой не было заметно ни одного военного, ни одного чиновника, и я сразу почувствовал, что в этой возможности жить среди людей, не будучи замеченным, и заключалась **главная прелесть Парижа*** (А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947–1953));

(21) *Ну сколько еще в самом деле можно эксплуатировать ностальгию по СССР, бесплатной медицине и **прочим прелестям социализма?*** (Валерий Выжutowич. Переходящее красное знамя // «Московские новости», 2003).

Отдельно стоит сказать о встретившихся случаях употребления лексемы *прелесть* в форме множественного числа (см. примеры 18 и 21). Общеизвестным фактом является то, что абстрактные существительные, обозначающие признак предмета или действия, в форме множественного числа приобретают конкретное значение: «Изоляция признакового слова от носителя признака <...> делает свойство отдельным предметом мысли, что создает условия для дальнейшего опредмечивания. <...> в подобных случаях деадъектив выходит из сферы синтаксической деривации: теперь он обозначает не признак предмета / действия и не признак как таковой, а **предмет, обладающий признаком**, – точно так же, как и другие отадъективные существительные (ср.: *глупец* – глупый человек; наговорил *глупостей* – наговорил глупых слов)» [Гашлыкова, 2013, с. 60].

В 1960–2020 гг. *прелесть* начинает восприниматься как фальшь. Она становится *фальшивой, обманчивой, сомнительной и льстивой*. В этот же период появляется сравнение *прелести* с цветами. Она может быть *неувядающей, цветущей и пахучей*:

(22) *Всё остальное может повториться (со всей яркостью) обманчивой прелестью миража* (А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012));

(23) *То, что элегантный и серьезный постоялец не остался равнодушным к цветущей прелести дочери, с которой вместе работал, а вечерами чаевничал под семейным абажуром* (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)).

Анализ показывает, что изменилось и отношение к искусству. Больше стали цениться не его невыразимость, своеобразие и возвышенность, а подлинность, неповторимость. Положительным осталось отношение к природе, *прелесть* которой *обволакивает* людей, а они, в свою очередь, *любуются* ее сказочной красотой:

(24) *И разве не мастерское выражение индивидуального видения составляет подлинную прелесть фотоискусства?..* (Сергей Дауговиш. О времени в фотографии // «Родник», 1989);

(25) *Можно просто гулять по окрестностям, любуясь прелестью северной природы, роскошными буковыми лесами, дремлющими равнинными реками, мягкими холмами, белым песком на морском берегу, и открывать для себя памятники скандинавской древности* (Королевство сказок // «Туризм и образование», 2000.06.15).

Таким образом, анализ контекстов показывает, что, несмотря на изменение лексических значений слов *страсть* и *прелесть*, негативный компонент в их семантике действительно сохраняется – у лексемы *страсть* сохранились компоненты ‘страдание’ и ‘мучение’, и эта негативная семантика явно преобладает в языке, а у лексемы *прелесть* сохранились компоненты ‘обман’ и ‘соблазн’, но и к тому же увеличилась ассоциация с грехом, пороком и появился компонент, отсылающий к идее физического влечения к женщинам.

Кроме того, полученные данные подтверждают результаты исследований русской языковой картины мира (см., например, [Зализняк и др., 2005]). Так, восприятие *страсти* как агенса, который подчиняет человека своей воле, демонстрирует одну из ключевых идей о непредсказуемости мира. Человек, ссылаясь на овладение им *страсти*, может снимать с себя ответственность за свои поступки, так как он якобы действует не по своей воле, а по воле управляющей им *страсти*. Помимо этого, как отмечается в [Зализняк и др., 2005], единственный вид удовольст-

вия, который не осуждается носителями русского языка, – это эстетическое наслаждение, выраженное в глаголе *любоваться*. Анализ контекстов показал, что, например, *любование прелестями природы* действительно воспринимается русскоговорящими людьми положительно.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1907. Т. 3. 1782 с.
- Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Изд. отдел Московского патриархата, 1993. 1120 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: ЯСК, 2005. 544 с.
- Левонтина И. Б. Языковая картина мира // Русский язык: энциклопедия / Под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 896–898.
- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 832 с.
- МАС 2 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4. 794 с.
- МАС 4 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 3. 752 с.
- Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
- Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.

References

- Apresyanyan Yu. D. *Ekspierimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental research of Russian verbal semantics]. Moscow, Nauka, 1967, 251 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols]. I. A. Boduen-de-Kurtene (Ed.). 3rd ed., rev. and enl. St. Petersburg, Moscow, 1907, vol. 3, 1782 p.
- D'yachenko G. *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar'* [Full Church Slavonic dictionary]. Moscow, Izd. otd. Moskovskogo patriarkhata, 1993, 1120 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German and compl.). 2nd ed., Moscow, Progress, 1987, vol. 3, 832 p.
- Levontina I. B. *Yazykovaya kartina mira* [Language world picture]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. A. M. Moldovan (Ed.). Moscow, AST-PRESS SHKOLA, 2020, pp. 896–898.
- Lopatin V. V., Lopatina L. E. *Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian explanatory dictionary]. 5th ed., stereot., Moscow, Rus. yaz., 1998, 832 p.

Shaklein V. M. *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii* [Cultural linguistics: traditions and innovations]. Moscow, Flinta, 2012, 301 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Russian language dictionary: In 4 vols.]. 2nd ed., rev. and enl., A. P. Evgen'eva (Ed.), Moscow, Rus. yaz., 1984, vol. 4, 794 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Russian language dictionary: In 4 vols.]. 4th ed., ster., A. P. Evgen'eva (Ed.), Moscow, Rus. yaz., 1999, vol. 3, 752 p.

Tashlykova M. B. *Semanticheskie etyudy o "sintaksicheskoy derivatsii"* [Semantic sketches about the "syntactic derivation"]. Irkutsk, ISU, 2013, 277 p.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key concepts of the Russian language World Picture]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 544 p.

Информация об авторах

Ахмед Алипашевич Мамедов, кандидат филологических наук, декан факультета теоретической и прикладной филологии, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Елена Александровна Кокоурова, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the authors

Akhmed A. Mamedov, Candidate of Philology, Dean, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Assistant Professor, Russian Language and General Linguistics Department, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elena A. Kokourova, Master's Student, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 03.03.2023
The article was submitted on 10.02.2023;
approved after reviewing on 03.03.2023; accepted for publication on 03.03.2023*

Научная статья

УДК 811.511.151, 81'37

DOI 10.17223/18137083/84/20

Семантические функции сложных глагольных комплексов в горномарийском языке

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

egorka1988@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3044-0851>

Аннотация

Рассматривается семантика сложных глагольных комплексов, состоящих из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола, в горномарийском языке, относящемся к уральской семье. Данные собраны методом анкетирования носителей, путем анализа текстов, записанных в полевых условиях, а также при обращении к опубликованным источникам. Показано, что грамматикализованные глаголы в этих конструкциях часто выполняют функцию снятия акциональной неоднозначности либо введения предельности в предикацию. Употребление сложных глагольных комплексов объяснено в рамках скалярного подхода: они указывают, что тот или иной параметр ситуации принимает на соответствующей шкале значение выше нейтрального либо максимальное значение. Обсуждаются типологические параллели к горномарийскому материалу, наблюдаемые в алтайских языках.

Ключевые слова

уральские языки, горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, акциональность, шкалы, семантика

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285, выполняемого в МГУ имени М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00285>

Для цитирования

Кашкин Е. В. Семантические функции сложных глагольных комплексов в горномарийском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 282–298. DOI 10.17223/18137083/84/20

© Кашкин Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 282–298

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 282–298

Semantic functions of complex verb constructions in the Hill Mari language

Egor V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

egorka1988@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3044-0851>

Abstract

The paper focuses on the semantics of complex verb constructions in Hill Mari (< Uralic) comprising a converb of a lexical verb and a grammaticalized verb. The data were collected using a questionnaire, analyzing field recordings, and referring to published sources. Although semantic properties and combinational constraints of some of the constructions in question have been previously described, the question of whether complex verb constructions in Hill Mari have any invariant functions has yet to be addressed. First, the author considers the actional properties of these constructions and shows the tendency for grammaticalized verbs to specify the telic meaning of a predicate. Sometimes they can add telic meaning to constructions with atelic lexical verbs or attach to unambiguously telic verbs. Second, the use of complex verb constructions is analyzed in terms of the scalar approach adopted for units expressing a certain degree of some semantic parameter (adjectives, prefixes, and other verbal modifiers). In Hill Mari, complex verb constructions indicate that a particular situation parameter (quantity of some resource, affectedness of a participant, speed, and frequency) has a value higher than the standard or maximal value on some related scale. A similar analysis can account for the meaning of unexpectedness conveyed by some constructions in question: different alternatives can be ordered as more expected or less expected for the speaker. Also, some typological parallels coming from the Altaic languages are discussed, with some of them supposed to have triggered the development of complex verb constructions in Hill Mari due to language contact.

Keywords

Uralic languages, Hill Mari, complex verbs, actionality, scales, semantics

Acknowledgments

The research is supported by the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00285 conducted at Lomonosov Moscow State University), <https://rscf.ru/en/project/22-18-00285>

For citation

Kashkin E. V. Semantic functions of complex verb constructions in the Hill Mari language. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 282–298. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/20

Введение

В статье рассматриваются свойства сложных глагольных комплексов в горномарийском языке, относящемся к уральской семье. Такие конструкции состоят из деепричастия на *-n* (*-ən*, *-ən̄*, *-en*) лексического глагола¹ и из грамматикализованного глагола. Конструкция в (1) включает деепричастие лексического глагола *amalaš* ‘спать’ и форму претерита грамматикализованного глагола *keäš* ‘идти,

¹ Лексические глаголы некоторых морфологических классов используются в этих конструкциях в форме деепричастия с нулевым показателем.

уходить'. Сложные глагольные комплексы характеризуются морфосинтаксической слитностью, ср. невозможность вставки наречия между компонентами конструкции в (2); см. также [Чхаидзе, 1960, с. 24–26; Bradley, 2016, р. 36–40, 80–81].

(1) *mǎn'* *amal-en* *ke-n-ǎm*.

я спать-CVB уходить-PRET-1SG
'Я заснул'.

(2) а. *lǎm* *jǎle* *šǎl-en* *ke-n*.

снег скоро таять-CVB уходить-PRET²

б. **lǎm* *šǎl-en* *jǎle* *ke-n*.

снег таять-CVB скоро уходить-PRET

'Снег вскоре растаял'.

Количество грамматикализованных глаголов, которые употребляются в рассматриваемых конструкциях в марийских языках, варьируется в предшествующих работах (в том числе в зависимости от семантики единиц, релевантных для конкретного описания), ср. 18 глаголов в [Серебренников, 1960, с. 190–199], 31 глагол в [Современный марийский язык, 1961, с. 202–216], 66 глаголов в [Bradley, 2016, р. 130–255]. Они имеют различные ограничения на сочетаемость с лексическими глаголами и привносят разные семантические оттенки.

Предыдущие исследования сложных глагольных комплексов можно в основном разделить на два класса. В одном классе работ приводится обширный список глаголов, подвергающихся грамматикализации, и дается краткая справка о каждом (см., например, [Серебренников, 1960, с. 190–199; Современный марийский язык, 1961, с. 202–216]). Работы другого класса представляют детальное исследование конструкций с одним грамматикализованным глаголом или с двумя-тремя глаголами, близкими по значению (см., например, [Голосов, 2018; Кашкин, 2017; 2018а; 2018б]).

За рамками указанных работ остается развернутый анализ того, есть ли у сложных глагольных комплексов инвариантные (или, по крайней мере, регулярно повторяющиеся) семантические функции. В [Серебренников, 1960, с. 190] кратко упомянута общая функция «выражения совершенности действия», наряду с тем, что глагол может сохранять какие-либо семантические компоненты, имевшиеся в его исходном значении. Согласно [Bradley, 2016, р. 260], грамматикализованные предикаты вносят различные значения аспектуальной зоны, а также могут выступать как модификаторы с бенефактивной, модальной, темпоральной семантикой. О наличии или отсутствии более общих функций речь не идет.

Именно вопрос о наличии у сложных глагольных комплексов общих функций является центральным в данной статье. Сосредоточившись на анализе акциональных модификаторов, мы проанализируем, во-первых, их собственно акциональные свойства; во-вторых, их системные семантические особенности с опорой на скалярный подход.

Материал собран в 2016–2019 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях³. Применялся метод анкетирования носителей (перевод предложений с русского, оцен-

² Формы деепричастия на *-n* и претерита 3 л. ед. ч. в горномарийском языке омонимичны. Другие формы претерита имеют ненулевые лично-числовые показатели.

³ Информация о проекте доступна на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws/>.

ка грамматичности и интерпретация горномарийских предложений). Также использовался экспедиционный корпус устных текстов, доступный на сайте проекта.

Примеры, записанные при анкетировании, приводятся в фонологической транскрипции без специальных помет. Корпусные примеры, также записанные в фонологической транскрипции, сопровождаются пометой «Корпус». При цитировании примеров сохраняется система записи источника. Примеры сопровождаются поморфемным глоссированием. Переводы глаголов на русский язык даются единообразно в форме несовершенного вида.

Наиболее подробно мы проанализировали 11 глаголов, подвергающихся грамматикализации: *šənzäš* ‘сидиться’, *šəndäš* ‘сажать’, *šalgaš* ‘стоять’, *šagalaš* ‘вставать’, *šuaš* ‘бросать (о единичном броске)’, *kəškəš* ‘бросать (о множественных бросках)’, *koltaš* ‘посылать’, *keäš* ‘идти, уходить’, *šoäš* ‘достигать’, *näläš* ‘брать’, *anžäš* ‘смотреть’. Для этих глаголов подробно изучалась сочетаемость с лексическими глаголами различных морфосинтаксических, акциональных и семантических классов (несколько десятков глаголов в зависимости от конструкции). Отдельные наблюдения касаются и конструкций с другими глаголами: такие данные имеются в наших записях либо получены из опубликованных источников.

1. Снятие акциональной неоднозначности

Акциональность понимается в статье, вслед за [Татевосов, 2016, с. 9] и другими работами того же автора, как «семантическое свойство глагольного предиката, которое характеризует его в таких терминах, как стативность / динамичность, предельность / неопредельность, пунктивность».

В горномарийском языке распространены глаголы слабо предельного акционального класса (<ES P; P> по [Татевосов, 2016]), ср. описание схожей акциональной системы лугового марийского языка в [Татевосов, 2016, с. 168–276]. У таких глаголов форма претерита допускает как предельную, так и неопредельную интерпретацию, см. возможные интерпретации предложения (3).

- (3) *ərvezäš kārək-əš kuz-en.*
мальчик гора-ILL подниматься-PRET
‘Мальчик поднимался / поднялся на горку’.

Для большинства сложных глагольных комплексов типична предельная интерпретация. Тем самым при употреблении в такой конструкции слабо предельного лексического глагола снимается акциональная неоднозначность – конструкция однозначно получает предельную интерпретацию, ср. пары примеров в (4), (5).

- (4) a. *ləm šəl-en.*
снег таять-PRET
‘Снег растаял / таял’.
- b. *ləm šəl-en ke-n.*
снег таять-CVB уходить-PRET
‘Снег растаял / *таял’.
- (5) a. *vas'a kal'avongə-m pog-en.*
Вася гриб-ACC собирать-PRET
‘Вася собрал / собирал грибы’.

b.	<i>vas'a</i>	<i>kal'avongâ-m</i>	<i>pog-en</i>	<i>šänd-en.</i>
	Вася	гриб-ACC	собирать-CVB	сажать-PRET
	‘Вася собрал / *собирал грибы’.			

В нашей выборке глаголов неопределённую интерпретацию в сложных глагольных комплексах привносит только глагол *šalgaš* ‘стоять’. Он используется в конструкциях с хабитуальной семантикой (6), см. их более подробное обсуждение в следующем разделе.

(6)	<i>cerkâ</i>	<i>vaštareš</i>	<i>kredäl-än-ät</i>	<i>gän'=ät,</i>	<i>no</i>
	церковь	против	драться-PRET-3PL	если=ADD	но
	<i>mäm-nä-n</i>		<i>cerkâ</i>	<i>so</i>	<i>služba-m</i>
	мы-POSS.1PL-GEN		церковь	всегда	служба-ACC
	<i>ert-är-en</i>		<i>šalg-en.</i>		
	проходить-CAUS-CVB		стоять-PRET		
	‘Хотя против церкви боролись, но наша церковь службу всегда проводила’.				
	(Корпус)				

В выборке из 66 глаголов лугового марийского и горномарийского языков, рассмотренной в [Bradley, 2016], исключения из общей предельной модели также немногочисленны. Неопределённая интерпретация зафиксирована у конструкций с позиционными предикатами (как ‘лежать’ – *kijaš* в луговом марийском и *kiäš* в горномарийском; ‘сидеть’ – соответственно *šin'č'aš* и *šänzäš*⁴), а также у глагола со значением ‘жить’ (*ilaš* / *äläš*). В исследуемом нами идиоме употребление в сложных глагольных комплексах для перечисленных лексем нехарактерно. Помимо этого, в [Bradley, 2016, p. 276–278] выделяется итеративное значение у конструкций с глаголами *optaš*⁵ ‘класть, лить, сыпать’ и *saβârnaš* / *särnäš* ‘вращаться’, дуративное значение у конструкций с глаголом *koštaš* / *kaštaš* ‘ходить’. В исследуемом нами идиоме сложные глагольные комплексы с этими лексемами нам не встретились. Кроме того, из данных, приводимых в цитируемой работе, не очевидно, во всех ли собранных автором коллокациях представлены сложные глагольные комплексы, а не сочетания двух однозначных глаголов.

В рассматриваемых конструкциях возможны лексические глаголы не только слабого предельного, но и других акциональных классов. В некоторых случаях употребление сложного глагольного комплекса привносит семантику предельности, которая не могла бы быть выражена самим лексическим глаголом. Например, глагол *amalaš* ‘спать’ является стативным (<S; S> по С. Г. Татевосову [2016]) и без дополнительных модификаторов совместим только с неопределённой интерпретацией (7). В свою очередь, различные типы предельных ситуаций могут быть переданы сложными глагольными комплексами, ср. (8).

⁴ В нашу выборку включен глагол I спряжения *šänzäš* ‘сидиться’. Значение ‘сидеть’ выражается глаголом II спряжения *šänzäš*, имеющим другой набор словоизменительных показателей. В лексикографической практике такие пары, различающиеся типом спряжения, трактуются как омонимы.

⁵ Начальная форма этого глагола одинакова в луговом марийском и в горномарийском. Согласно [Bradley, 2016, p. 201], конструкции с ним обозначают серию действий, каждое из которых доводится до завершения. Не очевидно, является ли это чистым случаем выражения неопределённого значения.

- (7) *ädäräs* *amal-en*.
 девочка спать-PRET
 ‘Девочка спала’.
- (8) *imn'i* *kät-äs* *läkt-än=ät* *iziš*
 лошадь пасти-INF выходить-PRET=ADD немного
vaz-ändal-än, ***amal-en*** ***kej-en***.
 ложиться-ATT-PRET спать-CVB уходить-PRET
 ‘Коней пасти вышел, ненадолго прилег, заснул’. (Корпус)

Аналогично, глагол *jâlaš* ‘гореть’ проявляет свойства неопределенного процесса (<P; P> по С. Г. Татевосову [2016]), и для предельной интерпретации необходима его модификация, в частности употребление сложного глагольного комплекса, ср. (9), (10).

- (9) *pu* *jâl-en*.
 дрова гореть-PRET
 ‘Дрова горели / *сгорели’.
- (10) *pu* ***jâl-en*** ***ke-n***.
 дрова гореть-CVB уходить-PRET
 ‘Дрова сгорели / *горели’.

В некоторых случаях лексические глаголы имеют только предельную интерпретацию, и тогда использование сложного глагольного комплекса не привносит ничего с акциональной точки зрения. Это, в частности, касается лексических глаголов сильного предельного и пунктивного классов (<ES; P> и <ES; → в нотации С. Г. Татевосова [2016]), у которых форма претерита может интерпретироваться только предельно. Иллюстрацией служат сильный предельный глагол *jangâlaš* ‘уставать’ в (11), (12) и пунктивный глагол *šapaš* ‘киснуть’ в (13), (14)⁶.

- (11) *vas'a* *jangâl-en*.
 Вася устать-PRET
 ‘Вася устал / *уставал’.
- (12) *män'* *irok=ok* *päšä-l-äs* *tängäl-än-äm* *dä*
 я утро=EMPH работа-DENOM-INF начинать-PRET-1SG и
vad-eš-eš ***jangâl-en*** ***šänz-än-äm***.
 вечер-LAT-LAT устать-CVB садиться-PRET-1SG
 ‘Я с самого утра начал работать и к вечеру устал’.
- (13) *lem* *šap-en*.
 суп киснуть-PRET
 ‘Суп прокис’.

⁶ Акциональные различия между глаголами типа *jangâlaš* и типа *šapaš* проявляются в форме непрошедшего времени. У глагола *jangâlaš* она может иметь неопределенную интерпретацию с референцией к настоящему (‘устает’), что отражает ярлык P в обозначении класса <ES; P>, а также допускает футуральную референцию (‘устанет’). У глагола *šapaš* допустима только футуральная интерпретация (‘прокиснет’), но не процессная интерпретация в настоящем. Для нашего обсуждения этих глаголов существенно наличие единственно возможной предельной интерпретации у форм претерита.

- (14) *lem šap-en ke-n.*
суп кичнуть-CVB уходить-PRET
'Суп прокис'.

Таким образом, сложные глагольные комплексы в большинстве случаев имеют предельную интерпретацию. В зависимости от акционального класса лексического глагола их употребление может снимать акциональную неоднозначность (наиболее частотная модель для акциональной системы горномарийского языка) или вводить семантику предельности, но иногда дублирует единственно возможную для глагола предельную интерпретацию.

2. Интенсификация и скалярность

2.1. Теоретический подход

Как мы покажем в этом разделе, системным свойством сложных глагольных комплексов является указание на высокое значение признака, релевантного для конкретного типа ситуаций. Для анализа может быть применен скалярный подход, предполагающий описание семантики языковых структур через обращение к понятию шкалы. Под шкалой в общем случае понимается множество объектов, линейно упорядоченных некоторым отношением. В каждом конкретном случае на шкале могут быть упорядочены значения релевантного семантического параметра.

Такой подход широко применялся к анализу некоторых особенностей семантики параметрических прилагательных, проявляющихся и в их дистрибуции, в частности в способности сочетаться с наречиями типа *абсолютно*, *совершенно* и др. (см. [Kennedy, McNally, 2005]). Употребление таких прилагательных предполагает, что различные индивиды обладают признаком в разной степени, а степени проявления признака могут быть упорядочены на шкале. Например, предложение *Учительница добрая* означает, что учительница обладает признаком 'добрый' в степени, соответствующей некоему стандарту. При этом абсолютного максимума или абсолютного минимума проявления этого признака не существует (например, если мы характеризуем человека как доброго, из этого не следует, что он не может вести себя как еще более добрый). Для признака, вводимого прилагательным *полный* в базовом значении, может быть выделена максимальная степень – предельное наполнение контейнера (ср. также контексты *почти полный* или *наполовину полный*, указывающие на недостижение максимальной степени).

В рамках скалярного подхода описывалась и семантика других языковых единиц (см. обзоры в [Татевосов, 2018; Тимофеева, 2019]). Для данной статьи важны пути анализа глагольных модификаторов. Например, в [Kagan, 2015] проанализирована семантика русских глагольных приставок: релевантные семантические признаки представлены путем введения шкалы, на которой расположены степени их проявления. Согласно [Kagan, 2015, p. 101–103], употребление приставки *под-* в контекстах типа *Белье подсохло* или *Мальчик подрос* предполагает, что степень проявления релевантного для ситуации параметра (в приведенных примерах – увлажненности белья или роста мальчика) изменяется на некоторую величину и в точке завершения достигает величины, меньшей по сравнению с ожидаемой (ср. *Белье высохло*; *Мальчик вырос*). Семантический вклад приставки *из-* (*ис-*) в таких контекстах, как *Лена исписала блокнот*, состоит в том, что при осуществлении ситуации (в данном случае 'писать') увеличивается степень вовлеченности в нее объекта (в данном случае блокнота), и в момент завершения ситуации сте-

пень вовлеченности достигает максимальной величины, см. [Kagan, 2015, p. 193]. Подобные рассуждения применимы и к анализу других глагольных модификаторов, ср. [Tatevosov, 2007] об одном из чувашских показателей глагольной множественности.

2.2. Горномарийский материал

Рассмотрим признаки, на высокую степень проявления которых могут указывать сложные глагольные комплексы. Один из таких признаков – **большое количество ресурса**. Такая семантика наблюдается у конструкций с глаголами *šänzäš* ‘садиться’ и *šändäš* ‘сажать’⁷, когда они сочетаются с лексическими глаголами, описывающими накопление ресурса. В терминах скалярной семантики это означает, что параметр количества ресурса принимает на соответствующей шкале более высокое значение по сравнению с нейтральным. В (15) конструкция с глаголом *šändäš* допускает элемент, указывающий на большое количество объектов, но не на малое количество. Аналогичная пара примеров, относящихся к ментальной сфере, представлена в (16).

- (15) *män' šukâ / *čädä kal'avongâ-m*
я много мало гриб-ACC
pog-en šänd-en-äm.
собирать-CVB сажать-PRET-1SG
'Я собрал много / *мало грибов'.

- (16) a. *maša med'icinsk'ij kn'igä-vlä-m šukâ läd-än*
Маша медицинский книга-PL-ACC много читать-CVB
šänd-en, bol'sâ tör-lä-šä-vlä do-kâ
сажать-PRET больше прямой-DENOM-PTCP.ACT-PL у-ILL2
a-k kašt, ške=ok tör-län-ä.
NEG.NPST-3 ходить REFL=EMPH прямой-MAN-NPST.3SG
'Маша прочитала много медицинских книг, больше не ходит к врачам, сама лечится'.
- b. **tädä kok kn'igä-m vele läd-än šänd-en,*
он два книга-ACC только читать-CVB сажать-PRET
uže edem-vlä-m tör-l-äš tängäl-än.
уже человек-PL-ACC прямой-DENOM-INF начинать-PRET
Ожидаемое значение: 'Он прочитал только две книги, а уже начал людей лечить'.

Схожие примеры с непереходным глаголом *šänzäš* ‘садиться’ представлены в (17), (18). В (17) его употребление получает эксплицитные комментарии носителей: «Бочка даже переполнилась». В живой речи он встречается, в частности, в контекстах, подобных (18), где речь идет о большом количестве выросшей травы.

⁷ Лексема *šänzäš* сочетается с непереходными лексическими глаголами, лексема *šändäš* – с переходными глаголами либо с теми из непереходных глаголов, субъект которых имеет семантическую роль агенса или эффектора (*törgäš* ‘прыгать’, *vaštälaš* ‘смеяться’, *jogaš* ‘течь’ и др., см. [Кашкин, 2018a]).

- (17) *pečkä väd dono tem-ән* *šәnz-ән.*
 бочка вода с наполняться-CVB садиться-PRET
 ‘Бочка наполнилась водой’.
- (18) *nužer kušk-ән* *šәnz-ән* *piš* *kogo-n*
 крапива расти-CVB садиться-PRET очень большой-ADV
täštäken.
 там
 ‘Крапивы там выросло очень много’. (Корпус)

Близкую семантику выражают конструкции с глаголом *sitäräš* ‘иметь в достатке, обеспечивать’. Они акцентируют большое и в то же время достаточное для участника ситуации количество ресурса. В (19), аналогично конструкциям с глаголом *šәndäš* ‘сажать’, допустим модификатор, указывающий на большое, но не на малое количество.

- (19) *mән' šukâ / *čädä kal'avongâ-m*
 я много мало гриб-ACC
pog-en sit-är-en-äm.
 собирать-CVB быть_достаточным-CAUS-PRET-1SG
 ‘Я собрала много (*мало) грибов (и мне достаточно)’.

В (20a) конструкция с *sitäräš* невозможна для большинства опрошенных носителей в контекстах, где предполагается последующее возобновление ситуации, и тем самым накопление ее эффекта оценивается как недостаточное для участника. В (20b), где предполагается достаточная степень насыщения, эта конструкция возможна.

- (20) a. *mä šukâ nüštäl-∅* *šәnd-en-nä /*
 мы много купаться-CVB сажать-PRET-1PL
 ?? *nüštäl-∅ sit-är-en-nä,* *käzät*
 купаться-CVB быть_достаточным-CAUS-PRET-1PL сейчас
eče ke-nä.
 еще уходить-NPST.1PL
 ‘Мы накупались, сейчас еще пойдем’.
- b. *mä šukâ nüštäl-∅* *šәnd-en-nä / nüštäl-∅*
 мы много купаться-CVB сажать-PRET-1PL купаться-CVB
sit-är-en-nä, *bol'šâ a-na*
 быть_достаточным-CAUS-PRET-1PL больше NEG.NPST-1PL
ke, jasâ-lan-aš *әнžә li.*
 уходить больной-MAN-INF NEG.JUSS становится
 ‘Мы накупались, больше не пойдем, чтобы не заболеть’.

Сложные глагольные комплексы могут указывать на **полный охват** участника ситуации, т. е. на максимальное значение степени вовлеченности участника на соответствующей шкале. Примером служат конструкции с глаголом *näläš* ‘брать’, см. его свободную допустимость в контексте полного охвата (21a) и допустимость не во всех идиолектах в контексте неполного охвата (21b), а также схожую сочетаемость с обстоятельствами в метафорическом контексте (22).

- (21) a. *vas'a kompot-əm cilä škə-län-žə*
 Вася компот-ACC весь REFL-DAT-POSS.3SG
opt-en nül-ən, jäl-län kodə-de.
 класть-CVB брать-PRET чужой-DAT оставлять-NEG.PRET
 'Вася налил себе весь компот, другим не оставил'.
- b. [?]*vas'a əš-län-žə kompot-əm*
 Вася REFL-DAT-POSS.3SG компот-ACC
opt-en nül-ən də jäl-län=ät kod-en.
 класть-CVB брать-PRET и чужой-DAT=ADD оставлять-PRET
 'Вася налил себе компот и другим тоже оставил'.
- (22) *mən' jažo-n / [?]xuda-n əngəl-en*
 я хороший-ADV плохой-ADV понимать-CVB
nül-ən-əm, ma-m mə-län-em əšt-əš.
 брать-PRET-1SG что-ACC я-DAT-POSS.1SG делать-INF
 'Я хорошо понял, что мне делать'.

В некоторых случаях параметр полного охвата важен для конструкций с глаголом *šuaš* 'бросать'. В первую очередь он сочетается с лексическими глаголами деструкции ('убивать', 'ломать' и т. п., см. [Кашкин, 2018б]). В некоторых идиолектах возможны сочетания с глаголами обработки ('мыть', 'гладить') и создания нового объекта ('писать (письмо)', 'завязывать (узел)'). В таких случаях для большего числа носителей предпочтительны контексты полного охвата множест-ва, ср. (23), (24).

- (23) [?]*mən' cilä törölkä-m məšk-ən šu-en-əm.*
 я весь тарелка-ACC мыть-CVB бросать-PRET-1SG
 'Я перемыл все тарелки'.
- (24) [?]*mən' lu törölkä-m məšk-ən šu-en-əm,*
 я десять тарелка-ACC мыть-CVB бросать-PRET-1SG
vəz-ət eče kod-ən.
 пять-FULL еще оставаться-PRET
 'Я 10 тарелок вымыл, 5 еще осталось'.

В [Bradley, 2016, p. 179] семантика полного охвата объекта действием отмечается также у конструкций с глаголом *läktäš* 'выходить'. В исследуемом нами идиоме такие конструкции имеются, однако мы не изучали их подробно и воздержимся от суждений об их семантических признаках.

Подвергаться скалярной модификации может параметр **скорости** протекания ситуации. Такой семантический эффект имеется у глагола *keäš* 'идти, уходить', предполагающего достижение результирующего состояния с высокой скоростью, ср. сочетаемость конструкций с обстоятельствами различной семантики в (25), (26). Иными словами, значение параметра скорости протекания ситуации расположено на соответствующей шкале выше нейтрального уровня.

- (25) a. *təgər-jalaš-vlä vəc m'inut-əštə*
 рубашка-штаны-PL пять минута-IN
košk-en ke-n-ət.
 сохнуть-CVB уходить-PRET-3PL
 'Одежда (букв.: рубашки-штаны) высохла за 5 минут'.

b. ^{??}*načkâ* *pogodâ-štâ* *tâgâr-jalaš-vlä* *kok* *sutka-štâ*
 мокрый погода-IN рубашка-штаны-PL два сутки-IN
vele ***košk-en*** ***ke-n-ät.***
 только сохнуть-CVB уходить-PRET-3PL
 ‘В сырую погоду белье высохло только за двое суток’.

(26) *paj* *maklaka jäle* / ^{??}*olen* ***šäl-en*** ***ke-n.***
 мясо кусок скоро медленно таять-CVB уходить-PRET
 ‘Кусок мяса оттаял быстро / ^{??}медленно’.

Употребления *keäš* в конструкциях со значением интенсификации скорости зафиксированы и в Словаре марийского языка ⁸, где в качестве отдельных словарных входов приводятся *äybi-n-en ke-au* (гнуть-DETR-CVB уходить-INF) ‘согнуться, изогнуться (быстро)’, *äum-älm-Ø ke-au* (вспоминать-MED-CVB уходить-INF) ‘вспомниться (мгновенно)’, *лаксырг-en ke-au* (изнемогать-CVB уходить-INF) ‘изнемогать, обессилеть (быстро)’.

Семантика быстрого вхождения в состояние, которая может быть аналогично описана в рамках скалярного подхода, характерна и для конструкций с глаголом *koltaš* ‘посылать’ (о различиях в дистрибуции глаголов *keäš* и *koltaš* см. [Голосов, 2018]). Так, эти конструкции могут описывать резкое начало ситуации (27) или однократную ситуацию, которая может быть частью мультипликативного процесса (28).

(27) *ädüräš* ***vaštäl-Ø*** ***kolt-en.***
 девочка смеяться-CVB посылать-PRET
 ‘Девочка рассмеялась’.

(28) *püergä* *šardâ* *vä-kä* ***lü-en*** ***kolt-en.***
 мужчина лось верх-ILL2 стрелять-CVB посылать-PRET
 ‘Мужчина выстрелил в лося’.

Еще один параметр ситуации, релевантный для системы сложных глагольных комплексов, – это **частота** ее осуществления. Конструкции с глаголом *šalgaš* ‘стоять’ используются в хабитуальных контекстах при условии, что ситуация реализуется часто, ср. допустимость такой конструкции в (29a) и недопустимость в (29b). С точки зрения скалярного подхода параметр частоты принимает для этих конструкций значение, превышающее нейтральное.

(29) а. *män'-än* *mašinä-em* *so*
 я-GEN машина-POSS.1SG всегда
pädär-g-en ***šalg-a,*** *sedändono*
 ломаться-DETR-CVB стоять-NPST.3SG поэтому
ves-ä-m *näl-äš* *kel-eš.*
 другой-FULL-ACC брат-INF быть_нужным-NPST.3SG
 ‘У меня машина постоянно ломается, поэтому надо новую купить’.

⁸ См.: Словарь марийского языка: В 10 т. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения 10.06.2022).

- b. **tädä jažo mašinä, šoe-n vele*
 он хороший машина редкий-ADV только
pädär-g-en šalg-a.
 ломаться-DETR-CVB стоять-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Это хорошая машина, редко ломается’.

Семантика высокой частоты отмечается и в конструкциях с рассматриваемым глаголом, зафиксированных в СМЯ, см. *яжо-эм-о-ен шалг-аи* (хороший-INCH-CAUS-CVB стоять-INF) ‘украшать, улучшать, совершенствовать, поправлять (непрерывно)’, *тйшл-ен шалг-аи* (наблюдать-CVB стоять-INF) ‘наблюдать, смотреть, следить, изучать (постоянно, всё время)’.

Многие грамматикализованные глаголы привносят в рассматриваемых конструкциях семантику **неожиданности** (с различной продуктивностью и сочетаемыми ограничениями в зависимости от глагола). В частности, эти контексты характерны для конструкций с глаголом *koltaš* ‘посылать’, см. (30), (31).

- (30) *olen ašked-ät. tästäken pälgom-äštä šim*
 медленно шагать-NPST.3PL там небо-IN черный
päl-vlä postar-n-at. oj, kâräk-vlä-m
 туча-PL собирать-DETR-NPST.3PL ой гора-PL-ACC
už-än kolt-en-ät.
 видеть-CVB посылать-PRET-3PL
 ‘Тихо идут [заблудившиеся брат с сестрой]. Там на небе собираются черные тучи. Ой, горы увидели’. (Корпус)

- (31) *män'-än internet-šä b'ezl'im'itnyj, хот'*
 я-GEN интернет-POSS.3SG безлимитный хоть
man'ar-kâ-m kâčäjä-ø, n'i-maxan' oksa
 сколько-FULL-ACC качать-IMP NEG-какой день
ke-šäs-lâk agâl. a män'-än tžem näl šüdä
 уходить-OPT-DEST NEG а я-GEN тысяча четыре сто
tängä-m... m'inus-âš ke-n kolt-en.
 рубль-ACC минус-ILL уходить-CVB посылать-PRET
 ‘У меня интернет безлимитный, хоть сколько качай, никакие деньги уходить не должны. А у меня 1400 рублей... в минус ушли’. (Корпус)

Глагол *šagalaš* ‘вставать’ сочетается с некоторыми лексическими глаголами, описывающими контролируемое перемещение (как *tolaš* ‘приходить’, *pâraš* ‘входить’, *valaš* ‘спускаться’). Такие сочетания указывают на неожиданно произошедшую ситуацию (32). В (33) употребление *šagalaš* возможно, только если директора школы не ждали на педсовете (например, если он открыл больничный лист).

- (32) *män'-än kâdež-äšk-em učastkovâj*
 я-GEN комната-ILL-POSS.1SG участковый
pâr-en šagal-än.
 входить-CVB вставать-PRET
 ‘В мою комнату (вдруг) вошел участковый’.

- (33) *škol-ân* *d'ir'ektâr-žê* *p'edsovet-äš*
 школа-GEN директор-POSS.3SG педсовет-ILL
tol-ân *šagal-ân*.
 приходиться-CVB вставить-PRET
 'Директор школы пришел на педсовет (а его не ждали).'

Отдельные примеры с выражением семантики неожиданности зафиксированы у конструкций с глаголом *šändäš* 'сажать'. В (34) такая конструкция требует неожиданного стимула зрительного восприятия.

- (34) *mân'ä* *sola* *mâč-kê* *ke-n-äm* *dä*
 я деревня конец-ILL2 уходить-PRET-1SG и
markelof-âm / **ške mar-em-äm*
 Маркелов-ACC REFL мужчина-POSS.1SG-ACC
už-ân *šänd-en-äm*.
 видеть-CVB сажать-PRET-1SG
 'Я шла по деревне и увидела Маркелова⁹ / *своего мужа'.

Выражение сложными глагольными комплексами семантики неожиданности также имеет скалярную природу. Ситуация сравнивается с ожиданиями говорящего, и дается указание на то, что она занимает на шкале место, существенно отличное от этих ожиданий (см. схожие теоретические соображения в [König, 2017]).

Таким образом, грамматикализованные глаголы в сложных глагольных комплексах продуктивно функционируют как скалярные модификаторы. Они указывают на то, что какой-либо параметр ситуации (количество ресурса, полнота охвата объекта, скорость, частота, ожидаемый / неожиданный характер) принимает более высокое значение относительно нейтрального либо максимальное значение. Отчасти открытым остается вопрос о том, какой именно параметр ситуации и когда подвергается скалярной модификации. В некоторых случаях результирующая семантика при добавлении грамматикализованного глагола может быть предсказана исходя из семантики лексических глаголов. Например, если грамматикализованный глагол *šändäš* 'сажать' сочетается с глаголами накопления ресурса, то логично, что конструкция указывает на высокую степень накопления ресурса. В иных случаях затруднительно объяснить различия в семантике конструкций. Так, значение неожиданности логически совместимо с любым типом ситуаций, но возникает только у части конструкций при избирательных лексических ограничениях.

3. Обсуждение

Сложные глагольные комплексы выполняют в горномарийском языке две системные функции. Во-первых, они снимают акциональную неоднозначность в том (распространенном) случае, когда лексический глагол совместим и с предельной, и с непредельной интерпретацией, а также могут вводить семантику предельности. Во-вторых, они несут функцию скалярной модификации, указывая, что параметр ситуации принимает на соответствующей шкале значение выше нейтрального либо максимальное значение. Тем самым, они вписываются в целый ряд

⁹ Л. И. Маркелов – глава Республики Марий Эл в 2001–2017 гг.

языковых явлений, устройство которых связано с механизмом категоризации различных семантических сущностей как скалярных.

Типологическую параллель к горномарийской системе представляет материал алтайских языков (см., в частности, [Серебренников, 1960, с. 260; Чхаидзе, 1960, с. 96–98] о вероятном развитии марийских конструкций в результате тюркского влияния). Взаимодействие грамматикализованных глаголов с акциональными свойствами лексических глаголов описано на материале различных языков достаточно подробно, см., например, [Johanson, 1999; Shluinsky, 2021].

Что касается скалярных эффектов сложных глагольных комплексов в других языках, то этот вопрос, насколько нам известно, системно рассмотрен не был. Для его постановки имеются предпосылки. Так, в [Гращенков, 2015, с. 56–94] для аналогичных конструкций в алтайских языках приводятся толкования, связанные с высокой степенью проявления какого-либо параметра ситуации, см., например, «действие для себя, происходящее энергично, быстро» (глагол *ал-* ‘брать’ в карачаево-балкарском [Там же, с. 66]), «быстрота, внезапность или интенсивность действия» (глагол *жибэр-* ‘посылать’ в татарском [Там же, с. 69]), «оттенок усиления, неожиданности или быстроты» (глагол *кой-* ‘ставить’ в киргизском [Там же, с. 71]). Аналогичные семантические ярлыки используются по отношению к данным алтайских языков в [Насилов, 1989, с. 26–30; Черемисина, 1995; Шамина, 1995; Baranova, 2013] и др. Однако задачей перечисленных публикаций является в большей степени морфосинтаксический анализ конструкций, а поставленные в них семантические вопросы нуждаются в дальнейшей разработке.

Список сокращений

1, 3 – 1-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиализатор; ATT – аттенуатив; CAUS – каузатив; CVB – деепричастие; DAT – датив; DENOM – показатель отыменного глагола; DEST – показатель с семантикой предназначения; DETR – детранзитивизатор; EMPH – эмфатическая частица; FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; ILL2 – старый (непродуктивный) иллатив; IMP – императив; IN – инессив; INCH – инхоатив; INF – инфинитив; JUSS – юссив; LAT – латив; MAN – показатель отыменной деривации с семантикой образа действия; MED – медиопассив; NEG – отрицание; NPST – непрошедшее время; OPT – оптатив; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PRET – претерит; PTCP.ACT – активное причастие; REFL – рефлексив; SG – единственное число.

Список литературы

Голосов Ф. В. Дистрибуция лёгких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1, № 2. С. 28–45.

Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: ЯСК, 2015. 264 с.

Кашкин Е. В. К типологии грамматикализации глаголов перемещения: горномарийский глагол *keäš* ‘идти, уходить’ // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии / Ред. А. А. Кретов. Воронеж: ИД ВГУ, 2017. Т. 6. С. 36–47.

Кашкин Е. В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018а. С. 178–184.

Кашкин Е. В. К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования. 2018б. № 4. С. 112–129.

Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии: акциональность: Автореф. монографии ... д-ра филол- наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. 33 с.

Серебрянников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

СМЯ – Словарь марийского языка: В 10 т. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения 10.06.2022).

Современный марийский язык. Морфология / Ред. Н. Т. Пенгитов, И. С. Галкин, Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961. 324 с.

Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: ЯСК, 2016. 568 с.

Татевосов С. Г. Рец. на кн.: О. Kagan. *Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 278 p. ISBN 9781107092624 // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 139–144.

Тимофеева М. К. Языковые шкалы: направления современных исследований // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 5–17. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-5-17

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. Вып. 2. С. 3–22.

Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1960. 105 с.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. Вып. 2. С. 23–39.

Baranova V. Grammaticalization and semantics of complex predicates in Kalmyk // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2013. № 94. P. 9–35.

Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance: PhD diss. Vienna, 2016. 316 p.

Johanson L. Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic // Tense-aspect, transitivity and causativity / Ed. by W. Abraham, L. Kulikov. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1999. P. 171–184.

Kagan O. *Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2015. 278 p.

Kennedy C., McNally L. Scale structure, degree modification and the semantics of gradable predicates // Language. 2005. Vol. 81, no. 2. P. 345–381.

König E. The comparative basis of intensification. Exploring intensification // Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives / Ed. by M. Napoli, M. Ravetto. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 2017. P. 15–32.

Shluinsky A. Verb-verb complexes in Turkic languages. Interaction of lexical and delexicalized verbs // Verb-verb complexes in Asian languages / Ed. by T. Kageyama, P. Hook, P. Pardeshi. Oxford: Oxford Uni. Press, 2021. P. 397–429.

Tatevosov S. Pluractionality vs discontinuity. Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium (December 17–19, 2007) / Ed. by M. Aloni, P. Dekker, F. Roelofsen. Amsterdam: Uni. of Amsterdam, 2007. P. 217–222.

References

- Baranova V. Grammaticalization and semantics of complex predicates in Kalmyk. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2013, no. 94, pp. 9–35.
- Bradley J. *Mari converb constructions: productivity and regional variance*. PhD thesis. Vienna, 2016, 316 p.
- Cheremisina M. I. Osnovnye tipy analiticheskikh konstruktsiy skazuemogo v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [The main types of analytical predicates in the Turkic languages of the Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, Institute of Philology SB RAS, 1995, iss. 2, pp. 3–22.
- Chkhaidze M. P. *Sparennye glagoly v mariyskom yazyke* [Paired verbs in Mari]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe kn. izd., 1960, 105 p.
- Golosov F. V. Distributsiya legkikh glagolov *keäs* ‘uyti’ i *koltaš* ‘poslat’ v gornomariyskom yazyke [The distribution of the light verbs *keäs* ‘go, leave’ and *koltaš* ‘send’ in Hill Mari]. *Typology of morphosyntactic parameters*. 2018, vol. 1, no. 2, pp. 28–45.
- Grashchenkov P. V. *Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow, LRC Publishing House, 2015, 264 p.
- Johanson L. Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic. In: *Tense-aspect, transitivity and causativity*. Abraham W., Kulikov L. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co., 1999, pp. 171–184.
- Kagan O. *Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, 278 p.
- Kashkin E. V. Grammatikalizatsiya gornomariyskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. In: *Yazykovye kontakty narodov Povolzhya i Urala. 11 Mezhdunarodnyy simpozium (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.)* [Language contact in the Volga and Ural regions. 11th International symposium (Cheboksary, 21–24 May 2018)]. Cheboksary, Chuvash Univ. Publ., 2018a, pp. 178–184.
- Kashkin E. V. K tipologii grammatikalizatsii glagolov peremeshcheniya: gornomariyskiy glagol *keäs* ‘idti, ukhodit’ [Towards the typology of grammaticalization of motion verbs: Hill Mari verb *keäs* ‘go, leave’]. In: *Problemy komp’yuternoy lingvistiki i tipologii* [Issues in computational linguistics in typology]. Kretov A. A. (Ed.). Voronezh, VSU, 2017, vol. 6, pp. 36–47.
- Kashkin E. V. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniem ‘brosat’: dannye gornomariyskogo yazyka [Towards the typology of semantic development of throwing verbs: evidence from Hill Mari]. *Ural-Altaic Studies*. 2018b, no. 4, pp. 112–129.
- Kennedy C., McNally L. Scale structure, degree modification and the semantics of gradable predicates. *Language*. 2005, vol. 81, no. 2, pp. 345–381.
- König E. The comparative basis of intensification. Exploring intensification. In: *Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives*. Napoli M., Ravetto M. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co., 2017, 15–32.
- Nasilov D. M. *Problemy tyurkskoy aspektologii: aktsional’nost’* [Issues in Turkic aspectology: actionality]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, Institute of Linguistics AN USSR, 1989, 33 p.
- Serebrennikov B. A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoy i volzhskoy grupp* [The categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of Permian and Volgaic groups]. Moscow, AN SSSR, 1960, 300 p.

Shamina L. A. Analiticheskie konstruksii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical predicates in Tuvan]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia. Vol. 2]. Novosibirsk, Institute of Philology SB RAS, 1995, iss. 2, pp. 23–39.

Shluinsky A. Verb-verb complexes in Turkic languages. Interaction of lexical and delexicalized verbs. In: *Verb-verb complexes in Asian languages*. Kageyama T., Hook P., Pardeshi P. (Eds.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2021, pp. 397–429.

Slovar' mariyskogo yazyka v 10 t. [Dictionary of Mari in 10 vols.]. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed 10.06.2022).

Sovremennyy mariyskiy yazyk. Morfologiya [Modern Mari language. Morphology]. N. T. Pengitov, I. S. Galkin, N. I. Isanbaev (Eds.). Yoshkar-Ola, Mariyskoe kn. izd., 1961, 324 p.

Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow, LRC Publishing House 2016, 568 p.

Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity. In: *Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium (December 17–19, 2007)*. Aloni M., Dekker P., Roelofsen F. (Eds.). Amsterdam, Univ. of Amsterdam, 2007, pp. 217–222.

Tatevosov S. G. Rets. na kn.: [Review of the book] O. Kagan. *Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 278 p. ISBN 9781107092624. *Voprosy jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2018, no. 2, pp. 139–144.

Timofeeva M. K. Yazykovye shkaly: napravleniya sovremennykh issledovaniy [Linguistic scales: directions of the current research]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2019, vol. 17, no. 3, pp. 5–17. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-5-17

Информация об авторе

Егор Владимирович Кашкин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член научного коллектива в проекте РНФ Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Information about the author

Egor V. Kashkin, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Team member of the RSCF project at the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 18.10.2022
The article was submitted on 21.06.2022;
approved after reviewing on 18.10.2022; accepted for publication on 18.10.2022*

Научная статья

УДК 81'367.7

DOI 10.17223/18137083/84/21

Системные отношения в сфере тавтологий

Татьяна Ивановна Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

steksova@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Аннотация

Отмечается, что тавтологические конструкции в лингвистике довольно подробно уже изучены и описаны со стороны их семантических и прагматических свойств, и предлагается рассмотреть отношения, существующие между различными тавтологиями: предикативными единицами, синтаксическими фразами, редуцированными лексемами. Выделяются отношения производности разных типов: производность предикативных единиц за счет нулевой связки и производность синтаксических фразем, с одной стороны, путем выпадения глагольной связки и, с другой стороны, путем повтора рематичной лексемы предыдущего высказывания с утратой ее рематичности. Фиксируется, что все тавтологические единицы способны вступать между собой в системные отношения синонимии, омонимии и антонимии.

Ключевые слова

русский язык, тавтологические конструкции, предикативная единица, синтаксическая фраза, системные отношения, производность

Для цитирования

Стеклова Т. И. Системные отношения в сфере тавтологий // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 299–311. DOI 10.17223/18137083/84/21

System relations in the sphere of tautologies

Tatyana I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

steksova@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Abstract

Tautological constructions have already been thoroughly studied in linguistics and described in terms of their semantic and pragmatic properties. The purpose of this paper is to identify the relations between the different types of tautologies: predicative units, syntactic phrases, and reduplicated lexemes. Derivation relations of different types are distinguished. The derivation of predicative units is found to be due to the linking verb being replaced by a pronoun:

© Стеклова Т. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 299–311
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 299–311

“Zhena est’ zhena” (A wife is a wife) → “Zhena kak zhena” (A wife as a wife). At the same time, synonymous meanings and a shift in semantics, adding an extra pragmatic meaning, are possible. On the one hand, the derivativeness of syntactic phrasemes is due to the complete loss of the verbal copula, making the new characteristics of tautology appear. This process involves a tautological combination performing one syntactic function, most often of a predicate, and the impossibility of extension or insertion of other words. On the other hand, a tautological phraseme is formed by repeating the rhematic lexeme of the previous statement with the loss of its rhematicity and the manifestation of the meaning of irrelevance, indifference to the reported information: “Petr priekhal! – Nu priekhal i priekhal, chemu ty tak raduesh’sya?” (Peter has arrived! – Well, arrived and arrived, what are you so happy about?). It is concluded that all tautological units can enter the systemic interrelations of synonymy, homonymy, and antonymy.

Keywords

Russian language, tautological constructions, predicative unit, syntactic phrase, system relations, derivativeness

For citation

Steksova T. I. System relations in the sphere of tautologies. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 299–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/21

Введение

В истории изучения тавтологических сочетаний насчитывается достаточно большое количество исследований, посвященных анализу отдельных конструкций. Так, проанализированы и описаны конструкции типа *X есть X*, *X это X* (например, *жена есть жена*, *жена это жена*) [Булыгина, Шмелев, 1997; Падучева, 2004; Вилинбахова, Копотев, 2017]; *X есть X*, *X и есть X*, *X и X*, *X как X* (например, *платье есть платье*, *платье и есть платье*, *платье и платье*, *платье как платье*) [Урысон, 2020]; *X так X* (*гулять так гулять*) [Копотев, 2008]; *ну X и X* (*ну приехал и приехал*) [Стексова, 2006]; *X X-м* (*дурак дураком*) [Стексова, 2007]; *X не X* (*статья не статья*) [Вилинбахова, 2017] и мн. др. Как правило, все исследователи обращали внимание на семантические и прагматические особенности конструкций и на ограничения или свободу вербального замещения компонентов конструкции. Наличие исследований отдельных конструкций позволило выявить принципы синтаксической идиоматизации с обращением к диахроническому аспекту [Копотев, 2008].

Задачей данной статьи является попытка осмыслить совокупность тавтологических сочетаний как некую систему, выявить типы этих сочетаний, их взаимосвязь и принципиальные различия.

Можно говорить о трех (по крайней мере) группах тавтологических конструкций: тавтологические предикативные единицы, тавтологические синтаксические фраземы и редуцированные лексемы / лексические клоны (более подробно об этой группе тавтологий см.: [Матханова, Храмцова, 2023]). Вероятно, к тавтологиям можно отнести и такие сочетания, как *там-то и там-то*, *те-то и те-то*, описанные Р. Харвегом [1978]. Нас в первую очередь интересуют тавтологические предикативные единицы и тавтологические синтаксические фраземы.

1. Тавтологические предикативные единицы

Отрицательные и утвердительные тавтологические конструкции, компоненты которых являются субъектом и предикатом, т. е. представляют собой предикатив-

ную единицу: *Жена есть жена; Кино как кино; Факт есть факт; Факт остается фактом.*

Будучи предикативной единицей, данный тип тавтологий обладает следующими свойствами: а) наличием парадигм: *Жена всегда была женой; Кино будет как кино; Муж был не просто мужем...; Жена не была бы женой, если бы закрыла на это глаза*; б) лексической незакрепленностью компонентов; в) возможностью распространения уточняющими членами: *Муж не просто муж мне, а друг, любовник, наставник...*; г) функционирует как в качестве самостоятельной предикативной единицы, так и в составе сложносочиненного предложения: *Война войной, а обед по расписанию.*

Рассматривая диахронические процессы, происходившие в русском синтаксисе, исследователи отмечали процесс выпадения связки «быть» в некоторых типах предложений [Копотев, 2008; Зализняк, 2008; Руднев, 2007]. «С синтаксической точки зрения эволюция состоит в том, что связки постепенно уступают свои функции личным местоимениям. <...> Со временем достигается конечная точка этого движения – связки полностью исчезают» [Зализняк, 2008, с. 222]. Эти наблюдения не касались тавтологических конструкций, но, тем не менее, вполне применимы к ним.

Так, в Корпусе тавтологическая предикативная единица с нулевой связкой отмечена примерами из литературы XVIII в. На запрос *Война войной* – основной корпус (с 1783 по 2019 г.) выдает 46 документов, 48 вхождений. Первый пик частотности приходится на 1799 г. Второй и третий пики частотности отмечаются в 1994 и 2015 гг.

Оттуда некто подполковник Таваст выезжал всегда для переговоров со мною и с своими поручениями являлся на наши посты, и так мы с ним, видаясь часто, коротко ознакомились. Война – войной, приязнь – приязнью (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3. 1788–1822).

Война войной, а красота природы никуда не исчезала (И. К. Архипова. Музыка жизни. 1996).

– Война войной, а наука наукой, пятаки тут ни при чём (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2. 1964).

Из 48 зафиксированных в корпусе примеров на запрос *Война войной* лишь в двух случаях зафиксирован связочный глагол:

А когда война войной пошла, тут слушали кругом про расстрелянных, словно баранов там стреляли, а не людей: все привыкли – и в армии, и по станицам, по селам, и в горах (Д. А. Фурманов. Мятаж. 1924);

Определяя свое отношение к настоящей войне, П. Кропоткин отвечает тем, кто хочет наверное знать, будет ли эта война войной освободительной (П. А. Кропоткин. П. Кропоткин о войне (19.10.1914) // «Столичная молва», 1914).

На запрос *Война была войной* корпус выдает 10 документов, 13 вхождений, причем тавтологическая конструкция встречается как в монопредикативном предложении, так и в составе полипредикативного предложения с сопоставительными / противительными смысловыми отношениями:

Первая мировая война была войной между социально одностипными противниками (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. 1988–1998);

Та война была войной авиации и танков, а сейчас состоится война ракет и атомных бомб (Никита Хрущев. Воспоминания. 1971).

Активно используются в русском языке и идиомы *факт есть факт* и *факт остается фактом*. Примечательно, что субстантив *факт* в них, хотя и сохраняет морфологические свойства существительного, но уже демонстрирует отсечение синтагматических связей (нет примеров употребления с атрибутом) и чаще используется в форме единственного числа при теоретической возможности использования множественного:

Отношения между людьми меняются, но факты остаются фактами; фальсифицировать историю в наши дни общепринято, но непочтенно (Л. Чуковская. Дом поэта, 1972–1980).

Это свидетельствует о том, что фразеологизация предикативной единицы каузирует начало процесса синтаксической грамматикализации (более подробно о судьбе лексемы *факт* см.: [Стексова, Шмелева, 2021]).

На запрос *Факты остаются фактами* корпус выдает 12 вхождений:

Но приведенные факты остаются фактами и непреложно доказывают одно: воля к национально-самобытной жизни есть (Владимир Жаботинский. Фальсификация школы // Одесские новости, 1910).

Для нас важно, что по модели *X остается X* в русском языке строится много предложений, причем лексическое заполнение позиции *X* не ограничено:

Человек остается человеком, будь он рабочий, служащий или интеллигент (Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица. 1955–1956);

Женщина остается женщиной даже на двух костылях! (А. М. Галин. Аномалия // «Современная драматургия», № 4, 1999);

В результате его убирают, тайна остаётся тайной, а сюжет получает дополнительный толчок (Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Безусловно, возможно функционирование предикативной тавтологической конструкции и без вербально выраженной связки:

«Мужчина должен быть мужчиной, – добавил он, – а женщина – женщиной» (Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства. 1999);

Вопросы риторические, но весьма актуальные для наших судов. Но уловки уловками, а факты фактами (Максим Шестаков. Суд и права потребителя // «Отечественные записки», 2003);

Я полагаю, что статьи являются статьями, а факты – фактами (Чехословакия (12.1934) // Вѣстникъ Общества Галлиполійцевъ. № 18, 1934).

Следует отметить, что предикативная тавтологическая единица без вербально выраженной связки чаще всего функционирует в составе сложного предложения с противительно-сопоставительными или противительно-уступительными отношениями:

Но оказывается, любовь любовью, а пенсия пенсией (Федор Павлов-Андреевич. Бег // «Домовой», 2002.06.04);

Шутки шутками, но они долго к нам присматривались (Николай Фоменко, Александр Кобеляцкий. На чем доехать до Монако // «Русский репортер», № 22 (200), 9 июня 2011).

Е. В. Урысон считает, что редукция глагольной связки порождает появление нового тавтологического сочетания, и убедительно доказывает, что тавтология типа *Платье и платье* «является результатом элиминации связки *есть* в конструкции *X и есть X* или, точнее, замены связки *есть* на нулевую связку» [Урысон, 2020, с. 109]. Системная элиминация связки вызывает семантические сдвиги в конструкции и сближает ее с конструкцией *X как X*, делая их синонимичными.

Важно отметить, что описанный исследователями процесс, тем не менее, составляет производную конструкцию в группе предикативных тавтологий. Но наряду с этим можно выделить и случаи, когда глагольная связка не заменяется на нулевую, а полностью утрачивается, и эта утрата глагольной связки приводит к появлению тавтологической фраземы. Таким образом, можно говорить об отношениях производности между тавтологическими предикативными единицами и тавтологическими синтаксическими фраземами.

2. Синтаксические тавтологические фраземы

Тавтологические сочетания, которые в процессе грамматикализации и идиоматизации стали синтаксическими фраземами (*дура дурой, гений не гений* и др.), утрачивают свойства, характерные для предикативной единицы, и приобретают другие свойства: а) неполная реализация парадигм: *Ну приехал и приехал* – только изъявительное наклонение; *Обещать не обещаю* – только наст. или прош. вр.; *дурак дураком* – только Им. п. + Тв. п.; б) выполнение одной синтаксической функции, чаще всего предиката; в) синонимичные отношения со свободными словосочетаниями или редуцированными лексемами (*полная / круглая дура; не совсем гений*); г) антонимичные отношения (*девочка не девочка – девочка-девочка*); д) вариативность частеречного замещения компонентов (*хочешь не хочешь; важно не важно*); е) невозможность распространения, вставки других слов.

2.1. Отношения производности фраземы от тавтологической предикативной единицы

Тенденция к элиминации глагольной связки привела и к появлению сочетаний непредикативного типа: *человек человеком, женщина женщиной, тайна тайной* и под., а также к изменению синтаксического статуса тавтологического сочетания и сдвигу в семантике. (Оговоримся, что в круг рассматриваемого языкового материала не включаем фразеологизм *Клин клином вышибать*, так как он не содержит тавтологической аномалии, значение объекта и орудия задаются валентностью предиката. Но следует согласиться с М. В. Копотевым в том, что «устойчивое выражение или клише, зафиксированное в словаре, может послужить толчком для развития синтаксической фраземы» [Копотев, 2008, с. 122]. По образцу фразеологизма строятся и другие тавтологические обороты, но лексическое наполнение позиций *X* ограничено семантикой объекта / орудия: *Подобное лечится подобным.*)

Вновь образованная синтаксическая фразема сохраняет связь с семантикой исходной предикативной тавтологии (тождество), но в ней проявляются и дополнительные смыслы:

сравнение:

То доска доской ходила, а теперь всё во мне появилось: и тут и там – всё, что каждой девке требуется... (Светлана Василенко. Ген смерти. 1997–2000);

интенсивность признака, качества, свойства:

С утра Валентин Петрович был человек человеком – внимательный, вежливый, а вечерней вахте порой крепко доставалось от него ни за что. (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности. 1974); *Самый умный человек в любви дурак дураком* (И. Грекова. На испытаниях. 1967).

Подобные непредикативные сочетания являются фраземами, способными выполнять общую синтаксическую функцию, причем не только функцию предиката, как в предыдущем примере, но и функцию субъекта:

А тут пошел дурак дураком пить чай этот ненужный, сел на стульчик деревянный и почувствовал собственный запашок – пота (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).

Производящей для фраземы может быть и полипредикативная единица. Так, в работах [Копотев, Файнвейц, 2007; Копотев, Стексова, 2016] при описании фраземы *X так X* высказывается предположение о том, что первичной была неидиоматизированная условная конструкция: *Если X, так X*. Устранение условного союза и идиоматизация сочетания *X так X* приводит к ослаблению условной семантики, ее периферийности, а производная фразема приобретает значение неконтролируемого выбора или полноты признака.

Это положение можно подтвердить и на примере конструкций *X не X* и *X остается X-м*.

Е. Л. Вилинбахова [2017] исследует отрицательные предикативные тавтологии, к которым обычно относят структурные модели: *X не X*, *X – это не X* и *X не есть X* и которые обычно упоминаются в качестве производных от тавтологий тождества:

Вдруг он увидел ясно: Арсюшка далеко уже не Арсюшка. Арсений Иустинович Флоринский, действительный тайный советник, сенатор, вхож к государю, один из заправил департамента (Ю. В. Трифонов. Исчезновение. 1981);

Вот видите, тетя Даша, Таня не может про кактус рассказать, однако никто ее в обмане не подозревает. А вдруг Таня – это не Таня? (Дарья Донцова. Личное дело женщины-кошки. 2007).

Для нас важно отметить, что все эти модели являются предикативными, неслучайно автор отмечает, что на месте связки могут использоваться глаголы *значить, означать* и пр. Но наряду с этим, убедительно проанализированным автором языковым материалом, встречаются и другие примеры, которые лишь внешне, формально соответствуют конструкции *X не X*. Сравним два примера:

Я позвонила в «Огород» и обманом выпросила рецепт овощного шашлыка, мотивируя это тем, что без него статья не статья, а так, одно надувательство (Юлия Пешкова. Огородники // «Домовой», 2002.09.04);

Статья-не статья, а предыдущие страницы уже у меня были, тезисно на листочке (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом. 1967–1974).

В первом случае тавтология *статья не статья* полностью соответствует описанной Е. Л. Вилинбаховой отрицательной предикативной конструкции, допускающей вербализацию нулевой связки: *не есть, не значит* и под. Во втором же примере тавтологическое сочетание не является предикативным, оно не допускает вставки связочного глагола. Это сочетание выполняет функцию предиката с нулевым объектом характеристики, который может быть вербализован: эти страницы – статья не статья = эти страницы не являются статьей. Выпадение (а не нуль) связки приводит не к образованию предикативной тавтологической конструкции, а к возникновению тавтологической фраземы. Обратим внимание, что в указанном примере это отражается и в написании через дефис, хотя чаще всего у других авторов дефиса нет:

– Красавица не красавица, а вот Зуев предлагал же сегодня оставить тебя и ехать с ним в провинцию, ему там место в земстве предлагают, я, признаться, не поняла какое, а только жалованья три тысячи (Ф. Ф. Тютчев. Кто прав? (Из одной биографии). 1892).

Как представляется, тавтологическая фразема является производной от соответствующей предикативной конструкции. Но при утрате статуса предикативной конструкции во фраземе происходит сдвиг в семантике ‘говорящий подчеркивает, что характеристики референта языкового выражения X или его восприятие отличаются от нормы’ (Вилинбахова) в сторону неопределенности, неполноты проявления признака, и меняются грамматические свойства.

- Фразема может выполнять разные функции.

В одних случаях функцию **субъекта**:

Помню: раздался тихий звонок; скоро серо-орехового цвета дверная портьера раздвинулась, и в комнате оказалась – девочка не девочка, карлица не карлица: личико старенькое, как печеное яблочко, а явная ирония, даже шаловливый задор, выступавший на личике, превращал эту «существовицу» в девочку, что-то от шаловливой институтки; она была очень худая, мала ростом, быстра; и не пошла, а быстро-быстро просеменила навстречу к нам, окидывая меня не то шутливым, не то насмешливым взглядом, как бы говорящим... (Андрей Белый. Начало века (1930)).

В других случаях функцию **предиката** (в данном примере при вербально не выраженном объекте характеристики):

*– У нас считается бездарностью, – говорил Эдик, аккуратно переворачивая страницы, – несостоявшийся архитектор, горе-художник, а я вам скажу, **гений не гений**, но профессионал (Виктор Некрасов. Саперлипопет. 1983).*

- Переход предикативной единицы во фразему дает возможность изменения падежной формы имени существительного: *Он считал ее если не красавицей-красавицей, то уж безусловно симпатичной.*

• Утрата возможности вставки лексического компонента внутрь тавтологического сочетания. Ср.: *Так значит мой папа – **вовсе не мой папа?** Значит мой папа – вообще неизвестно кто...* (коллективный. Форум. 2007) (пример взят из статьи Е. Л. Вилинбаховой) при невозможности добавления компонентов внутрь фраземы.

• Появление некоторых ограничений на лексическое замещение тавтологических компонентов. Так, предикативное сочетание *Война войной* не порождает синтаксическую фразему. Представляется, что свобода, характерная для предикативной тавтологии, во фраземе ограничена, так как значение фраземы требует слов, в лексическом значении которых есть признаковая семантика: *карлица не карлица; красавица не красавица; гений не гений* и под. В случаях, подобных таким, как *девочка не девочка, статья не статья*, речь всё равно идет не об отрицании предмета, а о несоответствии его признаков, характеристик общепринятым, ожидаемым. На первое место выходит признак некоей неопределенности.

• Именно эта признаковая составляющая в семантике фраземы и семантика неопределенности обусловили возможность заполнения позиций *X не X* лексемами других частей речи:

✓ прилагательными:

– *Где уж она этакий сыскала – неизвестно – **черный не черный**, вроде бы как в пепле извоженный, липкий* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 1968–1991);

✓ СКС:

– *В голове у меня пошло колесом, и мне стало вдруг **страшно – не страшно**, а как-то жутко* (Н. Д. Ахшарумов. Концы в воду. 1872);

✓ наречиями:

– *Далёко не далёко, – отвечал старик, – а тебе туда ехать ближе, чем тут оставаться...* (А. П. Платонов. Чевенгур. 1929).

Кроме того, важно отметить, что существуют **омонимичные** тавтологические сочетания с разными значениями.

Наличие выбора одного из возможных вариантов:

– *Ты Платонова читал? Кинь в меня халатом и отвернись. – Опять ты за свое!.. **Читал – не читал**... Ты небось читала, а сидишь здесь как пришитая...* (Екатерина Завершнева. Высотка. 2012);

*А то я уже измучилась – не пойму, **насморк не насморк, гулять не гулять**...* (Наши дети: Малыши до года (форум) 2004);

– *Так это что же, наши? – удивился Сорин. – **Наши, не наши**, какая разница? Он английский подданный. Когда-то, конечно, отсюда линял, а сейчас сюда и носа практически не кажет* (Петр Галицкий. Опасная коллекция. 2000);

*Матч вроде судьбоносный: **будем не будем, станем не станем?*** (Е. Шкловский).

В этих и подобных примерах вполне допустима подстановка разделительного союза **или**: *читал или не читал, насморк или не насморк, гулять или не гулять, наши или не наши*.

Неактуальность, неважность условия, событие произойдет в любом случае:

*Ясно было: **упрашивай не спрашивай**, больше Ванька играть не будет!*
(Е. Шкловский) = хоть спрашивай, хоть не спрашивай.

Значение предположения:

*Как когда-то давно не давала покоя мысль о шпане во дворе – **тронут не тронут, привяжутся не привяжутся**... Может, привяжутся, а может пронесет* (Е. Шкловский).

Итак, можно отметить, что по модели *X не X* строится по крайней мере три типа высказываний: а) предикативная отрицательная тавтологическая единица; б) фразема, являющаяся одним синтаксическим и семантическим компонентом предложения и в) лексически повторяющиеся однородные компоненты, которые могут быть представлены во всей парадигме формоизменения. И если фраземы являются производными от отрицательной тавтологической предикативной единицы, то третья группа не связана с первыми двумя отношениями производности. Здесь, вероятно, можно говорить только об омонимии.

2.2. Отношения производности фраземы от компонента предшествующей реплики

Отдельное место занимают синтаксические фраземы, в основе которых, как представляется, отношения производности, основанные на лексическом повторе рематического компонента предшествующей реплики. К этой группе можно отнести фразему *Ну, X и X*:

*От нее не убудет. – Обязательно убудет, – сказал Специалист. – Она **перестанет** быть собой. – **Ну, перестанет и перестанет**. В конце концов она тебе не жена и не любовница* (Б. Левин. Иностранное тело).

Рематичность компонента в предшествующей реплике утрачивается во фраземе, которая выражает безразличие, равнодушие, маркирует неактуальность информации. При этом во фраземе повторяется та же лексема и в той же грамматической форме:

«Глуп, – говорит, – ты». Ну, глуп и глуп, – не впервой мне это от него слышать, а я все-таки вижу, что он всем этим недоволен...» (Н. Лесков. Божедомы).

На лексическом повторе компонента предшествующей реплики основана и фразема *X-то X*:

*Он ведь обещал тебе помочь! – **Обещать-то обещал**, но ничего не сделал;
Вы готовились к экзамену? – **Готовиться-то готовилась**, но всё забыла.*

Частотным является заполнение позиции *X* глагольной формой, хотя возможно использование и существительного:

*Ты пообедала? – Да, я съела котлету. – **Котлета-то котлетой**, но и суп надо было поесть.*

Важным является то, что первый компонент всегда в начальной форме, а второй либо спрягаемая форма глагола, либо форма существительного в творительном падеже. Но здесь есть принципиальное отличие от фраземы *Ну, X и X*, которое заключается в том, что этот лексический повтор может функционировать только в составе сложного предложения с противительными отношениями, так как фразема имеет значение частичного согласия с предшествующей репликой, которое ограничивается информацией, излагаемой во второй предикативной единице.

На лексическом повторе рематичного компонента предшествующей реплики основана и фразема *X не X*:

Обещай это сделать! – Обещать ничего не обещаю, совсем не понимаю, почему я должна обещать;

Обещать не обещаю, но постараюсь сделать.

Здесь также первый компонент всегда в начальной форме. Наличие отрицания перед вторым компонентом порождает семантику отказа, категоричность которого снимается за счет информации во второй предикативной единице:

Приходи завтра поздравить Настю с днем рождения. – Прийти не приду, но позволю обязательно.

Заключение

Итак, наблюдения показывают, что в сфере тавтологий наблюдаются системные отношения.

1. Отношения производности между тавтологическими сочетаниями может приводить к разным результатам:

а) тавтологическая предикативная единица с глагольной связкой за счет утраты ее может породить

- новую тавтологическую предикативную единицу с нулевой связкой со сдвигом в семантике, что позволяет ей вступить в отношения синонимии с уже существующей (*Платье есть платье = Платье как платье*);

- новую тавтологическую предикативную единицу в составе сложноподчиненного предложения: *Война войной, а обед по расписанию*;

- фразему за счет утраты глагольной связки, что приводит к изменению грамматических свойств и синтаксического статуса сочетания и к сдвигу в семантике, всё это свидетельствует о движении по шкале грамматикализации;

б) процесс лексического повтора рематичного компонента предшествующей реплики приводит к возникновению синтаксической фраземы, характеризующейся дополнительными прагматическими смыслами и выполняющей текстообразующую функцию.

2. Тавтологические сочетания системно вступают между собой в отношения синонимии, омонимии, антонимии. Важно отметить, что эти отношения проявляются не на уровне лексики, так как лексическое наполнение вариативно, а на уровне синтаксиса, в эти отношения вступают именно тавтологические конструкции.

Список литературы

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

- Вилинбахова Е. Л. Когда статья – это не статья: отрицательные тавтологии в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Т. 2, вып. 16 (23). С. 441–452.
- Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: ЮКЛ. 2008. 276 с.
- Копотев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки, 2008. 126 с.
- Копотев М. В., Файнвейц А. В. Изучать так изучать: синхрония и диахрония // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 9. С. 29–37.
- Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: ЯСК, 2016. 166 с.
- Матханова И. П., Храмцова Л. Н. Лексико-грамматическая характеристика и особенности функционирования редуцированных существительных в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 272–285. DOI 10.17223/18137083/82/20
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 607 с.
- Руднев Д. В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2007. Вып. 7. С. 89–100.
- Стеклова Т. И. Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа *ну приехал и приехал* // VERBUM: язык, текст, словарь. Екатеринбург, 2006. С. 81–88.
- Стеклова Т. И. Интерпретационный потенциал тавтологических сочетаний Им. п. + Тв. п. // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. Новосибирск, 2007. С. 61–68.
- Стеклова Т. И., Шмелева Т. В. Лексема ФАКТ: идиоматизация и грамматикализация // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием, посвящ. 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2021. С. 113–118.
- Урысон Е. В. Об одном типе русских предложений тождества (Платье и платье, ничего особенного) // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 104–115.
- Харвег Р. Редуцированная речь // НЗЛ. 1978. Вып. 8. С. 383–401.

References

- Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 574 p.
- Kharveg R. Redutsirovannaya rech' [Reduced speech]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1978, iss. 8, pp. 383–401.
- Kopotev M. V., Faynveyts A. V. Izuchat' tak izuchat': sinkhroniya i diakhroniya [To study so to study: synchronicity and diachrony]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007, no. 9, pp. 29–37.
- Kopotev M. V. *Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, 2008, 126 p.

Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transitional units in grammar and vocabulary]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 166 p.

Matkhanova I. P., Khramtsova L. N. Leksiko-grammaticeskaya kharakteristika i osobennosti funktsionirovaniya reduplitsirovannykh sushchestvitel'nykh v sovremen-
nom russkom yazyke [Lexico-grammatical characterization and peculiarities of functioning of reduplicated nouns in modern Russian]. *Siberian Journal of Philology*. 2023, no. 1, pp. 272–285. DOI 10.17223/18137083/82/20

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 607 p.

Rudnev D. V. Mestoimennaya svyazka eto v istoricheskom aspekte [The pronoun conjunction “eto” (this) in the historical aspect]. *Vestnik SPbSU. Series 9*. 2007, iss. 7, pp. 89–100.

Steksova T. I. Interpretatsionnyy potentsial sintaksicheskikh frazem tipa nu priekhal i priekhal [Interpretational potential of syntactic phrases like “nu priekhal i priekhal” (well, you came and came)]. In: *VERBUM: yazyk, tekst, slovar'* [VERBUM: language, text, dictionary]. Ekaterinburg, 2006, pp. 81–88.

Steksova T. I. Interpretatsionnyy potentsial tautologicheskikh sochetaniy Im. p. + Tv. p. [Interpretational potential of tautological combinations of Nominative case + Instrumental case]. In: *Problemy vybora i interpretatsii yazykovogo znaka govoryashchim i slushayushchim* [Problems of choice and interpretation of a linguistic sign by a speaker and a listener]. Novosibirsk, 2007, pp. 61–68.

Steksova T. I., Shmeleva T. V. Leksema FAKT: idiomatizatsiya i grammatikalizatsiya [Lexeme FAKT (FACT): idiomatization and grammaticalization]. In: *Russkiy sintaksis: ot konstruksiy k funktsionirovaniyu. Sb. materialov Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 95-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora Ally Fedorovny Priyatkinoy* [Russian syntax: from constructions to functioning: Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 95th anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Alla Fedorovna Priyatkina]. Vladivostok, Far East Federal University, 2021, pp. 113–118.

Uryson E. V. Ob odnom tipe russkikh predlozheniy tozhdestva (Plat'e i plat'e, nichego osobennogo) [About one type of Russian identity sentences (Dress and dress, nothing special)]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2020, no. 3 (25), p. 104–115.

Vilinbakhova E. L. Kogda stat'ya – eto ne stat'ya: otritsatel'nye tautologii v russkom yazyke [When an article is not an article: negative tautologies in Russian language]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2017, vol. 2, iss. 16 (23), pp. 441–452.

Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. “X est' X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet v sinkhronii i diakhronii [“X is X” means “X means X”?]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2017, no. 3, pp. 110–124.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, 276 p.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Стексова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Tatiana I. Steksova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 24.04.2023
The article was submitted on 26.12.2022;
approved after reviewing on 24.04.2023; accepted for publication on 24.04.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'367

DOI 10.17223/18137083/84/22

**К постановке тире в биноминативном предложении:
случаи сравнительного союза и отрицания
при сказуемом**

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Обсуждаются принципы изучения пунктуационной практики, в частности отбора материала в зависимости от целей изучения. Показано, что для кодификатора изучение практики некомпетентных носителей языка нецелесообразно. Утверждается, что формулировки пунктуационных правил должны поддаваться алгоритмизации и что в своде правил регистрирующий подход, фиксирующий противоречащие друг другу тенденции пунктуационной практики, должен быть исключен. Показано, что учет интонационного принципа пунктуации помогает выявить реально действующую норму постановки тире в биноминативном предложении и позволяет зафиксировать ее в новой компактной формулировке правила.

Ключевые слова

русский язык, пунктуация, интонационный принцип, норма, кодификация, биноминативное предложение, тире

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Создание проспекта научно обоснованного свода правил русской пунктуации» по гранту РФФ № 22-28-01397

Для цитирования

Дымарский М. Я. К постановке тире в биноминативном предложении: случаи сравнительного союза и отрицания при сказуемом // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/84/22

© Дымарский М. Я., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 312–324

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 312–324

A dash in a binominative sentence: cases of a comparative conjunction and negation before the predicate

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

This work discusses the principles of studying the punctuation practices. Particular attention is paid to the selection of material depending on the study objectives. It is shown that developing a codifier does not require studying the practices of incompetent native speakers. It is argued that formulating the punctuation rules should be algorithmizable due to the multifactorial nature of most punctuation rules. When dealing with multiple factors at once, the user is inevitably faced with the question of the order in which to perform the relevant operations. Therefore, capturing the conflicting trends of punctuation practice, the registering approach should be excluded from the rulebook, as it would not allow for the algorithmization of rule application. The fixation of opposite tendencies in some rules of the current code does result in the inapplicability of the rule and its ignorance in punctuation practice. This fact is illustrated by two notes to the rule on a dash in a binominative sentence: when a comparative conjunction or a negation is present. Analyzing the data from the National Corpus of the Russian Language has revealed that the actual norm ignores these notes and relies on the intonational characteristic of the binominative sentence. This study demonstrates that taking into account the intonation principle of punctuation contributes to identifying the actual norm of dash placement in a binominative sentence and allows it to be fixed in a new compact formulation of the rule.

Keywords

Russian language, punctuation, intonation principle, norm, codification, binominative sentence, dash

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project “Creation of a prospectus of a scientifically based set of rules for Russian punctuation” supported by a grant from the Russian Scientific Foundation no. 22-28-01397

For citation

Dymarsky M. Ya. A dash in a binominative sentence: cases of a comparative conjunction and negation before the predicate. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/22

Пунктуационные правила в большинстве своем многофакторны: для того чтобы принять конкретное решение, требуется учесть сразу несколько факторов, причем важно, чтобы была ясна последовательность принятия их во внимание. Исключение составляет, например, правило о выделении / отделении запятыми (или восклицательным знаком) междометий: наличие междометия уже является достаточным фактором для принятия решения; но подобных правил немного.

Формулировки многофакторных правил должны поддаваться алгоритмизации. Ситуации, когда примечание к правилу, вводящее дополнительный фактор, уничтожает возможность его алгоритмизации, должны быть исключены. Случаи, до-

пускающие относительно свободный выбор пунктуационного решения, должны быть прокомментированы таким образом, чтобы пишущий мог ясно представлять, каковы плюсы, минусы и следствия каждого из возможных вариантов; другими словами, и здесь должна быть предусмотрена возможность алгоритмизации.

Регистрирующий подход в своде правил должен быть исключен. Правила должны носить исключительно предписывающий, а не констатирующий характер. Таковы требования, из которых целесообразно исходить кодификатору (подробнее см. [Дымарский, 2021б]).

Последний тезис может показаться самоочевидным; между тем отнюдь не единичны работы, в которых прескриптивный принцип рассматривается как едва ли не устаревший: «Наметились признаки отхода русской пунктуационной нормы от прескриптивной модели в направлении к дескриптивно-ориентированным основам» [Биянова, 2010, с. 5]. Под это подводится и теоретическое обоснование: «Язык динамичен, между пунктуационной нормой и практикой употребления знаков препинания (узусом) имеют место расхождения, и наличие таких отступлений и колебаний выступает фундаментальным признаком пунктуационной системы» [Там же, с. 8]. Стоит отметить, что в утверждении о динамичности языка вообще и пунктуационной системы в частности автор отнюдь не одинок: в этом отношении он следует положениям Б. С. Шварцкопфа [1988], Н. Л. Шубиной [1999] и др. Вопрос, однако, в том, каковы полезные выводы, которые можно сделать из утверждения, что наличие отступлений и колебаний является фундаментальным признаком пунктуационной системы. Эти выводы различаются в зависимости от целей, которые ставит перед собой лингвист. Для ученого, описывающего функционирование пунктуационной системы, этот вывод равен самому утверждению. Но для лингвиста-кодификатора этот вывод состоит в том, что следует стремиться к сокращению разрыва между сводом правил и пунктуационной практикой: в противном случае умножение отступлений и колебаний, бесстрастно фиксируемых дескриптивным подходом, может грозить разрушением самой системы.

Картину, которую мы имеем сегодня, удачно описывает Я. Э. Ахапкина: «...практика письменной речи грамотных носителей языка выходит за пределы школьного курса и системно игнорирует предписания кодификаторов. Письменная речь, как и устная, регулируется внутренними закономерностями, не всегда удачно отраженными в рекомендациях. Соответственно, необходимо различать два понимания “правила”. С одной стороны, это предписание кодификаторов, с другой – тенденция, отражающая принятую в пишущем сообществе практику, опирающаяся на традицию авторитетных текстов и рефлексию пишущих» [2021, с. 216]. И ниже: «Работает базовое широкое правило <...> узкая вариация с исключением <...> остается неизвестной или признается неважной» [Там же, с. 224].

Однако это лишь часть общей картины, связанная с «практикой письменной речи грамотных носителей языка». И. Е. Ким идет дальше и предлагает изучать практику полуграмотных носителей, которые составляют, как известно, абсолютное большинство и пишут, например, так:

(1) *Как оказалось ППС, отлично подвержен модернизации и на него можно устанавливать телескопический приклад и коллиматорный прицел* [Ким, 2021, с. 256] (ППС = пистолет-пулемет Судаева), –

т. е. допускают двойную ошибку, не выделяя вводное предложение и ставя ничем не мотивированную запятую между составами подлежащего и сказуемого. По мнению автора, возможна альтернативная интерпретация этого казуса: пишущий не допустил ошибку, а «отделил вводную предикативную единицу, однако с точки зрения коммуникативного членения отделяемая по правилу синтагма слишком коротка для отделения, поэтому автор перенес запятую на графическое слово вправо, сформировав приемлемую с количественной точки зрения синтагму. Таким образом, автор нашел компромисс между грамматическим и коммуникативным членением, поставив ПЗ (пунктуационный знак. – *М. Д.*) для грамматического членения, но сдвинув его в пользу коммуникативного» [Ким, 2021, с. 256]. Из каких критериев краткости или достаточности длины синтагмы для ее отделения нужно при этом исходить – не объясняется; каким образом синтагматическое членение связано с коммуникативным – тоже (хотя эта связь далеко не всегда очевидна); что позволяет утверждать, что пишущий стремился отделить вводный компонент, но «перенес запятую» (?!!), – тоже нет. По-видимому, в постулируемой И. Е. Кимом «пунктуации слушающего», опирающейся на подход, который автор именуется «семасиологическим описательным», подобные критерии и не должны раскрываться: ведь речь идет о том, из чего исходил сам пишущий, а это известно – если известно – только ему...

Свобода интерпретаций, открывающаяся на этом пути, весьма заманчива, но непонятно, кому и зачем она нужна. Показательно, что утверждение автора, согласно которому «семасиологический» подход «предполагает первоначальное наличие коммуникативной и смысловой задачи, для которой говорящий / пишущий должен найти адекватное языковое выражение» [Там же, с. 253], не находит продолжения при анализе автором примеров вроде (1) на с. 255–257, где понятия «коммуникативной и смысловой задачи» не упоминаются ни разу.

Возможна альтернативная предлагаемой И. Е. Кимом интерпретация: пишущий поставил запятую там, где, по его мнению, при чтении фразы делается пауза. Это предрематическая пауза, сопровождаемая подъемом тона на теме (*ППС*). При такой интерпретации начинает даже просматриваться простейшая «коммуникативная и смысловая задача», которую стремился решить пишущий: подчеркнуть коммуникативное членение высказывания. Беда лишь в том, что ни пунктуационной практикой грамотных носителей языка, ни кодифицированной нормой такой способ подчеркивания коммуникативного членения не предусмотрен; это не отступление, не колебание и не один из возможных вариантов, а ошибка. В чем смысл изучения подобных ошибок? Для их предупреждения создаются методические пособия, справочники; свод же правил пунктуации должен стремиться к возможно более полному и точному отражению нормы, но не узуса, тем более – его заведомо некомпетентной составляющей.

Употребляя вслед за Л. В. Щербой выражение «окаменелость языка», автор пишет, что она «в нормативном подходе связана с тем, что в нем подпадающая под описание пунктуационная практика сужается до той, которая одобряется пунктуационной нормой» [Там же, с. 254], в то время как «семасиологический описательный подход допускает множественность интерпретации пунктуационного оформления текста, а также оценивает не только нормативность принятого пунктуационного решения, но и его эффективность при разрешении пунктуационных ситуаций, к которым относятся ситуации членения и организации текста» [Там же, с. 256]. Ключевым здесь является понятие пунктуационной нормы, которое И. Е. Ким, судя по всему, приравнивает к своду правил, к кодификации – так

же, как и М. В. Биянова (см. выше). Это не представляется верным, и прежде всего потому, что применительно к пунктуации целесообразно говорить не о бинарной оппозиции узуса и нормы (= кодификации), а о тернарной: узус – норма – кодификация.

А. Д. Шмелев пишет: «В триаде узус – норма – кодификация непосредственному наблюдению подвержены первый и последний члены триады: реальная речевая практика носителей языка и описание языковой нормы в нормативных справочниках. При этом кодификация в целом более консервативна, нежели узус. Что касается нормы, она реконструируется на основе наблюдения над узусом и соотнесения данных наблюдений как с данными справочников, так и с эксплицитными суждениями носителей нормы (образованных носителей языка)»; «само понятие о норме возникает, когда в узусе наблюдается (или хотя бы может наблюдаться) вариативность, так что у носителей языка возникает желание как-то оценить эти варианты. При этом существенно, что какие-то варианты оцениваются носителями языка как “неправильные” или хотя бы менее желательные. Для выработки нормативных рекомендаций существенно не то, какой вариант выбирает “некомпетентный” носитель языка, не знакомый с существующими рекомендациями, а то, как “компетентный” носитель языка (носитель нормы), опирающийся на рекомендации справочников и словарей, оценивает существующие варианты» [Шмелев, 2021, с. 17]. Пунктуационная норма не всегда задана правилами: она, вообще говоря, существует независимо от них, и задача кодификатора состоит прежде всего в выявлении этой нормы и в таком формулировании правил, которое будет максимально ей соответствовать. К трактуемому таким образом понятию нормы близко и понятие «другого правила», предлагаемое Я. Э. Ахапкиной (см. цитату выше). Искать же норму в практике некомпетентного носителя языка, порождающего пунктуационные решения вроде (1), бессмысленно.

Ниже будут рассмотрены два случая, когда примечание к правилу, вводящее дополнительный фактор, уничтожает возможность его алгоритмизации. Вопрос заключается в том, каким образом эта ситуация может быть исправлена, чтобы формулировка правила была приведена в соответствие с перечисленными выше требованиями, а главное – приближена к реально существующей норме. Для этого необходимо прежде всего оценить, что в пунктуационной практике компетентных носителей языка следует считать нормой.

1. Речь пойдет об одной тонкости пунктуации в биноминативном предложении с нулевой связкой: если сказуемому предшествует сравнительный союз, то тире отменяется.

В § 15 ПАС читаем (здесь и ниже цитируется [ПАС, 2009]):

«**Тире** между подлежащим и именным сказуемым **не ставится**:

<...> 5. Если сказуемое выражено оборотом со сравнительными частицами *как, словно, что, точно, вроде как* и др.: *Жизнь как легенда; Небо словно раскинутый шатер; Брошка вроде как пчелка* (Ч.); *Лес точно сказка; Неделя что один день. Быстро проходит; Пруд как блестящая сталь* (Фет). Не ставится тире и при *как*, вводящем сказуемое, лексически совпадающее с подлежащим: *Льды как льды, пустыни как пустыни* (Кав.); *Деревня как деревня; Домик как домик – старенький, темный* (Шукш.).

Примечание. При акцентировании сказуемого (обычно в стилистических целях) тире возможно: *Этот одинокий и, может быть, совершенно случайный выстрел – словно сигнал* (Фурм.); *Во рту у него горько от табаку-самосаду, голова – как гиря* (Шол.); *Чернеющие прогалины – как черные острова в белом*

снежном море (Бун.); *Млечный Путь – как большое общество* (Б. Паст.); *Луна в небе – как среднеазиатская дыня* (Ток.)».

Если оставить в стороне не вполне ясную квалификацию перечисленных в начале п. 5 союзов как «сравнительных частиц»¹, главное, что вызывает сомнение в цитированном пункте ПАС, – полная неизвестность относительно того, как следует применять примечание к нему. Понятия «акцентирование сказуемого» и «стилистические цели» никак не прокомментированы, хотя они отнюдь не представляются ясными по умолчанию. Ни понять из формулировки правила, ни вывести путем анализа примеров, в каких случаях, на основании каких признаков можно считать сказуемое акцентированным, какие именно «стилистические цели» релевантны, а какие нет, – невозможно. Увидеть значимые стилистические различия между примерами с тире и без него также затруднительно; смысловые – тем более. Зато легко представить себе предложения из основной части п. 5 с тире (*Жизнь – как легенда; Неделя – что один день*), а предложения из примечания – без тире (*Луна в небе как среднеазиатская дыня*).

Примечание, таким образом, уничтожает возможность алгоритмизировать применение правила, а следовательно, фактически уничтожает и само правило. Единственное заключение, к которому может прийти читатель, сводится к тому, что «можно и так, и так»; при этом правило превращается в потенциальный инструмент необъективной оценки ученических работ.

Д. Э. Розенталь формулировал это правило сходным образом, хотя некоторые расхождения имеются:

«**Примечание.** Тире обычно не ставится, хотя подлежащее и сказуемое выражены именительным падежом существительного:

<...> 2) если в роли связки выступают сравнительные союзы *как, будто, словно, точно, всё равно как, всё равно что, вроде как* и т. п., например: *Пруд как блестящая сталь* (Фет); *Ты меж сестёр словно горлинка белая промежду сизых, простых голубей* (Некрасов); *У тебя брошка вроде как пчёлка* (Чехов); *Дома города точно груды грязного снега* (Горький).

Отступления от этого правила связаны с прежними пунктуационными нормами или с желанием подчеркнуть оттенок сравнения, содержащийся в сказуемом, например: *Тишина – как льдинка, её ломаешь даже шёпотом* (Леонов); *Твои речи – будто острый нож...* (Лермонтов); *...Такая фраза – всё равно что большой шлем в ермаше* (Тургенев); *Деревья по сторонам её – точно незажжённые факелы...* (Горький)» [Розенталь, 1997].

Отсылку к прежним пунктуационным нормам здесь по понятным причинам не рассматриваем; указание же на «желание подчеркнуть оттенок сравнения» представляется более содержательным критерием, нежели «акцентирование сказуемого» в «стилистических целях». Однако и наличие / отсутствие желания подчерк-

¹ В «Русской грамматике» упоминаются частицы, которые «совмещают значение уверенности, неясности с функцией союза, вводящего недостоверное сравнение». Их список частично совпадает со списком в цитированном параграфе ПАС (*ровно, точно, словно, будто, будто бы, как будто*), но примеры иллюстрируют их функционирование при введении сравнительного придаточного: «Проснулся он от конского топота и еще какого-то странного, незнакомого ему звука, словно били чайником о чайник (В. Иванов)» [РГ, 1980, с. 730]. Разряда или подразряда «сравнительных частиц» «Русская грамматика» не выделяет. В пособии [Былинский, Розенталь, 1961, с. 13], с § 15 которого рассматриваемый фрагмент ПАС обнаруживает заметную преемственность, эти слова названы сравнительными союзами.

нать оттенок сравнения представляет собой величину, допускающую произвольные толкования, поэтому служить надежной опорой в выборе варианта с тире или без него также не может. Единственное принципиальное различие между формулировками ПАС и Д. Э. Розенталя заключается в том, что последний рассматривает использование тире при наличии сравнительного союза как отступление от правила, т. е., строго говоря, нарушение нормы, в то время как ПАС признаёт такое тире – при названных, но неясных условиях – нормативным. Если же учесть тот факт, что К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь в 1961 г. не упоминали о желании подчеркнуть оттенок сравнения и трактовали тире при наличии сравнительного союза только как отступление, объясняемое «влиянием прежних пунктуационных норм» [Былинский, Розенталь, 1961, с. 13], то нарастание разрешительной тенденции за полвека становится очевидным.

На фоне этой тенденции обращает на себя внимание замечание Н. С. Валгиной: «В других случаях, например при наличии сравнительного союза, тире факкультативно, оно выполняет лишь экспрессивную функцию: *Впрочем, всякое приключено, срок войны – что жизни век* (А. Твардовский); *Настоящая литература – как липовый цвет* (К. Паустовский); *Пальцы – словно канат, которым пни корчуют* (С. Крутилин). Такое тире уходит из употребления, прежде оно было нормой...» [Валгина, 1983, с. 72]. Любопытно, что два десятилетия спустя автор об этом употреблении тире уже вообще не упоминает – видимо, не относя его к актуальным проблемам современной русской пунктуации [Валгина, 2004, с. 63–67; 119–123].

О том, действительно ли «такое тире уходит из употребления», можно судить по данным НКРЯ. Поиск, правда, затрудняется тем, что в запросе приходится указывать два существительных в Им. п., между которыми имеется сравнительный союз; в результате автоматически формируется массив примеров, среди которых доминируют предложения со сравнительными оборотами или сравнительными придаточными, и отсеять их можно только вручную. Поэтому были рассмотрены данные, полученные только по трем запросам: с союзами *словно*, *как* и *будто* (дата обращения 20.12.2022). В каждом случае примеры отбирались путем сплошной выборки с первых 50 страниц выдачи. Результаты следующие:

1) *словно*: всего примеров – 77; из них с тире перед союзом – 57 (74 %), без тире – 20 (26 %);

2) *как*: всего примеров – 73; из них с тире перед союзом – 30 (41 %), без тире – 43 (59 %);

3) *будто*: всего примеров – 23; из них с тире перед союзом – 14 (61 %), без тире – 9 (39 %).

Стоит подчеркнуть, что хронологически самые ранние примеры в выборке для *словно* относятся к 2001 г., для *будто* – к 1997 г., и лишь в выборке для *как* из 43 примеров без тире перед союзом 10, а из 30 примеров с тире – 5 датированы ранее 1960 г. В совокупности эти факты позволяют с уверенностью утверждать, что тире перед сравнительным союзом в биноминативном предложении отнюдь не «уходит из употребления»: наоборот, в современном узусе оно преобладает.

Вот несколько примеров:

(2) *Этот поплавок – словно привет из далёкого советского детства* (В. Кузнецов. Путешествие к тайнам Яман-Елги // «Бельские просторы», 2013);

(3) *Ребенок – словно зеркало, словно мое отражение* (А. Волков. Девять месяцев до второй жизни // «Знание – сила», 2006);

(4) *Вельможи* ее – *словно волки, терзающие добычу* (Библия. Современный русский перевод. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля (2011));

(5) *А в конспекте уроков писал: «...весенние дымы – как белые журавли; они парят высоко и привольно; осенние дымы – как рябь на глади вод...»* (Е. М. Стрелков. Воздушная Арктика. Монолог-альбом // «Волга», 2009);

(6) *Этот небольшой сборничек – как привет из прошлого* (Ю. Рахаева. Как стать успешным черным котом // «Известия», 2003.02.06);

(7) *Ненависть – фатальное чувство, такое же, как любовь, но со знаком минус. Ненависть – как эпидемия* (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002);

(8) *Чашка кофе у распахнутого окна – будто приглашение в день, полный исполненных обещаний, предвкушений, растянутых часов и минут* (К. В. Арутюнова. Падают снег, летит птица // «Волга», 2016);

(9) *Золотые сосны – будто башни, бархатные ели – будто терема* (В. Бахревский. Сказки о братцах-ежихах // «Мурзилка», 2000);

(10) *Когда я вижу слово в книге, мне не нужно его разбирать по буквам, слово – будто рука, которая касается каких-то струн в моей душе...* (митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопились...» (1998–1999)).

Таким образом, нарастание разрешительной тенденции, отменившей у тире перед сравнительным союзом статус отступления от нормы, и реальный узус вполне согласуются друг с другом. Поэтому целесообразно усовершенствовать формулировку нормативной рекомендации, вернув правилу алгоритмизируемость.

Примеры (2)–(10) вполне допускают изъятие тире. При этом, безусловно, произойдут изменения, касающиеся акцентирования сказуемого и желания подчеркнуть оттенок сравнения: они станут менее ощутимы. Однако наблюдать подобные изменения затруднительно. А вот поддающимся наблюдению изменениям подвергнется при этом интонационное оформление высказывания: 1) станет менее выраженным тематический акцент ИК-3 на подлежащем; 2) исчезнет предрематическая пауза.

Вывод очевиден: «акцентирование сказуемого» (в стилистических ли, в иных ли целях), «желание подчеркнуть оттенок сравнения» – эти трудноизмеримые величины имеют вполне определенное материальное выражение: интонационное. И именно эти признаки интонирования – явный тематический акцент на подлежащем (выраженный подъем тона) и предрематическую паузу – имеют в виду пишущие, ставя обсуждаемое тире. Другими словами, реально существующая норма предполагает тире именно в этих условиях.

В [Дымарский, 2021а, с. 31] была предложена обновленная формулировка фрагмента правила, но без учета обсуждаемого в данном случае пункта. Можно ввести в эту формулировку упоминание о сравнительных союзах, но такое упоминание окажется лишним условием, потому что в реальности наличие сравнительного союза на пунктуационное решение не влияет. Следовательно, сохраняем прежний вариант: **при нулевой связке между составами подлежащего и именного сказуемого в именительном падеже ставится тире, если состав подлежащего произносится с подъемом тона, а перед составом сказуемого делается краткая пауза; при употреблении на месте нулевой связки слов *вот, это, это***

есть, а также при выражении хотя бы одного из главных членов инфинитивом подъем тона, пауза и тире обязательны.

Алгоритмизируемость применения правила при такой его формулировке очевидна. Порядок операций следующий:

1) анализируем грамматическую основу предложения: если имеется ненулевой глагол в спрягаемой форме, то правило неприменимо; если связка нулевая и хотя бы один из главных членов выражен инфинитивом – ставим тире; при других способах выражения главных членов –

2) проверяем наличие слов *вот, это, это есть*: при их наличии ставим тире; при их отсутствии –

3) анализируем интонационное оформление предложения (произносим его (мысленно) вслух): если состав подлежащего произносится с явным подъемом тона, а перед составом сказуемого имеется краткая пауза – ставим тире; в противном случае тире не ставим.

2. Теперь рассмотрим еще один важный пункт того же параграфа:

«§ 15. **Тире** между подлежащим и именным сказуемым **не ставится**:

<...> 3. Если при сказуемом-существительном имеется отрицание: *Пейзаж не довесок к прозе и не украшение* (Пауст.); *Россия не Петербург, она огромная* (Пришв.); *Старость не радость* (посл.). Однако при противопоставлении сказуемое с отрицанием требует постановки тире (не... а): *И в то же время замечал, что он – не господин в своем доме, а лишь составная часть его* (М. Г.) (ср. без противопоставления: *Он не господин в своем доме*)».

Казалось бы, в этой формулировке противоречий нет. Сложность можно видеть, пожалуй, в том, что, во-первых, применение правила требует знания той тонкости, что наличие противопоставления отменяет отмену тире, возникающую при наличии отрицания, а во-вторых – в многоступенчатости логических операций: сначала необходимо идентифицировать биноминативное предложение с нулевой связкой (должно быть тире), затем увидеть отрицание (тире отменяется), затем обнаружить противопоставление (тире возвращается). Возможно, именно поэтому реальный узус плохо поддерживает цитированную формулировку.

При обращении к Основному подкорпусу НКРЯ по запросу «существительное в И. п. + на расстоянии от 1 до 2 частица **не** + на расстоянии от 1 до 1 существительное в И. п.» была получена выборка, первые 14 страниц которой включают 256 вхождений (дата обращения 15.01.2023). После отсеивания «шума» осталось 114 вхождений, из них с тире – 57 (50 %). Из 57 примеров с тире противопоставление имеется лишь в 13 (11 % от общего количества вхождений, 23 % от количества примеров с тире). В 44 случаях из 57 (77 %), таким образом, тире «незаконно», так как противопоставление при отрицании отсутствует.

Вот примеры с таким «незаконным» тире:

(11) *Но книга – не развёрнутая справка и не письмо* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999));

(12) *Стоял дебаркадер на реке Вологде, ниже так называемой Золотухи, про Золотуху тут пелось: «Город Вологда – не город, Золотуха – не река», далее там непристойность идёт...* (В. Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000);

(13) – *Нет, братушка, ты – не дурак*, – искренне сказала Катерина (Б. Екимов. Пиночет (1999));

(14) *Ведь это – не описка и не результат небрежности* (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001);

(15) *А он что? Невнимание – не наказание, пережить можно* (В. Быков. Главный кригсман (2002)).

Стоит обратить внимание на то, что в примерах (13) и (14) в позиции подлежащего находится не существительное, а местоимение-существительное. Постановка тире в этом случае противоречит еще и п. 1 того же параграфа (тире не ставится, «если подлежащее выражено личным или указательным местоимением»; к этому пункту есть примечание, разрешающее тире в трех случаях: 1) «все предложение заключает в себе вопрос, сопровождаемый удивлением», 2) «при подчеркивании указания на данный предмет», 3) «при противопоставлении», – но ни один из этих случаев в данных примерах не наблюдается). Кроме того, обращает на себя внимание авторство примера (14): это известнейший специалист, профессиональный редактор, автор множества пособий по редактированию, культуре издательского дела, инициатор выпуска «Справочника по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (!) и мн. др.

Вывод из этих фактов следующий. Узус фактически игнорирует рекомендации кодификаторов: даже при наличии достаточно ясной формулировки (правда, предполагающей многоступенчатую аналитическую процедуру) пишущие руководствуются не ею, а своим ощущением, интуицией: здесь напрашивается тире, предложение без него «не смотрится». Если же вдуматься, что стоит за этими «не смотрится, напрашивается», то придется признать, что пишущим необходимо зафиксировать интонационный рисунок, предполагающий выраженный подъем тона (ИК-3) на составе подлежащего и предрематиическую паузу перед составом сказуемого.

Следовательно, в реальной практике письма наличие отрицания при сказуемом не оказывает существенного влияния на пунктуационное оформление бинаминативного предложения. Решающую роль играет требующийся пишущему интонационный рисунок. За этим интонационным решением в разных случаях могут скрываться различные факторы: и желание подчеркнуть оттенок сравнения, и акцентирование сказуемого, и стремление подчеркнуть противопоставление, выраженное или подразумеваемое, – но интонация оказывается действенным средством, сигнализирующим о повышенной смысловой нагрузке на составе сказуемого. Именно интонационный фактор позволяет с достаточной мерой надежности определить наличие этой повышенной смысловой нагрузки, подчеркнутую расчлененность высказывания, и нет никаких оснований не учитывать это положение дел при формулировании правила. Как и в предыдущем случае, реально действующая норма предполагает тире при указанных условиях, независимо от наличия или отсутствия отрицания и противопоставления при нем.

Таким образом, рассматриваемый случай – наличие отрицания при сказуемом – следует учесть в приведенной выше формулировке, тем более что для этого в нее не придется вносить никаких изменений: решающий фактор – выраженный подъем тона на составе подлежащего и пауза перед составом сказуемого – в ней уже зафиксирован, а наличие или отсутствие отрицания при сказуемом, как было показано выше, существенным фактором для принятия пунктуационного решения не является. Соответствующий пункт правила при этом опускается за ненужностью; формулировка становится более лаконичной, а главное – соответствующей реально существующей норме. При желании можно добавить к формулировке

примечание о том, что наличие отрицания или сравнительного союза на принятие пунктуационного решения не влияет.

3. Интонационный принцип, признаваемый действенным в существующей теории пунктуации, должен учитываться при кодификации более широко. Как показано выше, в некоторых случаях учет интонационного оформления высказывания помогает выявить реальную пунктуационную норму, сложившуюся в практике компетентных носителей языка, что может служить надежной опорой для кодификатора.

Список литературы

Ахапкина Я. Э. Иерархия пунктуационных правил: пределы усвоения // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 215–226.

Биянова М. В. Пунктуационные системы: синхронный и диахронный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 24 с.

Былинский К. И., Розенталь Д. Э. Трудные случаи пунктуации. М.: Искусство, 1961. 232 с.

Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 176 с.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

Дымарский М. Я. Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2021а. С. 23–33.

Дымарский М. Я. Еще раз о системности пунктуации // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021б. № 3. С. 238–251.

Ким И. Е. Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономазиологический и семасиологический подход в пунктуации // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 252–259.

ПАС = Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с. URL: <http://orthographia.ru/> (дата обращения 24.12.2022).

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: ИК «Комплект», 1997. URL: <http://rosental-book.ru/> (дата обращения 24.12.2022).

РГ – Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. 784 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с.

Шмелев А. Д. Вопросы пунктуации в работе Орфографической комиссии Российской академии наук: лингвистические основы кодификации // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2021. С. 15–21.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: Монография. СПб., 1999. 297 с.

References

- Akhapkina Ya. E. Ierarkhiya punktuatsionnykh pravil: predely usvoeniya [Hierarchy of punctuation rules: limits of assimilation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021, no. 3, pp. 215–226.
- Biyanova M. V. *Punktuatsionnye sistemy: sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty* [Punctuation systems: synchronic and diachronic aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Izhevsk, 2010, 24 p.
- Bylinskiy K. I., Rozental' D. E. *Trudnye sluchai punktuatsii* [Difficult cases of punctuation]. Moscow, Iskustvo, 1961, 232 p.
- Valgina N. S. *Trudnye voprosy punktuatsii: Posobie dlya uchitelya* [Difficult punctuation issues: A teacher's guide]. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 176 p.
- Valgina N. S. *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii* [Actual problems of modern Russian punctuation]. Moscow, Vyssh. shk., 2004, 259 p.
- Dymarskiy M. Ya. Intonatsionnyy printsip russkoy punktuatsii i ego primeneniye v formulirovках pravil [The intonation principle of Russian punctuation and its application in the wording of the rules]. In: *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte* [Language and method. Russian language in linguistic studies of the 21st century. VII. Russian punctuation in the communicative aspect]. D. Shumska, K. Ozga (Eds.). Krakow, Jagiellonian Univ. Press, 2021a, pp. 23–33.
- Dymarskiy M. Ya. Eshche raz o sistemnosti punktuatsii [Once again on the systemic character of punctuation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021b, no. 3, pp. 238–251.
- Kim I. E. Punktuatsiya “govoryashchego” i punktuatsiya “slushayushchego”: onomasiologicheskii i semasiologicheskii podkhod v punktuatsii [Punctuation of the “speaker” and punctuation of the “listener”: onomasiological and semasiological approaches in punctuation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021, no. 3, pp. 252–259.
- Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: Polnyy akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation: A complete academic reference book]. Lopatin V. V. (Ed.). Moscow, 2009, 432 p. URL: <http://orthographia.ru> (accessed 24.12.2022).
- Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike* [Reference book on spelling and stylistics]. Moscow, IK “Komplekt”, 1997. URL: <http://rosental-book.ru> (accessed 24.12.2022).
- Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Shvedova N. Yu. (Ed.). Moscow, 1980, vol. 1, 784 p.
- Shvartskopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovaniye* [The contemporary Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow, Nauka, 1988, 191 p.
- Shmelev A. D. Voprosy punktuatsii v rabote Orfograficheskoy komissii Rossiyskoy akademii nauk: lingvisticheskie osnovy kodifikatsii [Issues of punctuation in the work of the Spelling Committee of Russian Academy of sciences: the linguistic basics of codification]. In: *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte* [Language and method. Russian language in linguistic studies of the 21st century. VII. Russian punctuation in the communicative aspect]. D. Shumska, K. Ozga (Eds.). Krakow, Jagiellonian Univ. Press, 2021, pp. 15–21.

Shubina N. L. *Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoy sisteme russkogo teksta: Monografiya* [Punctuation in the communicative-pragmatic aspect and its place in the semiotic system of the Russian text: Monograph]. St. Petersburg, 1999, 297 p.

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, старший научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

Information about the author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University), Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

*Статья поступила в редакцию 09.02.2023;
одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 09.03.2023
The article was submitted on 09.02.2023;
approved after reviewing on 09.03.2023; accepted for publication on 09.03.2023*

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.17223/18137083/84/23

**Множественная вариативность модусных смыслов
в высказываниях адресатов
как следствие конфликта интерпретаций
(на материале «Словаря событийных концептов Кузбасса»)**

Лидия Густовна Ким

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Аннотация

В статье, выполненной в русле интерпретационной лингвистики в ее адресатоцентричном преломлении, обсуждается проблема конфликта интерпретаций, механизма его протекания, его причин и следствий, выявления модусных значений как результата интерпретационной деятельности адресата, обусловленной его дотекстовыми ожиданиями. Проблематика исследования обусловлена двумя группами факторов: фактором текста и фактором адресата. Материалом для исследования являются метатекстовые высказывания, извлеченные из словарных статей «Словаря событийных концептов Кузбасса». Установлено, что в зависимости от типа интерпретируемого текста и дотекстовых ожиданий адресата их оценочные речевые высказывания образуют систему оппозиций: позитивные / негативные; эмоционально-оценочные / аргументативно-оценочные; холистические / элементаристские; отражающие единство / противопоставленность власти и народа; суждения, выражающие доверие / недоверие к власти.

Ключевые слова

лингвистический интерпретационизм, адресатоцентризм, фактор адресата, дотекстовые ожидания, интерпретирующий текст, конфликт интерпретаций, модусные смыслы

Для цитирования

Ким Л. Г. Множественная вариативность модусных смыслов в высказываниях адресатов как следствие конфликта интерпретаций (на материале «Словаря событийных концептов Кузбасса») // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 325–337. DOI 10.17223/18137083/84/23

**Multiple variability of modus meanings in addressees' statements
resultant from the conflict of interpretations
(a case study of the "Dictionary of Kuzbass event concepts")**

Lidia G. Kim

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Abstract

The paper discusses the problem of identifying modus meanings arising from the interpretative activity of addressees due to their pre-textual expectations. The relevance of the research

© Ким Л. Г., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 325–337
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 325–337

is determined by the need to study the dictum-modus content of interpretive statements as secondary texts that result from the addressee's mental and speech activity. The aim is to identify the modus meanings realized in interpretive texts. The hypothesis is suggested that the variability/conflict of the modus meanings of interpretive texts is due to the discrepancy of the pre-textual expectations of an addressee. Consideration is given to the cognitive plan of the conflict of interpretations embodied in dictum-modus manifestations, i.e., the addressees' speech utterances. The material for the study embraces metatext statements extracted from the dictionary entries of the "Dictionary of Kuzbass event concepts." The statements that interpret different meanings of modus are found to create a system of opposing ideas when viewed as a whole. These are positive/negative oppositions, depending on the type of modal meaning; emotional-evaluative/argumentative-evaluative, depending on the language organization; holistic/elementary ones, depending on the applied interpretive strategy; ones representing the unity with/the opposition to the government and the people depending on the content; and judgments expressing trust/distrust, depending on the degree of trust in the decisions and actions of the authorities. The types of oppositions and their number are defined by the factor of the interpreted text and the factor of the addressee's pre-textual expectations determining its modus.

Keywords

linguistic interpretationism, addressee-centrism, addressee factor, pre-textual expectations, interpretive text, conflict of interpretations, modus meanings

For citation

Kim L. G. Multiple variability of modus meanings in addressees' statements resultant from the conflict of interpretations (a case study of the "Dictionary of Kuzbass event concepts"). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 325–337. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/23

Введение

Статья, выполненная в русле интерпретационной лингвистики [Демьянков, 1990; 1994] в ее адресатоцентричном преломлении [Ким, 2010], включена в контекст исследований, обсуждающих проблему *конфликта интерпретаций* (понятие, которое ввел П. Рикёр [2008]. – Л. К.), механизма его протекания, его причин и следствий, выявления модусных значений как результата интерпретационной деятельности адресата, обусловленной его дотекстовыми ожиданиями. Проблематика исследования обусловлена двумя группами факторов: *фактором текста* и *фактором адресата*. Онтология текста заключается, с одной стороны, в единственности его формы, воплощающей интенциональность автора, а с другой – в реальной множественности и вариативности реализации его диктумно-модусного содержания как результата интерпретационной деятельности адресата.

В настоящей статье развиваются идеи семиотики, философии постмодернизма, когнитивной лингвистики, теории интерпретации, теории адресатоцентризма и модусоцентризма, раскрывающие природу текста и аспекты его описания.

Предлагаемое исследование актуализирует идею принципиальной нетождественности формы и содержания текста, которая является ключевой для семиотики Ю. М. Лотмана, У. Эко и др. (см., например, тезисы Ю. М. Лотмана о тексте в процессе движения: «Читатель вносит в текст *свою* личность, *свою* культурную память, коды и ассоциации» [Лотман, 2004, с. 219]; идею открытого текста У. Эко: «<...> то, что называется "сообщением", обычно представляет собой некий *текст*, т. е. целый комплекс различных сообщений, закодированных различными кодами и функционирующих на различных уровнях означивания (signification)» [Эко, 2007, с. 15]). Важными также являются такие ключевые понятия

философии постмодернизма, как *ризома*, *ризоморфный клубок*, постулирующие *принцип нелинейности*, *децентрализованности текста*, *принцип отрицания означающего*, *принцип множественности* [Делёз, Гваттари, 1996, с. 15]. При выполнении исследования мы также учитывали базовые оппозиции, обуславливающие природу многозначности языковых единиц и текста в целом: дискретность и континуальность, производимость и воспроизводимость, кодирование и декодирование, определяющие постановку и решение проблемы возможности / невозможности идентификации смыслов автора и адресата, тождества / вариативности интерпретации смысла разными слушающими.

Разработка этих идей позволяет нам определить природу текста как носителя потенциала вариативно-интерпретационного функционирования и, следовательно, как фациенса коммуникативного процесса (подробнее об этом см. в работе [Голев, Ким, 2009]). В плане содержания текст представляет собой пучок потенциальных диктумно-модусных смыслов, которые реализуются в процессе интерпретационной деятельности адресата. Адресат, согласно нашей концепции, изложенной в ряде опубликованных ранее работ [Голев, Ким 2008; Ким, 2022], является самостоятельным фациенсом коммуникативного процесса. Его рецептивно-интерпретационная деятельность представляет собой не механическое обратное действие декодирования замысла автора и «вычисления» его означаемого, а креативный процесс, детерминированный интенциональностью и пресуппозициями адресата как языковой личности, с применением типовых для него интерпретационных стратегий. Результатом этой деятельности является актуализация одного означаемого (смысла) из пучка потенциально возможных; означаемого, которое, являясь релевантным для адресата в условиях конкретной коммуникативной ситуации, соответствует или не соответствует его дотекстовым ожиданиям, его картине мира. Следствием этого является множественность и вариативность означаемых, которые находятся в разной степени согласования / рассогласования / конфликта.

Адресатоцентричная концепция, развитию которой посвящена данная статья, в современной научно-лингвистической парадигме является достаточно привлекательной для исследователей, поскольку содержит объяснительный потенциал, позволяющий описывать коммуникативный процесс с учетом адресата. Не случайно в ряде работ актуализируется фактор адресата, определяющий как структуру и содержание разных типов и жанров дискурса, так и результат декодирования текста. В подтверждение можем сослаться не только на ключевую в этом смысле работу Н. Д. Арутюновой «Фактор адресата» [1981], но и на ряд публикаций последних лет (см. [Караджев, 2014; Крапивкина, 2019; Климик, 2020; Куницына, 2021; Белов, 2022; Осетрова, Сквородкина, 2022; Ракова, 2022] и др.). При этом теория интерпретации с учетом фактора адресата нуждается в дальнейшем развитии, что позволит найти ответы на ключевые вопросы интерпретационного функционирования текста, многозначность которого есть неизбежное следствие устроения и функционирования естественного языка.

Развиваемая в настоящей статье адресатоцентричная концепция актуализирует ее *модусоцентричную направленность*. Во многих лингвистических работах, освещающих организацию содержательного плана дискурса, диктум и модус рассматриваются в качестве облигаторных содержательных компонентов передаваемой адресату информации с признанием определяющей роли диктума [Белошапкина, 1989; Колосова, 1979; Копытов, 2012; Мишланов и др., 2021; Шмелева, 1994]. Согласно реализуемой в настоящей статье концепции, опирающейся на

работы Н. Д. Голева [Голев, Григорьева, 2022], напротив, модус имеет примат над диктумом. «Модус первичен в деятельностном плане речепорождения, так как коммуникация детерминирует когницию, а прагматика – семантику. Эта модель строится на первичности цели по отношению к ее результатам» [Голев, Григорьева, 2022, с. 74].

Актуальность предлагаемого исследования мы видим в необходимости изучения диктумно-модусного содержания *интерпретирующих высказываний* как вторичных текстов, являющихся результатом ментально-речевой деятельности адресата. Такое исследование позволит установить механизм деятельности субъекта восприятия, выявить его пресуппозиции и когнитивные ожидания, следствием которых является выражение негативного или позитивного модуса в интерпретирующем высказывании, т. е. конфликт интерпретаций как в диктумном, так и в модусном (аксиологическом) проявлении.

Аксиологический подход, реализуемый в современных исследованиях, дифференцирует понятия *событие – факт – суждение / высказывание* [Арутюнова, 1999]. Человек вычленяет фрагмент действительности, рассматривая его под определенным углом зрения. Затем наше знание об этом фрагменте переводится в совокупность словесных (вербальных) суждений или высказываний. Факт не существует в самой действительности: это результат нашего осмысления или переработки информации о действительности, вербализованный в суждениях [Базылев и др., 1997]. Следовательно, суждение (высказывание) характеризуется субъективностью и оценочностью.

Аксиология постулирует релевантность оппозиций: эмоции / логика; правополушарная / левополушарная деятельность; холизм / элементаризм; дискурс / лексика. Эти понятия являются для нас релевантными в проведении исследования.

В научной школе «Социально-когнитивное функционирование языка», возглавляемой профессором Н. Д. Голевым, реализуется аксиологический подход к исследованию речевых единиц. Поэтому в «Словаре обыденных толкований политических терминов» (ред. Н. Д. Голев) [2019] наряду с традиционными вопросами по отношению к словам-стимулам о значении этих слов и об ассоциациях, которые они вызывают, были введены вопросы на выявление аксиологического отношения к явлениям, обозначаемым этими словами. Для этой цели в анкету (источник описываемого материала) были введены задания: Завершите фразу *На то это и (...коррупция, демократ и т. п.), чтобы...; Какой он (...монархист, коррупционер...), если...*, которые, на взгляд составителей словаря, позволяют эксплицировать оценочные смыслы информанта. Данные словаря наглядно показывают вариативность аксиологических реакций относительно одного и того же понятия, содержащих как позитивные, так и негативные модусные смыслы. Различие смыслов политических терминов несет в себе высокий потенциал конфликтности.

Настоящая статья продолжает развитие этих идей и в русле интерпретационной лингвистики трактует конфликт как когнитивный диссонанс. Цель работы заключается в выявлении модусных смыслов, реализованных в интерпретирующих текстах как результате рецептивной деятельности адресата. Гипотезу исследования мы формулируем следующим образом: вариативность / конфликт модусных смыслов интерпретирующих текстов обусловлены фактором несовпадения дотекстовых ожиданий адресата.

Новизна данного исследования обусловлена теоретической разработкой модульцентрического подхода к описанию интерпретирующего текста, заключающе-

гося в выявлении оппозиций модусных высказываний. Новизна состоит также в установлении дотекстовых ожиданий как фактора, определяющего модусное значение высказывания. В работе рассматривается когнитивный план конфликта интерпретаций, который воплощается в диктумно-модусных проявлениях – речевых высказываниях адресатов.

Материал исследования и методика его анализа

Исследование выполнено на материале зафиксированных в интерпретирующих метатекстах эмоциональных оценок и мнений адресата о содержании опубликованных в СМИ новостных статей о событиях в регионе. Источником материала является «Словарь событийных концептов Кузбасса» [2022], подготовленный авторским коллективом научной школы «Социально-когнитивное функционирование языка» под руководством профессора Н. Д. Голева. Словарь, с одной стороны, отражает концепцию обыденного метаязыкового сознания, развиваемую этой научной школой, а с другой стороны, является словарем нового типа – *дискурсивного*, в котором, в отличие от лексикографической традиции, постулируется генетико-временная первичность дискурса по отношению к семантике слов [Голев, 2019].

В словаре единицей – стимулом для обсуждения – выступают метатексты, описывающие определенное событие в социальной или культурно-образовательной жизни Кузбасса. Указанные метатексты, обладающие потенциалом конфликта интерпретаций, обуславливают структуру словарной статьи, в которой реакции распределяются на позитивные и негативные. Словарь в целом и контент каждой словарной статьи в частности позволяет выявить «точки» социальной напряженности в Кузбассе.

Непосредственным материалом исследования является содержание двух словарных статей: 1) «В КемГУ начнут обучать медиков» (сфера образования) и 2) «В Кузбассе заработал Центр для жалоб и обращений жителей» (социальная сфера).

Исследование выполнено с применением **метода** лексико-семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Результаты исследования

Каждая словарная статья содержит интерпретирующие тексты адресатов, полученные в результате лингвистического интерпретационного эксперимента. Ответы участников распределились по шкале «+» и «-» в следующих соотношениях: «В КемГУ начнут обучать медиков» позитивные модусные реакции составили 75 %, негативные – 25 %. Коммуникативно-прагматический анализ речевых реакций, выражающих позитивные и негативные модусные смыслы, определяют противопоставленные на когнитивном уровне дотекстовые ожидания (пресуппозиции), которые получают реализацию на вербально-речевом уровне.

Позитивные реакции отражают следующие дотекстовые ожидания адресатов:

- «Хорошо: медики нужны в Кузбассе и в стране»: *медики всегда нужны; медики нужны стране, особенно сейчас; медицина сейчас нужна; подготовка кадров для Кузбасса должна положительно отразиться на системе здравоохранения хорошо, медиков сейчас мало это ещё один плюс для народа*¹ и др.;

¹ Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

- «Хорошо: открытие новых направлений способствует развитию вуза»: *позволит расширить профили нашего университета; теперь в КемГУ обучают всему; поистине опорный вуз; универ развивается; успех; это же круто! это же отличная идея; это классно, правда! КемГУ развивается и не стоит на месте, это ценно* и др.

Вариативность содержания позитивных оценок обусловлена различиями в дотекстовых ожиданиях адресатов: ожидания развития медицинской сферы в регионе и ожидания развития высшего образования, в частности Кемеровского государственного университета. Иначе говоря, различия внутренних когнитивных представлений получают реализацию в вариативности / конфликтности речевых воплощений.

При выражении негативных реакций адресаты исходят из следующих дотекстовых ожиданий:

- «Плохо: медиков следует обучать в специализированном медицинском институте»: *Для обучения медиков есть медуниверситет КемГМУ, он лучше подходит для этого обучения; есть же мед; и так есть медуниверситет; я считаю, что медики должны обучаться в специализированных медицинских учреждениях, которые полностью оснащены медицинским оборудованием, а также имеют высококвалифицированных специалистов* и др.;

- «Плохо: в КемГУ нет специалистов для подготовки медиков и специального оснащения»: *В КемГУ нет специалистов для этого. Зачем?; я считаю, это бред, медицина – это отдельная жизнь, страна, и не надо в университете эту солянку делать, мне кажется бред* и др.

Вариативность негативных оценок также сначала формируется на ментально-когнитивном уровне, а затем реализуется в речевых высказываниях, противопоставленных отношением адресатов к обсуждаемому событию: 1) В Кузбассе есть специализированный вуз по подготовке специалистов-медиков; 2) В КемГУ нет специалистов и соответствующей материальной базы.

Основываясь на базовых антиномиях: эмоции и логика, эмоциональное и рациональное, выявим парадигму эмоционально-оценочных и аргументативно-оценочных высказываний – речевых реакций при восприятии новостной информации.

Основанием для такого противопоставления является синтаксическая структура высказывания, тип предиката и тип лексических единиц (преобладание коннотативного или референциального компонента). Эмоционально-оценочные *высказывания*, как правило, отражают холистическое восприятие предмета оценки (по модели «от целого к частям») – позитивное или негативное. Позитивное: *замечательно; хорошо; успех; круто; это же круто! это же отличная идея; это классно, правда!; это ценно; это хорошо; надо; это ещё один плюс для народа; поистине опорный вуз; КемГУ – вуз мира; КемГУ развивается и не стоит на месте; универ развивается*. Лексико-семантический анализ языковых единиц, выражающих модусные значения, позволяет выявить, что позитивная оценка выражена преимущественно лексемами: *замечательно, круто, успех, ценно, положительно, надо, медики нужны, медицина нужна, плюс для народа, позволит расширить, расширение возможностей, КемГУ – лучший университет, КемГУ развивается*. Указанные лексемы различаются по степени выражения общей / частной оценки, т. е. характеризуются разной степенью преобладания коннотативного / референциального компонента в семантике слов: *круто – расширение*

возможностей – лучший университет – КемГУ лучший университет, КемГУ развивается.

Негативное: *я считаю, это бред; медицина – это отдельная жизнь, страна, и не надо эту солянку делать, мне кажется бред.* При выражении негативных модусных значений используются лексемы *бред, солянка, сквозь спущенные рукава*, которые преимущественно выражают общую негативную оценку события; семантика этих слов не содержит референциального компонента.

Аргументативно-оценочные высказывания, как правило, отражают элементаристское (по модели «от частей к целому») восприятие предмета оценки и его оценочный анализ, выражающий позитивную или негативную оценку. Позитивный: *в связи с ковид-19 люди меньше хотят работать в больницах, возможно, благодаря этому станет больше заинтересованных; подготовка кадров для Кузбасса должна положительно отразиться на системе здравоохранения; медики всегда должны обучаться в лучших университетах страны.* Негативный: *Для обучения медиков есть медуниверситет КемГМУ, он лучше подходит для этого обучения, в КемГУ нет специалистов для этого; Зачем? есть же мед; Я считаю, что медики должны обучаться в специализированных медицинских учреждениях, которые полностью оснащены медицинским оборудованием, а также имеют высококвалифицированных специалистов.* В подобных высказываниях адресат акцентирует важные, с его точки зрения, детали, аспекты, служащие аргументом, под воздействием которого новостной текст выражает позитивный или негативный модус. Синтаксическая организация подобных высказываний, как правило, представляет собой развернутое высказывание, организованное как сложное предложение, эксплицитно или имплицитно выражающее причинно-следственное значение.

Таким образом, интерпретируемое высказывание, содержащее информацию о предстоящем событии в регионе – открытии в КемГУ направления по подготовке медиков, – содержит пучок потенциальных диктумно-модусных смыслов, каждый из которых реализуется в процессе интерпретационной деятельности адресата. Актуализируемые адресатом означивающие согласуются / не согласуются / вступают в конфликт с его ценностной картиной мира и его дотекстовыми ожиданиями. Следствием этого являются актуализированные модусные смыслы – позитивные и негативные, – реализованные в интерпретирующих оценочных высказываниях адресата. Высказывания адресата образуют оппозиции:

- в зависимости от вида модального значения – позитивные / негативные;
- в зависимости от языковой организации – эмоционально-оценочные и аргументативно-оценочные;
- в зависимости от применяемой интерпретационной стратегии – холистические / элементаристские.

Выявленные оппозиции интерпретирующих оценочных высказываний, объектом которых является новостной текст из сферы образования в Кузбассе, являются универсальными, но, как мы полагаем, не исчерпывают все возможные виды. Так как перечень оппозиций обусловлен темой и содержанием новостного текста, то, по нашему предположению, обращение к текстам другой проблематики, позволит выявить, кроме универсальных, частные оппозиции. Для верификации этой гипотезы обратимся к интерпретирующим оценочным высказываниям новостного материала, относящегося к иной – социальной – сфере: «В Кузбассе заработал Центр для жалоб и обращений жителей».

Подобно результатам интерпретации ранее рассмотренного текста, ответы участников также представлены высказываниями, выражающими позитивные и негативные модусные смыслы в соотношении 70 и 30 % соответственно.

Позитивные реакции отражают следующие дотекстовые ожидания адресатов:

- «Хорошо: Правительство думает о людях и учитывает их мнение»: *государство начало думать о людях; Кузбасс думает о своих жителях и учитывает их мнение, что важно для нас; правительство прислушивается к народу; учитывать мнение жителей тоже важно; хорошо, когда выслушивают мнение горожан; надеюсь, что люди будут услышаны; надеюсь, это поможет решить проблемы; это хорошо, что заботится о населении;*

- «Хорошо: проблемы будут решаться»: *Город станет лучше; Надеюсь, что люди будут услышаны; Надеюсь, это поможет решить проблемы; Хорошо, людям проще решать свои проблемы; Может, власть будет больше обращать внимание на недостатки;*

- «Хорошо: появилась возможность пожаловаться»: *Будет куда жаловаться; Для населения большой плюс, главное, чтоб работал.*

При выражении негативных реакций адресаты исходят из следующих дотекстовых ожиданий:

- «Плохо: Работа Центра не улучшит жизнь граждан»: *Всё равно выполняться не будут; Все равно не поможет; Выполнять их никто не будет; Не все жалобы и обращения будут рассмотрены; Не уверена, что это будет полезно для кого-то; Но эта идея не принесет ничего хорошего, так как у нас могут собирать только жалобы, а улучшать жизнь у правительства нет никакого желания; Я не думаю, что данный центр как-то поможет улучшить жизнь граждан и хоть как-то помочь; Я с трудом верю в анонимность этого центра.*

Рассмотрение интерпретирующих текстов как речевых реакций при восприятии новостной информации позволяет также выявить эмоционально-оценочные и аргументативно-оценочные высказывания с явным преобладанием вторых. Иначе говоря, адресаты выражают не столько холистическое восприятие предмета оценки (*горжусь; отличное решение; считаю это отличным решением; давно уже пора; хорошо; это хорошо; это хорошая новость для людей*), сколько элементаристское восприятие предмета оценки и его оценочный анализ, выражающий позитивную или негативную оценку. Позитивный: *Кузбасс думает о своих жителях и учитывает их мнение, что важно для нас; государство начало думать о людях; хорошо, когда выслушивают мнение горожан; хорошо, людям проще решать свои проблемы; это хорошо, что заботится о населении.* Негативный: *Всё равно выполняться не будут; Не все жалобы и обращения будут рассмотрены; Не уверена, что это будет полезно для кого-то; Но эта идея не принесет ничего хорошего, так как у нас могут собирать только жалобы, а улучшать жизнь у правительства нет никакого желания; я не думаю, что данный центр как-то поможет улучшить жизнь граждан и хоть как-то помочь; я с трудом верю в анонимность этого центра.*

Интерпретируемое высказывание, содержащее информацию о событии в регионе – открытии в Кузбассе Центра для жалоб и обращений жителей, – также содержит пучок потенциальных диктумно-модусных смыслов, каждый из которых реализуется в процессе интерпретационной деятельности адресата. При этом оценочное суждение адресата обусловлено его дотекстовыми ожиданиями. Но, в отличие от рассмотренного ранее текста, здесь мы обнаруживаем более сложную систему оппозиций:

- в зависимости от вида модального значения – позитивные / негативные;
- в зависимости от языковой организации – эмоционально-оценочные и аргументативно-оценочные;
- в зависимости от применяемой интерпретационной стратегии – холистические / элементаристские;
- в зависимости от содержания – отражающие единство / противопоставленность власти и народа;
- в зависимости от выражения степени доверия решениям и действиям власти – суждения, выражающие доверие / недоверие.

Выводы

Текст представляет собой пучок потенциальных диктумно-модусных смыслов, которые реализуются в процессе интерпретационной деятельности адресата. Результатом этой деятельности является событие, преломленное через субъективную интерпретацию и реализованное в оценочных высказываниях. Событие, являясь релевантным для адресата в условиях конкретной коммуникативной ситуации, соответствует или не соответствует его дотекстовым ожиданиям, его картине мира. Следствием этого является множественность и вариативность значаемых, которые находятся в разной степени согласования / рассогласования / конфликта.

Вариативность / конфликт модусных смыслов интерпретирующих текстов обусловлены фактором несовпадения дотекстовых ожиданий адресата. Речевые реакции, выражающие позитивные и негативные модусные смыслы, определяют противопоставленные на когнитивном уровне дотекстовые ожидания (пресуппозиции).

Интерпретирующие высказывания, реализующие множественную вариативность модусных смыслов, в совокупности образуют систему оппозиций: в зависимости от вида модального значения – позитивные / негативные; в зависимости от языковой организации – эмоционально-оценочные / аргументативно-оценочные; в зависимости от применяемой интерпретационной стратегии – холистические / элементаристские; в зависимости от содержания – отражающие единство / противопоставленность власти и народа; в зависимости от выражения степени доверия решениям и действиям власти – суждения, выражающие доверие / недоверие.

Виды оппозиций и их количество определяются фактором интерпретируемого текста и фактором дотекстовых ожиданий адресата.

Теоретическая значимость представленного в статье подхода обусловлена реализацией модусоцентричного аспекта и типологии оценочных высказываний. Практическая значимость – в разработке методики анализа подобных речевых единиц.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М.: Права человека, 1997. 127 с.

Белов С. А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник СПбГУ. Право. 2022. Т. 13, № 4. С. 841–859.

Белошапкина В. А. Синтаксис // Современный русский язык: Учебник для студ. филол. спец. ун-тов / Под ред. В. А. Белошапкиной. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989. С. 532–771.

Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137. DOI 10.17223/22274200/16/7

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 27 (165). С. 12–20.

Голев Н. Д., Григорьева О. С. О дискурсообразующей роли модуса в коммуникативном процессе (на материале преобразований научного текста в учебный) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 71–90. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-71-90

Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 9–31.

Демьянков В. З. Интерпретирующая лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40–46.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (теоретико-экспериментальное исследование): Автореф дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 50 с.

Ким Л. Г. Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона в специальной юридической литературе и в обыденном сознании носителей языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 298–311. DOI 10.17223/18137083/79/21

Климик В. А. Лингвокреативная орфография и фактор адресата // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 104–118.

Колосова Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Научные доклады высшей школы. 1979. № 2. С. 47–53.

Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.

Кративкина О. А. О роли фактора адресата в судебной коммуникации // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 448. С. 59–64.

Куницына О. М. Активная роль адресата при восприятии поликодового текста // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2021. № 7. С. 98–106.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 150–390.

Мишланов В. А., Крижановская Е. М., Кузнецова Ю. М. К интерпретации имплицитного модуса: семиотические маркеры речевых интенций в текстах сетевой коммуникации // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 366–378.

Осетрова Е. В., Сквородкина У. В. Спойлер: содержание речевого жанра и его детализация с учетом факторов «автора» и «адресата» // VERBA. Сев.-Зап. лингв. журн. 2022. № 2 (4). С. 37–47.

Ракова И. В. Реципиент в исповедальном дискурсе: роль и место адресата в литературной исповеди второй половины XIX века // Научный потенциал. 2022. № 4. С. 15–23.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проспект, 2008. 695 с.

Словарь обыденных толкований политических терминов. Лексикографический опыт: 50 слов-стимулов / Под общ. ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2019. 142 с.

Словарь событийных концептов Кузбасса (2012–2022 гг.): Справочное издание / Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Иркова [и др.]; под общ. ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Фирма ПОЛИГРАФ, 2022. 157 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во КГУ, 1994.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

References

Arutyunova N. D. Faktor adresata [The addressee factor]. *The Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Bazylev V. N., Bel'chikov Yu. A., Leont'ev A. A., Sorokin Yu. A. *Ponyatie chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii* [The concept of honor and dignity, insult and abnormality in texts of law and mass media]. Moscow, Prava cheloveka, 1997, 127 p.

Beloshapkova V. A. Sintaksis [Syntax]. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnik dlya stud. filol. spets. un-tov* [Modern Russian language: Textbook for university students of philological specialties]. V. A. Beloshapkova (Ed.). 2nd ed. Moscow, Vyssh. shk., 1989, pp. 532–771.

Belov C. A. Parametry pravovoy kommunikatsii: adresaty pravovykh aktov [Parameters of legal communication: addressees of legal acts]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2022, vol. 13, no. 4, pp. 841–859.

Delez Zh., Gvattari F. Rizoma [Rhizome]. In: *Filosofiya epokhi postmoderna* [Philosophy of the Postmodern Era]. Minsk, 1996, pp. 9–31.

Dem'yankov V. Z. Interpretiruyushchaya lingvistika [Interpretive linguistics]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 682 p.

Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*. 1994, no. 4, pp. 17–33.

Эко У. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text]. S. D. Serebryany (Transl. from English and Italian). St. Petersburg, Simpozium, 2007, 502 p.

Golev N. D. Diskursivnyy slovar' dialektnoy leksiki noveyshego vremeni (na materialakh Runeta): innovatsionnyy leksikograficheskiy proekt [Discursive dictionary

of dialect lexicon of the newest time (on the materials of Runet): an innovative lexicographic project]. *Russian Journal of Lexicography*. 2019, no. 16, pp. 113–137. DOI 10.17223/22274200/16/7

Golev N. D., Grigor'eva O. S. O diskursoobrazuyushchey roli modusa v kommunikativnom protsesse (na materiale preobrazovaniy nauchnogo teksta v uchebnyy) [On the discourse-forming role of modus in the communicative process (a case study of transformations of a scientific text into an educational one)]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 71–90. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-71-90

Golev N. D., Kim L. G. Ob otnosheniyakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma [On the relationship between the addresser, the author and the text in the paradigm of linguistic interpretationism]. *Siberian Journal of Philology*. 2008, no. 1, pp. 144–153.

Golev N. D., Kim L. G. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variation-interpretation functioning of the text (to the question of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009, no. 27 (165), pp. 12–20.

Karadzhev B. I. Faktor adresanta i adresata v diskurse SMI [The factor of the addressee and addressee in the discourse of mass media]. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2014, no. 3, pp. 40–46.

Kim L. G. Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory variativnosti interpretatsiy teksta zakona v spetsial'noy yuridicheskoy literature i v obydenom soznanii nositeley yazyka [Objective and subjective factors of variation in the interpretation of the text of the law in special legal literature and in the ordinary consciousness of native speakers]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 2, pp. 298–311. DOI 10.17223/18137083/79/21

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie)* [Variation-interpretation functioning of the text (theoretical and experimental study)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Kemerovo, 2010, 50 p.

Klimik V. A. Lingvokreativnaya orfografiya i faktor adresata [Linguocreative orthography and the addressee factor]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020, no. 11, pp. 104–118.

Kolosova T. A. O diktume i moduse v slozhnom predlozhenii [About dictum and modus in a complex sentence]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 1979, no. 2, pp. 47–53.

Kopytov O. N. *Modus na prostranstve teksta* [Modus on the text space]. Khabarovsk, KhSIC, 2012, 299 p.

Krapivkina O. A. O roli faktora adresata v sudebnoy kommunikatsii [On the role of the addressee factor in judicial communication]. *Tomsk State University Journal*. 2019, no. 448, pp. 59–64.

Kunitsyna O. M. Aktivnaya rol' adresata pri vospriyatii polikodovogo teksta [The active role of the addressee in the perception of a polycoded text]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021, no. 7, pp. 98–106.

Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the thinking worlds]. In: Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2004, pp. 150–390.

Mishlanov V. A., Krizhanovskaya E. M., Kuznetsova Yu. M. K interpretatsii implitsitnogo modusa: semioticheskie markery rechevykh intentsiy v tekstakh setevoy kommunikatsii [To the interpretation of implicit modus: semiotic markers of speech intents in texts of network communication]. *Media Linguistics*. 2021, no. 8 (4), pp. 366–378.

Osetrova E. V., Skovorodkina U. V. Spoiler: sodержanie rechevogo zhanra i ego detalizatsiya s uchetom faktorov “avtora” i “adresata” [Spoiler: the content of speech genre and its detailing taking into account the factors of “author” and “addressee”]. *Verba. Northwest Linguistic Journal*. 2022, no. 2 (4), pp. 37–47.

Rakova I. V. Retsipient v ispovedal'nom diskurse: rol'i mesto adresata v literaturnoy ispovedi vtoroy poloviny 19 veka [The recipient in confessional discourse: the role and place of the addressee in the literary confession of the second half of the 20th century]. *Scientific potential*. 2022, no. 4, pp. 15–23.

Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o hermenevtike* [The conflict of interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, Akademicheskii prospekt, 2008, 695 p.

Shmeleva T. V. *Semanticheskij sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa “Sovremennyy russkiy yazyk”* [Semantic syntax: Text of lectures from the course “Modern Russian language”]. Krasnoyarsk, KSU, 1994. *Slovar' obydennykh tolkovaniy politicheskikh terminov. Leksikograficheskiy opyt: 50 slov-stimulov* [Dictionary of everyday interpretations of political terms. Lexicographic experience: 50 words-stimuli]. N. D. Golev (Ed.). Kemerovo, KemSU, 2019, 142 p.

Slovar' sobytiynykh kontseptov Kuzbassa (2012–2022 gg.): Spravochnoe izdanie [Dictionary of event concepts of Kuzbass (2012–2022): Reference edition]. N. D. Golev, Ya. A. Dudareva, A. V. Irkova, et. al., N. D. Golev (Ed.). Kemerovo, Firma POLI-GRAF, 2022, 157 p.

Информация об авторе

Лидия Густовна Ким, доктор филологических наук, директор института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Information about the author

Lidia G. Kim, Doctor of Philology, Director of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Head of the Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 03.04.2023
The article was submitted on 31.01.2023;
approved after reviewing on 03.04.2023; accepted for publication on 03.04.2023*

Рецензия

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/24

**Многоаспектность как принцип описания
изъяснительного предложения в русском языке**

Рецензия на книгу:

**Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное
предложение в дискурсивном пространстве.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.**

Игорь Ефимович Ким

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Аннотация

Рассматривается монография, посвященная одному из ключевых феноменов русского синтаксиса – изъяснительному предложению. Анализу подвергается научный подход Т. И. Стексовой и Т. В. Шмелевой, определяющих изъяснительное предложение как смысловой, а не конструктивный тип и помещающих его в пространство разных дискурсов. В рецензируемой монографии приведено значительное по количеству и в некоторых случаях очень обстоятельное описание лексических единиц и целостных сочетаний слов, используемых в качестве опорных в модусной части изъяснительного предложения. Автор видит научное значение рецензируемой монографии в том, что она обобщает опыт описания изъяснительного предложения в русистике XX в. и отражает современный этап понимания этого типа синтаксических единиц.

Ключевые слова

изъяснительное предложение, смысловой тип предложения, дискурс, фразама

Для цитирования

Ким И. Е. Многоаспектность как принцип описания изъяснительного предложения в русском языке. Рецензия на книгу: Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с. // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 338–341. DOI 10.17223/18137083/84/24

© Ким И. Е., рец., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 338–341

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 338–341

Multidimensionality as a principle of describing the explanatory sentence in Russian language

Book review:

**Steksova T. I., Shmeleva T. V. Russian explanatory sentence
in discursive space. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2022, 288 p.**

Igor E. Kim

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kimkim27601@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Abstract

The monograph under review considers an explanatory sentence as one of the most significant phenomena of Russian syntax. This review analyzes the scientific approach of T. I. Steksova and T. V. Shmeleva. They define an explanatory sentence as a semantic rather than a constructive type of sentence and place it in the space of various discourses. The monograph provides an extensive and, in some cases, detailed description of words and integral lexical combinations used as a basic lexical component in the modus part of an explanatory sentence. Notice should be made of the original concept and elaborate characterization of the different types of explanatory sentences. The scientific significance of the reviewed monograph is that it summarizes the experience of describing the expletive sentence in syntactic studies of the twentieth century. In addition, the work reflects the modern stage of understanding the mentioned type of syntactic units, comprehending it in the coordinates of syntactic and lexical semantics, the constructive potential of Russian syntax, and its functioning in different types of discourse.

Keywords

explanatory sentence, semantic type of sentence, discourse, phraseme

For citation

Kim I. E. Multidimensionality as a principle of describing the explanatory sentence in Russian language. Book review: Steksova T. I., Shmeleva T. V. Russian explanatory sentence in discursive space. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2022, 288 p. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 338–341. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/24

В настоящее время традиционная синтаксическая проблематика не так популярна, как в 60–80-е гг. прошлого века. Тем приятнее появление большой обстоятельной исследовательской работы, посвященной одному из интереснейших объектов структурно-семантического синтаксиса – изъяснительному предложению (далее – ИП).

Данная монография относится к явлению, нередкому в литературе, в том числе и в научной, но всё равно плохо объяснимому с позиций понимания природы словесного творчества. Это книга двух авторов, не один раз или много лет работавших друг с другом. Из подобного рода значительных работ соавторов-единомышленников в синтаксисе можно вспомнить исследование императива В. С. Храковского и А. П. Володина [1986], монографию М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [1987], посвященную широкой проблематике сложного предложения. Монография такого рода отличается от работ одного автора, который свободен в развитии мысли и в форме изложения, но она также отличается

и от коллективной монографии, в которой разные разделы написаны разными авторами, как бы проживающими в коммунальной квартире под одним названием-адресом и объединенными ее пространством, инфраструктурой и позицией в номенклатуре объектов.

Концепция изъяснительного предложения, формулируемая авторами (глава 2), существенно отличается от принятой в современном русском синтаксисе. В состав ИП они включают, помимо сложноподчиненного предложения с союзной и местоименной связью, бессоюзного сложного предложения и простого предложения с делиберативом-темой, также другие конструкции с пропозитивным актантом, сверхфразовые единства и даже свободный делибератив. Такое широкое понимание изъяснительности и ИП позволило авторам трактовать последнее как смысловой тип предложения. Это же предопределило и способ представления структуры ИП: «модус» – «делибератив» – «техника связи».

Несомненным достоинством работы является соединение традиционной проблематики ИП с новым для нее дискурсивным подходом (глава 3). Смысл этого соединения заключается в том, что ИП, изучаемое обычно как самодостаточное языковое явление, в третьей главе монографии погружается в более широкую реальность текстов, их жанров и дискурса как социально-коммуникативной разновидности текстов (здесь я намеренно упрощаю понимание дискурса). Таким образом, авторам удается показать функции ИП в тексте, различия в их употреблении в разных сферах общения (дискурсах).

Важным моментом, определившим степень изощренности «техники изъяснительности», попавшей в поле зрения авторов, является выбор основных дискурсов для описания. Авторы остановились на научном и медийном дискурсе (с. 5, 9 и др.), хотя чемпионом по разнообразию способов соединения модуса и диктума является, несомненно, художественный дискурс с его разнообразием имплицитности модуса: несобственно-прямой речью, свободным косвенным дискурсом, обилием точек зрения и потенциально заложенным в нарративный и поэтический текст диалогом в бахтинском его понимании. Конечно, этой проблематике посвящено уже много исследований в поэтико-литературоведческой традиции, а также в поэтическом и нарративном синтаксисе. Но, взяв за основу функционирование изъяснительной конструкции в этом типе дискурса, авторы имели бы очевидно более богатую текстовую среду, позволяющую увидеть большее конструктивное, коммуникативное и функциональное разнообразие. Тем не менее представленный рецензируемой монографией опыт столкновения «структурно-семантического» подхода 70-х гг. XX в. и современного дискурс-ориентированного подхода очень плодотворен.

Несмотря на преимущественный синтаксический и дискурсивный характер монографии, в ней приведено значительное по количеству и в некоторых случаях чрезвычайно обстоятельное описание лексических единиц и «фразем», используемых в качестве «опорного» слова в модусной части ИП. Так, заслуживает внимания подробное и систематичное описание истории и современного модусного функционирования лексемы *факт* (с. 113–124). Хорошим дополнением к этой стороне исследования является детальный лексический указатель модусных предикатов (с. 282–287).

Таким образом, научное значение рецензируемой монографии, помимо предложенной в ней оригинальной концепции изъяснительного предложения, заключается в том, что она обобщает опыт описания ИП в русистике XX в. и отражает современный этап понимания этого типа синтаксических единиц, осмысляя его

в координатах синтаксической и предикатной лексической семантики, конструктивного потенциала русского синтаксиса и функционирования в разных типах дискурса.

Список литературы

Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Русское изъяснительное предложение в дискурсивном пространстве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 288 с.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

References

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 197 p.

Khrakovsky V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad, Nauka, 1986, 272 p.

Steksova T. I., Shmeleva T. V. *Russkoye iz'yasnitel'noye predlozheniye v diskursivnom prostranstve* [Russian explanatory sentence in discursive space]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2022, 288 p.

Информация об авторе

Игорь Ефимович Ким, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID S-1351-2016

Information about the author

Igor E. Kim, Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor, Senior Researcher at the Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID S-1351-2016

*Статья поступила в редакцию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 22.05.2023
The article was submitted on 11.05.2023;
approved after reviewing on 22.05.2023; accepted for publication on 22.05.2023*